

A vibrant, cyberpunk-style illustration of a city street at night. The scene is dominated by deep blues and purples, with warm orange and red lights from buildings and street lamps. A lone figure in a dark coat and hooded jacket stands in the center of the street, looking towards a bright light source in the distance. The architecture is dense and futuristic, with many windows and balconies. The overall atmosphere is mysterious and futuristic.

**Медь и компания.
Сборник
ВОЗМУТИТЕЛЬНЫХ
рассказов**

Медь Анна

Анна Медь
Медь и компания. Сборник
возмутительных рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69748396

SelfPub; 2024

Аннотация

Сборник возмутительных рассказов о семейных отношениях,
о любви, терпении и прощении

Содержание

Свекровь	6
Скандалистка	14
Жестокий муж	24
Бабушка с матом	34
Чудовище за окном	42
Жадный муж	50
Возмутительное предложение	60
Лживая родственница	71
Странная история	81
Наглая свекровь	89
Мужик или не мужик	99
Это ты виновата	109
Любимая мама	126
Забота	136
Сама виновата	146
Мы есть хотим, мама	157
Это не мой ребенок	167
Перепишите на меня квартиру	192
Чудик	202
Зачем вы это сделали	219
Верность покойнику	228
Я тебя уничтожу	237
Не строй из себя святую	247

Неблагодарная	257
Бессердечная	267
Лена может ночевать у нас	277
Не прячьте от меня сына	286
Три складки на животе	296
Известная блогерша	307
Кружевные веревочки	316
Стоит уволиться	329
Какая я тебе мама	340
Моя милость	352
Не рожала бы	362
Нагуляла	372
Ешь чужой хлеб	382
Не буду прислуживать	393
Дом	406
Поклеп	420
Ваш муж	433
Сапоги	446
Жирные бока	461
Отчим	475
Вторая жена	488
Соседка	501
Бред	514
Вранье	524
Пенсия	536
Соревнование	551

Устами младенца	563
Меркантильная особа	573
Заботливая жена	585
Соседи	597
Мошенницы	607

Анна Медь

Медь и компания. Сборник возмутительных рассказов

Свекровь

Свекровь

Скрепя сердце Вера вышла из машины и натянула улыбку. Дети побежали к бабушке, которая показалась в воротах старого деревянного дома. Свекровь поцеловала каждую внучку, обняла и пригласила в дом. Веру она будто бы не замечала. Вера постояла рядом с такси, и увидев удаляющуюся широкую спину, пошла к дому, не дожидаясь приглашения.

«Хочешь не хочешь, разговаривать всё равно придется, раз приехала» – скрипела она зубами и жалела, что поддавалась уговорам детей, для которых путешествие к бабе Гале всегда являлось приключением – и куры, и поросята, и козочки. Все городским детям было интересно.

Дождавшись, пока дети переобуются в узком коридоре, свекровь сразу пригласила их за стол. Дети с удовольствием, как воробьи, забрались на табуретки, даже руки не помыли после дороги.

Девочки вздохнули и поплелись к умывальнику, в кото-

ром всегда была только холодная вода.— Руки-то?— прикрикнула Вера.

Свекровь тем временем щедро наливала свой фирменный суп каждой в тарелку, то, что было всего 11 часов утра, ее не смущало, да и девочек тоже. Вера тоже любила ее суп, но не могла себя перебороть, хотя ее аж тошнило от голода. Галина Петровна же не торопилась приглашать невестку к столу, все ждала, что та первой заговорит. Но та упорно молчала.

— Детей накормлю, а ты на вокзале поешь, — пробурчала вдруг себе под нос свекровь, наливая суп. Девочки посмотрели на маму, но та ничего не ответила, и сделала вид, что ничего не слышала.

После супов последовала тушеная картошка с курицей, салат, а потом свой яблочный сок. Собственно из-за него-то и вышел конфликт между невесткой и свекровью, из-за которого они почти не разговаривали уже несколько лет.

Наконец, дети поели и побежали в большую комнату ловить кота, который только пришел с улицы и ошалело смотрел на шумных гостей. Глаза его были похожи на Верины, такие же голодные и упрямые, с четким убеждением выстоять, во что бы то ни стало, но не прогнуться даже ради миски с едой.

Вера постояла в углу и двинулась за детьми в комнату, не поднимая глаз на свекровь. Та приняла ее правила игры, и молча мыла посуду в алюминиевом тазу.

– Послал же бог невестку... – раздалось сзади, – ладно уж, садись накормлю...

Ноздри у Веры раздулись, глаза прищурились.

– Спасибо, не надо, – выдавила она из себя. После такого приглашения к столу ни у кого кусок бы в горло не полез.

– Не больно-то и хотелось, – побагровела свекровь, обижаясь и на себя, что первой заговорила, и на невестку, что та не оценила.

Посуда в алюминиевом тазу звонко брякнула.

Кота поймать никак не удавалось, тот отчаянно метался по комнате, и, казалось, готовился к худшему. Вера уселась на кресло, которой стояло поодаль, в самом углу комнаты, и, подперев щеку ладошкой, наблюдала за агонией кота и весельем детей.

Чрез минуту в комнату вошла свекровь и цыкнула на детей, чтобы те оставили кота в покое. Девочки притихли и сели на диван сложа руки. Кот победно проскочил мимо них на кухню.

– Ну как дела-то? – задала свой любимый вопрос баба Галя младшей пятилетней внучке.

– Нормально, – заулыбалась та и затараторила, рассказывая о детском саде, утренниках, подарках и так далее.

– А у тебя? – кивнула баба Галя старшей десятилетней внучке.

Та посмотрела на нее серьёзным взглядом и пожала пле-

чами.

– Все окей, – кратко ответила она и замолкла.

– Вот правильно батяка твой говорит, что Юлечку сестру твою младшенькую больше, чем тебя любит. А тебя меньше любит, потому что она милашка. Вопрос задала бабушка, Юлечка улыбнулась и ответила. А ты сидишь как бука, косишься на бабушку.

Лиза удивленно смотрела на бабушку, пытаясь переварить услышанное. Как это «папа сказал, что сестру любит больше, чем меня?»

Бледная Вера вскочила с кресла, задохнувшись от возмущения.

– Вы, вы, вы в своем уме? – наконец, выдавила она с круглыми глазами.

– А кто тут заговорил?! Скажите, пожалуйста. – Тут же подхватила свекровь, будто только и ждала этого.

– Лиза, папа не мог такого сказать, бабушка пошутила, – попыталась она вывести из ступора старшую дочь.

– Я что же, вру по-твоему? – свекровь поставила руки в бока и нахмурилась, – никогда я не врала, как есть, так и говорю.

– Галина Петровна, вы совсем уже? – на глазах у Веры блеснули слезы от потерянного вида старшей дочки. Та сидела на кровати, глядя сквозь кота, которого все-таки поймала Юля, и теперь пыталась погладить его по животу.

Кот встретился взглядом с Лизой и с сочувствием мурк-

нул ей.

– Смотри, смотри, котик разговаривает, – захлопала в ладоши и прыгнула посреди комнаты Юля так, что половица, шкаф на ней и хрусталь синхронно издали каждый свой звук.

– Эй, эй, – крикнула на девочку баба Галя, – вы мне всю избу тут снесете. Сядь сиди спокойно, – показала она рукой Юле на диван.

Задыхаясь от гнева, Вера выскочила на кухню, схватила чашку с соком, залпом выпила и выскочила в коридор.

– Девочки, мы уходим, – крикнула она как можно громче, сама не зная зачем.

изображения взяты с сайтов freepik.com, pixabay.com, canva.com

– Мам, ну мы же только пришли, – вывернула нижнюю губу младшая, продолжая начесывать пузо коту, который уже был не против.– еще даже курочек не смотрели и поросят...

– Бабушка устала, ей отдохнуть надо, в другой раз посмеотрите, – Вера взглянула на белую как мел старшую дочь и поняла, что если сейчас не выведет ее от отсюда, то девочка либо потеряет сознание, либо...запомнит на всю жизнь и никогда не простит отца.

– Я ж говорю, дурная, – мотнула головой свекровь и повернулась спиной ко всем троим.

– Что сидишь? Одевайся. – Вера дернула старшую дочь за руку.

Та покорно нацепила джинсовую куртку, кроссовки и вышла вслед за матерью.

Не понимая, что случилось, младшая сделала брови домиком и провожала взглядом кота, который освободившись, снова шел на кухню.

Свежий воздух придал женщине трезвость мыслей.

– Лиза, я давно хотела тебе сказать, но не говорила, чтобы не расстраивать... – начала Вера.

Дочка молча подняла на нее глаза.

– Дело в том, что ваша бабушка давно больна. У старых людей такое бывает. Иногда они придумывают какие-то вещи, а потом сами верят в них. – Вера старалась быть убедительной, потому что старшая дочь была серьезным и разумным ребенком.

– Вот и сегодня она сморозила какую-то ерунду про папу. Ты же знаешь, что папа не мог такого сказать. Знаешь? – Вера притормозила и заглянула дочери в глаза. Девочка явно оживилась и закивала.

– Да, да, бабушка странная стала, и кричит все время. Давай больше не поедем к ней? – дочь насупилась.

«Ну вот и доболталась старушка, что ребенка против себя сама же и настроила», – подумала Вера, и тут же вспомнила ту самую трехлитровую банку сока, которую она отказалась брать с собой и везти ее 100 км в маршрутном такси с трехлетней Юлей на руках.

Свекровь тогда психанула, что Юля отказывается, и раз-

била банку прямо на улице, в знак того, что раз невестка ее подарками брезгует, то и ей этот сок не нужен. Не для себя его, мол, в соковарке гоняла. А невестка не ценит.

Вера объясняла тогда, извинялась, что с ребенком на руках ей эту банку просто не довести, но свекровь сама для себя причину придумала и сама в нее поверила.

А потом еще и сыну наврала, что это Вера банку разбила, чтобы с собой не брать. Мол, брезгует. Сын тогда на Веру очень громко кричал, а когда Лиза подтвердила, что бабушка сама банку разбила, орал еще и за то, что Вера детей учит врать. После того случая Вера и подала на развод. Причин и без этой банки было много, просто банка стала последней каплей.

На вокзале дети снова повеселели к радости Веры, которая уже успела рассказать им небылицы про бабушкину деменцию. Иначе объяснить детям поведение свекрови не представлялось возможным, хоть Вера и напридумывала.

На всякий случай дома Вера решила поведать бывшему мужу, что его маман придумала, пока та не опередила ее и не наврала как обычно.

Но бывший удивил так удивил.

– Представляешь, – начала она в телефонную трубку, – твоя мама сказала сегодня Лизе, что ты Юлю любишь больше, чем ее?! Ну это нормально? – Вера приготовилась услышать возмущенный голос, но услышала совсем другое.

– И что? – голос прозвучал глухо и равнодушно.

– Что значит «и что»? – Вера нервно почесала висок.

– Ну, люблю больше Юльку и что?! – вспыхнул бывший муж и Вера открыла рот от удивления.

– Погоди... Ты что, правда, маме своей такое сказал? Она не придумала? – ком обиды за старшую дочь застрял у Веры в горле.

– Ну, сказал... – протянул муж в телефон, – и что?

– Да ни что?! – Вера бросила трубку.

Она нервно кусала губы. Что она могла еще сделать, чтобы оградить своих детей от ненормальных родственников? Развестись – развелась. Оставалось только сменить детям номер телефона, чтобы они от свекрови не услышали еще что-нибудь в таком духе. Но ведь отец к ним приходит, новый номер узнает всё равно, и мамаше скажет своей. Или уехать из города вообще? Алименты через приставов получать...

Вера не знала пока, как она поступит, но одно знала точно, ноги ни ее ни детей в доме свекрови больше не будет. И хорошо, что та тогда разбила эту чертову банку с соком, показав свое настоящее лицо.

автор рассказа Анна Медь

Скандалистка

Скандалистка

Свекровь Евгении, Татьяна Эдуардовна, всю жизнь работала учителем русского языка и литературы. Профессия наложила отпечаток на характер: женщина была дотошной, педантичной и даже деспотичной. Она требовала полного повиновения, «строила» не только взрослых сыновей, но и их жен.

От Татьяны Эдуардовны стонали соседи и администрация: по любому поводу старушка ходила жаловаться. Женя вместе с мужем Станиславом жили ближе всех, поэтому им и доставалось больше. Выйдя на пенсию, Татьяна Эдуардовна внезапно поняла, что ей абсолютно нечем заняться.

Первое время женщина репетиторствовала, но ученики, «по сарафанному радио» передавая друг другу информацию о преподавателе, постепенно отсеялись. Бывшего учителя никто не выдерживал.

Татьяна Эдуардовна окончательно осела дома и взывала от тоски. Пенсия у нее была небольшая, но дети хорошо помогали материально. Станислав работал дальнобойщиком, из рейса привозил абсолютно все, от продуктов до мебели и техники.

Его старший брат Анатолий работал на заводе главным

инженером по технике безопасности, имел связи в нужных кругах, получал большую зарплату. Он отвечал за мелкий и крупный ремонт маминой квартиры. Невестки Женя и Аня по очереди ходили к свекрови делать уборку.

Внуки навещать бабушку не любили. Вместо того чтобы как-то развлечь детвору, Татьяна Эдуардовна рассаживала их в зале и начинала гонять по школьной программе. Дети Станислава и Анатолия, однажды три дня подряд пробыв у бабушки, устроили бойкот. Родителям пришлось дать слово, что они больше никогда так надолго не оставят их у родственницы.

Сообразив, что никто вокруг нее плясать не будет, Татьяна Эдуардовна стала методично донимать сыновей дачей. Женщина настаивала на покупке небольшого летнего домика, можно без ремонта, с землей под огород. Станислав, посоветовавшись с семьей, а затем – со старшим братом, взялся за поиски «летней резиденции».

Ни один предложенный вариант мать не устроил. Если сначала она говорила, что ей достаточно будет стола и кровати в доме, то теперь настаивала на дополнительных удобствах в виде телевизора, душа и отопления. Стас объяснил матери, что такую покупку он не потянет: элементарно ни у него, ни у брата нет столько денег.

Татьяна Эдуардовна обиделась. Неужели она, в одиночку вырастившая и выучившая двоих сыновей, не заслужила крохотного домика на берегу реки? Станислав прекрасно

знал, что спорить с матерью бесполезно. Он попросил жену поговорить с ней: мол, женщина женщину всегда поймет.

Евгения уговаривала свекровь три месяца, подключилась и Анна. Вместе невестки упросили Татьяну Эдуардовну продать городскую квартиру, безвозмездно взять недостающую сумму у Анатолия и Станислава и наконец купить себе хороший дом в соседней деревне с газовым отоплением, водой и всеми удобствами. Коммунальные расходы сыновья были готовы взять на себя.

Татьяна Эдуардовна выбрала самый дорогой дом с деревянной беседкой, баней, фруктовым садом, в двадцати метрах от реки. Братьям пришлось залезть в кредиты, чтобы обустроить жилище так, как хотелось их матери. Переезд занял три года. Летом Татьяна Эдуардовна наконец-то вселилась в новый дом и временно отстала от сыновей.

Дети мать не бросали. Несмотря на преклонный возраст, Татьяна Эдуардовна сама ходила в магазин, получала пенсию и составляла план расходов на месяц. Видимо, из-за возраста к педантичности добавилась и жадность.

Пенсионерка стала экономить на продуктах. По деревне о ней поползла дурная слава: не имея живности (кроме старого кота) и хозяйства, Татьяна Эдуардовна забирала у соседей подпортившиеся овощи, фрукты, помои. Что она с ними делала, никому не известно

Весь урожай, выращенный в огороде, продавала людям, снимающим дачи на лето. Себе не оставляла ничего, пере-

стала делать заготовки. Любую свободную копейку откладывала в «гробовую» шкатулку.

Когда Станиславу и Анатолию стали звонить соседи Татьяны Эдуардовны с рассказами о чудачествах матери, братья забеспокоились. Младший в перерывах между рейсами решил съездить в деревню, поговорить с матерью.

Татьяна Эдуардовна встретила его в старом, в нескольких местах залатанном халате. Холодильник был пуст. Смеркалось. Станислав хотел было включить свет, но мать ему запретила.

– Мам, ты чего? Что происходит?

– Ничего не происходит. Я экономлю.

– Экономим? На чем? На себе?

– Знаешь, какие счета за электроэнергию приходят каждый месяц? Это же тебе лишние траты! Я перестала смотреть телевизор. Включаю его только на полтора часа в день, когда любимый сериал смотрю.

– Мама, где продукты? Мы же тебе неделю назад несколько сумок привезли! Там и мед, и полуфабрикаты, клубника, черника! Ты холодильник отключила, что ли? Продукты пропали?

– Нет, я их соседям продала. В наш магазин такого не привозят, ездить в город не у каждого есть возможность!

– Мам, ну зачем? Мы же сами платим коммуналку, тебе деньги даем, продукты привозим! Зачем ты экономим? Чего тебе не хватает?

– Всего мне хватает. Просто для меня одной того, что вы привозите, много. Остатки я продаю людям, добро делаю. Они мне – денежку, я им – вкусы.

По возвращении в город Станислав встретился с Анатолием. Младший брат рассказал старшему об изменениях, произошедших с их мамой. Анна, работающая терапевтом, проконсультировалась с психиатром.

Специалист сказал, что, вероятнее всего, у женщины начинаются возрастные изменения. За ней стоит усилить контроль. Братья теперь по очереди стали ездить к маме. В быту Татьяна Эдуардовна была абсолютно адекватной: она не забывала выключить конфорку под кастрюлей, не разжигала огонь зря, помнила об элементарных правилах пользования электричеством. Пока разговор о переезде к одному из братьев было решено отложить.

За две недели до окончания летних каникул Жене потребовалось срочно уехать из города. Анна за детьми деверя и невестки присмотреть не могла: работала допоздна. Станислав с рейса задерживался на три дня.

Вариант с поиском няни отменили сразу: у семьи не было на это лишних средств. Каждую свободную копейку они отправляли Татьяне Эдуардовне. Женя решила обратиться за помощью к свекрови.

– Татьяна Эдуардовна, здравствуйте. Как ваши дела, здоровье?

– Здравствуй, Женечка. Все хорошо. Что-то давно вы ко

мне не навевались.

– Извините, Татьяна Эдуардовна, столько проблем сейчас. Мы обязательно вас навестим. Хотела попросить вас об одном небольшом одолжении. Можно я привезу к вам детей? Мне по работе нужно срочно уехать из города, оставить ребятшек не с кем.

– Да, конечно, привози. Я как раз посмотрю, как они подготовились к школе. Я из города уехала, небось внуки уже с ошибками писать начали.

Дети предложение на время съездить к бабушке отменили сразу. До школы оставалось меньше двух недель. Они не хотели портить впечатление о летнем отдыхе.

Жене пришлось пригрозить: если они не согласятся добровольно, то лишатся до Нового года интернета, ноутбука и игровой приставки. Спорить с матерью было бесполезно. Дети были вынуждены согласиться.

Зная характер свекрови, Женя заранее съездила в магазин и закупила продуктов. Брала все подряд: гречку, рис, макароны, овсянку, несколько упаковок молока, куриную грудку и бедра, конфеты, печенье, чай, разнообразные консервы, пряности и специи, какао. Не забыла и о бытовой химии.

В подарок свекрови купила уютную фланелевую пижаму. По приезду Женя сунула в руки Татьяне Эдуардовне две купюры по 5000 рублей на случай, если дети захотят мороженого, газировки. Уезжала Женя в хорошем настроении, поведение свекрови никакого беспокойства у нее не вызвало.

В командировку женщина добиралась на поезде. Ехать нужно было почти сутки. Звонок старшей дочери застал ее еще в дороге. Ребенок, судя по голосу, был напуган. Разговаривал почти шепотом.

– Мам, ты когда приедешь?

– Да я только вчера вечером уехала. Что случилось?

– Мы есть хотим!

– Как это – хотите есть? Вас бабушка что, не кормит?

– Нет, мам. На ужин она нам дала по одной вареной картошке и хлеб. Сегодня на завтрак было вонючее комковатое молоко с хлебом. Продукты, которые ты купила, она от нас куда-то спрятала. Сказала, что мы все равно половину попортим, надкусим и не съедим.

Женя похолодела от ужаса. Получается, дети двенадцать часов сидят у бабушки голодные?! Стала звонить мужу, но телефон был вне зоны действия сети. Она оставила Станиславу сообщение на автоответчик. Решила позвонить свекрови.

– Татьяна Эдуардовна, здравствуйте. Как у вас дела?

– Здравствуй, Женя. Хорошо, как твоя командировка?

– Практически доехала. Татьяна Эдуардовна, у вас все нормально? Всего хватает?

– Да.

– Вы детей кормили?

– Конечно, кормила. Они сытые, веселые.

– Татьяна Эдуардовна, мне только что позвонила Ева. Вы

меня, конечно, извините, но тот размер порций, который вы определили для подростка, совсем не соответствует нормам. Вы как считаете, разве можно наесться одной картошкой?

– Кто не работает, Женя, тот не ест. Я их наказала. Попросила прополоть две грядки, а они сбежали на речку. В огороде работала сама, времени готовить ужин у меня не было. Что нашла из готового, тем и покормила.

– Татьяна Эдуардовна, так нельзя. Это же дети. Чтобы у них были силы, им нужно правильно и своевременно питаться. Если вам тяжело готовить, то попросите Еву. Она умеет варить каши, простые супы и жарить котлеты. Пожалуйста, не морите их голодом.

Татьяна Эдуардовна не дослушала и бросила трубку. Еще не хватало, чтобы молодуха учила ее жизни. Ишь, избаловали внуков. Чревоугодники!

Женя поняла, что ситуацию нужно срочно спасать. Никакие разговоры на Татьяну Эдуардовну не подействуют, она сделает так, как решила. Женщина стала набирать номер жены Анатолия, Анны. Обрисовав ситуацию, Женя успокоилась.

Анна обещала сразу же после работы съездить и забрать ребятшек от бабушки. Вызовет старшую дочь из другого города, она присмотрит за детьми.

С мужем Жене удалось связаться только глубокой ночью.

Связь постоянно прерывалась: Станислав еще не доехал до города.

– Стас, ее нужно обследовать. Это монстр, а не женщина! Я читала, что дегенеративные изменения в головном мозге проявляются не сразу или очень слабо. Человек может выглядеть полностью адекватным, но уже быть больным. Дети сидели голодными почти сутки! Аня отзвонилась: они с Толей ребятню уже забрали.

– Не говори так о моей маме! Ты благодарить ее должна, что она вообще согласилась сидеть с детьми. А Ева не могла в огороде помочь? Дома и так ничего не делает! Послезавтра буду проезжать мимо деревни, навещу мать.

Станислав подъехал к знакомому дому и удивился: у ворот собралось человек десять. Он оставил камаз у соседнего дома и подошел к воротам. В грузном мужчине Станислав узнал Михалыча – автослесаря, жившего на соседней улице.

– А что тут происходит?

– Стас, привет. Тут у нас еженедельная распродажа. Ма-тушка твоя по дешевке продукты, одежду, постельное белье толкает.

– Не понял – что значит «толкает»?

– Ну, продает. А что, это выгодно. Цены баб Таня ставит приемлемые, вполонину дешевле, чем в магазине.

Растолкав народ, Станислав прошел во двор. У крыльца его мать соорудила импровизированный прилавок, за которым и торговала всем, что за последние два месяца привезли

ей дети.

Вещи отдавала действительно за бесценок. Дело было не в деньгах: Татьяна Эдуардовна морила себя голодом ради вот этих «распродаж». Разогнав всех желающих, Стас прибрался во дворе и с твердым намерением забрать мать в город вошел в дом.

Добровольно уезжать Татьяна Эдуардовна не согласилась. Позже ее упрашивали Анатолий, Аня и Женя. Пожилая женщина стояла на своем. Братьям ничего не оставалось, как договориться со знакомым психиатром и привезти его к матери под видом своего друга детства.

Врач, пообщавшись с женщиной несколько часов, поставил предварительный диагноз: старческое слабоумие. Чтобы сохранить разум, Татьяне Эдуардовне нужно было регулярно принимать лекарства. Переехать к ней ни у одного из братьев не было возможности.

Способ выбрали жесткий, но действенный: Татьяне Эдуардовне перестали привозить продукты и вещи. Наняли соседку, которая каждый день готовила свежую еду и приносила ее старушке. Лишившись «подработки» и окончательно заскучав в деревне, мать сама пожелала вернуться в город.

автор рассказа Марина Свет

Жестокий муж

В браке с Андреем Милена ни в чем себе не отказывала. Муж имел высокий стабильный доход и потакал всем ее прихотям. Так, на десятую годовщину свадьбы он подарил супруге дорогую иномарку, чтобы та не разъезжала на такси в тех случаях, когда он был занят на работе и не имел возможности возить ее по городу.

Автошколу, а вместе с ней и курсы по наращиванию ресниц, которые девушка долго выпрашивала, хлопая невинными глазками, также оплатил Андрей.

Салоны красоты, косметолог, брендовая одежда и золотые украшения – подругам было чему позавидовать. «И куда тебе столько?» – восклицали они, но девушка считала этот вопрос риторическим.

Да, ее муж богат и очень щедр, но и она, между прочим, в долгу перед ним не оставалась. Исправно исполняла роль примерной домохозяйки, любящей жены и заботливой мамы.

Их сыну, Коленке, недавно исполнилось двенадцать, и мальчик перешел в пятый класс. В связи с этим отец перевел его в новое престижное заведение.

– Будешь учиться с теми, кто под стать тебе, – гордо заявил он.

Правда, для самого мальчика такая резкая и, казалось

бы, абсолютно беспричинная смена обстановки и коллектива стала большим стрессом. Коля замкнулся в себе и почти перестал разговаривать с родителями. К общему столу он спускался неохотно, предпочитая проводить время в одиночестве, сидя за компьютером, а в общении с отцом был отстранен и холоден.

В новой гимназии дела также шли не лучшим образом: завести друзей среди высокомерных одноклассников никак не удавалось, и вскоре мальчик забросил эти попытки.

Милена старалась поддерживать сына. И, стоит заметить, женщина прекрасно справлялась со своим материнством: она была чуткой и нежной мамой, которая всегда находила подход к ребенку. Коля охотно рассказывал ей о задиристых старшеклассниках и противных девчонках-сплетницах, с которыми он был вынужден учиться по прихоти отца.

Милена лишь тяжело вздыхала, поглаживая мальчика по волосам, пока его голова покоилась у нее на груди. Она и сама была против такого радикального решения мужа, однако пойти против его воли не могла. Андрей был головой в их семье, добытчиком и просто уважаемым человеком, и его слово считалось законом.

Милена не могла не признать, что добровольно посадила себя в эту золотую клетку, когда однажды ответила на предложение Андрея согласием. Однако женщина никогда не жаловалась на свою второсортную роль в их семье: все-таки те роскошь и выгода, что она получала, сильно подкупали ее

внутреннюю маленькую девочку, прожившую все свое детство в бедности и деревенской разрухе.

И пускай Милена побаивалась сурового взгляда мужа и его моментами чересчур жесткого характера, она искренне любила его и мечтала родить от него дочку.

Правда, сам Андрей в этом вопросе был настроен категорично против. Он не желал даже слышать о новых детях. Разговоры о втором ребенке не просто приносили мужчине дискомфорт, они приводили его в бешенство.

– Какая дочка, Милен, ты себя слышишь вообще?! Думай головой, что ты несешь! – на повышенных тонах объяснял муж, носясь вокруг жены, пока та, сидя на постели, прятала свои слезы в дрожащую ладонь. – Мало нам было скандалов с Колькой, когда ты родила? Он же не замолкал ни на минуту, целыми ночами орал! А у меня потом с утра башка раскалывалась, все совещания коту под хвост шли!

– Андрей! Дети – это же смысл жизни! Да разве можно обесценивать счастье от их рождения такими бытовыми мелочами?! – недоумевала женщина.

– Хорошо, о моем комфорте ты не переживаешь, так о себе подумай! – продолжал гнуть свою линию Андрей. – Тебя ж, считай, почти всю беременность токсикоз промучил. И сколько проблем со здоровьем тебе принесли эти роды! А фигура? Ты ж после Кольки на двадцать килограмм поправилась, все похудеть никак не могла. Жаловалась мне без конца, что толстая, что слоном себя чувствуешь.

– Так я еще совсем юной была, не осознавала все прелести материнства! Сейчас я смотрю на все это зрело, осознанно, совершенно под другим углом!

– Вы, женщины, точно мазохистки... – недовольно буркнул муж и навис над Миленой. – Ты, видимо, забыла, как кричала в больнице, когда Колю рожала? А я вот прекрасно помню, милая, твои слова: «Да что б я еще раз пошла на этот ад? Да ни за что!». Не припоминаешь?

Миленка не находила слов для ответа. Вместо этого женщина смотрела на мужа полными печали глазами и поджимала намокшие от слез губы. Она знала, что спорить с ним бесполезно: Андрей был непробиваемый, словно скала, и все разговоры с ним ничем не отличались от переговоров с кирпичной стеной.

– Нас и так бытовуха сожрала, Милен, а ты еще одного ребенка вымаливаешь... – сбавив тон, объяснил мужчина. Он присел напротив жены и взял ее ладони в свои. – Давай, наконец, закроем эту тему и больше не будем трепать друг другу нервы, хорошо? Разговор окончен. Я покурить, а ты ложись спать. – С этими словами Андрей вышел из комнаты, оставив плачущую Милену наедине со своими мыслями.

Так, с момента их последнего разговора на тему детей, прошло около полугода, и больше женщина эту тему не затрагивала. Она вела себя как ни в чем ни бывало, хотя по-прежнему ее мучила глубокая обида на мужа. Но она решила поступить мудро: продолжить исполнять свою роль покор-

ной жены.

Ведь Милена прекрасно понимала, что обида на Андрея будет бесполезной нервнотрепкой для них обоих: муж на подобные провокации не поведется, а только еще больше отстранится от нее, а там, того и гляди, найдет кого-нибудь на стороне...

И все бы ничего, их размеренная семейная жизнь продолжала бы идти своим ходом, если бы в один день Милена с удивлением не заметила, что у нее довольно-таки продолжительная задержка. Поначалу она даже не допустила мысли о возможной беременности, так как, по наказу мужа, на протяжении нескольких лет принимала противозачаточные таблетки. Однако в скором времени женщина вспомнила, что после пропитого курса, по совету своего гинеколога, делала перерыв, в который и пришлось последняя интимная связь с Андреем.

Милена тут же бросила все свои дела и ринулась в аптеку за тестом. Тот показал четко: две полоски. Женщина осела на бортик ванны, прикрыв рот дрожащими пальцами. Ее разрывало изнутри накалом эмоций. Чувства были неоднозначными: с одной стороны, она так давно мечтала о втором ребенке, а с другой, даже представить не могла, как отреагирует муж на такой вот «приятный» сюрприз. Устроит скандал и вышвырнет ее из дома?

Скажет, что ребенок нагулянный? Отправит на аборт? А может, признает часть своей вины в случившейся осечке и

все же позволит оставить малыша?

Милена промучилась в сомнениях остаток дня, пока поздним вечером с работы не вернулся Андрей. Уже на пороге мужчина отметил странные изменения в поведении жены: она не просто стояла в сторонке, опершись о косяк двери, как это было обычно, а подбежала к нему, чтобы поцеловать. Ко всему прочему, Милена была одета в свое шикарное шелковое платье и смотрела на мужа невинными глазами.

Тот сразу заподозрил что-то неладное.

– Что такое? – поинтересовался муж, садясь за накрытый стол. – В честь чего такая романтика?

– У меня есть для тебя одна новость... – неуверенно произнесла женщина. Ей было сложно подбирать слова, поэтому она просто протянула любимому положительный тест и кое-как выдавила из себя три заветных слова: – Андрюш, я беременна.

Мужчина шокировано смотрел на две полоски, не в силах подобрать приличных слов. Он тут же отбросил тест и с противным скрипом стула поднялся из-за стола. В следующую секунду Милена вздрогнула от его нервного движения, направленного в ее сторону.

– Каким образом ты умудрилась забеременеть? – гневно прорычал ей на ухо Андрей. – Ты же таблетки пила, разве нет? Пила, я тебя спрашиваю?! – Мужчина нетерпеливо встряхнул жену, притянув ее за локоть к себе. – Если, не дай бог, я узнаю, что ты мне изменяла...

– Да ты что, с ума сошел?! – воскликнула напуганная женщина и вся сжалась в руках разъяренного мужа. – Я тебе всю жизнь была верна, сына-наследника родила, а ты такое про меня говоришь! А в таблетках я перерыв делала, мне гинеколог сказала! А у нас в тот день так закрутилось все, я и не успела предупредить...

– Предупредить она не успела... – процедил муж. Он оттолкнул женщину, после чего разразился ором: – Милена, мы же обсуждали это сто тысяч раз! На что ты рассчитывала? Что я увижу этот тест, умилюсь и внезапно передумаю? Ты в своем уме?! Никакого ребенка не будет, ты меня поняла?!

– Андрюш, послушай меня! Не надо рубить с плеча! Давай мы сядем, успокоимся, трезво оценим ситуацию и все обсудим.

– Мы ничего не будем обсуждать, Милена! Мне все это надоело! Я из раза в раз повторяю тебе, что не готов ко второму спиногрызу, а ты упертая, как ослица!

– Как ты меня назвал? Ослицей?! – обиженно воскликнула Милена. – Не забывай, что я твоя жена и мать твоего сына, а не твоя подчиненная-секретарша!

– Ты сделаешь аборт, – твердо заявил Андрей, проигнорировав истерику жены. – Это даже не обсуждается. Какой у тебя срок?

– Ш-шесть недель... – дрогнувшим голосом выдавила из себя Милена.

– Значит, завтра же я записываю тебя в клинику на меди-

каментозный аборт. Ничего не бойся, я найду самых лучших врачей и все оплачу. Ты все поняла?

Милена застыла на месте, со страхом смотря на мужа. В ответ она смогла лишь растерянно кивнуть и увести взгляд в пол. Когда муж вышел с кухни, ее коленки вдруг предательски задрожали, и женщина осела на пол. Из глаз тут же брызнули горькие слезы. Милене хотелось закричать от отчаяния, но она из последних сил сдерживала эмоции, так как не хотела напугать сына, спавшего в своей комнате на втором этаже.

Все было кончено: ее любимый требовал убить их нерожденного ребенка. Последняя надежда на счастливое совместное будущее обрушилась вместе с громким хлопком двери в спальню. Женщина не хотела возвращаться туда: мысль о том, что ей придется лечь с этим человеком в одну постель, отвращала ее, сводила с ума.

Она не понимала, как мог любящий ее человек настаивать на таком? Неужели Андрею совершенно плевать на этого малыша? Неужели он и вправду не сможет принять его и полюбить?

Оставшуюся часть ночи Милена провела в гостиной, на диване. Спала плохо: ее то и дело мучали кошмары, в которых она посещала клинику, чтобы сделать аборт. Страшные картинки мелькали перед глазами, прежде чем Милена подскочила на рассвете, проснувшись от собственных рыданий. Весь остаток дня женщина проходила как на иголках. Ей да-

же казалось, что она слышит плач нерожденной доченьки, но Милена старалась отгонять тяжелые мысли. За весь день она так и не сделала ничего по дому, так как не могла ни на чем сосредоточиться.

Женщина без конца плакала и молча выжидала своей участи, пока звонок во входную дверь не заставил ее вздрогнуть от страха.

На порог вошел муж. Он холодно смерил заплаканную жену равнодушным взглядом и сообщил, что запись на аборт назначена на следующий день. Милена всхлипнула и покорно кивнула, последовав за молчаливым супругом на кухню, чтобы разогреть ему остатки вчерашнего ужина. Желания вести разговоры у нее не было – поставив тарелку перед Андреем, женщина поспешила уйти в спальню, не в силах смотреть в глаза этому человеку.

На следующий день, как и было запланировано, Милена подписала все бумаги и, в присутствии мужа, выпила предоставленный врачами препарат. Аборт прошел успешно и впоследствии не нанес женщине никакого физического вреда. Однако психологически Милена пережила случившееся крайне сложно. Она буквально возненавидела Андрея и больше не могла воспринимать его как мужчину.

В глубине души женщина мечтала уйти от мужа, но понимала, что малолетний сын будет нуждаться в отце. Да и она, пробывшая всю жизнь в роли домохозяйки, не сможет обеспечить ребенка так, как делал это Андрей. Самого же муж-

чину мало волновала отстраненность жены: он вел себя как ни в чем ни бывало и больше о случившемся не вспоминал.

А спустя год Милена случайно узнала, что муж закрутил роман с секретаршей. Вот тогда-то женщина без лишних раздумий подала на развод.

Она многое была готова стерпеть ради сына, однако все-таки есть предел, и простить измену Милена не смогла. На ее счастье и к большому удивлению бывшего мужа, суд признал право матери забрать Коленьку себе. Самому же Андрею были назначены внушительные алименты, на которые Милена с сыном могли снимать отдельное жилье и практически ни в чем себе не отказывать.

Жалела ли она, что послушалась супруга и сделала аборт? Больше всего на свете. Жалела ли, что все так обернулось? Нисколько.

Несмотря на горесть утраты нерожденного ребенка, женщина понимала, что вырастить того в любви и нежности, состоя в браке с Андреем, она бы не смогла. Муж до конца жизни попрекал бы и ее, и ни в чем неповинного ребенка. Кто знает, возможно, смерть этого малыша спасла ее саму: она позволила Милене увидеть истинное лицо мужа и не дала ей потратить свои молодые годы на совместную жизнь с таким жестоким и циничным человеком.

Бабушка с матом

– Ба, давай денежку, – криво улыбаясь, Коля тряс перед лицом Анны Сергеевны уже почти заполненной копилкой в форме свиньи.

Пенсионерка вздохнула и полезла в карман за десятирублёвой монеткой. С тех пор как внуки устроили эту игру, карманы её были полны мелочи.

– Юля, Коля! Раз веселитесь, значит, уроки уже сделаны?

В детскую зашла их мать Маша и, заметив в руках Коли розовую свинью, цокнула языком.

– Анна Сергеевна, вы опять за старое?

Старушка оживилась:

– Маня, не начинай. С этими оболтусами невозможно по-другому уроки учить. Один три плюс два не сложит, б...

– Анна Сергеевна! – перебила Маша матерный поток, который собирался вылиться из уст бабушки.

– Мам, у нас копилка уже почти полная, – посетовала Юля.

Неделю назад ребята решили бороться с вредной привычкой бабушки и придумали игру: за каждое матерное слово она должна класть в копилку десять рублей. Сейчас до края осталось два пустых сантиметра. Отказываться от мата Анна Сергеевна не собиралась, а игру считала просто потехой.

– Так, дети, – пригрозила пальцем Маша, – быстро за уро-

ки. Анна Сергеевна, не хотите чаю? Савелий уже чайник поставил.

– Может, он ещё и посуду за всеми помоеет? – заворчала пенсионерка, вставая со стула.

Маша вздохнула и поплелась за ней следом.

На кухне засвистел чайник. Мужчина достал кружки и вафли.

– Савушка, сядь, не мельтеши, – протянула Анна Сергеевна. – Вон Манька уже от рук отбилась: сидит, готового ждёт.

– Да мне несложно, мам.

Бабушка цокнула языком, выражая недовольство.

– Анна Сергеевна, не хотите сыну ничего сказать?

Савелий перевёл вопросительный взгляд на мать. Она молчала, высматривая что-то в окне.

– Опять матом ругалась при детях?

Ответом было молчание.

– Мам, сколько можно с тобой обсуждать эту тему? Как с тобой бороться? Ладно, Юлька уже не маленькая – одиннадцать лет всё-таки. Она и сама уже эти слова знает. Ума хватает не говорить вслух. Но Коля только в первый класс пошёл, к нему эти слова цепляются, как репей. Мы с Машей их воспитываем вежливыми людьми, а ты рубишь всё на корню.

– Вот доживёте до моих лет, посмотрим, какими будете...

– Анна Сергеевна, ну, перестаньте! – воскликнула Маша. – Мы, может, и не доживём. Не о том разговор. Мы же договаривались! Не вынуждайте меня идти на крайние ме-

ры: я знаю, как вы любите внуков и как они – вас. Но если это не прекратится, мы будем вынуждены...

Очередная нравоучительная беседа закончилась традиционно ничем: Анна Сергеевна, надув губы, махнула на прощание детям и отправилась домой.

Эта проблема давным-давно нависла над семьёй Соколовых и никак не хотела решаться. Имя этой проблемы – Анна Сергеевна и её нескончаемый поток бранных слов. Пенсионерка не стеснялась в выражениях, постоянно разбавляя речь каким-нибудь крепким словцом, от которого у окружающих вяли уши. Савелий часто стыдился матери, особенно на людях.

Они с женой Машей очень надеялись, что после рождения Юли привычка бабушки если не сойдёт на нет, то хотя бы станет не такой частой. А потом на это же надеялись и после рождения Коли. Надеялись перед визитом Савелия к психологу. Но все надежды разбивались одна за другой.

Врач объяснила, что повлиять на Анну Сергеевну в её возрасте уже не получится, если только она сама не захочет измениться. А такая манера общения – её способ защиты. От кого защищается мать, Савелий не понял, но не стал задавать лишних вопросов. Одно он понял отчётливо: пока она сама не захочет, материться не прекратит.

Боролись с матом бабушки всей семьёй: Маша и Савелий – постоянными уговорами и замечаниями, а дети вот придумали игру. В общем, это было поле брани семьи Соколовых.

На следующей неделе между супругами и Анной Сергеевной состоялся очень неприятный разговор. А предшествовала ему не менее неприятная история: открыв Колин дневник, Маша увидела размашистую запись: «Прошу родителей как можно скорее явиться к директору школы. Николай назвал учительницу словом на букву «с».

Маша прочитала это несколько раз, не веря глазам. Схватила дневник и швырнула на стол.

– Вот, полюбу́йся, твоя мать учит внуков ругаться матом! Больше ноги её в нашем доме не будет, а стыдно-то как перед учителем!-женщина возмущенно протянула дневник сына.

Савелий рассматривал запись, поджав губы. Он понимал супругу: с «болезнью» матери уже не было сил бороться. Ничего не помогало. Если до этого привычка касалась только их семьи, то теперь она просочилась дальше. И если у Коли из-за этого будут проблемы в школе – может, пора пойти на крайние меры.

Но при этом он понимал и даже отчасти принимал свою мать. Она бранилась всегда, сколько он себя помнит. И всё равно вырос воспитанным человеком, позволявшим себе выругаться только в крайних случаях, когда его никто не слышит.

Супруги решили не приглашать Анну Сергеевну домой – отправились к ней сами. Маша убедила Савелия, что незачем бабушке лишний раз видеться с детьми. Муж скрепя сердце согласился.

– Анна Сергеевна, я ведь вас предупреждала, и не раз, – сказала Маша.

– Ты меня не пугай, Маня! Хочешь внуков у меня забрать – забирай, умолять не буду. Сама ко мне прибежишь: «Анна Сергеевна, посидите с детьми, Анна Сергеевна, помогите с уроками, Анна Сергеевна то, Анна Сергеевна сё»!

– Слово вам даю – не прибегу. Без вас справимся! Вы только хуже делаете – посмотрите, до чего докатились. Сыну семь лет, это уже ни в какие ворота!

– Иди-иди, справляйся. Бабушка не вечная, плакать ещё будете.

Маша фыркнула и покосилась в сторону мужа:

– У меня уже сил никаких нет. Это твоя мать, чего ты молчишь?

Савелий потупил взгляд. Он не знал, что сказать: принимать чью-то сторону не хотел, потому что не хотел никого обидеть.

– На двух стульях усидеть не получится, Сава, – процедила Маша и, повернувшись к Анне Сергеевне, выпалила: – Посмотрите, до чего вы нас довели! Семью рассорили.

Она развернулась на каблуках и быстро вышла из квартиры.

Савелий еще несколько секунд помялся в дверях и, не найдя слов, тоже ушёл.

Анна Сергеевна пошаркала тапочками на кухню – там её ждало любимое хозяйство – три кошки, собака Лайка и хо-

мяк Стёпа. Хотя назвать их хозяйством было бы неправильно – для женщины они были членами семьи.

– Ну, хоть тут никто не будет упрекать, да, Мусенька?

Пенсионерка накормила домочадцев и уселась в кресло. На коленях удобно устроился рыжий Васька и принялся мурчать.

– Не такая им баба Аня, ишь ты... Одни вы меня понимаете.

Ситуация оставалась напряжённой около недели. Маша сдержала слово – ни разу не обратилась к свекрови. Обходилась помощью друзей. Савелий поддерживал супругу, но изредка, когда её не было рядом, звонил матери узнать, как дела. Дети постоянно капризничали и спрашивали, когда придёт бабушка. Но самообладание супруги не теряли – они твёрдо решили проучить родственницу.

Анна Сергеевна почти не выходила из квартиры. Чаще всего сидела в кресле за вязанием, разговаривала с домочадцами и смотрела любовные сериалы по телевизору. Рядом на журнальном столике лежал фотоальбом. По вечерам она листала его, тоскливо предаваясь воспоминаниям и удивляясь, как быстро выросли внуки.

Ей не хватало общения с ними, поэтому она лишь ласково гладила их глянцевого лица и грустно улыбалась.

Спустя неделю женщина «завыла» от одиночества. Она поймала себя на мысли, что сейчас не отказалась бы даже от компании невестки. Решила: если ради встречи с внука-

ми придётся поступиться привычкой и натянуто улыбаться Маше, она это сделает.

Вечером следующего дня Анна Сергеевна стояла у двери квартиры Соколовых, держа наготове любимый клубничный торт внуков. Открывшая дверь Маша удивлённо захлопала глазами, но всё же впустила свекровь. Юля с Колей радостно бросились обнимать бабушку, попутно благодаря её за гостинец. Семья Соколовых была в сборе.

Сначала обстановка за столом была немного неловкой – Анна Сергеевна не проронила ни одного бранного слова, отчего родственники не понимали, как себя вести. Супруги пытались выдумать тему для разговора, а дети удивлённо разглядывали бабушку.

– Юленька, Коля, – начала Анна Сергеевна. – Вы знаете, как сильно я вас люблю. То, что ты сделал в школе, Коля, – очень плохо. И в этом есть моя вина. Теперь я буду учить вас только хорошему.

Маша с Савелием не могли нарадоваться и, казалось, еле дышали, боясь спугнуть такие приятные изменения. Вечер протекал как нельзя лучше.

– Как давно я мечтала о том, что мы все соберемся за одним столом, – призналась Маша. – Анна Сергеевна, дети по вам очень скучали. Да и мы тоже, что уж греха таить.

– Да, мам, очень приятно видеть тебя такой, – добавил Савелий.

Анна Сергеевна лишь улыбалась в ответ.

– Ба, мы тобой гордимся, – сказала Юля.

– Теперь наши копилки будут пустыми, – тихо произнёс Коля.

За столом все захохотали.

Посиделки близились к завершению. Дети поцеловали бабушку в обе щеки и отправились спать.

Анна Сергеевна тоже попрощалась с родными и пошла домой.

Поднимаясь по ступенькам своего подъезда, женщина услышала наверху невнятные голоса. На лестничной клетке сидел сильно пьяный сосед.

– Ну, вот тебе и добрый вечер, – обратилась к нему Анна Сергеевна. – Вставай, Саша! До квартиры чуть-чуть не дошёл.

– Отстань, Анька!

– Тебя Наташа опять выгнала?

– Отстань, говорю. Достали вы меня!

– Знаешь, что, Саша? Иди-ка ты...

От самообладания Анны Сергеевны не осталось и следа.

Чудовище за окном

Мы жили в небольшой деревушке чуть северо-восточнее Казахстана. Я был совсем мальчишкой, когда в нашем поселении стали происходить странности.

Все началось с моей спальни. Я никогда не был особо впечатлительным, не смотрел ужастики (да их и не было у нас в то время), а к страшилкам относился скептически. Наверное, все мои друзья были такими. Мы проводили дни во дворе, бегали, размахивая деревянными мечами, и воображали себя воинами или странниками. Не было ни единой причины, чтобы моя фантазия разыгралась настолько, чтобы напугать меня до смерти.

И тем не менее одной жаркой летней ночью я услышал стук в окно. Он был размеренным и отчетливым. Сначала я решил, что это ветка качается на ветру или птица ищет кров, и не придавал этому значения. Следующим утром я рассказал все родителям, но они списали это на богатое детское воображение. Возможно. Тем более что в деревнях разум человека не замутнен городской суетой и часто видит всякое. Но повторюсь: у меня не было причин видеть мистику, которой не было. Я отчетливо слышал то, что слышал!

Следующей ночью стук повторился. Я был уверен, что никто из моих друзей не мог так хулиганить, да такое даже в голову не могло прийти. Это повторялось несколько ночей.

В этом звуке была своя мелодика, ритм. То, что его издавало, знало, что делает. Теперь было ясно, что это не ветер и не птица, и от этого осознания мне стало страшно. Каждую ночь я слышал странный стук в окно и, так как был совсем ребенком, не отважился даже носа высунуть из-под одеяла.

Я окукливался, как гусеница, несмотря на невыносимую жару.

Самое страшное произошло, когда однажды я забыл плотно занавесить шторы и, едва стук послышался снова, взглянул на окно. Боже, лучше бы я этого не делал! С улицы на меня смотрели два гигантских, размером с самовар, миндалевидных глаза. Они светились настоящим золотом. Когда это существо поняло, что я его вижу, оно издало такой кровавый рык, что у меня и теперь кровь стынет в жилах всякий раз, когда я его вспоминаю.

Клянусь, это не было моей фантазией, я не спал, а ясно, как наяву, видел и слышал это нечто. Но сколько бы ни рассказывал родителям, взрослым в деревне или соседским ребятам, мне никто не верил. Все говорили, что мне просто приснилось или почудилось. Все так считали, пока не случилось нечто необъяснимое.

Однажды к моему отцу прибежал сосед. Дядя Игорь был охотником и человеком не из пугливых, но в тот день он был белее снега, и нечеловеческий ужас застыл на его лице. Он позвал моего отца с собой в сарай. Увидев приятеля в таком состоянии, отец не на шутку испугался и велел нам с матерью

сидеть дома и не выходить наружу без его позволения.

Видимо, их общие эмоции действовали и на нас. Мы заперли дверь и сели в комнате, дожидаясь возвращения папы. Я был уже порядком напуган ночным гостем, постоянно не высыпался и вообще чувствовал себя скверно. Казалось, от недосыпа уже перестал различать реальность и сон. Помню, как малодушно трясся, прижимаясь к маме, а она крепко обнимала меня в ответ, и было слышно, как тревожно колотится ее сердце.

Мы ждали отца будто бы целую вечность. Когда он вернулся, мы сорвались с места и побежали в сени. Он затворил двери на тяжелый массивный засов, который стоял в углу и никогда не использовался. Его глаза были ледяными, а брови хмуро сдвинулись поближе друг к другу.

– Господи, что случилось? – произнесла мать дрожащим голосом.

Я ничего не понимал, но при виде взволнованности родителей мне хотелось разрыдаться от бессилья. В детстве родители кажутся самыми сильными, умными и всемогущими, и когда ты видишь их слабость, кажется, что мир вот-вот рухнет. Мы обречены.

Отец взял меня за руку, отвел на кухню и усадил за стол.

– Расскажи-ка еще раз, что ты видел, – произнес он самым суровым тоном из всех, что я когда-либо от него слышал. Его лицо было необычайно серьезным. Сидя прямо перед ним и глядя ему в глаза, я задрожал пуще прежнего.

– Я слышал стук, – кое-как выдавил из себя я. – И желтые глаза. Гигантские.

– На что они были похожи? Это могли быть фары?

– Это были глаза. Вот такие, – я развел руки и показал примерный размер. – И оно рычало.

Отец кивнул и отвел мать в сторону, оставив меня одного.

Весь день меня не выпускали на улицу. Родители орудовали молотками, пока я в непонимании сидел в своей норке и листал журналы. Стук дерева и гвоздей заполонил улицу, и я выглянул в окно. Люди в соседних домах и дальше по улице заколачивали окна и заборы. Меня обдало холодом.

Той ночью я проснулся от скрежета когтей. Кто-то или что-то скреблось в заколоченные окна и недовольно рычало. Слезы паники подкатили к глазам. Я неслышно выполз из кровати, боясь даже дышать, и на цыпочках побежал в спальню родителей, но когда мы втроем вернулись в мою комнату, звук прекратился. С тех пор я остался спать с ними.

Утром отец взял ружье и повел меня в школу. Проходя мимо окон моей спальни, мы отчетливо увидели следы огромных когтей на деревяшках, закрывавших окно. Я боялся представить, что было бы, если бы оно смогло до меня добраться. Папа ничего не сказал. Сколько бы я ни спрашивал о том, что случилось, и том, кто мог тревожить мое окно, он ничего не отвечал.

Но слухи в деревне распространяются быстро, и я все узнал. Когда дядя Игорь тем утром зашел за скотиной, что-

бы вывести ее на выпас, выводить было уже некого. Какой-то невиданной силы зверь порезвился в коровнике.

Ситуация вскоре повторилась. С тех пор никто не выходил из дома поодиночке. Взрослые мужики сопровождали детей и женщин и носили с собой оружие. Каждый раз, когда смеркалось, я молился о том, чтобы пережить очередную ночь. Я боялся оставаться один. Люди стали ночевать по несколько семей в одном доме и назначать караульных.

Вся деревня пропиталась страхом перед незримой опасностью. Наверняка, взрослые предпринимали какие-то попытки изловить или прогнать монстра, но детям никто об этом не говорил. Мы с мальчишками прятались в углу и шушукались, строя различные теории, правдоподобные и совсем сказочные.

– Это дух леса. Кто-то его очень сильно разозлил, и теперь он мстит нашей деревне.

– Брехня! Тысячу лет тут жили, и все его устраивало, а тут ни с чего взял и разозлился?

– А вдруг кто сделал что-то ТАКООООЕ!

– Нет. Это стая голодных шакалов. Наверное, в лесу кончилась еда, вот они и вышли к людям.

– Ага, и в окна тоже они скребутся?

Мы без конца спорили о природе незримого гостя, но это все были лишь детские фантазии.

Однажды посреди одного из таких споров нас прервали звуки с улицы. Незнакомый голос завывал какие-то песни на

чужом языке, тархтели трещотки, бухтели барабаны. Мы с друзьями переглянулись и побежали к источнику звука. Выглянув в заколоченное окно большой комнаты, где между досок была щель, мы увидели выряженного в тряпки смуглого мужичка.

Он был маленького роста, отплясывал посреди улицы между домами и бил в барабан. На его высоких тряпичных сапогах висели бубенцы и бодро позвякивали.

– Это что, шаман?

Ряженный одарил наш дом чудным танцем и продолжил ритуал дальше по улице. Очевидно, он продвигался от самого начала деревни и до леса. Я не верил в то, что это поможет. Настолько привык жить в ужасе и страхе, что уже не мог представить себе другой жизни. Однако тень надежды на лучшее все же в душе поселилась. Я представил, как мы с друзьями снова сможем играть на улице, бегать, как ночью можно будет спокойно спать и не бояться неведомой чертовщины.

Тем же вечером после того, как ушел шаман, наша семья и еще две соседских сидели в большой комнате и ужинали. Смеркалось. Двери были плотно заперты на тысячу засовов, окна заколочены. А внутри так уютно и тепло. Мы беседовали о чем-то отвлеченном, смеялись, как вдруг снаружи, где-то далеко раздался пронзительный вой. Это было похоже на леденящий душу крик, пронзительный и отчаянный, но его издавал далеко не человек.

Разговор моментально стих, все замерли, я прижался к маме, не в силах пошевелиться. Тишина. Время будто замерло в преддверии чего-то сокрушительного. Взрослые смотрели то на двери, то на окна, то друг на друга. Мой отец и дядя Игорь встали со своих мест, взяли ружья и подошли к окну. Они долго неподвижно стояли, вглядываясь в сгущающиеся сумерки, но ничего не происходило.

Выйти наружу никто не отважился. Весь оставшийся вечер мы просидели в напряженном ожидании. Ничего. Родители отправили нас спать, а сами остались дежурить в комнатах и у входа.

Той ночью ничего не произошло. Было на удивление тихо и спокойно. Самая обычная летняя ночь в деревне. Стрекочущие сверчки, ухажующие совы и шелест листьев на ветру. С тех пор странности прекратились. Спустя месяц все расползлись по своим домам. Я остался в своей комнате один и чувствовал себя незащищенным – настолько привык к большому количеству людей вокруг.

Вскоре с окон сняли доски, а нам разрешили играть на улице. Только в школу детей все еще сопровождал кто-нибудь из мужиков с ружьем. Жизнь возвращалась в свое русло.

Потом наступили девяностые – годы больших перемен. Не знаю, как так вышло, но из деревни мы уехали. Родители так ничего и не рассказали мне о том, что же там на самом деле произошло. Что это было за чудовище, стучавшееся в мои

окна и издавшее тот страшный прощальный вопль? Держу пари, они знали куда больше, чем могли рассказать, но либо не хотели меня пугать, либо сами боялись настолько, что старались все забыть. Дядя Игорь точно что-то знал!

Я вспомнил об этой истории сегодня за завтраком, когда моя дочь зашла на кухню вся сонная и отекая.

– Что, не выспалась? – спросил я ее. – Кошмары?

– Нет, – она потерла глаза. – Кто-то полночи стучал в мое окно. Ворона, наверное.

Мое сердце подскочило к горлу. Мы живем в густонаселенном мегаполисе на двенадцатом этаже.

Жадный муж

– Ты думаешь, я поверю, что чек из магазина ты выбросила нечаянно? Опять, наверное, ерунду ненужную себе купила и теперь боишься признаться? Хватит транжирить мои деньги! Ты сидишь на моей шее, не работаешь – будь любезна отчитаться за каждую потраченную копейку!

Олесе недавно исполнилось тридцать пять. Еще десять лет назад, до замужества, женщине пророчили успешную карьеру адвоката. Олеся выучилась в престижном вузе и в двадцать четыре года выиграла свое первое дело. С Иваном она познакомилась на свадьбе общих знакомых: мужчина был другом жениха, а Олеся – подругой невесты. Букет, кстати, достался ей.

До свадьбы Олеся и не подозревала, что ее Ваня отличается жестким характером. В период ухаживаний он никогда не грубил девушке, был обходительным, ласковым и заботливым. Работал финансовым аналитиком в крупной фирме, имел собственное жилье и автомобиль. У Олеси тоже имелась своя квартира. Правда, досталась она девушке в наследство от родителей.

Свадьбу сыграли летом. С детьми Олеся хотела подождать, но судьба решила иначе. В октябре девушка сообщила мужу, что беременна. Работала тогда Олеся в частной адвокатской конторе. Когда срок был пять месяцев, Иван на-

стоял на увольнении. Мужчина не хотел, чтобы та на поздних сроках ходила на работу.

У супружеской пары родился мальчик. Назвали сына Федором. Ивана после рождения малыша повысили. Олеся заметила, что, получив должность финансового директора, муж стал жадным. Не экономным, а именно скупым. Он начал самостоятельно планировать бюджет, подсчитывать траты на продукты, коммунальные услуги и даже женские мелочи.

Покупать одежду теперь Олеся могла один раз в три месяца, и то, если вещь полиняла или потеряла форму после стирки. Такую уже «на выход» не наденешь. Крупную бытовую технику приобретали редко и только по необходимости. Например, мужчина считал, что покупка посудомоечной машины – лишняя трата денег. Тарелки, кружки и ложки ополоснуть можно и руками.

Иван теперь откладывал каждую «свободную» копейку. Мужчина загорелся идеей приобретения еще одной квартиры – недвижимость можно будет сдавать и получать пассивный доход. Олесе было велено приносить чеки из магазинов. Иван клеивал их в специальную тетрадку и раз в месяц выводил итоговую сумму трат.

Хорошо, что хоть на ребенке экономить не приходилось. Олеся не могла объяснить, почему для сына Иван ничего не жалел. Наверное, очень любил ребенка. Маленький Федя имел лучшие игрушки, одежду, ходил в престижный разви-

вающий центр. К четырем годам малыш знал таблицу умножения, умел складывать, делить числа и активно изучал английский язык.

Свою квартиру Олеся после свадьбы, сразу же, как переехала к мужу, сдала. Поначалу деньги от арендаторов она тратила на себя, потом начала откладывать. Теперь Иван требовал от Олеси внести «заначку» на его банковский счет. Он хотел, так сказать, «соединить капиталы».

Пусть деньги от сдачи Олесиной недвижимости тоже идут на благое дело – так быстрее получится собрать на квартиру.

Женщина не понимала, зачем Ване еще одна квартира, но муж упорно твердил, что сейчас недвижимость – лучшая инвестиция. Что жилье с каждым годом будет дорожать. Если вдруг что случится, можно будет продать квартиру и решить все проблемы. С каждым днем Олесе становилось все тяжелее выносить придирки. За завтраком Иван начал разговор с женой:

– Дорогая, я давно обещал «проставиться» друзьям по поводу новой должности. Давай, наверное, завтра пригласим к нам Витьку, Вовку и Серегу. С семьями, естественно. Напиши мне список, что к столу купить нужно, я сегодня после работы в магазин заеду.

– Хорошо, сейчас напишу. Ты завтракай, а то омлет остынет.

– Ты не торопись со списком. Тщательно составь меню, все обдумай. Сбросишь мне потом список в ватсап.

– Ладно, договорились. Сразу спрошу: блюда готовить без изыска?

– В каком смысле?

– Какой бюджет ты выделяешь на торжество?

– Ну, хотелось бы сильно не тратиться. Ты напиши, а я там похожу, повыбираю. Надо же не ударить в грязь лицом перед друзьями, а то скажут, что у финансового директора такой компании на столе еда дешевая.

Олеся, как и обещала, к обеду отправила мужу примерный список продуктов. Вечером Иван позвонил и накричал на нее:

– Олеся, опять ты со своими царскими замашками! Вот скажи, зачем тебе креветки?

– В салат их нужно добавить, Вань. В цезарь. Ты же сам перед друзьями выпендриться хотел. Мне без разницы, я могу пельменей вам магазинных отварить и с майонезом подать.

– А колбасы два вида зачем?

– Ваня, один – на салат, а второй – как закуска. Впрочем, если хочешь сэкономить, поищи готовую нарезку. Там грамм двести выйдет.

Иван вечером привез продукты и еще долго ворчал, что пришлось потратить целых шесть тысяч рублей на один ужин. Олеся молчала, не хотела провоцировать мужа на скандал.

Женщина очень старалась, чтобы мужу и гостям понравились блюда. Даже жены друзей Ивана по достоинству оцени-

ли кулинарные способности Олеси и стали просить рецепт пикантных говяжьих ребрышек и соуса к ним.

С каждым разом суммы, выдаваемые Иваном Олесе «на булавки» становились все меньше и меньше. Женщина решила готовиться к выходу на работу. Когда Феде пошел пятый год, Олеся попросила супруга нанять няню:

– Олесь, а зачем нам няня? Ты разве не справляешься с Федей? Сын спокойным растет, капризничает очень редко, только если болеет. В еде неприхотлив. Ты разве сильно устала?

– Да дело не в этом. Я хочу в ближайшее время выйти на работу. Боюсь, что за декрет растеряла все знания и навыки. Мне практика нужна, понимаешь? Я уже термины профессиональные забывать начала!

– Не выдумывай глупостей. Я работаю, и этого достаточно. Ты хочешь, чтобы с нашим сыном проводила время чужая тетка? Федя же маленький, он тебя быстро забудет!

– Вань, я же не собираюсь отсутствовать дома семь дней в неделю и двадцать четыре часа в сутки. Мне нужно хотя бы на два часа выезжать, например, после обеда.

– Нет, Олеся. Я считаю, что на работу тебе выходить пока рано. Давай, пусть Федя исполнится хотя бы шесть лет, пусть пойдет в школу, и тогда мы вернемся к этому разговору, хорошо?

– Нет, Вань. Я хочу сама зарабатывать. Хочу иметь собственные деньги, на которые могу покупать себе все, что

нужно. А ты откладывай свои, копи на квартиру.

– Я же сказал, что на работу ты не пойдешь еще минимум два года. Точка!

– Тогда деньги со сдачи СВОЕЙ квартиры я буду оставлять себе.

– Это твой вклад в наш общий бюджет. Их мы тоже будем откладывать, ты на ерунду тратишься.

Разговаривать с Иваном было бесполезно. У Олеси с каждым днем крепло желание развестись, но уйти от мужа-скупердяя пока не могла: работы нет, содержать себя и сына было не на что. Нужно было срочно исправлять ситуацию. Олеся хитростью решила вернуть себе арендные деньги и снова начать их откладывать. Первым делом женщина договорилась с квартирантами.

Она попросила съемщиков позвонить Ивану и сказать, что они съезжают. Валерий и Анна жили в ее квартире уже пять лет, поэтому, не спрашивая подробностей, согласились выполнить просьбу. Возможно, молодые люди подозревали о проблемах в семье арендодателя, ведь деньги теперь перечислялись Ивану, а не самой Олесе, как раньше.

Иван приехал вечером домой раздраженный. Как же, изпод носа у него уплывали тридцать тысяч рублей.

– Олеся, тебе квартиранты звонили?

– Нет, а что? Они к тебе обращаются, ты же сам их попросил.

– Съезжают они, представляешь! Хорошо, что вчера день-

ги за последний прожитый месяц перечислили. Вот, минус тридцать тысяч от ежемесячного дохода.

– Ничего страшного, найдем других съемщиков.

– Я не могу днем вырваться с работы, поэтому, пока Федя будет на занятиях в развивающем центре, съезди туда и проверь все.

– Хорошо, как скажешь.

– И еще сфотографируй комнаты. Нужно срочно новых квартирантов искать. Вечером объявление составим.

На такой шаг Олеся пошла на свой страх и риск. Девушка знала, что долго обманывать Ивана у нее не получится. У Олеси в запасе было максимум два-три месяца – за это время женщина надеялась найти работу и собрать деньги хотя бы на первое время. После развода они ей понадобятся. Валерий и Анна тоже скоро собирались съезжать – семья покупала собственное жилье в родном городе.

Комнаты Олеся сфотографировала. Иван решил повысить цену за аренду и в объявлении указал не тридцать тысяч, а сорок пять. Естественно, желающих снять вполне посредственную квартиру с далеко не свежим ремонтом не нашлось. Иван думал, что недвижимость стоит запертая.

Его решение только укрепило желание Олеси развестись с мужем-скрягой. Придя из магазина, Олеся, разобрала продукты и выкинула чек вместе с упаковками от крупы и конфет.

Не увидев чека на столе, Иван разъярился:

– А ну –ка достала чек из помойки, – муж указал пальцем на мусорное ведро, – специально выкинула, чтобы скрыть свое транжирство? – лицо его выглядело пугающе.

Перебирая руками очистки от овощей и чайные пакетики, Олеся заплакала. Такого унижения она не испытывала никогда.

После этого случая Олеся решила действовать. Сначала женщина позвонила хозяину адвокатской конторы, в которой работала еще до замужества. Мужчина звонку обрадовался. Олеся попросила придержать для нее место и обещала через два-три месяца выйти на работу.

Женщина создала на известном сайте объявление: «Юридические консультации онлайн. Помогу составить грамотное исковое заявление в суд, подскажу, как правильно оформить сделку. Без предоплаты. Оплата по факту выполненных работ».

Первые две недели клиентов не было. Люди привыкли лично встречаться со специалистом, для многих онлайн-формат был неудобен. Олеся же наверстывала упущенное, читала специальную литературу, смотрела блоги практикующих известных адвокатов, в которых подробно разбирались гражданские и уголовные дела.

Когда появился первый клиент, женщина постаралась максимально подробно ответить на интересующие его вопросы. Клиент остался доволен и обещал рекомендовать специалиста всем друзьям и знакомым. «Сарафанное радио» за-

работало, у Олеси увеличился поток клиентов. За месяц ей удалось заработать неплохие деньги.

За три месяца людей, желающих въехать в квартиру Олеси, так и не нашлось. Ивам стал поговаривать, что недвижимость нужно продать, вырученные от сделки деньги добавить к его накоплениям и купить большую квартиру в престижном районе. Мол, ее точно удастся выгодно сдать.

Олеся поняла, что пора действовать. Валера и Анна освободили квартиру через два дня. Олеся съездила в банк, открыла карту и перевела на нее все свои заработанные деньги и «арендные» за свою квартиру. Теперь ее ничего возле Ивана не держало.

В день отъезда, последний раз готовя мужу завтрак, Олеся с не свойственной для нее холодностью произнесла:

– Мне надоело с тобой жить. Я хочу развода.

Иван, не ожидавший такого поворота, подавился яичницей.

– Ты что несешь? Какой развод? Кто тебе его даст?

– А кто мне должен его не дать? Ты не забывай, кто я по профессии. Я пойду в суд, и нас разведут. Даже если тебе удастся убедить судью и выпросить у нее время на примирение, на повторном заседании я все равно потребую развода. И просьбу мою удовлетворят.

– Ах, вот оно что! Жить тебе со мной надоело? Иди, я тебя не держу. Федьку оставляй, и иди.

– Да что ты! Больше тебе ничего не оставить? Сын со мной

поедет. Я ему мать. Алкогольной и наркотической зависимости не имею, зато есть собственная квартира и работа. Как думаешь, кому «самый гуманный суд в мире» ребенка оставит?

– Заранее готовилась, значит! И когда ты успела на работу выйти?

– Павел Сергеевич готов меня взять в свою контору. Квартира, как ты помнишь, свободна, и мы туда с Федей сегодня переезжаем.

– Только попробуй увести сына! Я пойду в полицию и заявлю на тебя! Так и напишу, что ты похитила ребенка.

– Вань, ты в своем уме? Я Феде мать, я не могу похитить собственного ребенка! Я прав лишена разве?

– У меня сейчас нет времени. Дождись меня вечером, все обсудим.

Вернулся Иван в уже пустую квартиру. Поехал домой к Олесе, но дверь ему не открыли.

Развели их на первом же заседании – Иван перестал артачиться и согласился на расторжение брака. В суд по лишению Олеси прав обратился, но, естественно, проиграл. После «поражения» добровольно согласился платить ребенку алименты. Олеся не стала запрещать сыну общаться с отцом. Теперь женщина была абсолютно счастлива, никто ее больше не контролировал и не унижал.

Возмутительное предложение

– Это мое последнее слово, выбирай: или мы, или твоя мама! – плакала жена. Если ты останешься с ней, то обещаю: ни меня, ни Настю ты больше не увидишь. Никогда!

Беременность Рите далась сложно. Сначала она долго готовилась к зачатию: полностью избавилась от вредных привычек, похудела на двенадцать килограмм, пропила курс витаминов. Мужа тоже заставила вести активный, правильный образ жизни. Супруги сделали все, чтобы ребенок родился здоровым. С первого по пятый месяц девушку мучил токсикоз, да и сами роды не были легкими: схватки длились почти сорок часов. Долгожданную дочь назвали Настей.

Вадим в порыве чувств под окнами палаты краской написал поздравления, за что получил нагоняй от заведующего родильным отделением.

Риту с малышкой выписали через три дня. Забирали ребенка торжественно, на выписке, кроме бабушек и дедушки, были близкие друзья Вадима. Рита мечтала только об одном: как можно скорее оказаться дома. Поэтому к свекрови на торжественный ужин не поехала. Пусть отмечают рождение Насти сами. Вадим поехал с женой, пообещав матери, что прибудет позже.

К рождению дочери у Риты и Вадима было все готово. В детской комнате уже ждали свою хозяйку коляска, кровать

и электрическая качалка-шезлонг. Перепеленав и покормив дочку, Рита рухнула в кровать. Вадима попросила не задерживаться: вечером малышку нужно будет испукать.

Застолье у свекрови проходило весело. Вадим принимал поздравления и подарки. На вопросы о Рите отвечал охотно, объяснял, что после родов его жена устала и имеет право на полноценный отдых. Кто захочет поздравить ее лично с рождением дочки, может прийти к ним в гости, когда Настя немного подрастет.

Вадим каждый вечер спешил домой. Он, в отличие от некоторых мужчин, не оставлял жену без помощи: охотно купал малышку, гулял с ней и играл.

Когда Насте исполнился месяц, Вадим отпросился с работы, чтобы сходить вместе с женой на плановый осмотр у педиатра. В поликлинике сказали, что с ребенком все хорошо: Настя быстро росла и отлично прибавляла в весе.

По дороге домой Рита и Вадим решили зайти в парк. Погода, несмотря на позднюю осень, стояла теплая, и родители решили: пусть Настя подышит свежим воздухом.

Возвращаясь домой, молодые люди заметили столпы черного дыма.

– Вадик, посмотри, кажется, что-то в нашем дворе горит!

– Не переживай. Наверное, баба Дуся решила клумбы в палисаднике обновить, вот и жжет за домом, возле мусорки, старые покрышки. Ты же знаешь, она всегда так делает.

Мимо молодых людей, громко завывая сиреной, пронес-

лась пожарная машина. Рита ощутила беспокойство и попросила мужа ускорить шаг. Переживала девушка не зря: пожарная машина стояла у их подъезда и тушила... Их квартиру! Единственное жилье, заработанное кровью и потом, сгорело.

Рита зашаталась и упала на асфальт. Вадим, испугавшись, вызвал скорую.

Очнулась Рита от резкого запаха нашатыря. Открыв глаза, она поняла, что лежит в машине неотложки.

– Вадим! Где Вадим? Позовите Вадима!

Мужчина открыл дверь, забрался внутрь «буханки» и сел рядом с женой:

– Вадим... Она... Она сгорела?

– Ты только не волнуйся, дорогая, только не волнуйся!

– Говори мне правду! Немедленно говори!

– Да, квартира наша сгорела... Не полностью, конечно, но жить там пока нельзя. Вся мебель и вещи, нетронутые огнем, залиты водой и пеной.

– Господи, как же так?! Почему она загорелась?! Теперь куда мы пойдём? А документы? Документы тоже уничтожены?

– Нет, дорогая. У меня есть привычка сразу складывать все важные бумаги в сейф. Я его из квартиры уже забрал. Края у ящика, правда, оплавилась, но замок цел. Хотя бы деньги и документы остались при нас. По предварительному заключению, возгорание произошло из-за неисправности проводки, это не умышленный поджог. А квартиру мы отре-

монтируем со временем, вещи купим новые. Я вторую работу найду.

Выйдя из машины скорой помощи, Рита заплакала. Девушка прижимала к груди новорожденную дочку и думала, как им теперь быть.

Родители Риты жили в деревне, в трехстах километрах от города. Узнав о трагедии, примчался ее отец, Валерий Николаевич, привез памперсы, одежду для малышки и Риты и деньги – все сбережения, какие у них были. Тесть, увидев Вадима, стушевался: про него он почему-то не подумал и ничего для зятя не захватил. Вадим не обиделся: главное, чтобы жене и дочери было тепло.

Отец Риты пригласил супругов к себе. Дом большой, на всех места хватит. Для внучки выделяют самую светлую, теплую и просторную комнату. Так далеко от города Рита уезжать боялась: вдруг у дочки поднимется температура, а до ближайшей больницы нужно ехать минимум три часа. В деревне из врачей – только фельдшер, а из лекарств – парацетамол, зеленка и йод. Да и Вадиму до работы было бы долго добираться.

Молодой человек позвонил матери, Юлии Дмитриевне. У свекрови Риты было однокомнатная квартира. Женщина, поохав в трубку, пригласила сына с семьей к себе.

– Конечно, Вадичка, приезжайте. Ой горе, горе-то какое! Что делать думаете?

– Сначала, мам, нам бы успокоиться. Будем ремонт де-

лать, восстанавливать жильё.

– Вадимушка, а где же ты деньги возьмешь? Ремонт – дело недешевое. Учти сынок, у меня денег нет. Ничем тебе помочь не смогу.

– Да не надо, мам, мне от тебя денег. Валерий Николаевич немного привез, на работе материальную помощь в связи с пожаром окажут, у друзей займу. А лучше съезжу в банк и оформлю кредит, чтобы частями потом со знакомыми не расплачиваться.

– Вадим, сынок, какой кредит? Не вздумай даже лезть в эту кабалу! Живите у меня. Как-нибудь разместимся. Люди вон и в более стесненных условиях живут. Ничего страшного.

– Ладно, мама, о деньгах мы будем думать позже. Скоро уже приедем, ждем такси.

– Хорошо, Вадимушка. Я поняла. Приезжайте, я пока ужин разогрею.

У Риты от пережитого шока напрочь пропал аппетит. Вадим уговаривал жену поесть хотя бы куриный супчик, она же дочку кормит грудью – откуда молоку взяться в голодном организме?

Рита нехотя съела пару ложек бульона, поблагодарила свекровь за ужин и гостеприимство и ушла в ванную. Открыв кран в раковине, женщина заплакала. Немного выпустив пар, Рита умылась, промокнула лицо полотенцем и прошла в спальню.

Юлия Дмитриевна как раз доставала из шкафа одеяла, подушки и матрасы. Женщина попросила переложить ребенка с дивана на кровать – нужно было сменить покрывало.

– Так, Рит, давай сразу обговорим, кто где спать будет. Я, старуха, на полу не усну, а Вадимушку на матрас я тоже не положу. Ты же знаешь, у него спина больная, грыжа. Не дай Бог простынет, на что ты жить будешь? Он на диване ночует, а тебе с доченькой я вот матрасик на полу постелю.

Ты не волнуйся, сверху на него теплый пледик накину, чтобы вам от пола холодом не тянуло.

– Да вы что, Юлия Дмитриевна, как новорожденного ребенка можно на пол положить? Для нее любой сквозняк опасен. Давайте хотя бы я на полу лягу, а Вадим пусть дочку к себе на диван возьмет.

– И как ты себе это представляешь? Он же не выспится. Ребенок маленький, ночью несколько раз на кормление просыпается. Нет, так не пойдет. Ложись с дочкой на пол на матрас, подвинь его ближе к моей постели, чтобы Вадимушке отдыхать не мешать.

Рита в шоке уставилась на мужа. Вадим сам не ожидал от матери такой выходки.

– Мам, ты что, смеешься? Ты хочешь положить маленького ребенка на пол?! Даже не думай, я лягу на матрас, Рита с Настей – на диван. Моя спина как-нибудь это переживет.

Юлия Дмитриевна была дамой экзальтированной, эдакой «тургеневской барышней». Сыном она манипулировала по-

средством слез: если что-то было не по ее, пожилая женщина начинала плакать. Так вышло и в этот раз. Чтобы не растягивать концерт до глубокой ночи, Вадим и Рита согласились с таким распределением спальных мест.

Укачивать Настю вышли на кухню, чтобы не мешать Юлии Дмитриевне заснуть. Пили чай, разговаривали и обсуждали дальнейшую жизнь.

– Вадик, что будем дальше делать? Денег, которые привез папа, на ремонт не хватит?

– Нет, дорогая. Надо добавлять примерно столько же. Считай, что наша квартира теперь новостройка. Ее заново нужно с нуля обустроить, начиная с потолка и пола, заканчивая розетками, сантехникой и мебелью.

– У меня родовые отложены, мы их так и не успели потратить. Плюс скоро декретные поступят. Наверное, нужно будет немного денег отдавать Юлии Дмитриевне. В конце концов, мы у нее живем. Нужно помочь покупкой продуктов и оплатой коммунальных услуг.

– Пусть это тебя не волнует. С мамой я рассчитаюсь сам. Ты, главное, не волнуйся, чтобы молоко не пропало. Доченька тоже будет испытывать стресс, если почувствует твое волнение.

Вернувшись в комнату, Вадим аккуратно лег на матрас, а Рита с Настей – на диван. Утром проснуться раньше Юлии Дмитриевны они не успели, поэтому супругов ждал скандал.

– Вадим, ты какого черта делаешь на полу? Я сколько раз

говорила, что тебе нельзя лежать на холодном! Застудишь спину, почки и вообще все органы!

– Мама, не преувеличивай. Все со мной нормально! На полу не холодно и даже мягко, я отлично выпался.

– А у тебя, дорогая невестушка, совсем совести нет! Я же кажется четко объяснила, кто где будет спать. Это моя квартира и здесь я устанавливаю свои правила, всем понятно?

Рита и Вадим молча кивнули. Юлия Дмитриевна, вздернув подбородок, гордо прошествовала на кухню готовить завтрак.

– Я тут долго не выдержу, – прошептала Рита.

– Ничего, дорогая, потерпи немного. Я постараюсь как можно быстрее решить вопрос с жильем.

Рите жилось со свекровью несладко. Юлия Дмитриевна всячески показывала, кто в этой квартире хозяйка. Женщина критиковала приготовленные невесткой блюда и громко сокрушалась: «Это что же, Вадимушка все время ест пересоленную еду?»

Одно хорошо – свекровь полностью взяла на себя заботу о сыне. Она съездила в магазин, купила ему несколько костюмов, рубашек, ботинки (хотя раньше утверждала, что у нее совсем нет денег). Вещи на работу гладила сама, рубашки по старинке кипятила. Даже галстук повязывала сыну каждое утро.

Рита не могла даже днем прилечь на диван. Если у нее выдавалась свободная минута и девушка хотела отдохнуть, све-

кровь молча указывала ей на матрас, лежавший в углу комнаты. Рита расстилала его и ложилась. С тех денег, которые привез Валерий Николаевич, в первую очередь купили коляску, чтобы хотя бы Настя спала в тепле и комфорте. Рита не хотела конфликтовать со свекровью и ночью ложилась на пол.

Ремонт в квартире делался медленно. Все знакомые и друзья Вадима помогли посильной суммой. Денег хватило на закупку строительных материалов. В кредит пока супруги решили не влезать – еще ведь требуется мебель и бытовая техника. Вадим практически каждый вечер уезжал на квартиру, к матери возвращался поздно, спал четыре-пять часов и утром уезжал на работу.

Открыто Рита и Юлия Дмитриевна не конфликтовали. Свекровь старалась уколоть невестку исподтишка: то воду горячую в кухню включит, когда Рита душ принимает, то вещи детские стирает вместе со взрослыми.

Последней каплей стала недавняя выходка Юлии Дмитриевны. Рита уложила дочь на дневной сон. Ночью девушка практически не спала, Настю беспокоили колики: малышка несколько раз просыпалась с истощенным криком, и, чтобы не будить Вадима, Рита уходила с коляской в кухню, прикрывала за собой дверь и там укачивала дочку. Решив отдохнуть хотя бы пару часов, Рита расстелила матрас и прилегла.

Проснулась она от сильной боли в запястье. Открыв глаза, она заметила, как Юлия Дмитриевна резко отошла от нее.

– Можно руки свои по полу не раскидывать? Чуть не упала!

– Юлия Дмитриевна, зачем вы мне на руку наступили? Ведь можно было если не обойти, то хотя бы перешагнуть!

– Не видела я руки твоей. Сообщение Вадимушке писала, на экран телефона смотрела. А ты не ложись посередине комнаты. Я же сказала: матрас расстилай вплотную к моей кровати.

– Но мне так неудобно. Получается, я всю ночь должна спать на одном боку?

– Поспишь, ничего с тобой не сделается. Не тебе условия диктовать! Скажи спасибо, что вас с Настей вообще приняли! Если бы не я, жила бы ты в Тьмутаракани у своих родителей!

Рита расплакалась и сразу же позвонила Вадиму. Мужчина отпросился с работы и поехал домой. Вадим успокоил плачущую жену и, не стесняясь в выражениях, отругал мать.

– Мама, как тебе не стыдно? Ты же прекрасно знаешь, что по доброй воле ни я, ни она никогда бы к тебе не переехали! Ты специально над нами издеваешься!

– Нет, Вадимушка. Просто я хочу, чтобы в моем доме жили по моим правилам! Я имею на это право!

– Хорошо, я тебя понял. Сегодня же мы уйдем на съемную квартиру. Живи одна по своим правилам!

Вадим с начальством был в хороших отношениях, поэтому попросил аванс. Квартиру нашли в тот же день – малень-

кую, однокомнатную, но уютную и недалеко от работы Вадима. Переезжали поздно вечером. Вещей у молодой семьи было немного, поэтому управились своими силами за час. Юлия Дмитриевна на сына обиделась, звонить ему перестала. Да и Вадим не навязывался, ему надоело терпеть самодурство матери.

Лживая родственница

– Этот человек мне никто, я ее знать не хочу! Твоя лживая, завистливая Наташа – иуда, она меня предала. Никаких встреч и разговоров по душам не будет. Когда она будет приходить к вам в гости, я буду уходить. У меня больше нет сестры.

Света младше Наташи на два года. Девочки воспитывались в одинаковых условиях, родители никогда не обделяли их вниманием и любовью. Несмотря на все старания мамы и папы, Наташа и Света выросли абсолютно разными. Старшая всегда завидовала младшей.

Света была очень похожа на маму: с правильными тонкими чертами лица, синими глазами и точеной фигуркой. Наташа же имела крепкое телосложение и небольшой рост. Популярностью у парней она не пользовалась, пока в девятом классе не похудела на шестнадцать килограмм. Света была гуманитарием, обожала литературу и историю.

Наташа же наоборот – «технарь», ей легко давалась математика и геометрия.

Выстроить нормальные отношения сестрам мешала зависть. Света много раз проявляла инициативу к сближению, причем делала это основательно. Если Наташа увлекалась каким-нибудь сериалом, Света читала произведение, на основе которого был снят фильм, чтобы в случае чего поддер-

жать разговор со старшей сестрой. Наташа такого рвения не ценила. Ей казалось, что Света из жалости пытается с ней подружиться. Между детьми регулярно вспыхивали скандалы.

Мать и отец пытались объяснить старшей дочери, что любят ее ничуть не меньше, чем младшую.

– Мама, что у тебя в пакете?

– Продукты и еще кое-какие мелочи. Не лажь, я сейчас сама все разберу.

– А карандаши цветные мне?

– У тебя есть цветные карандаши. Это Свете, она же во втором классе учится, рисует на уроках много. Ее набор уже сточился, остались одни огрызки.

– Мне тоже нужны карандаши!

– Наташенька, у тебя есть карандаши. Зачем тебе два комплекта?

– Я так и знала! Светку вы любите больше: все ей покупаете, а мне ничего!

– Наташ, ну как это – ничего? Позавчера мы купили тебе туфли, потому что на школьных ремешок отвалился. Света же не плакала и не требовала себе новую обувь. Почему ты себя так ведешь?

– Зачем вы ее родили? Я не просила!

– Мы ее родили, потому что так было нужно. Наташа, пожалуйста, будь умницей и не обижай сестру. Вы же родные! Нас с папой не станет, как вы жить будете? Ты уже взрослая,

тебе двенадцать лет, а Свете всего семь. Ты старшая сестра, ты должна заботиться о младшей. Ну нельзя же так!

Света была неконфликтным ребенком.

Даже будучи маленькой, она умело гасила скандалы со старшей сестрой. Наташа со Светой соперничала во всем. Старшая требовала у родителей, чтобы ей покупали такую же одежду, игрушки и канцелярские принадлежности, как и младшей. Собственный стиль Наташа приобрела ближе к девятому классу, когда ходить в школу с пеналом со смурфиками стало уже стыдно. Именно в это время у девушки случилась первая любовь.

Наташа стала встречаться с одноклассником, ей было не до Светы, и весь год семья жила спокойно.

В какой-то период между сестрами установилось некое подобие дружбы. Наташа согласилась отводить и забирать младшую сестренку с кружка танцев. Света училась отлично и подавала большие надежды. Когда Наташа оканчивала одиннадцатый класс, девочка победила в международном конкурсе, организаторами которого было известное учебное заведение во Франции.

Главным призом была поездка в Диснейленд в Париже. Перелет туда и обратно и гостиницу оплачивала приглашавшая сторона.

Света могла полететь только с кем-то из взрослых. Мать с отцом сопровождать ребенка не могли – не позволяла работа. Наташа стала упорно напрашиваться вместе со Светой

– ей месяц назад уже исполнилось восемнадцать. Родители сразу отказали: они были уверены, что старшая дочь еще не совсем морально готова к таким приключениям. Свету сопровождать должен человек ответственный.

Наташа смертельно обиделась. Практически каждый день заканчивался слезами и истериками. Света улетела с тетей – ей как раз удачно выпала на это время командировка в Париж.

Наташа родителям предательства не простила. Сразу же после возвращения Светы девушка переехала к бабушке. Теперь до школы добираться было на полчаса дольше, но Наташа стойко терпела неудобства, лишь бы только не находиться рядом с ненавистой сестренкой.

Ближе к концу года встал вопрос о выборе профессии. Родители много раз беседовали со старшей дочерью на эту тему и вроде бы пришли к консенсусу: поступать девушка должна была на экономический факультет. Но незадолго до выпускного Наташа позвонила матери и заявила, что учиться она будет в строительном. Снова произошел скандал.

Родители вместе с бабушкой несколько месяцев отговаривали девушку от этого опрометчивого шага.

Наташа обещала подумать над требованиями матери, если ей купят новый ноутбук для учебы и игр. Техника взяли в кредит, и Наташа подала документы на экономический факультет.

Во время учебы в институте девушка проживала в обще-

житии. Домой приезжала редко, и только в те моменты, когда Света отсутствовала, например, гостила у бабушки. Мать много раз спрашивала у старшей дочери причину такого отношения к младшей.

– Доченька, скажи мне, пожалуйста, почему ты так не любишь Свету?

– А за что любить эту выскочку?

– Ну почему выскочку? Твоя сестренка очень целеустремленная, старается, хорошо учится. Она, как и ты, упорная и трудолюбивая, но отходчивее. Ты пойми, что мы с папой любим вас одинаково.

– Мама, не заводи этот разговор. Я уже сотню раз тебе все объясняла. Ну зачем изо дня в день снова это повторять?

– И все равно я не пойму: почему? Мне, как матери, очень обидно. Получается, я плохо тебя воспитала: я не смогла научить тебя элементарной любви! Никогда не думала, что ты, Наташа, такой черствой вырастешь.

– Мама, прекрати. Мы много раз уже обсуждали, что Свету я недолюбиваю за ее вечное стремление выделиться. Ты зря думаешь, что я завидую. Зависти нет, просто я ее не люблю.

Света решила стать юристом. В том году конкурс на профессию был небольшой. Поступила она в тот же университет, что и Наташа. Руководство выделило несколько грантов, один достался Свете. Когда старшая сестра узнала об успехах младшей, то разозлилась: мало Светка дома перед ее глазами

маячила всю жизнь, так теперь еще и в университете продолжила это делать. Как будто назло подала документы именно сюда. Хотя могла бы пойти и в педагогический институт.

И вообще, колледжей в городе немало, где на поваров обучают.

Как-то Наташа встретила со Светой в коридоре.

– У тебя почему телефон выключен?

– Я забыла его ночью на подзарядку поставить. Разрядился.

– Тебе мама с утра звонит. Просила передать, чтобы ты, не заезжая домой, сразу ехала к бабушке. Приболела она.

– Хорошо, конечно. Ты тогда позвони маме, скажи, что меня видела.

В одной группе с Наташей учился молодой человек, который очень нравился девушке. Поклонниц у Артема было много, но отношений он заводить почему-то не спешил. Девчонки поговаривали, что парень еще не отошел от болезненного расставания. Артем, стоявший тогда в коридоре неподалеку, впервые увидел Свету. Девушка чрезвычайно понравилась молодому человеку, поэтому он подошел к Наташе и спросил:

– Натаха, а с кем ты разговаривала?

– Когда?

– Ну вот только что, две минуты назад.

– А, так со Светкой. Сестренка моя.

– Натах, а ты нас не познакомишь?

– Не познакомлю! Тебе надо – подойди и познакомься. И вообще, отстань от меня со своими глупостями.

Артем даже не догадывался, что он нравился Наташе. Девушка развернулась и быстрым шагом направилась в аудиторию. «Вот, снова она впереди меня! На меня Артем за пять лет ни разу внимания не обратил, ни один подарок не принял. А тут один раз увидел и все, поплыл», – с досадой подумала Наташа.

Артем решил все-таки попытать счастья и познакомиться со Светой. В какой группе учиться девушка, он не знал. Отпросившись у преподавателя за пятнадцать минут до окончания пары, молодой человек спустился в фойе и встал возле двери. Света в окружении подруг направлялась к выходу. Артем ее окликнул. Девчонки, увидев местную знаменитость, остановились, а Света подошла к парню.

– Привет. Меня зовут Артем. Как дела?

– Привет, я Света.

– Очень приятно! Так как дела-то?

– Неплохо. А твои?

– Хорошо. Слушай... Номерок свой не оставишь, а?

– Извини, Артем. Но у меня парень есть.

По лицу Артема было видно, что он расстроился. Проводив Свету взглядом, он внезапно решил, что все равно добьется ее расположения любыми путями.

Наташа медленно шла по парковой аллее. В общежитие идти не хотелось: с новой соседкой отношения установились

плохие, поскольку та часто грубила и огрызалась на любые просьбы. На выходе из парка практически лицом к лицу Наташа встретилась со Светой. Ее сестру сопровождал молодой человек.

– Наташ, привет. Познакомься, это Славик, мой парень.

– У тебя появился парень? Здравствуйте, Вячеслав. Наташа, очень приятно познакомиться. Прогуливаетесь?

Света ответила:

– Уже две недели вместе. Да, решили немного подышать свежим воздухом. Ты когда приедешь в гости? Мама часто спрашивает.

– Как-нибудь забегу.

– Приходи сегодня! У нас будет небольшое застолье. Я заняла первое место на городской универсиаде по математике. Вот, Славика тоже пригласила.

– Конечно, я приду.

Наташа была очень зла на Свету. Где-то в глубине души она понимала, что сестренка не виновата в том, что понравилась Артему. Наташа решила мстить: сегодня она уведет у заносчивой Светки парня. Любой ценой.

Сидя за столом в родительском доме, Наташа всячески кокетничала со Славиком. Парень намек понял и предложил довести Наташу до общежития. Света даже обрадовалась: неужели сестра наконец-то оттаяла и теперь у них наладятся отношения? Молодые люди сначала поехали в бар, а потом – к Славе. Проснулись они вместе.

Слава быстро увлекся Наташей. Через три дня он отправил Свете эсмэску, в которой предупредил, что они расстаются. Наташа и не думала скрывать отношения от Светы. Она, наоборот, просила, чтобы Слава приезжал за ней в университет, а она демонстративно его обнимала и садилась в машину. Света разрыв переживала очень тяжело: много плакала, замкнулась в себе и перестала выходить из дома. Отец позвонил Наташе и отругал, на что девушка ответила единственной фразой: «В любви, как и на войне, все средства хороши».

Университет Света не бросила. Ходила на пары каждый день, но через силу. Из депрессии ее вывел Артем. Молодой человек видел, что девушка сильно чем-то расстроена. Он пригласил ее погулять. Света, чтобы немножко отвлечься от грустных мыслей, согласилась.

Почти весь выходной день молодые люди провели вместе. Они отправились в парк, катались на аттракционах, ели мороженое, ходили в комнаты смеха и страха. Артем ухаживал за девушкой, провожал ее до дома, подарил ей котенка.

Парень с каждым днем все больше влюблялся в Свету, да и она начинала чувствовать к нему симпатию и привязанность.

Прошло пять лет. Наташа сразу же по окончании университета вышла замуж за Славу. Семейная жизнь не сложилась, мужчина регулярно изменял жене, но развода не хотел. Наташа сначала с одним, а потом и с двумя детьми боялась

от него уйти.

Артем и Света тоже поженились, в семье родился сын. Отношения между супругами были прекрасными. Артем безумно любил жену, и Света отвечала мужу взаимностью.

Наташа последнее время стала чувствовать вину перед сестрой. Ложась в постель ночью, женщина часто думала, что была несправедлива к Свете. Сестренка ведь к ней искренне тянулась, а она так подло с ней поступила.

Ранним майским утром в квартире Светы и Артема раздался телефонный звонок.

– Алло, я слушаю.

– Привет, Свет. Это Наташа.

– Привет... Давно тебе не слышала. А где ты номер взяла?

– Мама дала. У тебя будет немного свободного времени?

Давай встретимся.

– Хорошо, где? Если хочешь, приезжай ко мне. Я тортик твой любимый испеку.

Сидя на кухне Светиной квартиры, Наташа рыдала. Она просила прощения у сестренки за все гадости, что когда-то сделала. Света обнимала старшую сестру, гладила по голове и говорила, что давно на нее не злится. Она давно ее простила. «Наташ, давай ты Ваньку моего покрестишь?» Женщина подняла заплаканное лицо, улыбнулась и радостно закивала

Странная история

Странная история случилась со мной, когда я решил навестить своих дальних родственников в деревне. Я часто гостил у них, когда был маленьким, но потом у родителей стало больше работы, меня захлестнула волна подростковых переживаний и исканий, и с тех пор мы сюда больше не приезжали. А может, была и другая причина, о которой мне никто не сказал.

Так или иначе, мне хотелось снова окунуться в атмосферу детства и побегать по деревенским улочкам беззаботной мальчишкой. Наверное, именно эта беззаботность сыграла со мной злую шутку.

Дядя и тетя радушно встретили меня на автовокзале. Они сильно постарели с того момента, когда мы виделись в последний раз. Мы прошли по проселочной дороге, пересекли лес, который был не таким густым, каким казался издали, а когда подошли к дому, уже начало смеркаться. Я приехал не так уж поздно, просто в южных регионах темнеет на удивление рано.

Меня накормили, потом выделили мне скромную, но уютную постель. Весь остаток вечера мы провели за душевной беседой, вспоминая мои детские годы и обсуждая произошедшие в деревне изменения. Иногда лица родных становились грустными, но я не придавал этому значения, ведь в та-

кие моменты печаль приходит сама собой.

Когда следующим утром я сообщил дяде и тете, что собираюсь прогуляться в лесу и поохотиться на грибы, они выглядели явно испуганными.

– Может, не стоит? – встревожился дядя. – Ты все-таки городской, заплутаешь, и не найдем тебя потом. Да и мало ли что. Зверей, конечно, никто не видал, но береженого бог бережет.

– Да все нормально будет, – успокоил их я. – Я занимался спортивным ориентированием на местности, так что не потеряюсь. Компас, телефон – все при мне. И лесок у вас крошечный. Мне все равно больше нечем заняться, пока вы на работе.

Они нехотя согласились. Я собрал небольшой рюкзачок с бутербродами и водой, оделся в дядино лесное обмундирование, сунул телефон в карман, взял компас и пошел по тропинке за грибами. Как только вокруг меня начали сгущаться деревья, я достал из кармана компас, крутанулся вокруг своей оси, и стрелка бодро повторила мой пируэт. Убедившись в том, что все исправно работает, я отправился в лес.

Запахи и звуки вокруг были чарующими. Пахло сосной и легкой сыростью после дождя. Солнце светило так ярко, что я пожалел, что не взял очки. Шелестели кроны, где-то скакали белки и зайцы, что-то хрустело, скрипело. Природа жила своей жизнью. Красота – не то что город!

Я нашел один гриб, другой, третий и так увлекся, что со-

всем перестал следить за окружающим миром.

Я заходил все дальше и дальше в лес, хотя казалось, что кружился по одной и той же полянке. Растительность была не густая, поэтому потеряться было невозможно, да и лес небольшой. Буквально в нескольких метрах впереди – дорога, позади – дома. Но чем дальше я шел, тем больше чувствовал, что заблудился.

Будто бы плутал по кругу, из которого не мог выйти. В какой-то момент я осознал, что пейзаж вокруг давно не менялся: куда бы я ни свернул, вокруг на меня смотрели с презрением одни и те же деревья.

Внезапно волна тревоги льдом прокатилась по всему телу, и я замер, вслушиваясь в звуки леса. Ничего. Вокруг словно был вакуум. Ни пения птиц, ни щелканья их клювов, ни шороха белки, бегущей в кронах, ни шелеста листвы. Ничего. Весь лес словно в одночасье умер. Я слышал только, как пульсировала кровь в моих висках. Эта тишина не предвещала ничего хорошего.

Вся живность знала, что опасность рядом, и нужно помалкивать, чтобы тебя не сожрали. Я чувствовал на себе чей-то тяжелый взгляд, словно в кустах сидел кто-то и сверлил меня взглядом прямо в спину. Я осторожно обернулся, боясь спровоцировать хищника, и огляделся. Никого не было. Только бескрайние деревья, освещенные ярким солнечным светом, беспечно стояли вокруг. Но ощущение чьего-то невидимого взгляда не покидало меня.

«Так. Без паники. Здесь негде заблудиться. Это просто во-
ображение», – прошептал я себе и достал из кармана компас.

Стрелка показывала на север. Я выдохнул и хотел было
убрать агрегат в карман, как вдруг краем глаза заметил, что
стрелка не двигается. Я покрутился в разные стороны, по-
тряс компас, повертел его в руках.

Безрезультатно. Она указывала лишь на север. Прошиба-
емый ледяным потом я выругался, нащупал в кармане теле-
фон и поднес бликующий экран к глазам. Из черноты на ме-
ня смотрело мое же лицо. Я нажал кнопку включения. Ни-
чего не изменилось. Я нажимал ее еще и еще. Ничего. Теле-
фон не работал. Он наотрез отказывался включаться.

Паника захлестнула с новой силой. Глаза забегали в поис-
ках выхода. Хотелось бежать, неважно куда, просто нестись
вперед без оглядки, подальше отсюда.

«Что за чертовщина?» – в очередной раз ругнулся я.

Надо было успокоиться и подумать логически. Я сел под
дерево, достал из рюкзака бутерброд и воду и решил пере-
кусить. Яркий вкус ветчины и сыра немного вернули меня
к реальности. Паника слегка отступила. Я снова начал чув-
ствовать запах хвои и сырости.

Вдруг в этой гармонии лесных ароматов начала выделять-
ся омерзительная вонь чего-то гнилого. Я огляделся, ожидая
увидеть рядом тушку зайца или что-то вроде. Ничего. Толь-
ко нарастало ощущение незримого наблюдателя.

– Эй! Что ты тут делаешь? – послышался звонкий, почти

детский голос, и я невольно вздрогнул, едва не подавившись.

Прямо перед моим носом стоял мальчишка лет четырнадцати и смотрел в упор на меня. Его лицо казалось таким знакомым, но, готов поклясться, что никогда не видел его раньше. Возможно, он пробежал где-то мимо вчера или сегодня утром. Он был одет в легкие свободные шорты и держал в руках удочку и небольшое ведро. Его коленки и футболка были в грязи и царапинах. Он возник так неожиданно, что я еще долго не мог пошевелиться от испуга. Я ведь даже не слышал его шагов.

– Эй. Глухой, что ли? Чего расселся? Ты вон сколько нахапал, пора и честь знать, – он кивнул в сторону моего ведра, полного грибов.

– А ты знаешь, как выйти отсюда? – несмело произнес я и мысленно порадовался: мальчишка скорее всего местный и прекрасно знал дорогу.

– Конечно, что за вопрос? – он хмыкнул и пошел прочь от меня, после замер и оглянулся. – Идешь?

В надежде на спасение я бросил недоеденный бутерброд на землю и рванул за ним. Я пытался разговаривать с мальчуганом, спрашивал в каком доме живет и куда ходил, но он лишь молча шел вперед. Мою спину все еще сверлил пристальный злобный взгляд.

Солнце все еще игралось в кронах деревьев. Чем дальше мы шли, тем отчетливее становились звуки. Пели птицы, ломались веточки под ногами. Ощущение призрачного наблю-

дателя постепенно ослабло. Казалось, мы блуждали между деревьев не меньше часа, но день длился вечно. Совсем скоро деревья остались за спиной, и впереди показались домики.

Мы, все еще не произнося ни слова, прошли по дороге. Мальчишка замер возле одного из домов.

– Мне туда, – прошелестел он и скрылся за забором.

Я зашел в дом родных, скинул ботинки и облегченно вздохнул.

«Ну и учудил же я. Такой самоуверенный: «Ох, да не потеряюсь». Ага. Потерялся. Еще и перепугался до смерти. Напридумал себе всякого. Чтоб взрослого дядю ребенок из леса выводил – это же смешно!»

Я лежал на диване и посмеивался над собой, когда двери открылись. Послышались голоса, а вскоре и спешные шаги пронеслись по всему дому и замерли возле меня.

– Господи! Живой! – пропела тетя и бухнулась на колени, едва не плача.

– Что случилось? Что с вами?

– Ты где три дня шатался, окаянный? – дядя аж побелел, увидев меня.

Я в недоумении уставился на них.

– Три дня? Вы чего? Меня от силы часа четыре не было, еще даже не стемнело.

– Дурилка! Ты трое суток где-то шастал. Мы всем селом тебя по лесу искали. Все ноги сбили.

Я ничего не понял и пересказал тете и дяде все, что случилось со мной в лесу. Их лица становились все более и более напуганными.

– Наверное, ты набрел на какое-то магнитное поле, раз компас и телефон поломались, – наконец выдавил из себя дядя. – У природы свои причуды.

– А ощущение, что за мной кто-то наблюдает?

– Просто переволновался. Фантазия такая шутница, ничего сверхъестественного.

– Да, наверное, так и есть. Хорошо, что тот мальчишка меня нашел.

– А что за мальчишка? Кто это из наших детей без родителей по лесу ходит, когда мы там всем селом тебя ищем? – возмутилась тетя.

Я встал с дивана, подошел к окну и указал на один из соседних домов.

– Вон. Он зашел вон в тот дом.

Лица моих родных побелели.

– Как он выглядел?

– Худенький, светленький мальчишка. В шортиках и с удочкой.

Тетя, охнув, села на диван и запричитала.

– А ты не помнишь Сашку, с которым вы в детстве играли? Он был на несколько лет тебя старше.

– Очень смутно, а что такое?

– Никого тебе не напоминает?

У меня от удивления сжался желудок. Точно. Вот на кого был похож тот мальчишка. Сашка ведь тоже жил в том доме. Как я сразу не сообразил?

– Это его сын? Не слишком ли он взрослый?

– Нет, дорогой. Сашки не стало почти пятнадцать лет назад. Вы тогда ушли на рыбалку. В лес зашли двое, а вышел оттуда ты один. После этого ты не разговаривал несколько месяцев. Совсем. Никто не знает, что там произошло, но Сашку до сих пор не нашли. Твои родители решили больше тебя сюда не привозить, чтобы не травмировать воспоминаниями.

Тетя едва сдерживала слезы, а меня всего скрутило. Я не помнил ничего, кроме того, как мы играли на улице в детстве. Но ни леса, ни рыбалки, ни того дня вообще не осталось в моих воспоминаниях.

Не знаю, что тогда произошло. Не знаю, как три дня показались мне несколькими часами. Не знаю, что так хищно наблюдало за мной. Но знаю лишь, что Сашка меня спас, а значит, тогда в детстве я не сделал ему ничего плохого.

Наглая свекровь

– Коля, зачем она снова приехала? Просили же ее, звонили несколько раз! Говорили, что не можем сейчас принимать гостей, работаем по двенадцать часов, чтобы наконец-то из съемной в свою квартиру переехать! Учти, я ее обслуживать не буду! У меня нет на это времени, – шепотом высказывала Соня мужу.

София и Николай в браке жили уже четыре года. Главная цель молодых людей – приобретение собственного жилья в Москве. Именно из-за отсутствия своего угла супруги и затягивали с рождением детей. Соне не хотелось полжизни таскать ребенка по съемным квартирам. Супругам осталось совсем немного: не хватало трехсот тысяч – одной пятой от первоначального взноса. Откладывали деньги потихоньку с зарплаты.

Повезло, что мать Николая снимала им трехкомнатную квартиру – супругам получалось сэкономить почти треть доходов.

Мама Коли, Ирина Викторовна, жила далеко от сына. Называть ее пенсионеркой язык не поворачивался: женщина работала, много путешествовала, следила за собой, была на «ты» с гаджетами и компьютером, уверенно «плавала» в сети Интернет. В гости к сыну и невестке приезжала редко, не чаще двух раз в год, но всегда без предупреждения.

Если ей вдруг захотелось повидаться с родственниками, женщина покупала билет и без звонка сваливалась как снег на голову. Ключи от квартиры у нее были, с работы ни Со-ню, ни Колю не дергала. Вот и в этот раз Ирина Викторовна снова приехала без разрешения, хотя и сын, и невестка в последнем телефонном разговоре просили ее этого не делать.

Работали муж с женой в одном отделе, поэтому часто пересекались в коридоре и столовой. Во вторник утром руководитель пригласил сотрудников к себе в кабинет и обратился к ним с личной просьбой:

– Я понимаю, у многих из вас семьи и дети, вы торопитесь домой. И имеете право сверхурочно не задерживаться на работе. Я никого не заставляю, но прошу поступиться своими принципами и сегодня остаться на пару часов. Нужно доделать важный отчет, от которого напрямую зависит премиальная составляющая нашего с вами ежемесячного вознаграждения. Если мы поднажмем, то за один вечер управимся. Для каждого, кто останется, я обещаю отдельно выбить у генерального небольшое поощрение.

Соня и Коля, в отличие от других коллег, детей не имели, поэтому руководителю навстречу пошли. Девушка попросила мужа в обеденный перерыв съездить в ближайшее кафе и заказать ужин на семь-восемь вечера с доставкой прямо на работу. Дома готовить после тяжелого дня не хотелось.

Работа в отделе кипела, каждый сотрудник старался как можно быстрее закончить свою часть отчета и уйти домой.

Сонин телефон тренькнул. Девушка посмотрела на экран и увидела уведомление в ватсапе от контакта «Любимый». Соня открыла сообщение и остолбенела: муж сообщал, что через два часа к ним в гости приедет его мама. Разбираться с Колей у Сони не было времени, поэтому она решила перенести скандал на вечер.

По дороге домой Соня ругала мужа:

– Коля, да сколько можно?! Что за человек твоя мать? Почему она никогда никого не слушает? Ее же просили не приезжать пока! Я ее знаю: сначала она скажет, чтобы мы ни о чем не беспокоились, что она сама погуляет по городу, посмотрит достопримечательности и найдет себе развлечение, зато потом, когда уже уедет домой, по всем родственникам разнесет, что я неблагодарная, не могла выделить и часа на общение со свекровью!

– Не заводись. Я, к сожалению, мать уже изменить не смогу. Ну вот такой она человек, что поделаешь. Давай просто потерпим, а?

– Как мне надоело это твое «потерпим». Я так уже четыре года терплю. Вспомни, когда мы проездом в ее краях были, хотели одну ночь в ее доме переночевать, нам что было сказано?

– Ладно тебе, вспоминаешь прошлое!

– А я тебе напомним! Нас с тобой не пустили! Ночевали мы в гостинице. А почему? Потому что Ирина Викторовна, видите ли, к гостям тогда была не готова!

Тихо переругиваясь, подъехали к магазину. Нужно было купить продуктов: в холодильнике пусто, а свекровь придется кормить целую неделю.

Соня знала, что свекровь терпеть не может стоять у плиты, поэтому готовка ляжет на ее плечи. Чтобы сэкономить собственное время, девушка купила полуфабрикаты: котлеты, митболы, тефтели, пельмени, вареники, овощные смеси, готовые нарезки для салатов. Еще взяла зелень, свежие фрукты, овощи и сладости на десерт.

Рядом с домом, когда было уже десять вечера, Соня внезапно вспомнила, что утром не успела прибраться в квартире. Собираясь на работу в спешке, некоторые вещи остались лежать на полу в спальне и ванной. «Ладно, будь что будет!» – подумала девушка. В конце концов, к визиту свекрови никто не готовился.

Войдя в квартиру, Соня поняла, что уборкой свекровь себя не утруждала. Хотя могла бы и помочь. Женщина в квартире сына всегда останавливалась в дальней третьей комнате. Проходя мимо нее, Соня про себя отметила, что порядок там Ирина Викторовна все-таки навела: полы блестели, кровать застелена мягким пледом, на полке выстроились баночки с кремами и лосьонами.

Ирина Викторовна на кухне гремела кастрюлями.

– Привет, мам. Как добралась?

– Здравствуй, Коленька. Отлично добралась, совсем не устала. Ну у вас и бардак! Час отмывала свою спальню. При-

вет, Соня.

– Здравствуйте, Ирина Викторовна.

– Рассказывайте, как у вас дела? Как на работе? Как обстоят дела с ипотекой? Скоро переезжаете?

– Пока не вся сумма для первоначального взноса на руках, но мы над этим работаем. Ты как, по делам или просто в гости?

– И по делам, и в гости. Нужно будет по просьбе подруги съездить в центр красоты и кое-что узнать. Планирую посетить выставку прикладного искусства. В общем, планов много. А вы чего так поздно?

– Мы, Ирина Викторовна, так поздно, потому что на работе аврал. Мы же вам об этом говорили, когда созванивались в последний раз.

– Да, Сонечка, забыла. Ты так тараторишь, что иногда бывает сложно уловить суть. Я посмотрела – еды нет. Вы чем ужинать-то будете?

– Вкусно пахнет. Поделитесь с нами?

– Я на вас не готовила. Зашла в магазин, купила пару яиц да одну куриную грудку. Не знала же, когда вы придете.

Соня хмыкнула и ушла в спальню переодеваться. Све-кровь в своем репертуаре, ничего нового: все всегда делает только для себя.

Ужин сегодня Соне готовить не пришлось, они с Колей поели на работе. Выпив чаю, все разошлись по комнатам. Завтра предстоял новый, сложный день. А Колю перед сном

ожидали нотации: Соня еще не все высказала.

Утром Ирина Викторовна напросилась с ними. Женщина хотела попасть в центр красоты, сын с невесткой как раз проезжали мимо этого учреждения. Соню свекровь раздражала, девушке не хотелось лишний раз находиться рядом с ней.

Рабочий день прошел спокойно. Отчет был сдан благополучно еще вчера. Коля и Соня вышли с работы ровно в шесть вечера. Домой не хотелось. Девушка уговорила мужа пройтись по магазинам, она давно хотела купить пару комплектов постельного белья.

Ужин готовила Соня. Согласовывать меню пришлось со свекровью: та отказалась есть покупные пельмени, потребовала хотя бы картофельное пюре с котлетой. Девушка еле сдерживалась, чтобы не нагрубить. За ужином Ирина Викторовна произнесла:

– Сейчас доедим и пойдем наводить порядок в квартире. Завтра у нас гости, ко мне приедет школьная подруга. Живет Зина в Переславль-Залесском, каждый день туда-сюда не наездишься, поэтому она немного поживет у нас. Вернее, у вас.

– Вообще прекрасно! Мне придется теперь каждый день готовить на четверых человек, убирать за всеми посуду, ежедневно проводить уборку! Ирина Викторовна, вы извините, но своим приездом вы все планы нам разрушили! Я очень устаю на работе, иногда вечерами сил даже поесть не хватает. Зачем мне ваши гости?

– Я всегда говорила, Соня, что ты слишком ленивая. Когда

Коля и Вера были маленькие, я тоже работала, но успевала смотреть за ними, за мужем, за домом. Родственники у нас гостили постоянно, скажи, Коля?

Мужчина опустил голову и сделал вид, что вопроса он не услышал. Соня разозлилась, но тоже промолчала. Не хотелось ей открыто воевать со свекровью.

Под чутким руководством Ирины Викторовны Соня и Коля отмыли каждый сантиметр квартиры. Женщина заглянула под холодильник, шкафы, за диван. Соня перестирала кучу белья, выгладила все простыни, наволочки и пододеяльники. Генеральная уборка закончилась около двух часов ночи. На работу Соня и Коля проспали, собираться пришлось в спешке. По дороге снова поругались: девушка требовала, чтобы свекровь уехала немедленно.

– Говори ей, что хочешь! Что угодно обещаешь, но сделай так, чтобы я вернулась сегодня домой с работы, а ее в нашем доме уже не было! Коля, почему я должна терпеть эти издевательства? Пусть она едет к твоей старшей сестре и там устанавливает свои порядки. Она не поедет, потому что у Веры тяжелый характер, она быстро твою мать на место поставит!

– Сонь, ну давай не будем ругаться! Мама через четыре дня уедет, осталось совсем немножко потерпеть. И, в конце концов, когда мы купим свою квартиру, ей что, даже адрес не сообщим?

– Отличная мысль, Коля! Сейчас ты сказал что-то дельное

впервые за три дня!

В обед Соне позвонила свекровь.

– Где у тебя лежат банные полотенца? В ванне нужно заменить. И еще, я взяла новые полотенца на кухню. Старые смотрятся как половая тряпка.

– Ирина Викторовна, я банные и кухонные полотенца брала в свою квартиру! Потихоньку я покупаю разные мелочи заранее, чтобы время и деньги при переезде сэкономить. Что вам понадобилось в шкафу в моей спальне?

– Я же объяснила: полотенца банные и кухонные. Я тут готовлюсь встречать подругу и думаю: неудобно как-то пожилого человека на этот горбатый диван спать укладывать. Я ей лучше в вашей спальне постелю.

– Никогда никто, кроме нас с Колей, на этой кровати спать не будет! Ирина Викторовна, вы в своем уме? Забирайте свою подругу к себе в спальню и спите вдвоем хоть валетом. Не обижайтесь, но если вечером, придя с работы, я увижу в своей спальне постороннюю женщину, я ее выгоню!

Ирина Викторовна бросила трубку. Надо же, какая нахалка! Кто ей дал право грубить взрослым людям? Мать решила позвонить сыну и потребовать, чтобы тот приструнил хамку. Коля неожиданно встал на сторону Сони. Ему тоже не очень нравилась идея с приездом подруги. Не найдя поддержки в лице собственного ребенка, Ирина Вячеславовна разозлилась.

На удивление, школьная подруга Ирины Вячеславовны,

Зинаида Николаевна, оказалось женщиной тихой и тактичной. Когда свекровь лежала перед телевизором, Зинаида Николаевна на всех готовила ужин. Еда получалась такой вкусной, что Коля с удовольствием съедал по две порции. Соня много общалась с гостьей; Зинаида Николаевна работала в школе учителем истории, поэтому знала много интересного. Ирина Викторовна начала ревновать подругу к сыну и невестке. С приездом Зинаиды Николаевны о ней как будто бы все забыли.

Зинаида Николаевна пригласила Колю и Соню к себе в гости. Молодые люди обещали во время отпуска обязательно заглянуть к новой знакомой. Слушая, как любезно с Зинаидой Николаевной общается Соня, Ирина Викторовна злилась. Ей так и не удалось за четыре года выстроить теплые отношения с невесткой. Ну и не надо! Ирина Викторовна ни перед кем не собиралась прогибаться и выслуживаться.

После отъезда подруги она тоже засобиравалась домой. Соня этой новости обрадовалась.

Вечером женщины снова поругались: Ирина Викторовна, собираясь приготовить себе яичницу, взяла не ту сковородку.

– Не трогайте ее, пожалуйста. Эта сковородка мне дорога как память, сама на ней ничего не готовлю. Мне ее Коля на нашу первую годовщину подарил.

– Да, сынок... Никакого в тебе креатива – сковородку в подарок.

– Ничего смешного. Именно такая сковородка мне тогда была нужна. Коля все правильно сделал.

Ирина Викторовна сама себе дала обещание, что больше никогда она не поедет в гости к сыну. Если он захочет с ней повидаться, пусть приезжает в родительский дом хоть каждый месяц. И один. Ну ничего, Ирина Викторовна научит нахальную невестку правильно вести себя со старшими.

Когда Соня с Колей вернулись домой, Ирины Викторовны уже не было. Ее вещей молодые люди тоже не обнаружили. Коля предположил, что мать уехала еще утром – в одиннадцать утра он вызывал ей такси до вокзала.

На газовой плите стояла Сонина любимая сковородка с остатками яичницы.

Девушка расстроилась: ведь просила же вчера ее не трогать. Моя посуда, Соня обнаружила глубокие царапины на тефлоновом покрытии – свекровь ножом или вилкой нарочно испортила сковородку. Соня очень расстроилась, но виду не показала. Ей удалось отделаться малой кровью.

Соня решила, что попросит мужа, и он подарит ей такую же сковородку хоть завтра.

Мужик или не мужик

– Мишенька, послушай маму. Я никогда плохого тебе не посоветую! За успешным мужчиной стоит сильная женщина. Только благодаря мне в свое время твой папа стал руководителем крупного предприятия. Я выполняла самую важную задачу – обеспечивала ему надежный тыл. А Кирка твоя что? Ни кожи, ни рожи, ни стержня, ни характера. Она вниз тебя тянет! С работой у Киры не ладилось уже несколько лет.

Незадолго до замужества девушке удалось устроиться в риэлторское агентство.

Там Кира быстро начала неплохо зарабатывать, в коллективе пользовалась авторитетом. В агентстве она протрудилась до декрета, и теперь, когда Кира решила туда вернуться, начальство отказалось принимать ее на прежнее место.

Сотрудник, которого три года назад взяли на замену, отлично справлялся со своими обязанностями и, в сравнении с Кирой, имел одно важное преимущество: он был мужчиной. Тогда девушка решила попытать счастья в торговле. Ее близкая подруга работала менеджером по продажам и была довольна: зарплата выходила высокая при минимальном объеме обязанностей.

По протекции Вали Киру взяли стажером на испытательный срок. Если она удачно его пройдет, то будет работать рядом с Валентиной, в одном отделе. Эта профессия девушке

не понравилась. Приходилось каждый день вживую общаться с огромным количеством людей, под каждого подстраиваться, угадывать настроение и характер.

В агентстве было проще: клиенты сами обращались к специалистам, переговоры в основном проходили по телефону, лишь для показа или осмотра квартиры Кира выезжала на личные встречи. Поиском работы Кира занялась по собственной инициативе. В последнее время в отношениях с мужем появились проблемы именно на финансовой почве. Михаилу показалось, что жена много тратит. Его недавно повысили, соответственно, увеличилась и зарплата.

Все было бы хорошо, если бы Миша не поделился радостной новостью со своей мамой, Татьяной Алексеевной.

– Сыночек, от всей души поздравляю с повышением! Ты его заслужил упорным трудом! Благотворной тебе работы и карьерного роста, мой мальчик!

– Спасибо, мамочка! Ты не представляешь, как долго я к этому шел. – Я тебе верю, ты же весь в отца! Тот тоже был настойчивым, упорным и трудолюбивым. Сынок, хочу дать тебе один дельный совет. Теперь ты начальник, поэтому и выглядеть должен соответственно. Выброси все старые костюмы и рубашки, обнови гардероб. Поверь, человека встречают по одежке. А по твоим вещам видно, что куплены они на местном рынке.

Миша задумчиво кивнул. Кира удивилась: какая разница, какого бренда костюм? Главное, чтобы он был удобным и ка-

чественным. Ну кто лезет поглазеть на этикетку? Но спорить со свекровью и с мужем не стала. Раз нужно обновить гардероб, то пусть обновляет. Сейчас Кира себя ругала за такое скоропалительное решение.

На новые вещи муж спустил 80% зарплаты! Жене на расходы выдал остатки. Кира сначала думала, что он шутит.

– Миша, я на эти деньги что должна буду купить или оплатить? – Это тебе на месяц. Здесь и коммунальные услуги, и продукты, и садик для Вероники.

– Ты шутишь, что ли? Я на эти деньги, Миша, могу или продуктов купить на неделю-две или за коммунальные заплатить.

– В общем, не знаю, Кира, смотри сама. У меня пока денег нет. Следующая зарплата только через три недели. Надо как-то выкручиваться.

– Скажи, зачем тебе четыре костюма и восемь рубашек? Куда ты собрался это носить? – Так посоветовала мама. И то, костюмы нужно будет обновить месяца через три-четыре. Я же теперь начальник! Подчиненные на каждую мелочь, меня касающуюся, будут обращать внимание. Чтобы не сорваться и не выругаться матом рядом с ребенком, Кира пошла в ванную закладывать грязное белье в стиральную машину.

Полночи девушка думала, как потратить деньги, милостиво выданные Мишей на хозяйство. Желание финансово не зависеть от мужа хотя бы в бытовых вопросах выросло за одну ночь, и Кира наутро решила искать себе работу.

Вероника ходит в садик, в принципе, весь день у нее свободен. Ну а хозяйство теперь Миша будет вести вместе с ней, после работы. Неожиданная инициатива Киры ежемесячно вносить в семейный бюджет определенную сумму сначала Михаилу понравилась. Он одобрил решение девушки выйти на работу. Муж даже согласился по утрам подвозить Киру – им было по пути.

Но уже через две недели мнение Миши кардинально изменилось, и не без подачи его мамы. Девушка приходила домой поздно, откровенно забросила хозяйство: генеральная уборка теперь проводилась один раз в две недели, а не каждые два-три дня, как раньше. О двух блюдах на обед и ужин Михаил забыл: каждый день его ждали котлеты или сосиски, разнился только гарнир.

Теперь Кира напоминала ему о необходимости закинуть в стиралку рубашки. Хорошо, что хоть гладить их не заставляла.

Миша попытался было стукнуть кулаком по столу и потребовать от жены увольнения, но Кира, прищурив левый глаз, сказала: – А я не поняла, дорогой, чем ты недоволен? Я, как ты видишь, теперь работаю. Раз мы теперь оба приносим деньги в семью, то оба и выполняем домашнюю работу. Все по-честному?

– Я мужчина! Я не обязан мыть полы, посуду, стирать рубашки. Мама сказала, что это твои обязанности. Женщины раньше тоже работали и по дому все успевали.

– Ну, то было раньше. Сейчас взгляды на мир изменились, царит равноправие между мужчиной и женщиной. Еще через десять дней Миша сдался: пообещал больше никогда не тратить такие крупные суммы на одежду и все расходы согласовывать с ней.

Девушка решила в понедельник последний раз выйти на работу и написать заявление на увольнение. Утром, войдя в офис, Кира встретила Валу.

Подруга выглядела встревоженной:

– Тебя главный искал, десять минут по офису ходил.

– Интересно, зачем я ему понадобилась?

– Выговор влепить, наверное, хочет. Им кажется, что ты плохо работаешь.

– Ай, да без разницы уже. Мишка свою ошибку понял. Я и пришла сегодня, чтобы заявление написать. Поднявшись на пятый этаж, Кира остановилась у кабинета начальника. Аккуратно постучала, дождалась приглашения и вошла.

– Кира, здравствуйте. Садитесь, будет серьезный разговор. – Надо же, как совпало! Сама хотела кое-что сообщить. – Разрешите, я начну. Так вот, стажировку в нашей компании вы не прошли. Вы смогли выполнить только 30% от стандартного плана. Зарплату мы вам не выплатим. У секретаря можете взять бланк заявления по собственному.

– Я и так сегодня пришла увольняться. Надоело мне обманывать людей! Но на каких основаниях вы отказываете мне в выплате заработной платы почти за месяц?

– Хочу вам напомнить, уважаемая Кира, что трудились в этом месяце вы у нас без оформления. Договор мы с вами не заключали. Отказ в выплате заработной платы – наше решение. Можете обжаловать его как хотите, хоть в суде. Доказать сможете, что вы вообще у нас работали? Кире стало неприятно. Девушка, не желая продолжать разговор, покинула кабинет начальника. С Валеёй попрощалась сухо, обещая все рассказать вечером по телефону.

Дома сообщила правду супругу. Миша не расстроился, а, наоборот, обрадовался, что теперь Кира всегда будет дома.

Молодые люди давно собирались посмотреть популярный сериал, поэтому после ужина быстро уложили Веронику спать, расстелили постель и включили телевизор. Миша весь вечер провел с телефоном в руках. Кира как бы невзначай заглянула и увидела, что муж переписывается с мамой. «Опять нашла повод для нравоучений! Вот делать ей нечего», – пронеслась в голове у девушки мысль.

После просмотра трех серий Миша захотел спать. Мужчина положил телефон на тумбочку и отправился в ванную. Любопытство Киры пересилило. Она открыла мессенджер и пробежалась по сообщениям.

Переписка вызвала у Киры неприятное чувство. Кира еле сдержалась, чтобы не позвонить свекрови, и все же разборки с матерью мужа решила отложить до утра. Она собиралась навестись к свекрови в гости и переговорить с глазу на глаз.

Утром, отведя Веронику в сад, девушка села на автобус и

направилась к Татьяне Алексеевне. Предварительно звонить свекрови Кира не стала, чтобы та не успела придумать отговорку, лишь бы не встречаться. Сократить путь девушка решила через парк. Идя по аллее, впереди себя Кира увидела Татьяну Алексеевну. Та шла под ручку с какой-то девушкой.

Кира хорошенько пригляделась, и в спутнице свекрови узнала свою подругу Валентину. Кира опешила: она и не знала, что женщины друг с другом знакомы. Почувствовав неладное, девушка решила проследить за свекровью и, по возможности, подслушать их разговор.

Татьяна Алексеевна и Валя сели на скамейку. Кира встала за дерево, чуть поодаль. Из укрытия было все прекрасно слышно.

– Валечка, ты меня знаешь, я слов на ветер никогда не бросаю. Я не понимаю, почему Мишенька выбрал не тебя, а эту девку. Вы же четыре года встречались. Мы с твоей мамой начали всюю к свадьбе готовиться – и тут эта девица хвостом махнула и увела сыночка практически из-под венца!

– Татьяна Алексеевна, я же всю жизнь Мишу люблю. Ради него на все готова! Пришлось даже в подружки к ней набиться. Три года мы с ней знакомы, а она до сих пор не подозревает, что я – бывшая ее мужа.

– Я Мишеньке и так, и сяк говорю: зачем тебе эта бесперспективная девица? На работу, представляешь, устроилась и даже месяца там не продержалась! С испытательного срока выгнали. – Да знаю, Татьяна Алексеевна. Это же я ее в фир-

му пристроила, я и помогла начальству решение правильное принять. Ее клиентам напрямую говорила: специалист она плохой, в документах часто делает ошибки. От сотрудничества всячески отговаривала. Вот ее и выгнали.

– Валечка, какая ты умница. Я жду не дождусь дня, когда вы с Мишенькой снова будете вместе. Правда, что делать с внучкой, не знаю... – А что делать, Татьяна Алексеевна? Придумаем что-нибудь, будем растить Верочнику. Шансы забеременеть у меня очень маленькие. Я смогу зачать ребенка только чудом. С детского дома Миша взять малыша не захочет, да и не надо. У него родная доченька есть.

У Киры, стоявшей за деревом, глаза наполнились слезами. Девушка аккуратно достала телефон и включила запись камеры. Миша на слово ей не поверит, нужны доказательства. Вернувшись с работы, Миша застал жену в слезах.

Мужчина сначала ничего не понял: Кира причину своего расстройства объясняла сбивчиво.

– Дорогая, подожди. Выпей воды. Расскажи мне толком, что случилось? Кто тебя обидел? – Мама... Она с Валею... Все придумали... Ненавидит... Бывшая...

– Милая, ты встречалась с Валею? Что она тебе сказала? Вместо ответа Кира протянула мужу телефон. Михаил посмотрел видео и побагровел. Он попросил Киру одеться и поехать вместе с ним к матери. Татьяна Алексеевна гостей не ждала. Она пила на кухне чай и обдумывала очередную пакость, которая поможет быстрее отвратить ее мальчика от

неугодной невестки.

Открыв дверь, Татьяна Алексеевна увидела суровое лицо сына и вздрогнула. Разговор Миша начал первым.

– Мама, немедленно сядь и объясни мне, что это такое? Миша сунул ей под нос видео.

– Откуда это, сынок, у тебя? Ты что, за мной следишь?

– Я жду ответа. Вы что с Валькой на пару устроили? Не успокойтесь никак?

Татьяна Алексеевна заволновалась. Отрицать было уже поздно, и она решила сознаться:

– Да! Не хочу я, чтобы ты жил с этой деревенщиной! С ней у тебя никогда не будет карьеры. Я тебе уже говорила, что за успешным мужчиной стоит сильная женщина!

– Наверное, такая как ты, да, мама? Обычная нахлебница, всю жизнь сначала просидевшая на шее у отца, а теперь у меня. Ну-ка, расскажи мне, какой ты папе обеспечивала тыл? Ты даже не готовила дома! Все время ты проводила в театрах, на концертах и в санаториях. Кормила, собирала в садик, школу, и, вообще, воспитывала меня няня, Полина Григорьевна.

Хватит, я долго терпел и тебе во всем потакал! Вел себя как дурак, прислушивался к твоему каждому слову! С этого дня я запрещаю тебе лезть в мою жизнь! Я запрещаю тебе приходиться ко мне без предупреждения! Я запрещаю тебе как-либо оскорблять мою жену! Я ее люблю, она мать моего ребенка!

Если ты хотя бы раз нарушишь мой запрет – поверь, больше никогда тебя в моей жизни не будет.

Миша вышел из квартиры матери, а вечером супруги забрали дочку из детского сада и втроем пошли в кафе, чтобы отпраздновать разоблачение злодеек и стать еще ближе друг к другу. После этого случая отношения с матерью и Миши сошли на нет, а его жена была только рада.

ЭТО ТЫ ВИНОВАТА

На часах была почти полночь, когда телефон Иры вдруг зазвонил. Сонная, Ира все же подняла трубку, однако заплаканный голос ее падчерицы Веры привел женщину в чувство.

– Он... Он бросил меня, – задыхаясь от слез, кричала девочка. – Тетя Ира, я не знаю, что мне делать! Он сказал, что я ему больше не нужна...

– Вера, успокойся, прошу тебя, – взволнованно заговорила Ира. – Объясни нормально, что произошло? Вообще, где ты? Уже поздно. Может, тебя забрать?

– Я внизу, у подъезда.

– погоди минуту, я сейчас спущусь к тебе.

Ира подорвалась с места, накинула ветровку и побежала к Вере. Та сидела на лавочке, поджав ноги, и плакала. Женщина села рядом, а ее обеспокоенность сменилась сочувствием. Она приобняла девочку и начала гладить по спине. Вера ничего толком не объяснила, но было ясно, что дело в парне. Ох уж эти восемнадцать... Вера лишь недавно стала совершеннолетней, и теперь Ира волновалась за нее еще больше.

Родная мать растила ее в страхе, прививая отвращение к мужскому полу из-за собственного развода. Однако Вера нашла в себе силы не поддаваться на плохие слова об отце и мужчинах в целом. Но, кажется, ее собственные убеждения

теперь рушились на глазах...

– Боже мой, Верочка, что случилось? Рассказывай, не бойся.

– Кирилл... – сквозь слезы начала девочка. – Он бросил меня. – Она вновь уткнулась в колени.

– Вы поссорились? Почему он так сказал?

– П-потому... – у Веры дрожал голос, казалось, она боится что-то сказать. – Потому ч-что...

– Не бойся. – уверенно повторила Ира.

Что бы ни случилось, она старалась никогда не ругать девочку. Женщина понимала, как ей временами приходится тяжело: новая школа прямо перед выпуском, экзамены, переезд. Кое-как Вера справилась с этим, окончив школу, однако на нее тут же навалились новые проблемы. Когда-то Ира и сама пережила это. Тем более, отношения у ее приемной дочери тоже не сложились. Сложно представить, как она держится.

– Потому что... – продолжала мямлить Вера, – я... Я беременна.

Сердце Иры пропустило удар. Что она сейчас сказала? Беременная?! Сложно было поверить своим ушам.

«И как только она успела? Только ведь в прошлом месяце школу окончила!»

Однако Ира сдержалась. Она сделала глубокий вдох, чтобы немного успокоиться, а затем приобняла Веру за голову и прижала к себе.

– Беременна... – протянула она, глядя в пустоту.

Вера, кажется, понемногу успокаивалась и теперь ждала реакции мачехи на свое объявление. Воцарилась напряженная тишина.

– Пойдем-ка домой, – сказала Ира спустя несколько секунд. – Завтра поговорим об этом все вместе. Ты, главное, не переживай. Кирилл твой идиот, раз бросил такую красавицу, как ты, – заключила женщина, улыбаясь дочери.

Затем они поднялись домой. Когда Вера легла спать, Ира закрылась в комнате и начала рассуждать обо всем услышанном. На глазах девочки она держала себя в руках, но теперь все эмоции вырывались наружу. Нужно было рассказать Семену, но он еще не вернулся с работы.

Его реакцию сложно предсказать, но он вряд ли будет счастлив услышать, что его едва совершеннолетняя дочь забеременела от мудака, который тут же удрал, поджав хвост. Ира начала расхаживать по комнате со сосредоточенным выражением лица, пытаясь найти хоть какое-то решение. В этот момент послышался звук открывающейся двери. Вернулся отец семейства.

Семен работал допоздна, приходил уставший и почти сразу ложился спать. Он никогда не жаловался, хотя его работа была не из простых. Денег она тоже приносила не так уж много, но на жизнь семье хватало. Ира тоже устроилась на работу, как только их сын Илья подрос и смог оставаться дома один. Сложно было совмещать работу и домашнее хозяй-

ство, но

Семен старался помогать жене по мере своих сил.

На ватных ногах Ира вышла из комнаты, чтобы встретить мужа. Сердце билось так, будто она сама была беременна.

– Еще не спишь? – поинтересовался Семен, снимая рабочие туфли.

– Нет, я тебя ждала, – ответила Ира. – Я там мясо приготовила, как ты любишь. Будешь есть?

– Спасибо, милая, но я не голоден. Зашел по дороге домой в магазин, перехватил пару сэндвичей.

– Ну ладно, проходи тогда, – сказала женщина, собираясь с мыслями. – Есть разговор.

Следующим вечером вся семья собралась за столом на ужине. Семен специально отпросился с работы раньше и теперь молча сидел за столом, опустив голову. Вера явно была встревожена: она ничего не ела, только ковыряла вилкой в тарелке. Ира переводила взгляд с девочки на мужа, подбирая слова для разговора. И только Илья, их родной сын, наслаждался вкусным ужином. Он недавно окончил восьмой класс и теперь с друзьями строил грандиозные планы на лето.

Родители не хотели, чтобы он узнал о беременности сестры раньше времени, а потому ждали, когда он выйдет из-за стола.

– Мам, я гулять, ладно? – сказал Илья, разделавшись со своей порцией запеканки.

– Давай только не очень поздно, хорошо? – попросила

Ира.

– Ага, – ответил мальчик, надевая кроссовки.

Когда дверь за ним закрылась, Семен шумно выдохнул, а Вера начала ерзать на стуле. Ира сцепила пальцы перед собой, готовясь начать разговор.

– Верочка, – мягко начала она, – мы с папой вчера вечером поговорили и...

– Я сделаю аборт, – резко перебила девушка.

– Подожди, давай все обсудим, – взяв Веру за руку, сказала Ира. – Не принимай поспешных решений. Последствия аборта могут быть непоправимыми. Решать, конечно же, тебе, но мы с папой в любом случае будем на твоей стороне и обязательно поможем.

В комнате повисло молчание. Вера, кажется, задумалась. Ира смотрела на нее, пытаясь прочесть эмоции на лице дочери. Семен все так же сидел, опустив голову, и тоже размышлял о своем. Ему было нелегко принять эту новость, но он все же не стал ругать дочь из-за случившегося, ведь понимал, как ей тяжело приходилось сейчас.

– Можно я пойду? – спросила Вера спустя несколько минут. – Спать хочется.

– Конечно, дорогая, иди, – мягко ответила Ира.

Она понимала, что девушке нужно время. Хотя Ира и не поддерживала аборт, но осознавала, что Вере будет тяжело воспитывать малыша, ведь она сама, по сути, еще ребенок. Однако женщина всей душой желала помочь приемной доче-

ри и преподнести беременность не как проблему, а как счастье. Пусть парень Веры сбежал, у нее есть семья, которая справится со всем вместе.

Тем временем в голове Веры творился полный хаос: «Рождать, когда ты только окончила школу? Когда в голове сиделки с друзьями и поступление в вуз? Нет уж, спасибо...»

Вера никогда не отличалась особой любовью к детям, да и о беременности не задумывалась. Как вообще об этом можно думать в восемнадцать? Детей нужно воспитывать, когда человек готов к этому и осознанно делает подобный выбор. Когда есть муж, деньги и хороший пример для ребенка. У Веры не было ничего из вышеперечисленного. И, хотя семья ее поддержала, легче не становилось.

На следующий день Вера записалась на прием к гинекологу. Он должен был сделать осмотр и выдать направление на аборт. Сказать отцу и Ире было трудно, поэтому девушка решила оставить этот разговор на потом. Утром в клинике было немало людей, и Вера решила выпить кофе, пока ждала. На первом этаже располагалась небольшая кофейня. Приветливая девушка за стойкой порекомендовала Вере попробовать соевый латте.

В это время к столику подошли две молодые беременные девушки с большими животами и стали ждать, пока бариста освободится.

– Ты уже знаешь, кто будет? – спросила одна из них вторую.

– Мальчик, – с улыбкой ответила та.

– Поздравляю! У меня вот второй уже. Тоже мальчик.

– Как ты решилась на второго? Мне и с первым было тяжело определиться... Знаешь, мужа нет, родители против были.

– Да, понимаю. Я со своим развелась, когда дочке годик исполнился. Ну ничего, справляюсь. Муж новый помогает очень.

– Вот повезло!

Продолжение разговора Вера пропустила мимо ушей, забрав свой кофе. Она задумалась о том, как тяжело, должно быть, этим девушкам. Одна из них тоже будет растить малыша без мужской поддержки, да и родители явно не будут помогать. Другая уже второго рождает... Но она все же решилась.

В тот момент Вера поняла важную вещь: она должна принять решение осознанно. Времени было не так много, ведь аборт лучше делать на ранней стадии, и все же она решила подумать.

Осмотр показал, что никаких отклонений от нормы нет, а про прерывание беременности Вера промолчала. Не смогла. Но когда она вышла из клиники, мысли снова пошли невеселые: мужа у нее нет, денег в семье не так много, про высшее образование можно будет забыть, а работу искать будет сложнее с ребенком на руках. Да и, к тому же, материнство – это тяжкий труд. Пеленки, сопли, недосып...

«Нет, нужно было сразу сказать врачу об аборте».

Вера отправилась домой, где ее уже ждала Ира. Мачеха встретила девушку и спросила, как прошел осмотр. За ужином Вера решила рассказать о решении родителям. Семен, как обычно, задерживался, а Илья ушел гулять с друзьями.

– Ну, в общем, сходила я в клинику, – неуверенно начала Вера, когда Ира убирала со стола. – Сначала я сомневалась и ничего не сказала врачу, но потом поняла, что аборт – единственный выход.

Ира подняла взгляд на девушку и села обратно на стул.

– Ты уверена? – спросила она, внимательно всматриваясь в лицо дочери.

– Думаю, да.

– Знаешь, я не хочу, чтобы мы с отцом как-то влияли на твое решение, потому что это только твой выбор. Но я хочу рассказать тебе, как я родила Илью.

Когда мы с твоим отцом только начали встречаться, все случилось очень быстро. Я узнала, что беременна, и я запаниковала. Я не знала, как сказать об этом родным, а тем более папе. Мне было стыдно и страшно, и я решила на аборт.

Хотела сделать все тайно, чтобы никто не узнал. Когда я пришла в клинику, врачи заговорили о рисках прерывания беременности, но даже это меня не остановило. Когда я лежала в палате, я познакомилась с девушкой, которая была на пятом месяце.

Она не хотела терять ребенка, но ее беременность проходила плохо – организм не справлялся. В итоге ей назначили искусственные роды... И, знаешь, она все время плакала. Гладила живот и разговаривала с малышом. Ей не хотелось терять ребенка, но другого выхода не было.

И только тогда я поняла, что внутри меня зарождается чудо, что этот ребенок уже живой и все чувствует. И я не смогла. Я передумала. Врачи порадовались за меня. А когда я вышла из палаты, в больничный коридор забежал твой отец с обеспокоенным лицом и огромным букетом роз. Не знаю, как он нашел меня, но я была в шоке. Он подумал, что я уже сделала аборт, и чуть не заплакал. А потом, когда я ему обо всем рассказала, он все-таки заплакал, но от счастья. В тот же день он сделал мне предложение.

Вера слушала рассказ Иры, и с каждым словом все внутри сжималось сильнее. Когда мачеха закончила рассказ, девушка поблагодарила ее и ушла в свою комнату. А на следующее утро Вера сказала родителям, что будет рожать. Ира и Семен были невероятно рады этому и поддержали ее.

Спустя девять месяцев у Веры родилась здоровая дочь, назвали Василисой. Родители были очень рады за них, забирая из роддома. Однако продолжалось это недолго. У Веры практически сразу начались проблемы: она мало спала, постоянно нервничала и не могла привыкнуть к материнству.

Ира всеми силами помогала ей, но работа и домашние обязанности тоже выматывали. Илья иногда сидел с малыш-

кой, и у него на удивление хорошо получалось ее успокаивать. Тогда Ире с Верой выпадал редкий шанс немного поспать без происшествий. Все усугубилось, когда у малышки начали резаться зубы. Василиса постоянно кричала и плакала, и у Веры начали сдавать нервы. Иногда по ночам Ира слышала, как девушка плачет, однако и сама она порой психовала.

Практически весь семейный бюджет уходил на детские смеси, одежду для малышки, подгузники и многое другое, что необходимо ребенку. Семен стал работать по ночам, чтобы прокормить семью. Ира тоже брала дополнительные смены, но денег все равно не хватало. Они с Верой начали ссориться.

– И зачем только я родила? Это ты во всем виновата, ты уговорила меня оставить ребенка! – в сердцах выпалила однажды молодая девица во время очередной ссоры с мачехой.

В тот день Ира попросила дочь постирать белье, пока малышка спала. Вера взбесилась, сказав, что хочет немного отдохнуть. Женщина понимала, как тяжело приходится Вере, однако на себе она тоже не могла тянуть работу, домашние обязанности и заботу о Василисе.

И тогда ее прорвало. Она высказала Вере все, что накопилось внутри.

– Я все понимаю, но складывается ощущение, что ты даже не стараешься быть Василисе хорошей матерью! Когда я родила Илью, у меня не было таких проблем. Ты не умеешь

распоряжаться деньгами, не ухаживаешь за дочерью, ничего не делаешь по дому. Я не прошу о многом, но ты даже за собой не убираешь! Дома вечная грязь, а я не могу все делать одна. Даже Илья пытается помочь, а ведь ему надо к экзаменам готовиться!

– А что я могу сделать?! Я не виновата, что Василиса вечно орет! Я не могу ее успокоить, не могу спать, не могу отойти ни на шаг! Ты говоришь, что все понимаешь, но это неправда.

Обстановка в доме накалялась все больше с каждым днем, и однажды вся семья чуть не распалась.

После той ссоры Ира долго не могла успокоиться. Она сильно обиделась на Веру. В этот момент Семен вернулся домой с ночной смены, сильно уставший и голодный.

– Твоя дочь, оказывается, жалеет, что родила, и говорит, что это я во всем виновата, – с порога начала Ира вместо приветствия.

– Что? – переспросил Семен, нахмурившись. – Что ты такое говоришь?

– А это не я говорю, это она. Мы поссорились. И я хочу, чтобы она уехала к матери на время.

– Милая, успокойся, – мягко сказал Семен, приобняв жену. – Ты же знаешь, как ее мать к ней относится. Она даже не знает, что Вера родила.

– Да мне плевать! – выпалила Ира, оттолкнув мужа. – Я не могу так больше. Она тратит все наши деньги, постоянно

сидит дома и даже не пытается решить проблемы, а только ноет о том, как ей тяжело!

– Ира, хватит, – предупредительным тоном сказал Семен.

– Не хватит! Я правда не могу так. Она знала, на что идет. Она сама захотела рожать, а теперь пытается переложить ответственность на других. Она ведь ничего не умеет и не хочет!

– Не смей говорить так о нашей дочери! – почти прокричал Семен. – Если тебе так хочется, уходи сама. Я никогда не заставлю Веру жить с родной матерью.

– Что? Мне уйти? – изумилась Ира. – То есть так ты решаешь проблему? Конечно, так ведь легче. Ну и ладно, поеду к родителям. Посмотрим, как вы будете тут без меня.

С этими словами Ира развернулась и хлопнула дверью. Семен был зол на нее, но при мысли, что жена действительно может уехать, ему стало грустно. Он практически не появлялся дома, не разговаривал с женой и дочкой и теперь чувствовал свою вину за это.

Его семейное счастье рушилось на глазах.

Прошло два с половиной года с того момента. Отношения в семье были шаткими, однако Ира и Семен кое-как помирились. Илья успешно стал экзамены и теперь учился в хорошем институте. Вера тоже немного изменилась. Она все так же днями напролет возилась с дочерью, и у нее стало получаться намного лучше.

Ссорились с матерью все реже и в основном из-за денег.

Ира и Семен предложили дочери отдать Василису в детский сад. Они считали, что девушка должна стать более ответственной, чтобы в будущем самостоятельно обеспечивать себя и дочь.

Недолго думая, Вера согласилась. Ей и самой хотелось стать более независимой, однако образования у нее толком не было, как и опыта работы. В первый день в детском саду она увидела объявление о том, что им требуется уборщица. Выбирать особо не приходилось, и Вера устроилась на эту работу.

Спустя какое-то время ситуация с деньгами немного наладилась, однако Ира все еще чувствовала напряжение в отношениях с приемной дочерью. Они уже меньше ссорились, однако от Веры не чувствовалось никакой отдачи.

Всю зарплату она тратила на себя и Василису, а дома все так же не помогала. Ире было тяжело, ведь она хотела наладить отношения с Верой, а та совершенно не шла на контакт.

В один день, за ужином, женщина решила поговорить с ней.

– Как прошел день? – ненавязчиво спросила Ира, когда вся семья собралась за столом.

– Нормально, – отрешенно ответила Вера.

Казалось, она совсем не хотела разговаривать.

– Я тут недавно в магазине видела развивающие энциклопедии для детей. Думаю, Василисе было бы полезно...

– Я сама решу, что для нее лучше, – перебила девушка. –

У нас и так не хватает денег.

– Ну зачем ты опять начинаешь? Я ведь пытаюсь нормально поговорить.

– Я не хочу об этом говорить. Я очень устала и хочу поесть в тишине.

– Ну вот ты опять! – взбесилась Ира. – Сколько можно?! Что мы тебе плохого сделали? Ты такая неблагодарная!

– Ира, хватит, – прервал жену Семен.

– Почему? Ты разве не согласен со мной? Сколько это уже продолжается?

Вера резко встала с места и, не сказав ни слова, ушла в свою комнату.

– Вот видишь, – сказал Семен, глядя ей вслед. – Зачем ты так? Она ведь устала.

– Ну почему ты всегда на ее стороне? – снова взорвалась Ира. – Я ведь наоборот пытаюсь быть для нее хорошей матерью, а она совсем этого не ценит! Только грубит.

Женщина не сдержала эмоций и заплакала. Семен сидел молча, сплетя пальцы и опустив голову. Он не хотел ссориться с женой, но не во всем был с ней согласен. Ира тоже ушла в комнату, не дождавшись поддержки.

Они не знали, что Вера в тот момент стояла прямо за дверью своей спальни и слышала весь их разговор. После того, как все легли спать, девушка вышла из квартиры. Она шла по улице, не замечая ничего вокруг, и просто рассуждала о словах мачехи.

Хотелось с кем-то поговорить. Поддавшись импульсу, Вера набрала номер. В трубке послышались гудки.

– Алло?

– Мама... привет.

– Вера? – переспросила женщина. Кажется, она была сильно удивлена звонку дочери. – Зачем ты звонишь? Деньги нужны? У меня для тебя ничего нет.

Эти слова кольнули прямо в сердце девушки. Родная мать была не рада ее слышать.

– Просто хотела поговорить с тобой. Как ты там?

– Нормально, – отрешенно ответила женщина, будто не желая продолжать разговор.

И Вера вспомнила саму себя за ужином, когда она точно также ответила Ире. Должно быть, ей тоже было неприятно.

– Знаешь, а у меня все как-то не складывается.

– Неудивительно, – ответила мать – Ты всегда была неудачницей. Как и отец твой. Измучили меня, а теперь ты звонишь и думаешь, что...

Вера бросила трубку. Не было сил дальше слушать ее оскорбления. Позвонить матери оказалось глупым решением. Как она могла забыть, что из себя представляет эта женщина? Ведь за все время, что они не виделись, мать Веры ни капли не изменилась. На что только она надеялась?

И лишь тогда Вера поняла, что все это время жила в хорошей семье. Ира была отличной мачехой для нее и растила ее – приемную дочь – в любви.

Видимо, это заставило Веру забыть, какой на самом деле является ее родная мать. Образ Иры настолько изменил ее представление, что ей казалось, что все мамы в мире именно такие: терпеливые и любящие, должны своим детям, даже если те в них плюют.

А ведь Ирина ни разу не оскорбила Веру так, как это делала родная мать. Она всегда была лучше и пыталась наладить контакт. И тогда Вера впервые осознала, как виновата перед семьей.

На следующий день Ира вернулась с работы довольно поздно. Настроение было хуже некуда. Хотелось просто лечь лицом в подушку и зареветь, а потом уснуть. Она очень устала, а вчерашняя ссора с Верой и Семеном оставила неприятный осадок в душе.

Но когда Ира осмотрелась в доме, ее грусть сменилась изумлением: квартира сияла чистотой, полы блестели, вещи были аккуратно сложены по местам, а с кухни пахло чем-то вкусным. Женщина медленно прошла к кухне, не веря глазам, и увидела Веру, трудящуюся над ужином.

– Привет, – с улыбкой поздоровалась та, заметив мачеху в дверном проеме.

Ира кивнула в ответ и какое-то время просто стояла на месте, не в силах поверить в происходящее. Спустя полчаса вернулся Семен, и вся семья вновь собралась за столом. Сначала все молчали. Ира с подозрением осматривала Веру и квартиру, думая, что все это ей снится. Семен и Илья на-

слаждались ужином, а Вера молча улыбалась.

– Василиса уже спит? – поинтересовался Илья.

– Да, недавно уложила ее, – ответила девушка.

– Очень вкусный ужин, – заметил Семен, обращаясь к Ире. – Спасибо, дорогая.

– Сегодня старалась не я, – ответила женщина, указав глазами на Веру.

– Правда? – изумился мужчина.

– Я рада, что вам понравилось, – отозвалась девушка. – Вообще, я хотела перед вами всеми извиниться. Мне жаль, что я вела себя так ужасно все это время. Мне казалось, что я одна в этом мире, и я начала забывать, сколько вы делаете для меня каждый день.

Я обязана вам буквально всем, и мне очень стыдно за свое поведение. Особенно перед тобой, Ира. Ты всегда поддерживала меня, а я тебе грубила. Я действительно вела себя как неблагодарная, хотя это не так. Я всем вам очень благодарна. Если бы не вы, у меня бы ничего не получилось. Сейчас я очень счастлива, что у меня есть семья.

Я не понимала, как вы все важны для меня, но теперь я исправлюсь, честно.

В ответ на слова Веры Ира взяла девушку за руку и улыбнулась. Для нее эти слова значили очень много, и женщина была рада, что Вера, наконец, возвращается к семье. Несмотря на все трудности, их семья осталась крепкой и дружной. И после этого вечера все стало налаживаться.

Любимая мама

– Ну что, опять к Зинаиде Павловне собралась? Все никак эти ваши «дочки-матери» не прекратите? – спросил хмурый Игорь.

Скандал разразился не сказать, чтобы неожиданно, но от этого он не становился менее неприятным.

Признаки грядущей ссоры Аня разглядела еще вчера, когда сказала мужу, что выходной день проведет с матерью.

Аня всегда, еще с самого детства, была очень близка со своей мамой. Они жили вдвоем (отец умер рано, еще до того, как Аня пошла в школу), жили тяжело, так как вечно не хватало денег, и мама трудилась на двух работах, чтобы обеспечивать всем необходимым их маленькую семью.

Но эти проблемы сблизили мать и дочь. Тяжелая жизнь без отца научила их крепко держаться друг за друга. Аня очень дорожила чувством, что рядом всегда есть кто-то, кто поддержит, защитит.

Когда Аня вышла замуж, пожилая мама была очень рада. Игоря, выбор дочери, она одобрила всем сердцем: мужчина трудолюбивый, неглупый, Аню, кажется, любил, и к будущей теще относился хорошо.

– Теперь и помирать не страшно, есть на кого тебя оставить, – сказала она дочери на свадьбе.

– Мама, ну что ты такое говоришь! – рассмеялась Аня и

обняла мать. – Тебе еще жить, да жить, и внуков нянчить, не забывай об этом!

Даже когда Аня переехала к Игорю, она продолжала много общаться с мамой. Конечно, меньше, чем раньше, но она никогда не забывала свою одинокую мать и старалась уделять ей достаточно внимания. Она ежедневно звонила ей, на выходных приглашала в гости, на чай, или сама приходила, благо, жили они неподалёку друг от друга.

– Повезло тебе, Павловна, что у тебя такая любящая дочь! – По-белому завидовала ей соседка и подруга Зинаиды Павловны. – Мои-то, слава Богу, если по праздникам позвонить не забывают!

Муж к этому поначалу относился абсолютно спокойно, полагая, что Ане нужно время, чтобы акклиматизироваться в новой, теперь уже собственной, семье. «Ну не вылетела еще из гнезда – ничего страшного. Скоро, потихоньку забывать начнет», полагал он.

Но признаков отдаления Ани от матери все никак не наблюдалось, она продолжала проводить с ней много времени, и постепенно это начало вызывать раздражение у Игоря. Раздражение это было отчасти парадоксальным, отчасти инфантильным чувством: так маленький ребенок, получивший новую игрушку, не желает делить ее ни с кем другим.

Причин для ревности, честно сказать, у него не было, так как вниманием жена его не обделяла. Аня всегда соблюдала баланс в отношениях с мужем и пожилой мамой.

Да и Зинаида Павловна относилась к Игорю очень лояльно: никогда не забывала поздравить его с праздниками, приносила гостинцы. В личную жизнь молодоженов никогда с советами не лезла, держалась тактично, и вовсе не была похожа на демоническую тещу из анекдотов.

Эта ее покладистость бесила Игоря еще больше, так как отбирала у него малейшие поводы для раздражения.

– Вот у всех тещи как тещи, стервозные гримзы, а моя – как божий одуванчик! – в шутку жаловался он коллегам на работе.

– Так радоваться надо, балда!

– Да шучу я, шучу! – смеялся Игорь, не решаясь признать-ся, что говорит он это на полном серьезе.

Вскоре он начал думать, что по каким-то причинам неинтересен жене, и поэтому она проводит так много времени с матерью. Весь мир, естественно, крутился вокруг него, и ему даже в голову не приходило, что в нем существуют отношения вне орбиты его нужд и интересов.

Постепенно преданность Ани маме стала объектом упреков со стороны Игоря, поначалу шуточных, но со временем все более злобных.

– Ты как маменькина дочка! Тебе тридцать лет, пора отцепиться от мамкиной юбки и заняться своими делами! – наставлял он Аню.

– И что же, по-твоему, я должна сделать? Бросить, забыть мать, которая меня вырастила?

– Я не говорю «бросить», но пора прекратить вести себя как ребенок!

– На ребенка сейчас больше похож ты.

Аня и Игорь начали часто ссориться, и даже если Зинаида Павловна не была причиной ссоры, ее образ, так или иначе, мелькал на периферии раздраженного разума Игоря.

При Зинаиде Павловне, когда она приходила к ним в гости, муж с женой старались не ругаться, но та не могла не заметить, что атмосфера изменилась. Тесть стал ощутимо холоднее по отношению к ней, да и дочь постоянно выглядела удрученной.

Для Зинаиды Павловны не составило труда сложить два и два, хоть Аня и не признавалась ей в причине такой атмосферы. Мать почувствовала вину. Ей показалось, что она разрушает жизнь дочери, что только мешает ей.

Зинаида Павловна перестала приходить в гости к дочери и ее мужу. Она придумывала причины и отговорки, всячески уклоняясь от этих визитов. Думала, что если оставить их семью в покое, то в ней все наладится.

Аня и не подозревала о душевных терзаниях матери, только удивлялась, почему та больше не навещает их. Справедливо решив, что если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе, она сама теперь почти каждую неделю на выходных старалась выкроить время, чтобы заскочить к матери.

Вот и в эту субботу Аня собралась к матери, о чем заранее сообщила Игорю. Муж драматично закатил глаза и сделал

жест, как будто умывает руки, но ничего не сказал.

Тем не менее, весь вечер он проходил с кислой миной, а на Анины попытки завязать разговор отвечал односложно, без энтузиазма, или вовсе молчал.

Это было первым звоночком грядущего скандала.

В субботу Аня встала рано и принялась за готовку. Ей хотелось сегодня угостить маму чем-нибудь вкусненьким, например, шарлоткой. Зинаида Павловна всегда говорила, что шарлотка у Ани получается – пальчики оближешь!

Вскоре ароматы выпечки поплыли по квартире и разбудили Игоря. Он накинул махровый халат и приплелся на кухню. Лицо было помятым после сна, волосы просили расчески, глаза часто моргали.

– А ну брысь! – рыкнул Игорь на кота, который крутился у его ног.

Кот обиженно ретировался с кухни. Ваську – серого кашемирового британца – мама подарила Ане перед переездом.

– В новый дом сначала надо кота запустить, чтобы он все беды и тревоги прогнал! – сказала она тогда.

– Доброе утро! Яичницу пожарить? – Ане вовсе не хотелось начинать новый день с выяснения отношений, а судя по виду мужа, вот он-то как раз был не против.

– Обойдусь, – вяло буркнул Игорь и удалился в гостиную. Через несколько минут Аня услышала хлопок открываемого пива.

Аня достала шарлотку из духовки и оставила на подокон-

нике, чтобы остыла. Потом она быстренько приготовила себе нехитрый завтрак, поела и начала готовить обед для мужа, чтобы тот без нее не оголодал.

Спустя час обед был готов. Игорь тоже был в некотором роде «готов».

Он появился в дверях кухни уже немного пошатываясь. В честь выходного дня, а может, чтобы залить надуманную обиду, он уже приговорил несколько бутылок пива. Его глаза покраснели, халат – нараспашку.

В руке он держал кружку с пивом. На белой керамике желтел улыбающийся смайлик. Улыбался он, как показалось Ане, с затаенной злобой:

– Ну что, опять к Зинаиде Павловне собралась? Все никак эти ваши «дочки-матери» не прекратите?

Аня вздохнула. Похоже, ссоры было не избежать.

– Да. Я же тебе еще вчера говорила, помнишь?

– Я-то помню! Я все помню! А мне вот интересно, ты-то помнишь, что у тебя кроме твоей разлюбезной матушки еще и муж есть?

– Игорь...

– Да, его зовут Игорь, кстати! Он пашет как вол на работе, а выходной день хочет провести в обществе жены! А она? Уходит к своей мамаше, как ни в чем не бывало, и муж кукует один, как, блин, холостяк.

– Ну, ты, я смотрю, неплохо так уже время проводишь.

Вероятно, эта брошенная вскользь фраза была крупной

ошибкой со стороны Ани, потому что Игорь рассердился еще больше. Его лицо жутко побагровело, а на лбу вздулась синюшная вена.

– А что, мне теперь в собственном доме и пива выпить нельзя? Я, блин, тебе не мальчишка!

– А ведешь себя как мальчишка. Успокойся, пожалуйста. Но Игоря было уже не остановить. Трепетно вынашиваемый им со вчерашнего вечера скандал наконец-то разразился, и теперь он с упоением отдавался своему гневу.

– А знаешь, почему я пью? Потому что меня не ценят в собственном доме! Презирают! Ухмыляются потом, косточки перемывают! Думаешь, я не знаю, зачем ты к матери постоянно бегаешь? Надо мной поиздеваться! Ну, выпил, а кто бы не выпил на моем месте?

– Игорь, это уже просто смешно...

– Это все вы, ты и твоя мамаша виноваты!

– Я ухожу. Вечером поговорим, когда протрезвеешь.

– Я еще с тобой не закончил!

– Зато я закончила, – Аня лихорадочно собиралась. На кухне продолжался возмущенный монолог мужа.

– Снова будете меня в грязи валять, да? Игорь то, да Игорь сё, да? Знаю я вас! Вам бы только потрепаться! Не смей никуда уходить! Я тебе запрещаю, слышишь? Запрещаю!

Аня схватила ключи с тумбочки и как можно скорее покинула квартиру. Сердце заполошенно билось в груди, к глазам подступали слёзы обиды.

Она вышла из дома и пошла к автобусной остановке. Уже на полпути Аня вспомнила, что шарлотка, приготовленная для мамы, так и осталась на подоконнике.

Возвращаться за ней она не стала.

– Привет, мам. Прости, я сегодня без гостинца, как-то замоталась вся и ничего не успела приготовить, – сказала Аня, когда Зинаида Павловна открыла ей дверь.

– Привет, дочка! Ну и Бог с ним, с гостинцем, главное ты пришла. Проходи, проходи, – засуетилась мать. – Я вот и чай уже поставила и банку варенья открыла. Хочешь, блинчики постряпаю, какие ты в детстве любила?

– Хочу!

Они сели пить чай за стол в гостиной. Аня вспомнила, как в детстве каждый вечер делала домашнее задание за этим столом. Над ним висела старомодная лампа под зеленым абажуром, рассеивая тихий уютный свет. Расстелили чистую скатерть, мать принесла заварочный чайник и чашки, сливовое варенье разложила в маленькие аккуратные розетки.

И вот все эти наивные предметы, эти розетки, эти кружки со старомодными цветочками вдруг показались Ане такими милыми и родными, особенно по сравнению с жутким ухмыляющимся смайликом на кружке мужа, что она вдруг расплакалась.

– Что с тобой, дочка? – испугалась Зинаида Павловна. – Что случилось?

– Ничего, мама, – всхлипывая, ответила Аня и улыбнулась

сквозь слезы. – Просто устала немного. Ничего, сейчас все пройдет.

Мать не стала допытываться, а просто подошла и молча обняла дочь. Аня зарылась лицом в ее старенький халат, и ей стало так тепло и безопасно, как не было уже очень давно.

Возвращаться домой, к Игорю, совсем не хотелось, и Аня просидела у матери до вечера. Они пили чай и болтали обо всем, как соскучившиеся в разлуке подружки.

Обратно Аня шла с появившейся тяжестью на сердце. И с каждым шагом, который приближал ее к дому, этот груз только усиливался.

Было уже поздно, и за окнами синел тенями вечер, когда Аня вернулась домой. В квартире стоял кисловатый запах разлитого пива, Игорь сидел в гостиной и в темноте смотрел телевизор. Экран бросал синеватые блики на его опухшее лицо.

– Чего так долго? – пробурчал муж, не отрывая взгляда от телевизора.

– Прости, пришлось задержаться.

– Чтобы в последний раз такое, поняла?

Аня ничего не ответила и прошла в кухню. Обед был съеден, как и шарлотка: на подоконнике стояло пустое блюдо. Аня подняла его и отнесла в раковину, включила воду и начала отмывать.

Внезапно, не закончив начатое, она бахнула блюдом по столешнице, выключила воду и вернулась в гостиную, выти-

рая руки.

– Игорь, – сказала она. – Я хочу подать на развод.

Развод прошел не безболезненно, но, в принципе, терпимо. Аня съехала от Игоря в съемную квартиру. Она возобновила близкие отношения с матерью, и, по ставшей теперь доброй традицией, привычке заходила к ней в гости каждые выходные.

Зинаида Павловна долго еще сокрушалась и винила себя в распавшемся браке дочери.

– Нет, мама, – говорила ей на это Аня. – Ты просто подсветила проблему, которая и так рано или поздно бы вылезла. Хорошо, что так получилось до того, как у нас родились дети.

Аня справедливо полагала, что муж, который не принимает ее такой, какая она есть, ей не особо и нужен. Выход из родительского гнезда – необходимый жизненный процесс, но не всегда вектор движения направлен в нужную сторону. Сейчас Аня надеялась, что на этот раз она выбрала правильное направление.

Кот Васька, как профессионал в такого рода делах, был запущен первым в новую Анину квартиру. Он хозяйским взглядом окинул помещение, а потом примостился на подоконнике и начал вылизывать свою кашемировую шерстку.

Ему здесь понравилось.

Забота

– Надь! Дай списать!

– Не дам! Я еще сама последний пример не решила.

– Ну Надь! Ну дай, пожалуйста. Я ни один не решил. Сначала Горгона влупит мне двойку за контрольную, а потом отец, когда узнает, даст ремнем.

Наде всегда было жалко Вовку, соседа по парте и по дому. С этим вихрастым мальчишкой девочка была знакома практически всю жизнь, да и судьбы у детей были похожи: и Вовка, и Надя росли с отчимами, родных отцов не знали, родители ребят часто выпивали, порой даже вместе.

Вовка жил в однокомнатной квартире с матерью, отчимом, двумя младшими сестренками и бабушкой. У ребенка не было даже рабочего места, на котором можно было бы спокойно делать уроки. Домашние задания он выполнял на кухонном столе, если, конечно, он не был занят пьющими родственниками, или на подоконнике в комнате, служившей спальней, гостиной и столовой одновременно.

У Нади с личным пространством дело обстояло лучше. Мать с отчимом спали на раскладном диване в зале. У нее же была пусть и маленькая, но своя комната.

Училась девочка на «отлично». Надя была любознательным ребенком, самостоятельно изучала новые темы. Брала в библиотеке учебники за восьмой, девятый класс и зани-

малась по ним. Учителя каждый урок хвалили свою лучшую ученицу. Гортензия Львовна, преподаватель математики, всегда ставила Надю в пример. По ее словам, девочка, учась в седьмом классе, знала программу за восьмой. Одноклассники всегда обращались за помощью к Наде. Девочку любили за открытость, искренность и милосердие.

Поворчав для виду, Надя аккуратно подвинула свою тетрадь поближе к Вовке.

– На, списывай, только быстрее.

– Спасибо, Надюха! Век тебе буду благодарен, ты меня только что спасла!

– Ты только хотя бы одну ошибку сделай в примерах. Ну не поверит Гортензия Львовна, что контрольную ты решил сам.

– Хорошо. Сделаю три ошибки. Мне и тройка хватит.

Надежда Васильевна с малых лет учила дочку вести хозяйство. Двенадцатилетний ребенок успевал все: ходить на танцы после школы, готовить ужин, убирать квартиру и даже недолго гулять с друзьями. Внимания девочке от матери доставалось мало. Всю любовь и ласку Надежда Васильевна отдавала мужу.

Девочка отчима папой не называла, обращалась к нему по имени – дядя Гриша. Мужчина отличался суровым характером. С его работой иначе нельзя: трудился Григорий в ведомстве, который в народе называют «казенным домом». Мужчину боялись даже заключенные СИЗО, перевозкой ко-

торых он, собственно, и занимался. Надя лишней раз старалась не попадаться ему на глаза, хотя он ее никогда не бил.

После уроков Надя вместе с Вовой торопились домой. Девочка к приходу матери с работы должна была выстирать несколько половичков в ванной. Вовка предложил помочь – не будет же щуплая Надя сама ворочать тяжелые мокрые коврики.

– Давай я тебе помогу, Надь. Папка с мамкой придут с работы только через два часа. Все успеем, тем более я тебя за контрольную отблагодарить хочу.

– Ну пойдем, горе луковое, поможешь. Твои родители сегодня тоже пить будут?

– Да, наверное, будут. Я к Кольке ночевать пойду. Все равно они после пьянки начнут ругаться, спать не дадут.

В ночь с пятницы на субботу мать и отчим Нади тоже устраивали застолья. Женщина, работавшая кассиром в магазине, получала недельную оплату, набирала продуктов, спиртного и накрывала стол. Дядя Гриша тоже должен был получить зарплату, поэтому в гости ждали и его друзей с работы. Значит, надо было постелить в шкафу одеяло и не забыть взять туда подушку – прятаться Наде там придется долго.

Мать и отчим снова подерутся, мать вызовет полицию, дядю Гришу увезут. Мать быстро одумается, побежит в отделение, заберет мужа, и почти до утра под бутылку водки они будут мириться. Бардак (разбитую посуду, пустые бутылки и

консервные банки) с утра придется убирать Наде.

Выстирав половички, Надя накормила Вовку обедом и проводила его домой. Нужно было срочно бежать на танцы, чтобы успеть вернуться домой до прихода отчима и матери. Но Надя немного опоздала. Подбегая к подъезду, она увидела маму рядом с такси.

– Господи, Надя, где ты ходишь? Мы пятнадцать минут тебя ждем. Иди домой, сейчас приедет тетя Вера. Заночует сегодня у нас.

– Мам, а ты куда?

– Мы с Гришей уезжаем. Не волнуйся, завтра уже будем дома. Бабушка Оля заболела.

– Как заболела? А что случилось, мам?

– Инсульт ее разбил, Надюша. Парализовало. Поедем забирать, ей теперь уход нужен.

Мама и отчим (абсолютно трезвые, кстати) сели в машину и уехали. Надя расстроилась: баба Оля всегда хорошо к ней относилась. Летом часто брала ее к себе на каникулы. Бабушка научила ее готовить блинчики и сырники – такими вкусными они не получались даже у мамы.

Приехала тетя Вера, с племянницей попила чаю. Надя, воспользовавшись отсутствием родителей, быстренько сделала все дела по дому и ушла гулять.

Отчим с мамой вернулись в воскресенье к обеду. Позвали Вовкиного отца помочь – вдвоем мужчины таскали баулы с одеждой, кое-какую мебель, большое зеркало. Бабушку Олю

в квартиру подняли на инвалидной коляске.

Надя, увидев бабушку, испугалась и расплакалась: бабушка улыбалась лишь одной стороной лица – зрелище было поистине жутким. Надя тихонько подошла к коляске и взяла бабу Олю за руку. Старушка узнала девочку и несколько раз ей моргнула.

К вечеру устроили старушку рядом с девочкой. Мать сбегала в магазин за бутылкой, накрыла на стол. С отчимом они сели выпивать. Изрядно поддавшая мать позвала Надю.

– Ну что, дочка, теперь ты должна заботиться о бабушке, а у меня другие дела. Она о тебе заботилась, когда ты была маленькая, – сказала мать, – если не будешь успевать, то школу можешь пропускать.

– Мам, ну как я смогу? Это же надо быть рядом, кормить, переодевать. А как же школа? А танцы? Мам, я не могу. Давай, ухаживать за бабушкой будешь ты, а я делать дома всю работу?

– Ага, умная какая нашлась! А деньги кто зарабатывать будет? Костюмы тебе кто на твои танцы будет покупать? Нам не хватит Гришиной получки. Ну ладно, есть еще бабкина пенсия, но, боюсь, она вся будет уходить на памперсы и еду старухе.

– Прикрой рот, Надька, – громко ударил кулаком по столу отчим. Надежда Васильевна вздрогнула и сжалась. – Не говори так про мою мать! Она что, мало хорошего нам сделала?

Маленькую Надю поставили перед фактом: теперь она должна ухаживать за бабушкой, нравится ей это или нет.

Кружок танцев девочка посещать перестала – на любимое увлечение совсем не осталось времени. После школы ребенок бежал домой, где его ждала «вторая смена»: к обеду бабушка успевала несколько раз сходить под себя. Надя принималась мыть, стирать, кормить. В редкие минуты отчаяния ребенок просил мать дать ей немного отдыха. Надежда Васильевна отвечала всегда одной и той же фразой: «Бабка помрет скоро, долго не проживет. Ее хата нам достанется! Не возникай, делай, что тебе велено».

В пятницу в седьмом классе проходил конкурс чтения стихов. Девочка была ведущей мероприятия, поэтому задержалась в школе на два часа. Подходя к квартире, Надя услышала громкие разговоры: значит, мать с отчимом сегодня устроили себе выходной и успели напиться к ее приходу. Открыв дверь, Надя в нерешительности остановилась в прихожей.

– Надька явилась! Иди скорее сюда, бабушку давно пора кормить.

Девочка наскоро переоделась и побежала на кухню. Налила в тарелку суп, накрошила туда хлеба, взяла ложку и пошла к бабушке.

В комнате стоял невообразимый запах: пока девочка была в школе, к старушке никто не заглядывал. Постель была мокрой от испражнений, но что самое страшное – бабушка

лежала на полу. Отчим с матерью так громко кричали, что даже не слышали стук упавшего тела. Неизвестно, сколько в неудобном положении пролежала бабушка Оля.

Надя быстро меняла постельное белье, проветрила комнату, попыталась самостоятельно поднять бабушку и уложить ее на кровать. Сил на это у двенадцатилетней девочки не хватило, пришлось звать на помощь мать и отчима.

Чертыхаясь, Григорий и Надежда поднялись из-за стола и прошли в комнату. Увидев мать лежащей на полу, мужчина рассвирепел. Не разбираясь, отчим впервые с силой ударил девочку по лицу. Надя отлетела к стене, ударилась плечом и упала. Бабушка Оля, видя это зверство, попыталась закричать, но из-за плотно сомкнутых губ раздалось только мычание. Старушка беззвучно плакала.

Наутро отчим неуклюже извинился перед падчерицей. Мол, перепил, не разобрался сразу, но Надя теперь стала бояться его еще больше. Чтобы ситуация не повторилась вновь, девочка стала все реже посещать школу. Она старалась круглосуточно находиться с бабушкой. Домой приходили учителя, видели удручающую картину, но ничего не могли сделать. Ребенок в силу своих возможностей продолжал ухаживать за парализованной бабушкой.

Старушка умерла через год. Надя сильно горевала, считая себя виноватой в смерти бабушки Оли. Девочка думала, что недостаточно хорошо ухаживала за близким человеком.

Соседка, тетя Зина, однажды встретила малышку во дво-

ре. Надя сидела на скамейке, опустив голову, и тихонько плакала. Женщина под села к ребенку, аккуратно погладила ее по голове и спросила, что случилось. На Надю так давно никто не обращал внимания, что девочка, сама от себя не ожидая, все рассказала тете Зине. Женщина предложила посмотреть на ситуацию с другой стороны: баба Оля сейчас в лучшем из миров, наконец-то у нее ничего не болит, она смотрит с облака на Надю и очень горюет, когда та плачет.

После разговора с соседкой девочкой стало действительно легче. Чувство вины, вызванное кончиной бабушки, постепенно ушло. Дядя Гриша сразу после смерти матери стал собирать документы на вступление в наследство.

У бабушки Оли не было ничего, кроме благоустроенной квартиры практически в центре города. Риэлторское агентство оценило ее в несколько миллионов. Отчим с матерью Нади в мыслях уже давно продали недвижимость, на вырученные деньги сделали ремонт, купили машину и съездили отдохнуть.

Нотариус, который принимал пакет документов, сказал, что нужно подождать некоторое время – вдруг объявятся еще прямые наследники. Григорий возразил, что родных братьев и сестер у него нет, а отец давно умер. Нотариус пожал плечами и ответил: процедура такая, все должно быть по закону.

К нотариусу Надежда и Григорий собирались как на праздник: женщина надела лучшее платье, а мужчина об-

лачился в костюм. Взяли с собой и Надю, пусть тоже поучаствует в празднике. Нотариус сообщил Григорию, что после смерти старушки обнаружилась дарственная – еще при жизни мать подарила свою квартиру единственной любимой внучке, Наденьке.

Дома девочке здорово досталось, будто бы она была в чем-то виновата. Пьяный отчим крушил все вокруг, лупил жену и падчерицу, кричал, что подаст на малолетнюю аферистку в суд. Заберет квартиру, а ее саму сдаст в детский дом. Уже после юрист, к которому обратились Надежда и Григорий, объяснил, что дарственная обратной силы не имеет.

Квартира по закону теперь принадлежит девочке, но Надежда, как законный представитель ребенка, может проживать в ней вместе с дочерью. Чтобы получить хоть какую-то выгоду, Надежда и Григорий решили переехать в квартиру девочки, а ту, другую, в течение пяти-шести лет сдавать.

Надина жизнь до совершеннолетия превратилась в крошечный ад: мать и отчим сживали со света ребенка. Теперь они ежедневно обвиняли ее в смерти бабушки: не досмотрела, не доглядела и, вообще, о дарственной знала, поэтому постаралась как можно быстрее загнать бабку в гроб.

Как только Наде исполнилось восемнадцать лет, она вместе с полицией выставила мать с отчимом из собственной квартиры. Став полноправной владелицей, девушка решила навсегда уехать из родного города. Квартиру она продала.

Надя собиралась замуж. Предложение ей сделал тот са-

мый вихрастый Вовка. Он тоже давно прекратил общение с родителями, выбился в люди – учился и параллельно работал. В отличие от близких родственников, Надя и Вова были ярыми противниками алкоголя. Продав квартиру, молодые люди переехали в большой город, устроились на работу, деньги положили в банк под хороший процент. Помотавшись по съемным квартирам, взяли в ипотеку большой дом с садом и огородом.

Надя всю жизнь благодарит бабушку за то, что она не осталась равнодушной к ее судьбе. С родителями женщина не общается уже пятнадцать лет.

Сама виновата

Наталья Игоревна одна воспитывала сына, поэтому много работала. На душевные разговоры с ребенком у нее не хватало времени. Юра рос задиристым и хулиганистым. Проблемы начались еще в школе: мальчик привык отстаивать свое мнение кулаками, и на него часто жаловались родители других детей.

Пару раз вызывали участкового, что привело к постановке на учет семьи как неблагополучной.

После школы Юра никуда учиться не пошел. Он устроился на работу сначала грузчиком, а потом и разнорабочим. Нигде долго не задерживался, вылетал в основном за пьянку и развязное поведение. К двадцати шести годам парень успел дважды побывать в тюрьме.

Первый раз за разбой – пьяным разбил в магазине витрину, когда ему отказались продавать спиртное. Второй раз – за нанесение тяжких телесных повреждений, когда приревновал к собутыльнику свою девушку.

Наталья Игоревна от сына не отказалась, регулярно ездила к нему и возила передачи. После первого освобождения Юра женился. С Аней они вместе были еще со школы. Девушка честно ждала возлюбленного из тюрьмы и была очень рада получить от него кольцо.

У свекрови с невесткой были отличные отношения. Аня

легко сходилась с людьми, быстро находила общий язык с детьми и имела чувство стиля. Наряды в прованском стиле очень шли ей; в гардеробе у девушки всегда были шляпки. Невестка напоминала Наталье Игоревне француженку, утонченную и воздушную.

После того, как Юра сел в тюрьму во второй раз, Аня подала на развод. Девушка решила, что ничего общего у нее с закоренелым уголовником быть не может. Развод особенно болезненно переживала Наталья Игоревна.

Юрий в колонии тоже горевал. Он искренне любил Аню, ради нее он был готов измениться. Мужчина решил, что сразу же после освобождения он поедет к любимой и вымолит ее прощение.

Время шло медленно, сидеть ему оставалось почти два года. Домой разрешали звонить редко. Юра пробовал пару раз позвонить жене, но родители не приглашали ее к телефону. Говорили, что Ани нет дома.

Чтобы скоротать время и отвлечь себя от мыслей об Ане, Юрий написал письмо в газету с текстом: «Молодой мужчина познакомится с симпатичной женщиной для общения, дружбы и, возможно, создания семьи. Все подробности – в переписке». Откликов было много: одинокие женщины с разных городов России мечтали о надежном мужском плече. Юра «иногородним» отвечал неохотно, для мужчины в приоритете были местные.

Письмо Анжелики сразу зацепило молодого человека.

Женщина искренне рассказывала о себе, подробно описывала качества, которые хотела видеть в своем избраннике. Юра не стал скрывать своего местонахождения, а Анжелику его прошлое не смутило. Через два месяца переписки женщина приехала к Юрию на краткосрочное свидание.

Анжелика была старше своего избранника почти в два раза: ей было сорок восемь лет. Она владела бизнесом и не имела материальных проблем: жила в своей трехкомнатной квартире, ездила на иномарке, летала два-три раза в год отдыхать. Юра после знакомства с женщиной стал жить намного лучше: Анжела регулярно привозила передачи.

Юра подумал, что грешно упускать такой шанс, и, подождав, когда женщина к нему привыкнет, позвал ее замуж.

Радостной новостью Анжелика поделилась только с одним человеком – с единственной подругой Лизой. Женщины встретились в кафе. Та выразила свое мнение по поводу серьезности намерений молодого человека.

– Анжел, я ни в коем случае не лезу в твою личную жизнь, но ты в нем уверена? Вы знакомы три месяца. Он тебя младше на двадцать два года. Да он дочки твоей на год младше! Зачем тебе этот брак?

– Мне кажется, что я его люблю. Юра на самом деле хороший человек, просто очень вспыльчивый. Именно за это он и попал в тюрьму.

– Ага, конечно! Ты скажи еще, что твой Юра невинно осужденный! Так 90% эков говорит.

– Нет, почему же? В целом, конечно, за дело сидит. Но уже во всем раскаялся! Ему совсем немножко осталось, чуть больше года.

– Анжела, очнись! Когда он выйдет, тебе будет пятьдесят, а ему – двадцать восемь! Через лет пять ты ему надоешь, и он тебя бросит! Ну к чему эти страдания? Нравится он тебе? Встречайся, ездь к нему на свидания, если нужно, но не расписывайся! А если он с тобой только ради денег?

– Ну что ты такое говоришь! Ему я важна, а не мои деньги! Лучше бы, Лиза, я тебе ничего не рассказывала. Вместо того, чтобы за меня порадоваться, ты мне только настроение испортила!

Все-таки слова лучшей подруги охладили пыл Анжелики, и она решила с заключением брака не торопиться. Парню она отказала.

Юра же, наоборот, развил бурную деятельность. Об избраннице рассказал матери. Наталья Игоревна тут же захотела познакомиться с невесткой. Юра обещал это устроить. Когда Анжелика приехала на очередное краткосрочное свидание, молодой человек завел об этом разговор.

– Солнышко, чтобы доказать серьезность своих намерений, я хочу познакомить тебя с мамой. Пока меня рядом с вами нет, вы будете поддерживать друг друга. Ты согласна?

– Конечно, я не против. Только вот...

– Что, любимая?

– Ты сказал ей о моем возрасте?

– Конечно, она знает, что ты меня старше. Не волнуйся, мама у меня современная, на такую мелочь даже внимания не обратит. Вот тебе телефон. Маму зовут Наталья Игоревна.

– Хорошо, милый. Я сегодня же ей позвоню.

Анжелика показалась Наталье Игоревне слишком холерной. Несмотря на то что женщины были ровесницами, выглядела невестка значительно лучше свекрови. Встреча прошла холодно. Наталья Игоревна стеснялась и не знала, о чем говорить с избранницей сына. Анжелике же, наоборот, Наталья понравилась – женщина показалась ей искренней.

Теперь на краткосрочные свидания они ездили вместе. Когда Юрию оставалось два месяца до освобождения, он снова сделал предложение Анжелике, и она согласилась.

Женщина в городе имела связи, поэтому смогла устроить молодого мужа на высокооплачиваемую работу. Анжела купила ему машину, помогла сделать в квартире матери ремонт.

Все было бы у него хорошо, если бы не воспоминания об Ане. Засыпая рядом с Анжелой, Юрий часто вспоминал первую жену. Близкий друг рассказал мужчине, что девушка практически сразу после того, как его во второй раз посадили, уехала в другой город. В отношениях ли она сейчас или нет, Юрий не знал. Да и узнавать не было смысла – мужчина уже был женат.

Наталья Игоревна смирилась с невесткой. Первое время женщине было стыдно перед соседями за сына. Ей казалось,

что их семью обсуждают все, кому не лень. Но Наталья Игоревна видела, как Анжелика любит Юру. Подарки, которые на каждый праздник преподносила щедрая невестка, тоже оценила и поняла, что ее сын в жизни наконец-то вытянул счастливый билет.

Пятидесятилетие Анжелики отметили с размахом в модном ресторане. Наталья Игоревна в очередной раз заметила, что выглядит женщина максимум на сорок.

Наталья Игоревна перестала в чем-либо нуждаться с появлением Анжелики. Женщине стала нравиться роскошная жизнь и со временем любые подарки она стала воспринимать как само собой разумеющиеся. Напрямую требовать у невестки денег она не решалась, действовала через Юру:

– Сынок, как дела у твоей женушки? Деньги еще не закончились?

– Мам, опять ты за свое! Я же ведь работаю, помогаю тебе. Что ты еще хочешь?

– Я всю жизнь мечтала побывать за границей. Хочу на старости лет мир посмотреть. Что ты на это скажешь?

– Что я тебе на это скажу? Не знаю, у меня на данный момент нет денег, чтобы отправить тебя в путешествия.

– А твои деньги не нужны. Аккуратно попроси Анжелику, пусть купит мне путевку, например, в Италию. Или в Испанию. Еще бы я с удовольствием съездила в Америку.

– Да, мама, Турция теперь для тебя бюджетный вариант?

– Про Турцию фильм показывали по телевизору, а там,

кроме аквапарков и гостиниц, интересного ничего и нет. А вот Италия – другое дело!

– Избаловала тебя Анжела. Никогда бы раньше не подумал, что ты путешествиями интересуешься.

– То было раньше, сынок. Тебе посчастливилось выиграть в лотерею, так почему бы на полную катушку не использовать этот подарок судьбы?

Просьбу Натальи Игоревны Анжелика выполнила: купила свекрови путевку на неделю в Испанию. Провожать мать Юрий поехал один, поскольку Анжела не смогла отменить важное совещание.

Юра от жены не отставал и тоже много работал. Ему хотелось получить независимость, открыть свое дело и забыть прошлое, как страшный сон.

Наталья Игоревна после женитьбы сына на своей ровеснице потихоньку отвадила всех подруг, чтобы избежать насмешек. Общаться продолжила только с соседкой Лидой. По возвращении с отдыха Наталья Игоревна пригласила ее попробовать настоящее испанское вино. Женщине не терпелось поделиться впечатлениями о поездке.

Когда бутылка уже была почти допита, захмелевшая Наталья стала жаловаться подруге на невестку.

– Вот все, Лидка, в ней хорошо. Выглядит прекрасно и зарабатывает отлично, а счастья сыну с ней не будет.

– С чего ты взяла?

– Да как! Ей же пятьдесят уже! Ребенка она никогда не

родит, не будет у меня внуков.

– Да зачем тебе нужны эти внуки, Наташа? Лишняя статья расходов. У меня вон четверо – всю зарплату на них спускаю и сыну с дочкой помогаю. Живи в свое удовольствие!

– Вот если сгинула бы Анжелка куда-нибудь, зажили бы мы... Юра бы получил половину наследства, у той же дочка есть. Нашел бы себе молодую жену.

– Ой, да что ты, Наташа, говоришь такое! Она же живой человек! Ты что ее, как крысу, отравить хочешь?!

– А что, это мысль...

– Все, пойду я. Мне кажется, перепили мы с тобой, раз до обсуждения смерти твоей невестки дошли. Пока, Наташ. Не делай глупостей.

Мысль показалась Наталье Игоревне интересной. У невестки нервная, напряженная работа, сердце, наверное, шалит. От нее можно избавиться, если только тщательно все продумать. Наталья Игоревна последовала примеру Скарлетт из известного романа «Унесенные ветром»: решила «подумать об этом завтра».

Наутро женщина проснулась с гудящей головой и непонятно откуда взявшейся ненавистью к Анжелике. Если бы не она, Юра давно бы вернул Аню. Может быть, у Натальи Игоревны уже подрастал бы внук или внучка. Свалилась же на ее голову эта престарелая фифа! Раз внуков от такой невестки ждать не приходится, то следует вытянуть из нее как можно больше денег!

Наталье Игоревне вдруг подумалось, что она бы шикарно смотрелась за рулем. Почему бы не заставить Анжелку купить ей машину? Женщина набрала номер сына и пригласила его вечером на ужин. Попросила, чтобы Анжела обязательно пришла к ней в гости.

Ужин прошел спокойно. Когда Юра встал из-за стола и вышел на балкон, чтобы покурить, Наталья Игоревна произнесла:

– Анжела, а знаешь, что я подумала? Хватит дергать Юру по всяким пустякам, я же его от работы, наверное, отвлекаю. Хочу отучиться в автошколе и получить права.

– Хорошая идея, Наташ. Права сейчас получить несложно, да и машину купить проблемы не составит – банки даже специальную программу «Автокредит» предлагают.

– Да ты что, Анжел, кто мне кредит даст? Я же давно не работаю. Вот права получу, вы же купите мне машину? А я обещаю больше в этом году не проситься на отдых. Только берите с салона: подержанная, наверное, часто ломаться будет.

– Наташ, сейчас нет возможности покупать что-то дорогостоящее. В бизнесе небольшие проблемы, я и так постоянно дергаю из оборота деньги то на то, то на это.

– Ну ничего, сыщешь средства на подарок любимой све-крови.

– Извини, Наташ. Не могу.

Анжела встала из-за стола и направилась к Юре на бал-

кон. Наталья Игоревна расшвыряла. Именно она позволила сыну жениться на этой старухе, именно ей Анжелка обязана своим женским счастьем! Вскочив с места, Наталья Игоревна бросилась к аптечке и схватила таблетки. У нее всегда в запасе был препарат, повышающий давление – женщина страдала гипотонией.

Ни Наталья Игоревна, ни Юра кофе не любили. Только Анжела пила этот напиток литрами. В голове свекрови созрел чудовищный план. Сейчас она избавит и себя, и сына от всех проблем! Таблетки Наталья Игоревна бросила в кружку, включила кофемашину, залила лекарство кипятком. В напиток щедро добавила сахара, чтобы горечь не ощущалась.

Ничего не подозревавшая Анжела вместе с Юрой вернулась к столу и сделала пару глотков кофе. Через несколько минут ей стало плохо. Она схватилась за сердце и пробормотала: «Что-то голова сильно кружится». И упала со стула.

Юра испугался, а Наталья Игоревна улыбнулась. Посмотрев на мать, молодой человек все понял...

– Мама, ну кто просил тебя лезть? Когда ты оставишь меня в покое?! Что теперь делать? – кричал Юра, склонившись над Анжеликой.

– Ничего не делать. Вызывай скорую, пока не поздно. Скажем, что твоя жена переборщила с таблетками. Пусть все думают, что она сама виновата.

Анжела выписалась из больницы только спустя месяц.

Юра приходил к ней несколько раз, но женщина не хотела его видеть. Писать заявление в полицию Анжелика не стала. Оправившись от сильного отравления, она подала на развод, продала бизнес и вместе с семьей дочери уехала в курортный город. Там открыла небольшой отель.

Юра помирился с первой женой. Анна быстро забеременела. С матерью молодой человек не общается.

Мы есть хотим, мама

Свекровь Евгении, Татьяна Эдуардовна, всю жизнь работала учителем русского языка и литературы. Профессия наложила отпечаток на характер: женщина была дотошной, педантичной и даже деспотичной. Она требовала полного повиновения, «строила» не только взрослых сыновей, но и их жен.

От Татьяны Эдуардовны стонали соседи и администрация: по любому поводу старушка ходила жаловаться. Женя вместе с мужем Станиславом жили ближе всех, поэтому им и доставалось больше. Выйдя на пенсию, Татьяна Эдуардовна внезапно поняла, что ей абсолютно нечем заняться.

Первое время женщина репетиторствовала, но ученики, «по сарафанному радио» передавая друг другу информацию о преподавателе, постепенно отсеялись. Бывшего учителя никто не выдерживал.

Татьяна Эдуардовна окончательно осела дома и взывала от тоски. Пенсия у нее была небольшая, но дети хорошо помогали материально. Станислав работал дальнобойщиком, из рейса привозил абсолютно все, от продуктов до мебели и техники.

Его старший брат Анатолий работал на заводе главным инженером по технике безопасности, имел связи в нужных кругах, получал большую зарплату. Он отвечал за мелкий и

крупный ремонт маминой квартиры. Невестки Женя и Аня по очереди ходили к свекрови делать уборку.

Внуки навещать бабушку не любили. Вместо того чтобы как-то развлечь детвору, Татьяна Эдуардовна рассаживала их в зале и начинала гонять по школьной программе. Дети Станислава и Анатолия, однажды три дня подряд пробыв у бабушки, устроили бойкот. Родителям пришлось дать слово, что они больше никогда так надолго не оставят их у родственницы.

Сообразив, что никто вокруг нее плясать не будет, Татьяна Эдуардовна стала методично донимать сыновей дачей. Женщина настаивала на покупке небольшого летнего домика, можно без ремонта, с землей под огород. Станислав, посоветовавшись с семьей, а затем – со старшим братом, взялся за поиски «летней резиденции».

Ни один предложенный вариант мать не устроил. Если сначала она говорила, что ей достаточно будет стола и кровати в доме, то теперь настаивала на дополнительных удобствах в виде телевизора, душа и отопления. Стас объяснил матери, что такую покупку он не потянет: элементарно ни у него, ни у брата нет столько денег.

Татьяна Эдуардовна обиделась. Неужели она, в одиночку вырастившая и выучившая двоих сыновей, не заслужила крохотного домика на берегу реки? Станислав прекрасно знал, что спорить с матерью бесполезно. Он попросил жену поговорить с ней: мол, женщина женщину всегда поймет.

Евгения уговаривала свекровь три месяца, подключилась и Анна. Вместе невестки упросили Татьяну Эдуардовну продать городскую квартиру, безвозмездно взять недостающую сумму у Анатолия и Станислава и наконец купить себе хороший дом в соседней деревне с газовым отоплением, водой и всеми удобствами. Коммунальные расходы сыновья были готовы взять на себя.

Татьяна Эдуардовна выбрала самый дорогой дом с деревянной беседкой, баней, фруктовым садом, в двадцати метрах от реки. Братьям пришлось залезть в кредиты, чтобы обустроить жилище так, как хотелось их матери. Переезд занял три года. Летом Татьяна Эдуардовна наконец-то вселилась в новый дом и временно отстала от сыновей.

Дети мать не бросали. Несмотря на преклонный возраст, Татьяна Эдуардовна сама ходила в магазин, получала пенсию и составляла план расходов на месяц. Видимо, из-за возраста к педантичности добавилась и жадность.

Пенсионерка стала экономить на продуктах. По деревне о ней поползла дурная слава: не имея живности (кроме старого кота) и хозяйства, Татьяна Эдуардовна забирала у соседей подпортившиеся овощи, фрукты, помои. Что она с ними делала, никому не известно

Весь урожай, выращенный в огороде, продавала людям, снимающим дачи на лето. Себе не оставляла ничего, перестала делать заготовки. Любую свободную копейку откладывала в «гробовую» шкатулку.

Когда Станиславу и Анатолию стали звонить соседи Татьяна Эдуардовны с рассказами о чудачествах матери, братья забеспокоились. Младший в перерывах между рейсами решил съездить в деревню, поговорить с матерью.

Татьяна Эдуардовна встретила его в старом, в нескольких местах залатанном халате. Холодильник был пуст. Смеркалось. Станислав хотел было включить свет, но мать ему запретила.

– Мам, ты чего? Что происходит?

– Ничего не происходит. Я экономлю.

– Экономим? На чем? На себе?

– Знаешь, какие счета за электроэнергию приходят каждый месяц? Это же тебе лишние траты! Я перестала смотреть телевизор. Включаю его только на полтора часа в день, когда любимый сериал смотрю.

– Мама, где продукты? Мы же тебе неделю назад несколько сумок привезли! Там и мед, и полуфабрикаты, клубника, черника! Ты холодильник отключила, что ли? Продукты пропали?

– Нет, я их соседям продала. В наш магазин такого не привозят, ездить в город не у каждого есть возможность!

– Мам, ну зачем? Мы же сами платим коммуналку, тебе деньги даем, продукты привозим! Зачем ты экономим? Чего тебе не хватает?

– Всего мне хватает. Просто для меня одной того, что вы привозите, много. Остатки я продаю людям, добро делаю.

Они мне – денежку, я им – вкусоности.

По возвращении в город Станислав встретился с Анатолием. Младший брат рассказал старшему об изменениях, произошедших с их мамой. Анна, работающая терапевтом, проконсультировалась с психиатром.

Специалист сказал, что, вероятнее всего, у женщины начинаются возрастные изменения. За ней стоит усилить контроль. Братья теперь по очереди стали ездить к маме. В быту Татьяна Эдуардовна была абсолютно адекватной: она не забывала выключить конфорку под кастрюлей, не разжигала огонь зря, помнила об элементарных правилах пользования электричеством. Пока разговор о переезде к одному из братьев было решено отложить.

За две недели до окончания летних каникул Жене потребовалось срочно уехать из города. Анна за детьми деверя и невестки присмотреть не могла: работала допоздна. Станислав с рейса задерживался на три дня.

Вариант с поиском няни отмели сразу: у семьи не было на это лишних средств. Каждую свободную копейку они отправляли Татьяне Эдуардовне. Женя решила обратиться за помощью к свекрови.

– Татьяна Эдуардовна, здравствуйте. Как ваши дела, здоровье?

– Здравствуй, Женечка. Все хорошо. Что-то давно вы ко мне не навевались.

– Извините, Татьяна Эдуардовна, столько проблем сейчас.

Мы обязательно вас навестим. Хотела попросить вас об одном небольшом одолжении. Можно я привезу к вам детей? Мне по работе нужно срочно уехать из города, оставить ребятшек не с кем.

– Да, конечно, привози. Я как раз посмотрю, как они подготовились к школе. Я из города уехала, небось внуки уже с ошибками писать начали.

Дети предложение на время съездить к бабушке отменили сразу. До школы оставалось меньше двух недель. Они не хотели портить впечатление о летнем отдыхе.

Жене пришлось пригрозить: если они не согласятся добровольно, то лишатся до Нового года интернета, ноутбука и игровой приставки. Спорить с матерью было бесполезно. Дети были вынуждены согласиться.

Зная характер свекрови, Женя заранее съездила в магазин и закупила продуктов. Брала все подряд: гречку, рис, макароны, овсянку, несколько упаковок молока, куриную грудку и бедра, конфеты, печенье, чай, разнообразные консервы, пряности и специи, какао. Не забыла и о бытовой химии.

В подарок свекрови купила уютную фланелевую пижаму. По приезде Женя сунула в руки Татьяне Эдуардовне две купюры по 5000 рублей на случай, если дети захотят мороженого, газировки. Уезжала Женя в хорошем настроении, поведение свекрови никакого беспокойства у нее не вызвало.

В командировку женщина добиралась на поезде. Ехать нужно было почти сутки. Звонок старшей дочери застал ее

еще в дороге. Ребенок, судя по голосу, был напуган. Разговаривал почти шепотом.

– Мам, ты когда приедешь?

– Да я только вчера вечером уехала. Что случилось?

– Мы есть хотим!

– Как это – хотите есть? Вас бабушка что, не кормит?

– Нет, мам. На ужин она нам дала по одной вареной картошке и хлеб. Сегодня на завтрак было вонючее комковатое молоко с хлебом. Продукты, которые ты купила, она от нас куда-то спрятала. Сказала, что мы все равно половину попортим, надкусим и не съедим.

Женя похолодела от ужаса. Получается, дети двенадцать часов сидят у бабушки голодные?! Стала звонить мужу, но телефон был вне зоны действия сети. Она оставила Станиславу сообщение на автоответчик. Решила позвонить свекрови.

– Татьяна Эдуардовна, здравствуйте. Как у вас дела?

– Здравствуй, Женя. Хорошо, как твоя командировка?

– Практически доехала. Татьяна Эдуардовна, у вас все нормально? Всего хватает?

– Да.

– Вы детей кормили?

– Конечно, кормила. Они сытые, веселые.

– Татьяна Эдуардовна, мне только что позвонила Ева. Вы меня, конечно, извините, но тот размер порций, который вы определили для подростка, совсем не соответствует нормам.

Вы как считаете, разве можно наесться одной картошкой?

– Кто не работает, Женя, тот не ест. Я их наказала. Попросила прополоть две грядки, а они сбежали на речку. В огороде работала сама, времени готовить ужин у меня не было. Что нашла из готового, тем и покормила.

– Татьяна Эдуардовна, так нельзя. Это же дети. Чтобы у них были силы, им нужно правильно и своевременно питаться. Если вам тяжело готовить, то попросите Еву. Она умеет варить каши, простые супы и жарить котлеты. Пожалуйста, не морите их голодом.

Татьяна Эдуардовна не дослушала и бросила трубку. Еще не хватало, чтобы молодуха учила ее жизни. Ишь, избаловали внуков. Чревоугодники!

Женя поняла, что ситуацию нужно срочно спасать. Никакие разговоры на Татьяну Эдуардовну не подействуют, она сделает так, как решила. Женщина стала набирать номер жены Анатолия, Анны. Обрисовав ситуацию, Женя успокоилась.

Анна обещала сразу же после работы съездить и забрать ребятишек от бабушки. Вызовет старшую дочь из другого города, она присмотрит за детьми.

С мужем Жене удалось связаться только глубокой ночью. Связь постоянно прерывалась: Станислав еще не доехал до города.

– Стас, ее нужно обследовать. Это монстр, а не женщина!

Я читала, что дегенеративные изменения в головном мозге проявляются не сразу или очень слабо. Человек может выглядеть полностью адекватным, но уже быть больным. Дети сидели голодными почти сутки! Аня отзвонилась: они с Толлей ребятню уже забрали.

– Не говори так о моей маме! Ты благодарить ее должна, что она вообще согласилась сидеть с детьми. А Ева не могла в огороде помочь? Дома и так ничего не делает! Послезавтра буду проезжать мимо деревни, навещу мать.

Станислав подъехал к знакомому дому и удивился: у ворот собралось человек десять. Он оставил камаз у соседнего дома и подошел к воротам. В грузном мужчине Станислав узнал Михалыча – автослесаря, жившего на соседней улице.

– А что тут происходит?

– Стас, привет. Тут у нас еженедельная распродажа. Ма-тушка твоя по дешевке продукты, одежду, постельное белье толкает.

– Не понял – что значит «толкает»?

– Ну, продает. А что, это выгодно. Цены баб Таня ставит приемлемые, вполонину дешевле, чем в магазине.

Растолкав народ, Станислав прошел во двор. У крыльца его мать соорудила импровизированный прилавок, за которым и торговала всем, что за последние два месяца привезли ей дети.

Вещи отдавала действительно за бесценок. Дело было не в деньгах: Татьяна Эдуардовна морила себя голодом ради вот

этих «распродаж». Разогнав всех желающих, Стас прибрался во дворе и с твердым намерением забрать мать в город вошел в дом.

Добровольно уезжать Татьяна Эдуардовна не согласилась. Позже ее упрашивали Анатолий, Аня и Женя. Пожилая женщина стояла на своем. Братьям ничего не оставалось, как договориться со знакомым психиатром и привезти его к матери под видом своего друга детства.

Врач, пообщавшись с женщиной несколько часов, поставил предварительный диагноз: старческое слабоумие. Чтобы сохранить разум, Татьяне Эдуардовне нужно было регулярно принимать лекарства. Переехать к ней ни у одного из братьев не было возможности.

Способ выбрали жесткий, но действенный: Татьяне Эдуардовне перестали привозить продукты и вещи. Наняли соседку, которая каждый день готовила свежую еду и приносила ее старушке. Лишившись «подработки» и окончательно заскучав в деревне, мать сама пожелала вернуться в город.

Это не мой ребенок

Вадиму было пять, когда Кристина стала женой Андрея. Несколько раз муж пытался привести мальчика в дом, который они купили вместе после свадьбы, но Кристина сразу обозначила границы – никаких детей. Она была не против, чтобы муж общался с ребенком, но на другой территории. Они даже обсудили бюджет, который будут выделять на мальчика, немаленький, так как жил он у свекрови. А пенсия у нее была невелика.

Кристина согласилась, что почти половина дохода мужа уходит туда. Сама она тоже прилично зарабатывала, своих детей в ближайшие лет пять точно не планировала, строила карьеру. Поэтому в средствах они были не стеснены и Кристина полагала, что такое решение справедливо.

Только вот свекровь с самой свадьбы начала против невестки настоящую войну. До свадьбы она была мила, слова поперек не говорила, именно поэтому Кристина решилась на такой брак. На свадьбу Наталья Дмитриевна притащила маленького Вадима, нарядила его в костюм и постоянно пыталась пристроить ребенка на все фотографии пары. Кристина не выдержала, отвела свекровь в сторону и сказала:

– Это не мой ребёнок! Я не хочу свадебные фото с ним, уведите его отсюда, пожалуйста.

Свекровь изменилась в лице, будто Кристина залепила ей

пощечину.

– Как не твой? Он же Андрея, а ты теперь его жена, и ребёнок должна принять!

– Нет, не должна! – Кристина начала закипать, – мы договорились, что жить будем вдвоём, мальчик мне не нужен, понятно?

Наталья Дмитриевна схватилась за сердце и силилась что-то сказать. В эту минуту к ним подошёл Андрей.

– Что у вас тут происходит? – обеспокоенно спросил он.

– Андрюша! Это как же? Это что же такое? – пыхла свекровь.

– Скажи ей убрать от меня ребёнка! – повысила голос Кристина. – Кажется, твоя мама не поняла...

Андрей, казалось, смутился.

– Милая, иди к гостям, я сам разберусь, – тихо сказал он, подхватил мать под локоть и увел в другой зал.

Вернулись они оба красные, видимо, разговор был нелегким. Кристине было неинтересно, как и о чем они говорили. Главное, Андрей всё уладил, как он ей сообщил.

Но когда пришла очередь поздравлять молодых, свекровь взяла слово и, подняв за собой Вадима, с натянутой улыбкой сказала:

– Дорогие мои дети! Я всегда мечтала о дочери, но не сложилось. А теперь она у меня есть. Я очень рада принять в семью тебя, Кристиночка, и, надеюсь, ты тоже нас примешь с Вадиком.

Кристина изо всех сил старалась держать лицо и не морщиться.

– Тётя Кристина, ты такая красивая! – добавил Вадик, – я так рад, что ты теперь будешь мне вместо мамы!

Кристина заметила отчаянный взгляд, который бросил на нее муж, и только ради него сдержалась. Даже позволила мальчику себя обнять и поцеловать, хотя ей было ужасно противно прикасаться к нему. Она сама не понимала почему, но этот ребёнок вызывал в ней отвращение.

Когда праздник закончился, вместо брачной ночи у нее с Андреем состоялся тяжелый разговор. Она потребовала, чтобы такая выходка со стороны свекрови была в первый и последний раз, и чтобы они не смели подсовывать ей Вадима. Муж сначала пытался возражать, мол, дай ему шанс, он хороший мальчик, ты обязательно его полюбишь, но потом смирился. Обещал сделать как она просит.

С того дня все праздники Андрей устраивал втайне от мамы. Но какие-то события все равно приходилось отмечать по-семейному. И каждый раз свекровь пыталась подсунуть Кристине внука. Сначала это были невинные попытки, она посылала мальчика с уродливыми поделками, надеясь, что Кристина растает от того, как Вадим её нарисовал, или от кривых сердечек и нелепых аппликаций, которые мальчик с радостной улыбкой ей дарил.

Первое время Кристина брезгливо принимала подарки и просто кивала, а потом не стала даже брать. Мальчик стоял,

протягивая очередное подношение, а Кристина делала вид, что не видит, и уходила в сторону. Вадим обиженно дул губы, Андрей забирал у него подарок и отвлекал.

Через пару таких ситуаций свекровь, видимо, поняла, что это не работает, и перестала подсылать к ней внука.

Зато стала требовать денег на подарки. "Вадичке надо то, Вадичке надо это, при живых родителях сирота, как вам не совестно" – причитала она, и Кристина, чтобы не слушать это нытье, соглашалась выделить очередную сумму на покупку компьютера, велосипеда и прочего, что нужно ребенку.

Мальчик по мере взросления становился всё тише, в присутствии Кристины старался быть незаметным, только иногда бросал на нее задумчивые взгляды. Кристина привычно его игнорировала, и все бы было хорошо, если бы не Наталья Дмитриевна со своими попытками передать им Вадичку.

Однажды, когда Андрей был в командировке, свекровь приехала к Кристине с внуком поздно ночью. Вадиму тогда было восемь, он пошел во второй класс и в это время, как полагала Кристина, должен был спать. Вместо этого неугомонная Наталья Дмитриевна притащила его в гости.

Кристина поставила на стол только чай и сахар, надеясь, что свекровь по-хорошему поймет, что ей тут не рады.

– Ой, а что у тебя к чаю-то пусто? – заволновалась свекровь, – хорошо, я печенье купила. Вадик, сходи, принеси из сумки!

Мальчик молча слез со стула и ушел в прихожую. В это время свекровь быстро зашептала:

– Кристиночка, помогай! Его в классе дразнят, видишь, какой грустный? Один мальчик говорит, что он никому не нужен, кроме бабки старой, обзывает по-всякому. Вадик теперь в школу не хочет, плачет по ночам, кошмары начались. Я уж и не знаю, что делать. – Она смотрела на Кристину телячьими глазами, ожидая ответа.

– И что? Я тут при чём? – холодно ответила Кристина.

Свекровь отшатнулась:

– Как же? Неужели не жаль ребенка, не чужие ведь? Я старая, чем помочь ему могу и не знаю... Вот и подумала... – зачастила она, но закончить не успела, вернулся Вадим, волоча пакет с печеньем почти по полу. Он равнодушно шмякнул пакет перед Кристиной, и снова сел на свой стул.

Кристина подвинула пакет к свекрови, мол, сами ешьте свое печенье. Наталья Дмитриевна не обратила на ее жест внимания, нарочито радостно заулыбалась и сказала:

– Вадичка! А вот тётя Кристина говорит, хорошо бы ты у нее остался, а то ей одной страшно ночевать. Хочешь? – и повернулась к Кристине, подмигивая.

Кристина аж поперхнулась от такой наглости. Мальчик же выпрямился и с надеждой посмотрел на неё.

– Правда? Можно остаться, тётя Кристина?

– Нет! – зло выпалила Кристина, – бабушка пошутила. И вообще, мне сейчас ехать надо по делу, а вам домой пора –

с нажимом закончила она, сверля свекровь взглядом.

Она готова была выкинуть их из дома собственноручно, если свекровь продолжит. Но Наталья Дмитриевна поняла. Она вскочила со стула, прикусив губу, схватила Вадима за руку и почти побежала к выходу. Глаза мальчика наполнялись слезами, было слышно, как он ныл, пока свекровь что-то ему говорила.

Кристина с облегчением вздохнула, закрыв за ними дверь, и сразу выбросила пакет с печеньем в мусорку. А потом принялась вытирать стол и стул, где сидел мальчик.

Примерно через год, когда Андрей снова был в отъезде, Кристина готовила отчет в своем кабинете на работе, когда в дверь постучали. На пороге стояла свекровь, снова с Вадимом. Мальчик выглядел неважно. Его лихорадило, глаза закрывались, и, если бы свекровь не поддерживала, он бы, наверное, упал.

– Что вам надо? – строго спросила Кристина, сначала не собираясь впускать эту пару к себе. Но, заметив любопытные взгляды коллег, которые собирались в коридоре, передумала.

– Кристиночка, что-то плохо ему, не знаю, что делать. Скорую вызвала, они никак не едут, а ты тут рядом, свози нас к врачу, быстрее будет! – запричитала свекровь, устраивая мальчика на диван.

– А про такси вы не слышали? – зло спросила Кристина.

– Так дорого такси-то! У меня деньги кончились, не могу

я... В школу знаешь сколько всего надо то, итак все на него трачу, себе уж и таблеток не беру... Да и непривыкшая я по такси...

– Что вам не хватает? Андрей ползарплаты отдает, вам все мало? Чего к матери не звоните? Зачем ко мне пришли? Я ему не мать!

Мальчик застонал, Наталья Дмитриевна плюхнулась с ним рядом, положила его голову на колени, и жалобно сказала:

– Давай потом, Кристина, по-божески прошу, помоги! Плохо ему, не видишь?

В дверь постучали и тут же открыли. Любопытная сотрудница Жанна заглянула внутрь и стала беспардонно рассматривать свекровь с мальчиком.

– Ой, Кристина, это твой сыночек? Что с ним такое? Может, помощь нужна?

Кристина поморщилась, а свекровь ухватилась за предложение.

– Да-да, очень нужна! Мне бы в больницу его отвезти, вы не сможете? – она с мольбой смотрела на Жанну.

– Конечно, помогу! Если Кристина отпустит, – с готовностью отозвалась Жанна. – Она мой начальник, – пояснила Наталье Дмитриевне.

– Отпустишь? – свекровь почти рыдала, поглаживая Вадика по голове.

Если бы не проект, который срочно надо было сдать, Кри-

стина бы поехала сама, только чтобы сплетница Жанна не болтала потом про нее гадости. Но сроки поджимали, а выглядеть бесчувственной стервой не хотелось. О ней итак шептались в коллективе.

Поэтому Кристина кивнула, не подозревая, что обрушится на ее голову после возвращения Жанны.

После той поездки к Кристине стали осторожно подходить коллеги с вопросами, почему она не принимает сына мужа, неужели она совсем не любит детей? А когда Кристина заявила, что она не обязана любить чужого ребенка, тем более при живой матери, мамочки в их компании перестали с ней разговаривать.

Кристина старалась не обращать на это внимания, но плохое отношение к ней отразилось и на работе. Коллеги теперь тыкали ей в каждую мелочь, и делали все возможное, чтобы задержать работу.

Хорошо, что директор был разумным человеком, после разговора Кристины с ним том, что личные симпатии нельзя мешать с делами, всё наладилось. Но отношение к Кристине отныне было холодно-вежливым.

– Не обращай внимания, – утешала лучшая подруга Ангелина, единственная, кто был в курсе абсолютно всех событий в жизни Кристины. – Ты действительно не обязана любить и принимать не своего ребенка. Некоторые вообще детей не хотят, и ничего.

– Я хочу детей, – Кристина давно задумывалась, что пора

уже своего ребенка заводить, она была готова и финансово, и морально. – Я просто этого не хочу. Ты себе не представляешь, меня аж тошнит, когда его вижу. Ничего не могу с собой поделать. Может, если бы он хотя бы на Андрея был похож, но нет. Только и от матери тоже совсем ничего.

– А ты её видела? – удивленно спросила Ангелина.

– Да, однажды в ТЦ с Андреем были и столкнулись с ней и её мужем. У неё дочь, представляешь? И свекровь ни разу ее не попрекнула, что она сына скинула и видеть не желает. А я плохая зато.

– Странно это всё, – задумчиво протянула подруга. – И бывшая Андрея, и мать его. Выбрось из головы, у вас то главное все хорошо.

– Да, у нас все прекрасно. Если бы не свекровь, – стиснула зубы Кристина.

Наталья Дмитриевна надолго исчезла после того случая. Кристина уже обрадовалась, что свекровь наконец оставила ее в покое. Оказалось, женщина просто обиделась. Мол, Кристина даже не поинтересовалась в тот день, как Вадим.

Мальчик и правда пролежал в больнице почти месяц, Андрей его навещал по три раза в неделю, возил подарки и сладости. А Кристина не вникала, что у них там происходит. Сначала терпеливо выслушивала про то, что у мальчика нервный срыв, что проблемы в школе, что придется переводить его в другое место, а потом стала обрывать эти разгово-

воры.

– Своим сыном занимайся сам. Меня это не касается, я не лезу, и ты не лезь ко мне с этим, пожалуйста.

Муж вздохнул и согласился. Но после больницы привез Вадима к ним.

– Кристин, ну, на пару дней. Мама сама приболела, по врачам ходит, не может пока с ним сидеть, а ему лекарства давать надо, – виновато говорил муж.

– Хорошо, но управляйся с ним сам.

Муж кивнул. Пара дней затянулась на целую неделю. Вадим с каждым днем становился все живее и радостнее, Андрей взял отпуск и целыми днями сидел с сыном. Кристина в это время старалась не бывать с ними в одной комнате, даже ела у себя. А когда мальчик попытался что-то попросить, строго на него посмотрела и сказала:

– Если тебе что-то надо, спроси отца. У меня нет на тебя времени.

Вадим насупился, кивнул и вышел из ее спальни. Кристина закрыла дверь на замок на всякий случай. А через неделю, видя, что муж и не собирается увозить ребенка, сказала, что будет жить у Ангелины, если к вечеру Вадим не исчезнет.

Встречи с пасынком почти прекратились. Свекровь пыталась стыдить Кристину на семейных торжествах, но теперь Вадим сам старался не присутствовать на них, и всё обходилось сравнительно неплохо.

После девяти лет брака Кристина забеременела. Андрей

был счастлив. Он мечтал, чтобы родилась девочка. Кристина тоже хотела дочь. После Вадима ей было страшно, что даже своего мальчика она не полюбит. Когда родилась Оля, свекровь даже не позвонила.

К удивлению Кристины, на выписку из роддома пришел Вадим. Он попросил взглянуть на сестренку и Кристина, видимо не отошедшая от родов, показала ему Олю. Парень смотрел на девочку с такой нежностью, будто это самое дорогое для него существо, а Кристина вдруг заметила, что Вадим вырос очень симпатичным.

– Какая она маленькая! – удивленно выдохнул парень. – Можно, я ее подержу?

– Нет! – оборвала Кристина.

Парень тут же ссутулился и отошёл.

Дома Кристина заметила красиво обернутую коробочку, в которой оказалась серебряная погремушка.

– Какая прелесть! – восхитилась она, рассматривая необычную игрушку. – Откуда она?

Андрей улыбнулся и с воодушевлением рассказал:

– Представляешь, Вадик работать пошел, когда узнал, что ты беременна, хотел братику или сестренке сам подарок купить. Вот, накопил. Говорит, на заказ сделали.

Теперь Кристина заметила, что на ручке погремушки, сделанной в форме черенка, на котором висело две вишенки, была гравировка с датой рождения и именем Оли. И приписка "от любящего брата".

Кристина скривилась и спрятала игрушку в глубь шкафа, хотя в душе шевельнулось какое-то теплое чувство к пасынку.

Вадим упорно старался влезть в их жизнь. Он взял в привычку приходить в парк в то время, когда Кристина гуляла там с Олей, и каждый раз просил понянчить малышку. Разумеется, Кристина отказывала, тогда он просто молча шагал рядом, глядя на маленький кулечек в коляске.

Кристина пробовала менять время прогулки и место, но парень назойливо продолжал их находить, и скоро она даже привыкла, и ждала его. Вымотанная вечным недосыпом, однажды она разрешила ему взять Олю, когда дочь особенно раскапризничалась.

Вадим, казалось, взлетит от счастья. Он бережно принял малышку и стал тихонько покачивать ее, всматриваясь в ее личико и ломаным голосом нежно с ней сюсюкать. К удивлению Кристины, дочь успокоилась и с интересом изучала новое лицо.

– Ты моя маленькая вишенка, Оленька, – говорил парень, – ты будешь самой счастливой девочкой в мире! Я всегда буду тебя защищать, да, да! Она такая милая! – с восторгом обернулся он к Кристине, когда Оля агукнула и улыбнулась на его слова.

А у Кристины вдруг в глазах защипало. Она кивнула, стараясь разобраться, что с ней происходит. Неужели Вадим стал ей нравиться?

Постепенно парень стал частым гостем в их доме, Кристина даже разрешила ему взять ключи, чтобы он мог приходить после школы и ждать их в доме, если их не будет. Парень очень помогал ей с ребенком, а Оля его просто обожала.

Но Кристине всё ещё тяжело давалось общение с пасынком. Она не могла принять его, что-то внутри сопротивлялось. Ей хотелось, чтобы Вадим или был её сыном, или бы его не было совсем. А принять его чужого не могла.

Свекровь так и не пришла ни разу взглянуть на внучку. Чему Кристина была только рада.

Первый Олин день рождения было решено справлять в кафе. Собрали всю родню, друзей и знакомых. Наняли аниматоров, чтобы развлекали детей, няню на подхват Кристине, чтобы и она смогла отдохнуть. И всё было замечательно, пока свекровь не устроила сцену.

– Как же ты можешь любить одного ребенка и не принимать другого? – вдруг громко сказала свекровь, – Что тебе Вадик сделал? Он же тоже все еще ребенок! – на последнем слове голос ее сорвался, и по щекам потекли слезы.

Кристина прикрыла глаза и сделала глубокий вдох, чтобы не взорваться. Устраивать сцену перед гостями было бы неприлично. Только свекровь это, конечно же, не остановило. Она раскрыла рот, чтобы продолжить, когда неожиданно Вадим громко сказал: "хватит!", взял Наталью Дмитриевну под локоть и силком потащил вон из кафе, благо вымахал уже под два метра, и силы в нём было много.

Гости притихли и нервно поглядывали на Кристину, а она, краснея от стыда, прижимала к себе дочь, мысленно проклиная Андрея, который отлучился в самый неудачный момент.

Муж, словно почувствовав неладное, вернулся из уборной и недоуменно поднял брови, заметив напряженные лица и натянутую как струна, жену.

На его лице заходили желваки, когда он обвел зал взглядом и заметил, что мамы с Вадиком нет. Видимо, сразу понял, в чем дело. За прошедшие десять лет свекровь не впервые устраивала подобные представления, и никакие разговоры с сыном на нее не действовали.

Андрей бодро улыбнулся и подошел к Кристине, наклонился, будто поцеловать, а сам шепнул:

– Снова?

Кристина кивнула, боясь поднять голову. Казалось щеки сейчас зажгутся настоящим огнем, так они пылали. Андрей погладил её по плечам и тихо сказал:

– Прости.

Кристина снова кивнула. Ей хотелось, чтобы этот вечер поскорее закончился. Хотелось оказаться дома и больше никогда не видеть ни свекровь, ни Вадима. Как жаль, что это невозможно.

Андрей поднял бокал с соком (муж не употреблял алкоголь) и обратился к гостям. Очень скоро все снова веселились и непринужденная атмосфера праздника вернулась. Кристина одновременно была и благодарна мужу за то, что

на него всегда можно положиться, и он умеет уладить практически любую ситуацию, и злилась на него за выходки Натальи Дмитриевны.

Хоть и убеждала себя, что это несправедливо – муж не может отвечать за других людей, даже если эти люди – родные мать и сын.

Вечер завершился нескоро, и домой Кристина с Андреем и годовалой Олей вернулись совершенно вымотанными. Но неприятности на выходке свекрови не закончились. Войдя в дом, Кристина споткнулась о мусорную корзину и чуть не упала со спящей дочкой на руках. Андрей успел их подхватить, и, чертыхнувшись, перехватил девочку.

От представившейся картины у Кристины дыхание перехватило. Половина гостиной была завалена мусором, рваной бумагой и залита пальчиковыми красками, купленными для Оли. На полу, у бежевого дивана, сидел Вадим и размазывал грязной тряпкой черную краску по велюровой поверхности.

Увидев вошедших, парень подскочил как ошпаренный, и испуганно уставился на Кристину.

– Ты что тут творишь? – заорал Андрей. Оля проснулась и заплакала, Кристина забрала дочь обратно, не в силах вымолвить и слова. А она ведь сегодня, после того как пасынок увел свекровь из кафе, решила поговорить с мужем, чтобы парень переехал жить к ним. Как же она ошиблась!

Вадим вздрогнул и дрожащим голосом забормотал:

– Я... Э-э-э... Я просто...

– Что просто? – зашипела Кристина, прижимая к себе плачущую Олю, – Обиделся? Разозлился? Решил отомстить? Я тебе не мать, слышишь! И никогда не буду! И не желаю больше видеть тебя в своем доме, и никогда не приму, понятно? – распалаясь она с каждым словом.

Вадим отшатнулся, будто она его ударила, ей даже показалось, что он сейчас заплачет. Но парень только пнул диван и рванул к выходу.

– А ну стой! – запоздало крикнул Андрей, но парня уже и след простыл.

Кристина почти упала в кресло, продолжая укачивать Олю. Вечер получился просто отвратительным. Злые слезы жгли глаза.

– Прости, – подсел на подлокотник Андрей и обнял её за плечи. – Не знаю, что с ним такое, наверное, переходный возраст и ревность...

– Да мне плевать, что с ним, понимаешь? – не сдержалась Кристина, хотя обычно старалась обходить все, что касалось сына Андрея от первого брака. Она просто сразу же поставила условие, что если выйдет за Андрея, то мальчику места в их доме и в ее жизни не будет.

Кристина считала, что Вадимом обязана заниматься родная мать. И то, что он остался с отцом, а, вернее, со свекровью, по ее мнению, было неправильным, но она не лезла.

Андрей замолк, убрал руку.

– Я с ним поговорю, обещаю.

– Конечно, поговоришь! – шикнула Кристина, – и с мамой своей поговори, меня всё это достало! Я хочу жить нормальной жизнью, без бывших детей и свекрови!

Андрей встал и зло посмотрел на неё.

– Я тебе прощаю, потому что ты устала. День был тяжёлым. Но больше не говори со мной в таком тоне. И бывших детей у меня нет.

– Буду говорить как хочу! Что ты себе воображаешь? Итак терпела десять лет твою мамашу и этого уб...

В этот момент Оля закричала, и Кристина оборвала себя, повернулась к дочери, часто дыша от злости. Скоро она услышала, как муж шархнул дверью, а затем воротами.

И только потом она позволила себе зареветь. Прижимая к себе Олю, у которой сегодня был первый день рождения, она плакала, уткнувшись в нарядное платье. А дочь редела вместе с ней.

– Ненавижу! – прошипела Кристина, вставая с кресла, когда Оля успокоилась и снова заснула. Окинула взглядом бардак и осторожно понесла дочь в детскую.

До самого утра она пролежала в холодной кровати, прислушиваясь к звукам на улице – ждала Андрея. Но муж так и не вернулся. Наверняка остался у мамочки, с Вадичкой. Нос ему подтирает, утешает. А про них с Олей и не думает.

– Какая же я идиотка, – сказала она своему отражению рано утром.

"Права была мама, когда не соглашалась, чтобы я выходи-

ла замуж за разведенного, да еще и с ребенком. Зря не послушала." – мысленно завершила она.

Когда Вадим увел свекровь, Кристина почувствовала к нему благодарность, но увидев его в разгромленной гостиной, пришла в ярость. Значит, всё это время он притворялся! Она поверила в его доброе отношение к Оле, а на самом деле он просто выжидал момент, чтобы сделать гадость.

После ухода Андрея, Кристина почувствовала себя совершенно несчастной и разбитой. Как же она ненавидела свекровь и бывшую жену мужа, из-за которых на нее свалилась вся эта ситуация с Вадимом!

Андрей не появился и утром. Кристина убрала погром, удивившись, зачем Вадим развел краски в ведре с водой, было ощущение, что он пытался отмыть диван, а не размазать краску. Потом покормила Олю и вышла с ней на прогулку.

Ноги понесли ее в тот парк, где они в последнее время гуляли с Вадимом. Она почти не удивилась, когда увидела парня на скамейке. Она остановилась рядом и молча посмотрела на парня.

– Я пытался всё убрать, – с ходу начал Вадим. – Это всё бабушка! Я не хотел, чтобы вы снова поругались, понимаете, тётя Кристина. Когда мы ушли из кафе, мы с ба поссорились. Я просил ее не лезть к вам с папой. Я же вижу, что вы меня не любите, не знаю почему, я правда старался вам понравится, всегда думал, что вы такая красивая, такая хорошая, – его голос дрожал.

Он замолк, переводя дух. – Я так обрадовался, когда узнал, что у меня будет сестренка. Думал, хоть она будет меня любить, хоть ей я стану нужен. Я хотел, чтобы она была счастливой, не как я. Чтобы у нее были и папа, и мама, и чтоб бабушка тоже ее любила.

Но бабушка решила, что раз я вам не нужен, то и Оля нам не будет нужна. Запретила с ней возиться. Сказала, что я дурак, что меня выбросили как ненужную вещь, а я все надеюсь, что кому-то буду нужен кроме нее. Разозлилась, что вас защищаю.

Говорила, что вырастила меня, все для меня делала, а я ей нож в спину. А потом ушла. Я хотел пойти к вам, попроситься пожить немного, и увидел, что ключей нет. Это бабушка забрала, она как-будто с ума сошла. Когда я пришел к вам, она кидала мусор, и все уже заляпала краской. Мы снова поругались, она сказала, что больше не хочет меня видеть, предателя.

Я ее обозвал и сказал, чтобы она уходила. А сам попытался обратиться, чтобы вы не злились еще больше, чтобы разрешили видеться с Олей...

Кристина пыталась уложить в голове все, что сказал Вадим. Вдруг сердце забилось чаще от тревоги.

– Ты всю ночь был тут?

Парень кивнул.

– Но где тогда Андрей?

Вадим недоуменно пожал плечами.

– Он остался вчера с вами.

– Нет, он пошел за тобой, – Кристина судорожно рылась в карманах, пытаясь отыскать телефон. Чувство тревоги нарастало, её уже колотило.

Оля, почувствовав неладное, проснулась и заплакала. Вадим, бросив робкий взгляд на Кристину, взял сестренку на руки и принялся успокаивать.

Пальцы не слушались, пока Кристина набирала сначала Андрея, а потом свекровь, когда сработал автоответчик.

Наталья Дмитриевна ответила не сразу.

– Что тебе? – послышался ее хриплый голос, будто она только что плакала.

– Наталья Дмитриевна, Андрей у вас? – Кристина забыла дышать, пока ждала ответ.

– Чего он у меня будет? Вчера Вадима искал, ушел сразу, как увидел, что его нет.

– Куда пошел? Не сказал?

– Не знаю я, что случилось-то? – свекровь заразилась ее тревогой. – А Вадик то где? Не у вас что ли?

– У нас, все в порядке, – бросила Кристина и отключилась. Где же Андрей?

Сотни плохих мыслей лезли в голову. Телефон недоступен, куда он мог деться ночью?

– Присмотри за Олей! – крикнула она Вадиму, а сама принялась звонить всем подряд, выпрашивая мужа.

К вечеру она обратилась в полицию. Андрей пропал. Его

не было ни в больницах, ни в моргах, ни где-то ещё. Свекровь, Вадим и Кристина сидели в гостиной, по кругу перебирая знакомых и родственников, в надежде, что кого-то пропустили, и Андрей может быть там.

– Надо же Катю спросить! – вдруг воскликнула свекровь, когда Вадим пошел к Оле в детскую.

– Катю? Кто это? – Кристина захлопала глазами, впервые слыша это имя.

– Ой! Ты же не знаешь, – всплеснула руками свекровь. – Мать Вадима! Может он к ней поехал? Вряд ли, но вдруг?

– Подождите, ее же зовут Света! – Кристина ничего не понимала.

– Света это жена его бывшая, а с Катей они... – свекровь вдруг прикрыла рот рукой. – Андрей же просил тебе не говорить!

Кристина прищурилась.

– Поздно. Рассказывайте всё! – велела она.

– Ох, Андрюша! Надеюсь, он мне простит... Боялся, что ты узнаешь...

– Да что такое? Что у них было? Кто эта Катя?

– Андрей по молодости пил сильно. Как институт закончил, устроился в компанию хорошую, там познакомился с одним... И началось, сначала в выходные посиделки, потом и среди недели, а там... С работы ушел. В компанию попал соответствующую. Я уж думала потеряю его, пропал на год, не знала живой ли вообще. А тут вдруг он вернулся с девуш-

кой и ребенком. Вот, говорит, женюсь я, и сын мой. Я поохала, но смотрю – он трезвый, пить бросил, сказал, будет для сына стараться.

А вот Катька нет, как вспомню, как мы жили тогда... Алкашка законченная, водила к нам отребье всякое, сколько я ее гоняла! Пока Андрей заново на работу устраивался, обучение проходил, по командировкам ездил, я тут с малым, а еще и с Катей... Выгнала её в итоге. Андрей вернулся, сказал правильно всё. Сам воспитаю. А оно вон как вышло...

Кристина слушала с открытым ртом, и не верила, что это правда. Ее Андрей был алкоголиком? Всё это время врал, что Вадим Светкин сын?

– А Света?

– А со Светой у них не вышло. И года не прожили, ушла она, другого встретила. А когда тебя встретил, просил меня молчать. Всё обещал, что заберет сына, вот только ты привыкнешь к Вадичке. Но, видать, плохо уговаривал. Да и я сколько не пыталась, все он тебе не люб был...

Кристина махнула рукой, не до того сейчас.

– Где сейчас Катя? Вадим про нее знает?

– Знает, как не знать. Она приезжала несколько раз. В маму играет, придет, пьяная, про люблю, не могу расскажет, а потом денег просит. Он ей в последний раз сказал, что видеть не хочет. Не нужна ему мать такая.

Кристина пыталась переварить всю информацию, свалившуюся так неожиданно на ее голову. Вадим вернулся из дет-

ской, тихо сел на диван и опустил голову на ладони.

– Где эта Катя? – повторила Кристина. – Дайте ее номер!

Свекровь засуетилась, достала телефон и продиктовала номер.

– Алё! – раздался в трубке пьяный голос Андрея.

– Андрей! – закричала Кристина, и разрыдалась. – Господи, живой...

После ссоры с матерью, когда та заявила, что Вадим ушел из дома, Андрей решил поговорить с Катей и попросить принять сына. Катя, видя в каком заведенном состоянии Андрей, уговорила его выпить рюмочку, расслабиться. Потом еще и еще, и, державшийся пятнадцать лет Андрей сорвался, и ушел в запой. Телефон сел, а счет времени потерялся.

Кристина сама забрала мужа и отвезла в больницу. Свекровь и Вадим остались с Олей.

– Прости меня, Кристина, – бормотал Андрей.

– Потом поговорим, – сквозь зубы ответила Кристина.

– Я боялся, что ты не захочешь иметь со мной дела, если узнаешь про тот период моей жизни, – Андрей прятал глаза, избегая смотреть на Кристину, – а Вадим... Ты итак была против ребенка. Если бы я рассказал, что он сын алкоголички, ты бы видеть его не захотела. И меня тоже.

– Но... – Кристина не знала, как задать этот вопрос, и стоит ли вообще его задавать. В конце концов она решилась: – Ты уверен, что он твой сын?

Андрей ответил не сразу.

– Лет семь назад я сделал тест.

– И? – не выдержала Кристина.

– Я его не открыл. Выбросил. Это неважно, мой он или нет. Для меня он всегда будет сыном. Пусть я и не идеальный отец.

– И ты хотел оставить его с Катей? – презрительно спросила Кристина, вспомнив комнату в коммуналке, в которой по центру стоял стол, заставленный консервами, корками хлеба и стаканами, вперемешку с окурками.

– Мама сказала, что больше не может с ним жить. Не справляется, стара уже. И ты тоже не захотела. Не мог же я выставить его на улицу...

– Знаешь, при том, что ты во многом прекрасный человек, в каких-то моментах ты просто идиот. Я жалею, что вышла за тебя. Ты прав, я бы никогда не стала рожать от человека, который готов оставить ребенка в подобных условиях. Но я сама не без греха, поэтому прощаю тебя. В первый и единственный раз. Еще одна попойка и мы расстанемся. Ты знаешь, я терпеть не буду.

Муж кивнул.

– Твоя мама помирилась с Вадимом, – продолжила Кристина.

Андрей облегченно улыбнулся.

– Но знаешь, я считаю, он должен жить с нами.

– Вадик! Сматли! – трехлетняя Оля сидела на горке, собираясь с нее скатиться.

– Давай, вишенка, я тебя ловлю! – отозвался Вадим и растопырил руки.

Дочка с визгом скатилась прямо в руки любимого брата. Парень поднял ее над головой, отчего она заливисто засмеялась, а потом поцеловал в нос.

– Мокло! – возмутилась Оля, и сама поцеловала Вадима. – Мама! – крикнула она Кристине, сидевшей на скамейке.

– Вадь, бери Олю, пойдёмте обедать, – сказала Кристина.

– Хорошо, мам, – ответил Вадим и тут же испуганно посмотрел на Кристину. Он впервые обратился к ней так.

Теплое чувство разлилось в груди. Она и не надеялась, что после стольких лет своего отвратительного отношения к пасынку, когда-нибудь услышит от него это слово. Как не ожидала, что сможет полюбить чужого мальчишку как собственного ребенка.

– Спасибо, родной, – улыбнулась она. И сын улыбнулся в ответ.

Перепишите на меня квартиру

Последнее время Катя не любила просыпаться утром. Во сне проблемы не докучают, о плохом не думается. Вот уже 3 месяца женщина находилась в подвешенном состоянии – у свекрови обнаружили онкологическое заболевание, рак желудка. Болезнь уже была запущена, метастазы «расползлись» и по другим органам.

Вылечить болезнь на такой стадии и в такой форме можно было, но только за границей. Катя отправила несколько писем в Германию, Израиль и Швейцарию. Откликнулась клиника, расположенная на «Земле Обетованной». Израильские специалисты гарантировали благоприятный исход за счет инновационного метода лечения. Как утверждал представитель медицинского учреждения, 97% больных после процедур быстро восстанавливаются и возвращаются к нормальной жизни.

Катя была замужем за Павлом уже 20 лет. Для женщины это был второй брак. Со свекровью, Ниной Ивановной, у Кати всегда были ровные, доброжелательные отношения. Женщине нравилось, что мама ее мужа не соперничает с ней за внимание Павла. Нина Ивановна всегда была рассудительной, давала дельные житейские советы и никогда не лезла в личную жизнь сына.

Катя вместе с мужем и сыном Мишей жили в квартире,

доставшейся ей по наследству от родителей. Павел тоже был обеспечен жильем: у мужчины в собственности была двухкомнатная, благоустроенная квартира недалеко от центра. Еще 20 лет назад было принято решение сдавать жилплощадь, а деньги откладывать.

Супруги достаточно зарабатывали, но не шиковали. Мужчина увлекался старинными монетами – его заработка хватало, чтобы регулярно пополнять коллекцию.

Нина Ивановна жила в пригороде, в собственном в доме. В его благоустройство Павлом было вложено немало средств, поэтому, когда встал вопрос о поиске денег на лечение, Павел предложил матери продать дом и переехать в город. Она могла остаться жить с ними или занять свободную квартиру – как раз на тот момент там не было квартирантов. Нина Ивановна от этого предложения отказалась наотрез. Между свекровью и невесткой вышел небольшой скандал:

– Я не буду продавать свой дом! Это мое последнее слово.

– Нина Ивановна, вас же не собираются оставлять на улице! Переезжайте к нам, или, если хотите, заселяйтесь в свободную квартиру.

– Не хочу! Оставьте в покое мой дом! Я лучше умру, чем усадьбу с молотка пушу! Я ж там родилась!

– Нина Ивановна, ну что вы, как маленькая? Чем вам квартира не жилье? Те же удобства, что и у вас дома, соседи тихие, район благополучный.

– Не хочу и все! Дом продавать не дам! Вон, выставяйте

на торги свободную квартиру.

Катя искренне не понимала, как можно держаться за дом, болея раком. Ведь главное – спасти собственную жизнь. Перечить свекрови Катя не стала. Женщина решила искать другие способы решения проблемы. Коллега по работе посоветовала обратиться в благотворительный фонд, Катя отправила и туда письмо, прикрепив в качестве подтверждения больничную карту и официальный ответ из израильской клиники.

Предложений было мало – благотворительный фонд почему-то отказывался брать на попечение пожилую женщину.

Вариант с благотворителями провалился, поэтому нужно было срочно искать другой источник финансирования. Павел с утра поехал к матери – ей было плохо, несколько раз вызывали скорую. Женщина не могла видеть, как муж мечется по квартире, не находя себе места. Катя всеми силами старалась помочь, сохраняя при этом холодную голову. Переживания мужа были настолько искренними, что у Кати рвалось сердце на части.

Свободную квартиру, которая была оформлена на Павла, решили продавать. Израильская клиника торопила – с такой болезнью шутить нельзя, меры нужно принимать немедленно. За ту сумму, которая бы полностью покрыла траты на лечение, никто покупать недвижимость не хотел. Единственные клиенты, молодая пара с маленьким ребенком, были готовы сразу же подписать договор купли-продажи, но им не

хватало 10%. Взять покупателям деньги было негде – супруги итак заняли деньги у родителей и друзей, в кредите банк отказал.

Павлу пришлось согласиться с условиями клиентов. Лучше уж 90% суммы, чем ничего. Продавать Кате и Паше было нечего: обе машины были в залоге в ломбарде, а банковский счет давно уже был опустошен. Израильская клиника уже выставила счет за лечение и уже сегодня была готова принять Нину Ивановну. Катя ужаснулась: им нужно было в течение 10 дней где-то найти ещё 5 000 долларов. Друзья и знакомые помогли, чем смогли. Свекровь, узнав о недостающей сумме, приехала к сыну.

– Паша, что будем делать? Ты как-то собираешься искать деньги?

– Да, мама, конечно. Я делаю все возможное. Ты, главное, не волнуйся. Принимай лекарства, правильно питайся, гуляй побольше. Хочешь, сходим в парк?

– Не заговаривай мне зубы, Паша! Я не вижу, что ты вообще что-то делаешь! Меня давно ждут в Израиле, а у тебя денег на лечение собственной матери нет!

– Мама, может, все же продадим твой дом? Переедешь к нам, отдельную комнату тебе выделим, Миша же все равно живет в общежитии. Если поставить цену ниже рыночной, то клиенты найдутся быстро.

– Ни за что! Оставь мой дом в покое! Продавай что-нибудь свое! Я, когда вылечусь, должна на старости лет жить

из милости у невестки?

В разговор вмешалась Катя:

– Нина Ивановна, ну почему же из милости? Мы не чужие друг другу люди, как-нибудь разместимся. Если хотите, сделаем ремонт специально под вас, мебель поменяем.

– Я не хочу доживать свой век в тесной клетушке! Я все сказала! Ищите деньги.

Паша повез мать за город. Катя налила себе чай, села за стол и задумалась: где взять деньги? Что делать?

Паша вернулся поздно, выглядел расстроенным. Катя сразу поняла, что мать снова устроила сыну скандал с причитаниями «я же тебя вырастила, а ты мне помочь не хочешь». Женщина успокоила мужа и уложила его спать. Сама же полезла в интернет и стала искать частных кредиторов: она где-то слышала, что под договор, оформленный и заверенный нотариусом, можно взять деньги в долг. Банки ни ей, ни Паша больше кредитов не давали, если только под залог. У супругов были действующие займы.

Ничего стоящего женщине найти не удалось. Большинство объявлений было выложено мошенниками, которые требовали предоплату на оформление договора или первый взнос, как доказательство платежеспособности.

Утром Катя снова поехала в банк. Персональный менеджер пообещал поговорить с руководством и подобрать выгодное предложение по пролонгации имеющихся займов с увеличением суммы. Кредитная история и у Павла, и у Кати

была отличная. Просрочек по кредитам они никогда не допускали, все платежи вносили вовремя.

Катя готовила ужин, на электронную почту пришло письмо от представителя израильской клиники. В нем сообщалось, что ждать медицинское учреждение больше не может. Если в течение 7 дней Катя не внесет полную оплату, то вместо Нины Ивановны возьмут другого пациента. Женщина закрыла глаза и шумно вздохнула. У нее почти уже опустились руки: нужно как-то уговорить свекровь продать дом. Иного выхода женщина не видела. Катя позвонила мужу и попросила его срочно привезти свекровь к ним. Через час Нина Ивановна сидела на кухне и рыдала:

– Да оставьте вы меня в покое! Не буду я продавать дом! Как у вас совести хватает оставлять старуху без единственного жилья?

– Мама, тебе же никто не предлагает остаться на улице! Мы тебе выделим комнату, ту, которую ты захочешь! Сделаем ремонт. Хочешь, заберем мебель из твоего дома?

– Не надо мне ничего! В моем доме я хозяйка, понимаешь? Что хочу, то и делаю! Не хочу, чтобы вы меня жизни учили и куском попрекали! Я дом продам только с одним условием.

– С каким условием, мама?

– Вы квартиру свою на меня перепишите! Тогда я буду чувствовать себя комфортно, жилье-то будет собственное, – улынулась свекровь

Катя поначалу в разговоре не участвовала. Когда женщина услышала последнюю фразу свекрови, опешила. Паша вопросительный посмотрел на жену:

– Катя, ну что молчишь? Ты на мои условия согласна?

– Извините, Нина Ивановна, но я не согласна. По-моему, это – бред!

– Ничего это не бред! Я не знаю, вдруг я вам быстро надо ем и вы от меня избавиться захотите? А не сможете – квартира-то будет моя! А я обещаю не выгонять вас, живите, сколько хотите!

Спасибо большое, Нина Ивановна, за то, что разрешили мне жить в моей же квартире. Все, я даже обсуждать это не хочу. Квартиру я никому, кроме сына, дарить не буду.

– Ладно, можешь не дарить. Тогда давай ее продадим? А жить все вместе будем, в моем доме? Там всем места хватит.

Катя раньше никогда бы не подумала, что у нее такая наглая свекровь. Язык сработал быстрее, чем мозг.

Катя крикнула:

– А больше вам ничего не надо? Совсем уже обнаглели! Хотите жить – продавайте дом! Мы итак спустили все, продали все, что у нас было! Залезли в бешеные долги и кредиты! Даже не думайте! Даже не надейтесь на мою квартиру. Продавать я ее не буду, жилплощадь отойдет сыну и его семье.

Нина Ивановна, кажется, именно такой реакции и ожидала. Спорить с невесткой не стала, только удовлетворенно

хмыкнула и протянула:

– Вот видишь, Пашенька, плевать твоя жена хотела на моё здоровье! Другие люди, чтобы спасти близкого человека, последнюю рубаху продают. А эта, ишь ты, разоралась.

Сил спорить со свекровью у Кати не было. Женщина вышла из кухни и направилась в спальню. Дверь за собой закрыла на ключ, чтобы никто хотя бы час ее не беспокоил.

О чем разговаривали на кухне муж и свекровь, женщина не знала. Через 2 дня Катя освободилась пораньше и торопилась домой – на 4 дня у нее была назначена встреча с кредитным менеджером. Накануне банковский специалист позвонил и пригласил Катю в офис, чтобы обсудить одно предложение. Катя не смогла открыть замок с той стороны – был вставлен ключ. «Паша, наверное, дома. Ну или Нина Ивановна» – подумала женщина. Катя нажала на звонок, с той стороны двери слышались голоса. «Интересно, у нас, что, гости?» – удивилась женщина.

Двери открыла Нина Ивановна. Рядом с ней стоял незнакомый мужчина.

– Знакомьтесь, Сергей. Это Катя, моя невестка. Она же хозяйка квартиры. Если вас все устроит, то к оформлению сделки можем приступить уже завтра. Деньги нужны срочно.

– Хорошо, Нина Ивановна, я подумаю. Завтра с утра мы сообщим вам о своем решении. Квартира мне очень понравилась, очень уютная. Я же могу рассчитывать на скидку?

– Да, конечно, скидочку вы обязательно получите. За

срочность.

Катя от удивления и возмущения не могла произнести ни слова. Когда за мужчиной закрылась дверь, Нина Ивановна деловито произнесла:

– Ну вот, я все за вас решила. Бегать, искать покупателей, не придется, переплачивать риэлторским агентствам тоже. Сергей – племянник моей очень хорошей знакомой. Он как раз ищет жилье в нашем районе, чтобы быть поближе к тете. Надо же, какая удача!

– Подождите, Нина Михайловна. Вы что, пытаетесь продать мою квартиру?!

– Конечно, надежды на вас-то надежды нет. Не хочется мне умирать в 65 лет. А вы, как я вижу, и не собираетесь мне помогать. Поэтому я сама себя спасу!

– Да спасайте на здоровье, только без моей квартиры. Не будет никакой продажи, не надейтесь! Сколько раз я уже говорила, что эта недвижимость останется моему сыну!

– Да, Катька, я и не думала, что ты такая дрянь! Квартира тебе дороже моей жизни! Я это запомню. Жизнь – бумеранг. Бог тебя еще накажет.

Когда скандал достиг своего апогея, приехал Павел. Он метался между двумя разъяренными женщинами и старался успокоить их.

– Так, стоп! Замолчали обе! Я нашел решение – за мою коллекцию редких монет сегодня предложили 25 000 долларов. Этого хватит и на лечение, и на реабилитацию.

Нина Ивановна и Катя тут же забыли о скандале и кинулись на шею к Павлу.

Нина Ивановна успела – ее успешно прооперировали. Сейчас она проходит курс реабилитации. Врачи утверждают, что шансы на выздоровление высокие. Катя и Павел потихоньку раздают долги, им помогает сын Миша без отрыва от учебы. Молодой человек устроился на хорошую работу и получает достойную зарплату.

Чудик

Элина уже давно стала замечать, что ее преследует незнакомый парень. Каждый раз, когда она шла на работу или выходила гулять с собакой, он оказывался рядом и шел позади. Девушка спиной чувствовала на себе его взгляд. Незнакомец никогда ничего не делал: не подходил к ней, не угрожал, не разговаривал, даже не подмигивал и не свистел вслед.

Он просто молча ходил по пятам, и это пугало больше всего.

Девушка старалась не придавать этому значения, пока ее от тревоги не начало трясти. Тогда она рассказала об опасениях своему молодому человеку, с которым жила вместе.

– Да чего ты придумала, – отмахнулся Саша. – Он живет где-то рядом, вот вы и пересекаетесь. Все примерно в одно время на работу выходят, в этом ничего сверхъестественного нет. Чувак просто живет свою жизнь, а ты его уже маньяком окрестила.

– Но он постоянно рядом. ПОСТОЯННО! – Элина продолжила настаивать на своем. – Я вижу его в магазине, на прогулке с собакой, когда просто куда-то иду. Он вечно ходит за мной и еще смотрит так хищно!

– Может, ты ему просто понравилась, вот он и любит. Ничего этот чел тебе не сделает. Ты просто страшных криминальных историй пересмотрела. Почитай какие-нибудь

книжки для саморазвития, вдруг поможет от паранойи.

– Я не параною! Он правда преследует меня.

– Тебе надо взять отпуск и съездить отдохнуть на море.

Саша покачал головой и снова зарылся в свои бумажки по бизнесу, попутно отвечая на сообщения бухгалтера и партнера. Элина насупилась, ушла в другую комнату и нырнула под плед. Ей было ужасно обидно, что любимый человек так пренебрежительно к ней относится. Она ведь реально может быть в опасности: сколько было случаев с маньяками – представить страшно!

Девушка поежилась. А с другой стороны, она отчасти даже поверила Саше.

«Что, если я и вправду все надумала? Парень просто живет рядом и ничего плохого не сделал. Нет! Все жуткие истории начинаются с «Он был просто хорошим соседом, а оказался...»

Элина поплотнее завернулась в плед и постаралась отогнать от себя страшные мысли. Она обняла прибежавшую собаку и включила романтическую комедию, чтобы отвлечься. Герой на экране вел себя так заботливо и участливо, что девушке стало только хуже.

«Вот бы и Саша был таким».

В один прекрасный день Элина разбирала свежую поставку в магазине, где работала, как вдруг ощутила, что что-то не так. Она осмотрелась. В их маленькой лавке никого не было, внутри ничем не пахло, никаких подозрительных звуков

не раздавалось. Ничего. Она продолжила заниматься своими делами, но это чувство ее не покидало.

Вдруг, проходя мимо зеркала, Элина заметила отражение витрины. По ту сторону окна стоял он. Парень, который ходил за ней хвостом возле дома, теперь нашел ее и на работе.

Девушка едва не вскрикнула. Не подавая виду, она скрылась в подсобке, с замершим сердцем прижалась к стене и почти заплакала от страха.

– Ты чего тут сидишь? – управляющая вошла в подсобку и чуть не пришибла девушку дверью. – Господи, что случилось? Ты бледная как простыня.

– Он еще там? – дрожащим голосом произнесла Элина.

– Кто?

– Парень возле витрины. Он все еще там стоит?

Женщина выглянула в зал.

– Теперь нет. Увидел, что я на него смотрю, и убежал. Твой приятель?

– Нет, – она мотнула головой. – Этот чудик ошивается возле моего дома уже месяц. Он везде за мной ходит. Теперь и сюда добрался.

– Ужас какой! – охнула управляющая. – А парень твой не пытался поговорить с ним по-мужски? Ну или на крайний случай в полицию не заявляли?

Элина лишь мотала головой. Она боялась даже нос высунуть из подсобки, не говоря уже о том, чтобы выйти из магазина.

– Слушай, это так оставлять нельзя. Обязательно заяви. А если полиции наплевать, пусть мужик твой с ним разберется. А если и он не сможет, то нафиг он тебе такой нужен. Послушай мудрую взрослую женщину. Не пускай все на самотек.

Элина еле дождалась конца рабочего дня. Но когда свет в магазине погас, начальница заперла дверь и включила сигнализацию, тревога захлестнула девушку. Она затряслась, боясь идти домой одна и снова встретить того сумасшедшего. Управляющая, заметив, что на девочке нет лица, проводила ее до остановки, посадила в автобус и снова велела сообщить куда следует.

Когда Элина вернулась домой, она сразу все рассказала молодому человеку.

– Я думала, прямо там и помру от страха. Саш, это уже не смешно. Я боюсь выходить из дома. Кто знает, что у него там в голове? Вдруг он какой-то маньяк. Подкараулит меня в темном переулке и все, пока.

Она едва сдерживала слезы, ее была мерзкая леденящая дрожь, пока Саша невидящим взглядом смотрел куда-то сквозь нее.

– Ну, а я что сделаю? Раз так, надо написать на него заявление в полицию.

– А ты не можешь ничего сделать?

– Это их работа. Если я буду кулаками махать, меня же загребут. А мне нельзя, у меня тендер.

Элина обессиленно спрятала лицо в ладонях. Она чув-

ствовала себя совершенно одинокой и беспомощной перед опасностью, а мужчина, которому она безгранично доверяла, от нее отмахивался. Будто ему наплевать, случись с ней что или если ее вообще не станет.

Утирая слезы с лица, девушка оделась и вывела собаку на прогулку.

«Вот когда он что-нибудь со мной сделает, будешь знать!»

Элина сжала в руке поводок и сцепила зубы. Слезы снова полились из глаз. Она просто стояла на месте, не в силах сдвинуться от злости и обиды.

– С вами все в порядке? – послышался незнакомый мужской голос.

Элина смотрела в землю и видела лишь аккуратные, идеально чистые кроссовки. Собака понюхала подошедшего человека и радостно приняла его поглаживания.

– Да, все нормально.

Девушка смахнула слезы рукавом, подняла взгляд на лицо мужчины и тут же оцепенела от ужаса. Она еще никогда не видела своего преследователя так близко и не слышала его голос. Теперь она даже чувствовала легкий аромат его парфюма. Когда до сознания наконец дошло, что опасность совсем близко, Элина подорвалась и побежала домой с такой скоростью, что ее бедная дворняжка едва поспевала за хозяйкой. Она влетела в квартиру и захлопнула за собой дверь, в комнате аж дрогнули окна

– Элина, что случилось? Чего ты так гремишь? – Саша

выполз из кухни и посмотрел на нее как на последнюю истеричку.

– Он... – девушка набрала в легкие побольше воздуха. – Он заговорил со мной.

– Ну да. Я видел. Ты зависла посреди дороги. Конечно, он заговорил с тобой. Я бы тоже подошел узнать, все ли нормально. По-моему, ты его напугала больше, чем он тебя.

– Ты все видел и ничего не сделал?

– А что я должен был сделать? Закидать его яйцами с балкона?

Элина вскочила на ноги и взяла телефон. Она поняла, что рассчитывать на кого-то, кроме себя, бессмысленно, и позвонила в полицию.

Двое мужчин в форме приехали на удивление быстро. Девушка сверху наблюдала, как они разговаривают с незнакомцем. Странно, но они поговорили как старые друзья, поулыбались друг другу, пожали руки и разошлись. Вскоре полицейские поднялись в квартиру.

– Вы молодец, что такая бдительная, – сказал мужчина. – Но вы ему просто очень понравились, а парнишка стеснялся познакомиться. Говорит, сейчас к женщинам не подступиться. Что он имел в виду, не знаю. Дожили, да? В любом случае, будьте аккуратны.

Саша, слушавший все это, стоял в проходе, скрестив руки на груди.

– Ну, я же говорил. Ты сама все придумала. Только взба-

ламутила всех вокруг.

– А ты не мог по-мужски просто подойти к нему и сказать, что это твоя девушка? И чтобы он не шатался вокруг меня? – взбесилась Элина. Тревога наконец отпустила, и теперь она поняла, с кем связала свою жизнь.

– А ты сама не могла с ним разобраться? Твоя паранойя...

– Ой, все.

Элина не стала его дослушивать. Он никогда не поймет, насколько страшно и опасно бывает женщинам. Теперь она окончательно убедилась в том, что с этим человеком ей не по пути. Что это за мужик, который не может постоять за свою любимую? Начальница права, он ей такой не нужен.

Через несколько дней Элина приехала в теперь уже бывшую квартиру за оставшимися вещами. Когда она подходила к подъезду, ей навстречу шел тот самый преследователь. Он подошел прямо к ней, поздоровался и с виноватым видом заговорил.

– Я прошу прощения, что так сильно напугал вас. Мне следовало сразу с вами заговорить, но я боялся. Ничего не мог с собой поделать. Вы мне очень понравились, вот и оставалось просто любоваться.

Девушка ошарашенно смотрела на него, не зная, чем ответить.

– Только теперь я понимаю, насколько жутко выглядел. Простите еще раз. Я больше вас не побеспокою.

– Конечно. Я ведь тут больше не живу, – наконец выдавила

она.

– Ой! Это из-за меня? Неужели я настолько вас напугал?

– Нет. Мы с молодым человеком решили разойтись. Скажем так, вы помогли мне увидеть недостатки, с которыми я не могу смириться.

– Бог мой, если бы я знал, что вы заняты, я бы даже не смотрел в вашу сторону.

Повисла немая пауза. Элина не знала, как разрядить обстановку. «Все нормально. Я не испугалась» – ложь. «Ой, да мне даже было приятно» – еще большая ложь.

– Ну, теперь я свободна, – выпалила она и, сообразив, что только что сказала, мысленно себя прокляла.

– Ах, вот как, – парень покраснел. – Тогда могу я пригласить вас куда-нибудь?

Не зная, зачем, Элина согласилась. На лице преследователя засверкало такое счастье, как у щеночка. Когда он улыбнулся, даже показался девушке милым.

На первом свидании он вел себя как приятный и образованный парень. С Элиной он немного смущался, хотя со всем остальным миром держался естественно и свободно. В отличие от Саши, который почти всегда говорил только о работе и вещах, связанных с ней, новый знакомый с легкостью мог поддержать беседу на любую тему, и ему это было искренне интересно. Да и беседа с ним была похожа на диалог, а не на бизнес-презентацию. Теперь Элине хотелось узнать этого парня получше. Кто знает, может, и хорошо, что все

так сложилось.

–Ты мне свой характер не показывай, не доросла еще!
Возьму твоего щенка и выкину на улицу, будешь знать, – ру-
галась мать

Анастасия Сергеевна родила дочь поздно – в 46 лет. Несколько лет безрезультатных попыток, и вот чудо – забеременела. Девочку назвали Аней. Она росла озорным и любопытным ребенком, любила мультики и плюшевых собачек. Родители души не чаяли в маленькой Ане, растили ее в тепле и заботе. Но на третий годик ее жизни в семье произошла страшная трагедия.

Ушел из жизни отец девочки – Алексей Геннадьевич. Мужчина скончался от инфаркта, не дожив до своего 50-летия всего пару месяцев.

Немолодая вдова долго скорбела по мужу. Смыслом ее жизни осталась одна только Анечка, на детской психике которой серьезно сказалась потеря любимого папы. Малышка закрылась в себе и еще долго ни с кем не разговаривала. Анастасии Сергеевне пришлось даже отвести ребенка к детскому психологу. Да и самой женщине, как ни крути, требовалась поддержка специалиста: нужно было скорее пережить утрату и жить дальше...

Спустя время Анастасия Сергеевна познакомилась с Григорием Альбертовичем. Мужчина вот уже несколько лет работал в их организации и никак не мог свести глаз с дело-

вой Анастасии. Знал только, что замужем была, вот и не подходил. Григорий оказался человеком порядочным, честным; мужик из него был покладистый и трудолюбивый.

Так у Анастасии Сергеевны, заведовавшей цехом, завязался с подчиненным служебный роман, который со временем перерос в предложение руки и сердца. Женщина, не раздумывая, согласилась. Все-таки маленькой Анечке нужен был папа, пример заботливого и ответственного мужчины, и Григорий Альбертович прекрасно подходил для этой роли. С Аней у них выстроились теплые, дружеские отношения. Девочка охотно приняла нового члена семьи, а со временем и вовсе начала называть его папой.

Родители ни в чем не отказывали девочке, кроме одного: Анечка мечтала о собаке. Она с грустью и завистью смотрела на других деток, гулявших с самыми разными собачками, и долго упрашивала подарить ей крохотного щеночка, любого, лишь бы был. И если Григория Альбертовича трогали слезы Ани, то мама была непреклонна. Анастасия Сергеевна наотрез отказывалась приносить в квартиру «шмоток шерсти на лапах»: боялась за дорогуший ремонт.

Вплоть до своего 13-летия Аня грезилась тем, что однажды она все же уговорит маму или же сама заведет пушистого друга, как только съедет от родителей.

Время стремительно бежало, и вот пожилая пара вышла на пенсию, чтобы все свое время уделять подрастающей Ане. Посоветовавшись с супругой, Григорий Альбертович решил

приобрести загородный дом. Все-таки возраст у него с женой подходил: с каждым годом все больше хотелось скрыться от столичной суеты и шума, уехать в пригород, заняться посадкой цветов и огорода.

Григорий Альбертович мечтал о собственном тракторе и теплице, а Анастасия Сергеевна грезила большим цветущим садом, который она посадила бы прямо под окнами. Да и Анечка не была против уехать из родного города: в школе у нее все равно не получалось завести подруг, а тут, в деревне, люди простые, того и гляди повезет найти общий язык.

Семья переехала в большой загородный комплекс ближе к июню, сразу же, как Аня закончила шестой класс. Теперь у девочки была куча свободного времени, чтобы освоиться на новом месте и познакомиться поближе с соседями-одногодками.

Сам дом вызывал в Ане неподдельный восторг: высокое двухэтажное сооружение из выкрашенного в белый цвет кирпича с чердаком и просторным задним участком, где можно было резвиться с мячом и скакалкой.

– Анечка! Ты где? – со стороны выездной калитки раздался голос отчима, хлопнувшего дверью машины. – Беги скорее наверх! Я все твои вещи принес! Нужно их как можно быстрее разобрать, иначе не успеем на озеро сходить!

Девочка ахнула и ринулась в сторону дома, перепрыгивая через не выкорчеванные корни. Она в три прыжка перебежала лестницу и пошагала прямо по коридору.

Ее светлая комната, выкрашенная в бежевый цвет, встретила маленькую хозяйку солнечными бликами и пылинками, летавшими по воздуху. У маленького окошка – груда сброшенных сумок и мусорных пакетов, в которых семья предпочитала перевозить вещи.

Девочка рухнула коленями на пол и принялась в спешке открывать чемоданчик, как вдруг заметила шевеление в одном из боксов. Аня удивилась: она не помнила, чтобы у нее была такая коробка. Девочка вздрогнула от неожиданности: круглая полосатая крышка подпрыгнула, а внутри раздалось непонятное сопение.

Не веря глазам, Аня приоткрыла коробку и удивленно распахнула рот. Внутри был крохотный белый щенок, который, при виде новой хозяйки, жалобно заскулил и попросился на ручки. Девочка осторожно прижала малыша к груди и почувствовала, как по ее красным щекам текут слезы счастья.

За спиной послышался кашель отчима. Аня обернулась, сморгнув пелену слез. На пороге Григорий Альбертович обнимал Анастасию Сергеевну за худощавые плечи. Женщина сама удивлялась не меньше дочери, однако, в отличие от ребенка, она не была в восторге от милейшего создания в детских ручках.

– Я так подумал, мать, – подал голос отчим. – Анька у нас одна любимица, никого у нас больше нет. Я в детстве тоже о собаке мечтал, знаю, каково это. Пусть у нее будет тот, о

ком она сможет заботиться. Все-таки хорошо это, когда дети животных любят. Они так эгоистами не вырастают.

– Вот еще, новость какая! – буркнула Анастасия Сергеевна недовольно. – Собака, тоже мне! Собака не игрушка, вообще-то, за ней уход нужен. Кормежка, выгул, прививки всякие – этим всем кто будет заниматься? Знаю я вас, прохвосты. Купили мы уже как-то раз из-за ее капризов аквариум, так на чьи плечи он в итоге лег, а? Это еще хорошо, что его Людка, соседка, согласилась себе забрать. Так бы и носилась я с ним до самой старости...

– Ну-ну, Настасья, не ругайся! Давно ж это было! – поспешил успокоить жену отчим. – А Анька у нас теперь взрослая, ответственная. Мы ей все покажем, всему научим – она и будет делать. И кормить, и выгуливать, и мыть. Правда? – Григорий Альбертович незаметно подмигнул девочке, стоя за плечом жены.

Аня расплылась в счастливой улыбке и утерла мокрые щеки.

– А что это за порода? – хихикнула девочка, пока пушистый дружок облизывал ее нос и ворчливо кряхтел.

– Королевская болонка, – с гордостью произнес Григорий Альбертович.

– Вот те нате! – вновь возмутилась женщина, всплеснув руками. – Батюшки, и сколько ж стоило это чудо?

– А вот этого, Анечка, нашей маме знать не обязательно, – шепнул отчим и громко рассмеялся, а затем поспешил уве-

сти ошарашенную женщину на первый этаж.

Так пролетели полгода. Щенок подрос, но по-прежнему оставался крохой. Из-за неравномерных переходов на белой шерсти Аня назвала его Ластиком. Ну прямо как ее стиральные резинки, вечно измазанные грифелем от карандаша! Ластик был ласковым и озорным щенком, точной копией светленькой Ани в ее младенческие годы.

– Не зря говорят: «Собаки похожи на своих хозяев»! – повторял Григорий Альбертович.

Только Анастасия Сергеевна по-прежнему оставалась угрюма.

Она терпела присутствие щенка в доме сквозь стиснутые зубы. И хотя Ластик, в силу собственных размеров, не доставлял больших проблем и не приносил много грязи, женщина каждый раз закатывала глаза при виде его крохотных следов на коврике в прихожей. Впрочем, пристыдить дочь ей не представлялось возможным: Аня исправно следила за щенком, воспитывала его и дрессировала.

Девочка никогда не пропускала часы выгула и не отпускала Ластика бегать по дому, предварительно не помыв ему испачканные лапки. Когда же дочка, по девичьей памяти, забывала о чем-то, на помощь приходил отчим. Григорий Альбертович помогал в уходе за болонкой и не мог скрыть свою безграничную привязанность к новому члену семьи. Все-таки когда-то в детстве он и сам мечтал о собаке.

И все бы ничего, да только Анастасия Сергеевна так и не

смогла смириться с животным в ее доме. Спустя время женщина начала откровенно придираться к дочери и манипулировать ее же щенком. Не прочла книгу, заданную на лето? Не протерла пыль? Не доела суп? На все у Анастасии Сергеевны был один ответ.

– Ах так? Ты мне свой характер не показывай, не доросла еще! Сейчас возьму твоего Ластика и выкину на улицу! Будешь знать, как отговариваться! – ругалась мать.

– Но это же мой щенок, мам! Мне его папа подарил! – давясь слезами, всхлипывала девочка.

– Это мой дом! Своего здесь у тебя ничего нет! А ну быстро успокоилась, вытерла слезы и марш читать книгу!

– Что за шум, а драки нет? – в дверях появился Григорий Альбертович.

– Погляди, как твой щенок на ребенка действует! Совсем уже от рук отбилась девка! Читать, говорит, не хочет сегодня. Ишь, какая самостоятельная стала!

– Ну, не хочет сегодня – пусть не читает. В чем проблема? Завтра начитается вдоволь этих твоих Чеховых и Лермонтовых, а сегодня пускай отдыхает. Чего-то ты, Настасьюшка, совсем нервная стала. Посмотри, до чего ребенка довела – вся в слезах стоит!

– Ах, это я ее довела?! – возмутилась женщина и бросила полотенце на стол и уперла руки в боки. – То есть ее тебе жалко, а меня не жалко?! Да я тут ношусь, как угорелая. Уборка, готовка! Вам это принеси, это подай! А вы только

и знаете, что со своей псиной возиться! Тоже мне благодар- ность!

В тот вечер и на всю последующую неделю Анастасия Сергеевна объявила домашним бойкот. Она не разговаривала ни с мужем, ни с дочкой, а от Ластика и вовсе брезгливо шарахалась. «И что они нашли в этом комке шерсти? Только путается под ногами, да жрать просит!» – сокрушалась про себя женщина.

Ее терпение лопнуло, когда в один день, вернувшись из города, хозяйка заприметила несколько невымытых тарелок, оставленных у раковины. Те лежали там еще со вчерашнего дня, и Аня, на тот момент находившаяся в школе, так и не удосужилась помыть посуду с утра.

Анастасия Сергеевна была вне себя от ярости. Она без раздумий выловила напуганного щенка, бегавшего от нее по всему дому, и свезла в собачий приют, где и оставила бедное животное.

Днем со школы вернулась Аня. Не сумев отыскать Ластика, девочка взволнованно обратилась к матери, но та лишь сурово глянула на дочь.

– В приюте твой Ластик, вот где! Надоела мне твоя безалаберность! Кому было сказано посуду намывать, окаянная?!

Аня была в шоке. Девочка проплакала до самого вечера, уткнувшись лицом в подушку, пока домой не вернулся отчим. Григорий Альбертович был в недоумении при виде заплаканной падчерицы. Та ошарашила его заявлением, что

мама сдала щенка в питомник. Анастасия Сергеевна демонстративно молчала, отвернувшись к плите.

Тогда отчим тяжело вздохнул и укоризненно глянул на спину жены. Затем провел пальцами по лицу, поправляя густую бороду, и, не сказав ни слова, вышел во двор, к машине. Мотор загудел, и водитель уехал в неизвестном направлении.

Вернулся Григорий Альбертович через пару часов затемно. Анастасия Сергеевна уже успела испереживаться и ринулась встречать мужа, как вдруг замерла на пороге с разинутым ртом. Анечка выскочила следом и громко вскрикнула от радости. Отчим стоял в дверях с Ластиком на руках. Замерзший щенок трясся от страха, но при виде маленькой хозяйки тут же жалостливо заскулил и замахал хвостиком.

– Иди в свою комнату, Ань, – мягко обратился к падчерице Григорий Альбертович, после чего сурово глянул на жену.

– Что это значит, Гриша? – дождавшись ухода девочки, спросила женщина и сложила руки на груди.

– А то, – грубо, но тихо ответил мужчина и приблизился к жене. – Черт тебя дернул так с Аниным щенком поступить. Бессердечная ты, Настька! Не ожидал от тебя такого, разочарован... А знаешь что? Уедем-ка мы с Анькой обратно в город, а. Вместе с Ластиком. У него-то собачье сердце добрей твоего будет.

Зачем вы это сделали

– Людмила Павловна, – зачем вы это сделали?!

Оля даже заикалась от возмущения. Она искренне не могла понять, что произошло.

Сергей умер два года назад, когда Ане исполнилось два года, а Павлику – четыре. Умер, а вернее погиб, глупо и трагично. Какой-то очередной лихой водитель вылетел на остановку, где спокойно стоял муж. Он сбил двух человек, женщина выжила, а муж скончался в реанимации через два дня.

Ольга переехала к свекрови. Людмила Павловна сама предложила ей этот вариант, и Ольга была искренне благодарна. Ипотеку за двухкомнатную квартиру она бы не потянула одна с двумя детьми никаким образом. У свекрови же имелась пустая «трешка».

Свекровь когда-то работала в городской администрации, сохранила прежние знакомства. Она помогла Ольге утрясти все дела с банком, отказаться от квартиры с минимальными потерями, получить назад деньги.

При этом не претендовала ни на какую их часть, несмотря на то, что ипотеку оплачивал в основном ее сын. В общем, золото, а не свекровь.

Ольга считала так абсолютно искренне. Людмиле Павловне было 55 лет, она только что вышла на пенсию, при этом выглядела свекровь лет на сорок с небольшим. Ухоженная,

подтянутая, стройная, да и в поведении Людмилы Павловны тоже не было ничего от классической свекрови, какой ее изображают в анекдотах.

Людмила Павловна прекрасно владела всей современной техникой, активно посещала фитнес-центры и бары, могла поддержать разговор на любую тему.

При этом она не поучала Ольгу, не лезла в ее отношения с детьми, не изображала из себя заботливую мать, но и не набивалась в подружки.

Ольга была уверена, что со свекровью ей просто сказочно повезло. Когда подружки жаловались ей на матерей своих мужей, Ольга вообще не понимала, откуда возникают такие проблемы.

– Представляешь, говорила ей Ира, – моя каждый день ходит к нам ужинать. Она работает, ей готовить некогда, а я все равно дома с ребенком сижу, какая мне разница – на трех человек готовить или на четырех. Да мне и правда никакой разницы, но ведь она приходит и начинает объяснять, что готовлю я не то, не так, не на той посуде, невкусно, но сама при этом кушает с аппетитом, да еще с собой судочки уносит.

Ольга только пожимала плечами. Людмила Павловна готовила прекрасно, с удовольствием, вкусно, и добровольно взяла на себя эту обязанность, кормя невестку и внуков.

– Я же понимаю, – говорила Людмила Павловна, – ты и так на двух работах паришься когда тебе готовить.

Когда Наталья, другая подруга, жаловалась ей, что све-

кровь ей жизни не дает, требует, чтобы Наталья раз в неделю ездила в сад пропалывать никому не нужную морковь, Ольга только удивлялась. Людмила Павловна никогда не интересовалась садом, сада у нее вообще не было. Свекровь предпочитала проводить отпуск на Рижском взморье или в Кисловодске. В общем, не свекровь, а мечта.

Единственное, что пугало Ольгу в Людмиле Павловне, – это то, что та пользовалась неумеренным вниманием со стороны мужчин. Людмилу Павловну то провожали из магазина, поднося тяжелые сумки, то подвозили на дорогой иномарке, то звонили по телефону и приглашали в филармонию на концерт. Один раз Ольга столкнулась со свекровью у подъезда, когда ее провожал очередной кавалер, вылитый Олег Янковский в 50 лет. Людмила Павловна холодно попрощалась с ним у входа в подъезд и, отвечая на его вопрос, сказала:

– Вряд ли. Вы, конечно, можете позвонить, но я очень сомневаюсь.

Ольга не выдержала:

– Людмила Павловна, ну что вы такого мужчину отшиваете, не мужчина, а мечта, – и тут же отругала себя: «Вот дура, зачем ты это делаешь, вот выйдет Людмила Павловна снова замуж и мигом выставит тебя с детьми из квартиры, куда ты тогда пойдешь?».

Собственно говоря, идти Ольге было действительно некуда. Свою ипотечную «двушку» она отдала, взяв за нее день-

гами, мужчины в жизни Ольги за это время пару раз появлялись, но руку и сердце ей предлагать не спешили. Они даже несколько раз заходили к ней в гости познакомиться поближе с ней, с детьми.

Но оба раза как-то так получалось, что их внимание очень быстро переключалось на Людмилу Павловну. Свекровь угощала их кофе, наливала виски, интересовалась работой, проблемами, давала советы, сочувствовала. В результате мужчины уходили абсолютно обворожённые Людмилой Павловной, а их встречи с Ольгой плавно сходили на нет.

Ольга и не думала ни в чем винить свекровь. Это же естественно, что она ведет себя любезно с потенциальными женихами невестки. Было бы гораздо хуже, если бы она их встречала кислой физиономией и начинала сразу жаловаться, какая Ольга распустеха и неряха, и какие у нее невоспитанные дети.

Так продолжалось до тех пор, когда третий Ольгин мужчина, Вадим, встретившись с ней на следующий день после визита в ее, а, вернее, в свекровкину квартиру, спросил:

– Слушай, а она тебе вообще кто? Сестра, кузина, тетка?

– Ты вообще про кого? – не поняла Ольга.

– Про эту дамочку, которая вчера меня принимала. Дамочка – высший сорт, но глазки она мне строила более чем откровенно. Когда ты ушла в комнату что-то с ребенком решать, я думал, она меня сейчас прямо на кухонном столе соблазнит.

Ольга обомлела:

– Она моя свекровь, – с трудом вымолвила она.

– Интересная у тебя свекровь, – хмыкнул Вадим.

Вечером Ольга решилась на откровенный разговор с Людмилой Павловной:

– Людмила Павловна, – зачем вы это сделали?!

Оля даже заикалась от возмущения. Она искренне не могла понять, что произошло.

– Зачем вам понадобилось кокетничать с Вадимом? У вас же у самой от мужчин отбоя нет. Вам обязательно нужно было сделать мне гадость?!

– Нет, – спокойно ответила свекровь. – Хочу, чтобы ты была верна моему покойному сыну...

– Но он же умер... – в полном ошеломлении произнесла Ольга.

– Это неважно, – сурово сказала Людмила Павловна. – Храни верность памяти о своем муже и отце своих детей.

Ольга даже злиться на свекровь перестала, так она была поражена:

– Людмила Павловна, но ведь Вы сами... Вы же с отцом Сергея развелись, и мужчины вокруг вас табунами ходят.

– Это совсем другое дело, – строго сказала свекровь. Я развелась с недостойным человеком и не обязана быть ему верной.

Ольга не нашлась, что ответить. Она попыталась поговорить с Людмилой Павловной еще раз в более спокойном со-

стоянии, но это ни к чему не привело. Свекровь, мило улыбаясь и разговаривая с Ольгой очень нежно, объяснила ей, что ее сын и Ольгин муж был идеальным человеком, и Ольга просто обязана хранить ему верность.

Что Сергей был прекрасным мужем и отцом, Ольга была полностью согласна, но ведь это еще не повод, чтобы всю жизнь прожить вдовой или уйти в монастырь. Все Ольгины доводы, рассуждения, истерики не производили на Людмилу Павловну ни малейшего впечатления.

В конце концов, Ольга отчаялась и пошла к психотерапевту. И изложила ему свою проблему, а вернее проблему свекрови. Специалист внимательно выслушал Ольгу и сказал:

– Случай весьма типичный. Бывают такие женщины. Они красивы, , привлекательны, но кекс как таковой, равно как и постоянные отношения с мужчинами их не интересуют. Им нужно поклонение, обожание, ухаживание, но больше ничего. И вам мать вашего мужа пытается предложить ту же модель поведения.

– Да нет у меня никакого ни поклонения, ни ухаживания! – взорвалась Ольга, я и так с трудом с мужчинами знакомлюсь, а эта... у меня их еще и отбивает.

– К сожалению, здесь ничего нельзя поделать, – сказал психотерапевт. Свою свекровь вы не переделаете, она будет вести себя так, как считает нужным, единственный для вас вариант – разъехаться с ней и выстраивать свою судьбу самостоятельно.

– Интересно, как это вы себе мыслите? – возмущенно спросила Ольга. – Я работаю на двух работах, у меня двое детей, и на какие шиши я должна купить квартиру?

– Тут я вам ничем не могу помочь, я – психотерапевт, а не социальный работник, и не риэлтор. Я вам просто объясняю, что это ваша жизнь, и только вы сами можете ее изменить.

Ольга вышла от специалиста, хлопнув дверью, но увы, через несколько дней все-таки пришла к выводу, что он был справедлив в своих суждениях. Или она сама решится изменить свою жизнь, или она так до конца своих дней и останется вдовой с двумя детьми в чужой квартире. И еще неизвестно, кому достанется эта квартира после смерти Людмилы Павловны.

В результате этих раздумий своего очередного знакомого Николая Ольга на пушечный выстрел не подпускала к квартире свекрови. Она честно сказала ему, что имеет двух детей, живет со свекровью, но не хочет обременять ее визитами посторонних мужчин.

Когда Николай выразил желание познакомиться с ее детьми, Ольга решительно сказала:

– Замечательно, мы на выходные как раз собираемся на турбазу, я сниму двухкомнатный номер, и ты к нам подъедешь.

Все это, конечно, было не очень дешево, но хотя бы позволяло нейтрализовать свекровь. Ольга решительно сократила выплаты в домашний бюджет и принялась копить деньги.

Через полгода Ольга сообщила Людмиле Павловне, что у них на работе выскочила необычайно дешевая путевка в санаторий, потому что не сезон, и не отпустит ли ее свекровь недельки на три? Людмила Павловна, поколебавшись, согласилась.

Ни в какой санаторий Ольга естественно не поехала, а на сэкономленные деньги отправилась в модный дорогой кемпинг «Гранатовая бухта», расположенный на юге области. Уже прибыв на место, Ольга посетила парикмахера, косметичку, решительно обновила гардероб и приступила к тому, что называется «активный поиск».

Удача улыбнулась ей только через год, уже в третий ее визит в «Гранатовую бухту». Иван, кажется, всерьез влюбился в Ольгу, и наличие детей его вроде бы не смущало. Но Ольга решила довести свою линию до конца:

– Дети живут со мной и с мамой мужа, – сказала она Ивану. – Она прекрасная женщина, обожает внуков, изумительно готовит, пусть пока они поживут вместе с ней, а мы посмотрим, как нам поживется вместе. Детей я буду иногда приводить в гости, ты на них посмотришь, они познакомятся с тобой, не будем торопить события.

Иван охотно согласился.

Людмила Павловна потрясенно смотрела на невестку:

– Оля, что ты такое говоришь? А как же память Сергея? Ты что, будешь жить неизвестно с кем? А дети?

– Вот именно, Людмила Павловна, – с готовностью под-

хватила Ольга, – мне бы не хотелось огорчать детей, пусть они пока поживут с вами, я их, разумеется, буду навещать раз в два-три дня, выдавать Вам деньги. Они же прекрасно чувствуют себя с Вами! Когда я уезжала, они мне ни разу не пожаловались. Вы же просто идеальная бабушка, – и Ольга нежно чмокнула Людмилу Павловну в щеку.

Через неделю Ольга переехала к Ивану. Через полгода она забрала к себе дочь, а еще через три месяца приехала за сыном. Людмила Павловна в скверике возле дома снисходительно поглядывала на очередного мужчину слегка под шестьдесят и говорила ему: «Спасибо Петр Петрович, я бы, конечно, с удовольствием сходилась с Вами на концерт, но ведь Вы видите: у меня внук, не могу же я бросить ребенка».

– Людмила Павловна, – радостно закричала Ольга, – я забираю Павлика жить к себе, Вы смело можете идти на концерт!

Верность покойнику

– Людмила Павловна, – зачем вы это сделали?!

Оля даже заикалась от возмущения. Она искренне не могла понять, что произошло.

Сергей умер два года назад, когда Ане исполнилось два года, а Павлику – четыре. Умер, а вернее погиб, глупо и трагично. Какой-то очередной лихой водитель вылетел на остановку, где спокойно стоял муж. Он сбил двух человек, женщина выжила, а муж скончался в реанимации через два дня.

Ольга переехала к свекрови. Людмила Павловна сама предложила ей этот вариант, и Ольга была искренне благодарна. Ипотеку за двухкомнатную квартиру она бы не потянула одна с двумя детьми никаким образом. У свекрови же имелась пустая «трешка».

Свекровь когда-то работала в городской администрации, сохранила прежние знакомства. Она помогла Ольге утрясти все дела с банком, отказаться от квартиры с минимальными потерями, получить назад деньги.

При этом не претендовала ни на какую их часть, несмотря на то, что ипотеку оплачивал в основном ее сын. В общем, золото, а не свекровь.

Ольга считала так абсолютно искренне. Людмиле Павловне было 55 лет, она только что вышла на пенсию, при этом выглядела свекровь лет на сорок с небольшим. Ухоженная,

подтянутая, стройная, да и в поведении Людмилы Павловны тоже не было ничего от классической свекрови, какой ее изображают в анекдотах.

Людмила Павловна прекрасно владела всей современной техникой, активно посещала фитнес-центры и бары, могла поддержать разговор на любую тему.

При этом она не поучала Ольгу, не лезла в ее отношения с детьми, не изображала из себя заботливую мать, но и не набивалась в подружки.

Ольга была уверена, что со свекровью ей просто сказочно повезло. Когда подружки жаловались ей на матерей своих мужей, Ольга вообще не понимала, откуда возникают такие проблемы.

– Представляешь, говорила ей Ира, – моя каждый день ходит к нам ужинать. Она работает, ей готовить некогда, а я все равно дома с ребенком сижу, какая мне разница – на трех человек готовить или на четырех. Да мне и правда никакой разницы, но ведь она приходит и начинает объяснять, что готовлю я не то, не так, не на той посуде, невкусно, но сама при этом кушает с аппетитом, да еще с собой судочки уносит.

Ольга только пожимала плечами. Людмила Павловна готовила прекрасно, с удовольствием, вкусно, и добровольно взяла на себя эту обязанность, кормя невестку и внуков.

– Я же понимаю, – говорила Людмила Павловна, – ты и так на двух работах паришься когда тебе готовить.

Когда Наталья, другая подруга, жаловалась ей, что све-

кровь ей жизни не дает, требует, чтобы Наталья раз в неделю ездила в сад пропалывать никому не нужную морковь, Ольга только удивлялась. Людмила Павловна никогда не интересовалась садом, сада у нее вообще не было. Свекровь предпочитала проводить отпуск на Рижском взморье или в Кисловодске. В общем, не свекровь, а мечта.

Единственное, что пугало Ольгу в Людмиле Павловне, – это то, что та пользовалась неумеренным вниманием со стороны мужчин. Людмилу Павловну то провожали из магазина, поднося тяжелые сумки, то подвозили на дорогой иномарке, то звонили по телефону и приглашали в филармонию на концерт. Один раз Ольга столкнулась со свекровью у подъезда, когда ее провожал очередной кавалер, вылитый Олег Янковский в 50 лет. Людмила Павловна холодно попрощалась с ним у входа в подъезд и, отвечая на его вопрос, сказала:

– Вряд ли. Вы, конечно, можете позвонить, но я очень сомневаюсь.

Ольга не выдержала:

– Людмила Павловна, ну что вы такого мужчину отшиваете, не мужчина, а мечта, – и тут же отругала себя: «Вот дура, зачем ты это делаешь, вот выйдет Людмила Павловна снова замуж и мигом выставит тебя с детьми из квартиры, куда ты тогда пойдешь?».

Собственно говоря, идти Ольге было действительно некуда. Свою ипотечную «двушку» она отдала, взяв за нее день-

гами, мужчины в жизни Ольги за это время пару раз появлялись, но руку и сердце ей предлагать не спешили. Они даже несколько раз заходили к ней в гости познакомиться поближе с ней, с детьми.

Но оба раза как-то так получалось, что их внимание очень быстро переключалось на Людмилу Павловну. Свекровь угощала их кофе, наливала виски, интересовалась работой, проблемами, давала советы, сочувствовала. В результате мужчины уходили абсолютно обворожённые Людмилой Павловной, а их встречи с Ольгой плавно сходили на нет.

Ольга и не думала ни в чем винить свекровь. Это же естественно, что она ведет себя любезно с потенциальными женихами невестки. Было бы гораздо хуже, если бы она их встречала кислой физиономией и начинала сразу жаловаться, какая Ольга распустиха и неряха, и какие у нее невоспитанные дети.

Так продолжалось до тех пор, когда третий Ольгин мужчина, Вадим, встретившись с ней на следующий день после визита в ее, а, вернее, в свекровкину квартиру, спросил:

– Слушай, а она тебе вообще кто? Сестра, кузина, тетка?

– Ты вообще про кого? – не поняла Ольга.

– Про эту дамочку, которая вчера меня принимала. Дамочка – высший сорт, но глазки она мне строила более чем откровенно. Когда ты ушла в комнату что-то с ребенком решать, я думал, она меня сейчас прямо на кухонном столе соблазнит.

Ольга обомлела:

– Она моя свекровь, – с трудом вымолвила она.

– Интересная у тебя свекровь, – хмыкнул Вадим.

Вечером Ольга решилась на откровенный разговор с Людмилой Павловной:

– Людмила Павловна, – зачем вы это сделали?!

Оля даже заикалась от возмущения. Она искренне не могла понять, что произошло.

– Зачем вам понадобилось кокетничать с Вадимом? У вас же у самой от мужчин отбоя нет. Вам обязательно нужно было сделать мне гадость?!

– Нет, – спокойно ответила свекровь. – Хочу, чтобы ты была верна моему покойному сыну...

– Но он же умер... – в полном ошеломлении произнесла Ольга.

– Это неважно, – сурово сказала Людмила Павловна. – Храни верность памяти о своем муже и отце своих детей.

Ольга даже злиться на свекровь перестала, так она была поражена:

– Людмила Павловна, но ведь Вы сами... Вы же с отцом Сергея развелись, и мужчины вокруг вас табунами ходят.

– Это совсем другое дело, – строго сказала свекровь. Я развелась с недостойным человеком и не обязана быть ему верной.

Ольга не нашлась, что ответить. Она попыталась поговорить с Людмилой Павловной еще раз в более спокойном со-

стоянии, но это ни к чему не привело. Свекровь, мило улыбаясь и разговаривая с Ольгой очень нежно, объяснила ей, что ее сын и Ольгин муж был идеальным человеком, и Ольга просто обязана хранить ему верность.

Что Сергей был прекрасным мужем и отцом, Ольга была полностью согласна, но ведь это еще не повод, чтобы всю жизнь прожить вдовой или уйти в монастырь. Все Ольгины доводы, рассуждения, истерики не производили на Людмилу Павловну ни малейшего впечатления.

В конце концов, Ольга отчаялась и пошла к психотерапевту. И изложила ему свою проблему, а вернее проблему свекрови. Специалист внимательно выслушал Ольгу и сказал:

– Случай весьма типичный. Бывают такие женщины. Они красивы, , привлекательны, но кекс как таковой, равно как и постоянные отношения с мужчинами их не интересуют. Им нужно поклонение, обожание, ухаживание, но больше ничего. И вам мать вашего мужа пытается предложить ту же модель поведения.

– Да нет у меня никакого ни поклонения, ни ухаживания! – взорвалась Ольга, я и так с трудом с мужчинами знакомлюсь, а эта... у меня их еще и отбивает.

– К сожалению, здесь ничего нельзя поделать, – сказал психотерапевт. Свою свекровь вы не переделаете, она будет вести себя так, как считает нужным, единственный для вас вариант – разъехаться с ней и выстраивать свою судьбу самостоятельно.

– Интересно, как это вы себе мыслите? – возмущенно спросила Ольга. – Я работаю на двух работах, у меня двое детей, и на какие шиши я должна купить квартиру?

– Тут я вам ничем не могу помочь, я – психотерапевт, а не социальный работник, и не риэлтор. Я вам просто объясняю, что это ваша жизнь, и только вы сами можете ее изменить.

Ольга вышла от специалиста, хлопнув дверью, но увы, через несколько дней все-таки пришла к выводу, что он был справедлив в своих суждениях. Или она сама решится изменить свою жизнь, или она так до конца своих дней и останется вдовой с двумя детьми в чужой квартире. И еще неизвестно, кому достанется эта квартира после смерти Людмилы Павловны.

В результате этих раздумий своего очередного знакомого Николая Ольга на пушечный выстрел не подпускала к квартире свекрови. Она честно сказала ему, что имеет двух детей, живет со свекровью, но не хочет обременять ее визитами посторонних мужчин.

Когда Николай выразил желание познакомиться с ее детьми, Ольга решительно сказала:

– Замечательно, мы на выходные как раз собираемся на турбазу, я сниму двухкомнатный номер, и ты к нам подъедешь.

Все это, конечно, было не очень дешево, но хотя бы позволяло нейтрализовать свекровь. Ольга решительно сократила выплаты в домашний бюджет и принялась копить деньги.

Через полгода Ольга сообщила Людмиле Павловне, что у них на работе выскочила необычайно дешевая путевка в санаторий, потому что не сезон, и не отпустит ли ее свекровь недельки на три? Людмила Павловна, поколебавшись, согласилась.

Ни в какой санаторий Ольга естественно не поехала, а на сэкономленные деньги отправилась в модный дорогой кемпинг «Гранатовая бухта», расположенный на юге области. Уже прибыв на место, Ольга посетила парикмахера, косметичку, решительно обновила гардероб и приступила к тому, что называется «активный поиск».

Удача улыбнулась ей только через год, уже в третий ее визит в «Гранатовую бухту». Иван, кажется, всерьез влюбился в Ольгу, и наличие детей его вроде бы не смущало. Но Ольга решила довести свою линию до конца:

– Дети живут со мной и с мамой мужа, – сказала она Ивану. – Она прекрасная женщина, обожает внуков, изумительно готовит, пусть пока они поживут вместе с ней, а мы посмотрим, как нам поживется вместе. Детей я буду иногда приводить в гости, ты на них посмотришь, они познакомятся с тобой, не будем торопить события.

Иван охотно согласился.

Людмила Павловна потрясенно смотрела на невестку:

– Оля, что ты такое говоришь? А как же память Сергея? Ты что, будешь жить неизвестно с кем? А дети?

– Вот именно, Людмила Павловна, – с готовностью под-

хватила Ольга, – мне бы не хотелось огорчать детей, пусть они пока поживут с вами, я их, разумеется, буду навещать раз в два-три дня, выдавать Вам деньги. Они же прекрасно чувствуют себя с Вами! Когда я уезжала, они мне ни разу не пожаловались. Вы же просто идеальная бабушка, – и Ольга нежно чмокнула Людмилу Павловну в щеку.

Через неделю Ольга переехала к Ивану. Через полгода она забрала к себе дочь, а еще через три месяца приехала за сыном. Людмила Павловна в скверике возле дома снисходительно поглядывала на очередного мужчину слегка под шестьдесят и говорила ему: «Спасибо Петр Петрович, я бы, конечно, с удовольствием сходила с Вами на концерт, но ведь Вы видите: у меня внук, не могу же я бросить ребенка».

– Людмила Павловна, – радостно закричала Ольга, – я забираю Павлика жить к себе, Вы смело можете идти на концерт!

Я тебя уничтожу

– Димочка, сынок, здравствуй. Как у вас дела? Как Анечка, чем занимаетесь?

– Привет, мамуля. Все хорошо. Только вернулись с прогулки, сейчас будем ужинать.

– Дима, не давай Ане поднимать тяжелое. Помогай ей обязательно.

– Не волнуйся мама, я все контролирую. Да и чего тяжелого она может носить? Нас же двое, две тарелки с супом весят немного.

– Вас уже, сынок, трое. Как себя чувствует Анечка?

– Хорошо, мама, хорошо. Не беспокойся.

– Ладно, сыночек, поцелуй от нас с папой Анютку. Приезжайте послезавтра в гости, мы будем вас ждать.

Оксана Георгиевна положила трубку и позвала мужа. С Юрием Ивановичем она в браке прожила ровно тридцать лет, недавно отметили жемчужную свадьбу. Димка был единственным ребенком. Мальчишка рос послушным, родителям никогда проблем не доставлял.

Юрий Иванович трудился в посольстве, семью обеспечивал полностью. У них была собственная квартира, дача и солидные накопления. Ольга Георгиевна тоже не сидела сложа руки: последние двенадцать лет она была главным врачом и соучредителем стоматологической клиники.

Когда Димка предупредил, что в гости к ним собирается его девушка, Оксана Георгиевна сначала разозлилась. Какая девушка в двадцать лет? Он еще институт не окончил, нашел о чем думать! Но Аня будущую свекровь очаровала сразу: скромная голубоглазая красавица улыбалась так искренне, что сердце суровой Оксаны Георгиевны растаяло. Юрий Иванович тоже одобрил выбор сына.

До росписи молодые люди встречались шесть лет. За это время Дмитрий окончил институт, устроился на работу, купил себе машину. Анна окончила бакалавриат, стала агроинженером. Девушка тоже работала.

Когда молодым людям исполнилось по двадцать пять лет, они решили съехаться. Чтобы не напрягать родителей, сняли небольшую уютную квартиру недалеко от центра. Расписались они через год, когда Дмитрий дорос до начальника филиала фирмы, занимавшейся грузоперевозками. пышной свадьбы не устраивали, на торжество были приглашены только близкие родственники. Со свадьбы прошло два года. Аня была на пятом месяце беременности, ждали мальчика.

Оксана Георгиевна и Юрий Иванович старались не нарушать традиций: посторонним эту новость не сообщали, одежду и игрушки для будущего малыша заранее не покупали. Анечку ограждали от переживаний. В общем, бабушки и дедушки с обеих сторон изо всех сил старались, чтобы внук родился здоровым.

Повод для беспокойства у Оксаны Георгиевны был. Два

месяца назад сын посреди рабочего дня приехал к ней в клинику без предварительного звонка. Мать, увидев его в кабинете, испугалась.

– Дима, что случилось? Аня заболела?

– Нет, мам. С Анютой все хорошо. У меня к тебе будет большая просьба. Мне нужна твоя помощь.

– Что такое? Говори скорее!

– Мама, меня обвиняют в хищении и растрате денег фирмы, собираются заводить уголовное дело.

– Господи, как это? Ты же нитки никогда чужой не взял!

Что происходит?

– Неделю назад я из главного офиса привез два миллиона рублей, пересчитал, убрал в кейс и запер его в сейфе. Деньги предназначались на ремонт трех большегрузных фур. Да это, мам, тебе и не интересно. В общем, сегодня приехал генеральный.

Мы с ним вместе пересчитали: триста восемьдесят тысяч не хватает. Но я клянусь, мама, я не брал!

– Сынок, что же теперь делать? Хочешь, я дам тебе эти деньги? Верни ты их на место, пусть от тебя отстанут!

– Нет, мам, ни в коем случае! Так я признаюсь в воровстве, а я не брал оттуда денег! Поэтому ничего возвращать не буду. Я хотел тебя попросить, чтобы ты съездила куда-нибудь с Аней. Сама понимаешь, меня будут постоянно дергать. Вдруг кто-то позвонит вечером домой и Аня трубку поднимет? Я не хочу, чтобы она об этом знала. Съезди вме-

сте с ней куда-нибудь на две-три недели – за это время виновника найдут.

Мать предложила купить путевки в оздоровительный санаторий. Свекровь и невестка уехали отдыхать. Дима решил провести собственное расследование. Генеральный директор прекрасно знал, что парень на кражу не способен. Он дал Диме ровно четырнадцать дней на поиск вора, иначе на пятнадцатые сутки уголовному делу дадут ход.

Молодому человеку пришлось потратить уйму времени и нервов, чтобы отвести от себя подозрения. Он выяснил, что деньги из сейфа выкрала его секретарша Алина. Дима тут же вызвал ее к себе и потребовал вернуть украденное. Алина держалась нагло, утверждала, что не причастна к краже, что Дима ничего не докажет, свой «косяк» повесить на нее не получится.

Дима усмехнулся и пригласил в кабинет начальника охраны. Мужчина достал из внутреннего кармана пиджака флешку, подключил ее к компьютеру, защелкал мышкой и повернул монитор к Алине. На записи было видно, как девушка, озираясь по сторонам, открывает кабинет Дмитрия.

Алина, увидев себя на мониторе, вытаращила глаза и шумно задышала:

– Да как это? Я же камеры все отключила!

– Ну вот ты и попалась. Значит, это все-таки ты?

– Да, я. Простите, Дмитрий Юрьевич. Мне срочно нужны были деньги.

– Спрашивать, на что они тебе были нужны, я не буду. Просто верни, что украла, и можешь быть свободна. Я не хочу ломать тебе жизнь и отправлять в тюрьму.

– У меня нет денег, Дмитрий Юрьевич. Я их уже потратила.

– Значит, ищи. Через десять дней придет генеральный. Вся сумма должна быть на месте. Если не вернешь за это время – пеняй на себя. Шеф – не я, он с тобой церемониться не будет. И да, ты уволена.

– Ты ответишь за все, что сделал. Я тебя уничтожу! – процедила Алина, глядя в глаза начальнику, сидевшему в кресле. Тот усмехнулся.

Через неделю Алина принесла триста восемьдесят тысяч, молча швырнула пакет на стол и ушла. Дима облегченно вздохнул, позвонил генеральному и сообщил, что проблема решена, вора он нашел и наказал.

К возвращению жены и мамы Дима решил все свои проблемы. Оксана Георгиевна гордилась сыном: какой он у нее все-таки молодец!

За ужином Юрий Иванович завел серьезный разговор.

– Оксан, ну надо же что-то делать. Ты позвони сватьям, пригласи их к нам. Пора бы обсудить покупку отдельной квартиры для детей.

– Да, Юра, я тоже давно об этом думаю. Не хотелось бы, чтобы Анечка принесла внучка в съемную квартиру. У нас есть три месяца чтобы решить этот вопрос. Месяц оставим

на ремонт – нужно же оборудовать детскую. Только как аккуратно узнать у Анечки, какую именно комнату она хочет? Чтобы с оформлением не прогадать.

– А ты позвони еще Анютиной сестренке. Когда та делала ремонт в квартире перед родами, то обсуждала планировку со старшей сестрой. В любом случае она знает, какую детскую Аня хочет.

– Точно, ты у меня гений, Юра. Для Димки и Анюты пусть подарок будет неожиданным.

Родители купили просторную трехкомнатную квартиру вскладчину. Младшая сестренка Анюты помогла с составлением дизайнерского проекта. Детская комната вышла точь-в-точь такой, какую и хотела невестка. Все подготовили, квартиру закрыли. Решили, что подарят ключи уже после рождения внука, когда соберутся на праздник.

До родов оставалось два месяца. Аню положили на сохранение – у девушки к концу срока стало шалить давление. Дима оплатил лучшую клинику и все свободное время проводил с женой.

Оксана Георгиевна довязывала пинетку, когда в дверь позвонили. Юрий Иванович задерживался на работе, с сыном недавно созванивалась, поэтому в гости не ждала. Женщина открыла дверь. На пороге стояла незнакомая девушка.

– Здравствуйте. Вы Оксана Григорьевна? Меня зовут Алина. Приятно познакомиться. Мне нужно с вами поговорить.

– Ну проходите, давайте поговорим. Мы вроде бы с вами не знакомы?

– Знакомы заочно. Мне Дима много о вас рассказывал.

– Вы знаете моего сына? Откуда?

– С ним мы знакомы довольно близко. Я его любовница.

Оксана Георгиевна от неожиданности уронила очки и, кажется, перестала дышать.

– Как это – любовница? Да быть такого не может!

– Еще как может. Я и пришла к вам, потому что жду ребенка от вашего сына. У меня даже справка от врача есть. Я не хочу проблем ни себе, ни вам. Дима поступил подло, от меня и от нашего ребенка отказался. Я хочу справедливости! Мои требования – собственная квартира и ежемесячное содержание в размере тридцати тысяч рублей. Я знаю, вы люди не бедные, для вас эта сумма будет несущественной.

– Алина, милая, подождите. Давайте сначала разберемся...

– У меня нет времени разбираться, Оксана Георгиевна. Я даю вам ровно сутки. В случае вашего отказа все расскажу Анне. Вы прекрасно знаете свою невестку: измен терпеть она не будет, непутевого сына вашего бросит. И я не позволю вам общаться с внучкой.

Договорив, девушка развернулась и вышла из квартиры. Оксана Георгиевна в панике заметалась по квартире. Пожилая женщина бросилась к телефону и стала набирать номер мужа.

– Юра, все свои дела бросай и быстрее приезжай домой. У нас огромные проблемы. Быстрее, я говорю! К черту этот магазин!

От переживаний у Оксана Георгиевны заболело сердце. Муж вызвал ей скорую и, когда женщина успокоилась, спросил в чем дело. Она, задыхаясь и шумно вздыхая, рассказала о визите Алины. Юрий Иванович схватился за голову: если такие новости дойдут до невестки, то она уйдет от Димы и никогда не позволит им, бабушке и дедушке, видеть долгожданного внука.

Лишних денег на покупку еще одной квартиры нет. Ну не отдавать же этой хищнице трешку, купленную для внука? Решили не сообщать об Алине ни Диме, ни Ане, ни ее родителям.

На следующий день Оксана Георгиевна набрала номер, который оставила девушка:

– Алло, здравствуйте. Это Алина?

– Да, я вас слушаю.

– Это Оксана Георгиевна. Давайте встретимся, нужно поговорить.

– Называйте время и место.

– Приезжайте к нам, ведь адрес вы уже знаете.

Юрий Иванович не был таким импульсивным, как Оксана Георгиевна. Он через своих знакомых навел о девушке справки. Оказалось, что Алина была зависима от игр. Ее родители жили в другом городе и, видимо, с дочерью не обща-

лись. Юрию Ивановичу удалось узнать, что Алина действительно некоторое время работала секретаршей у его сына.

И даже причину увольнения доложили: девушка выкрала триста восемьдесят тысяч рублей из сейфа и в тот же вечер спустила их в автоматы.

Обращаться к Диме с этим вопросом Юрий Иванович не стал. Он встретился с безопасником – от него и узнал всю правду про уголовное дело и возврата награбленного. Своими мыслями по этому поводу ни с кем не делился, но наметил примерный план действий. Осталось только узнать, действительно ли у его сына были какие-то отношения с этой проходимкой.

Юрий Иванович позвонил Диме:

– Сынок, ты вечером свободен?

– Да, пап, свободен. А что?

– Загляни к нам на полчаса, привези маме пояс согревающий.

– Хорошо, пап. Договорились.

Молодой человек из клиники сразу же направился к родителям. Дверь ему открыла встревоженная мама. Дима прошел в комнату и на диване увидел Алину.

– А ты здесь что делаешь?

– Вот, Димочка, пришла к твоим родителям, на тебя глаза открыть.

– Подожди, я ничего не понимаю.

– Ну как же? Ты воспользовался моим положением, со-

вратил и бросил беременную. А как только узнал о ребенке – тут же уволил.

– И у тебя хватает совести вот так врать, глядя мне в глаза?

– Я не вру, Димочка. У меня и справка от врача есть.

Юрий Иванович молча слушал перепалку сына с его бывшей секретаршей. Через пять минут в квартиру должен войти человек, который знал об Алине все. Юрию Ивановичу удалось разыскать того самого врача, которая выписала липовую справку. Этим врачом оказалась близкая подруга Алины. Она и должна вот-вот прийти.

Алина, увидев Евгению, растерялась. Женя прошла в комнату, села напротив подруги и заговорила. Алина действительно была игроманкой. Все заработанные деньги она спускала в автоматы. На обман родителей Димы пошла из-за долгов: эти триста восемьдесят тысяч, которые она вернула в офис, Алина взяла под большие проценты у владельца одного игорного заведения.

Теперь ей требовалось срочно погасить долг.

Если бы родители Димы купили ей квартиру, быстро бы ее продала, забрала себе остатки и уехала бы из города.

Алина побагровела, вскочила с дивана и набросилась с кулаками на Женю. Мужчины оттащили разъяренную девушку от бывшей подруги. Задерживать ее не стали, хоть и пригрозили полицией. Алина в тот же вечер уехала из города, наивно полагая, что кредиторам ее найти не удастся.

Не строй из себя святую

В первый день рождения дочери Оля рассорилась со свекровью, как говорится, в пух и прах. Обвинение, которое свекровь бросила ей в лицо и которое послужило причиной ссоры, было таким нелепым и одновременно таким чудовищным, что никак не укладывалось в Олиной голове.

– Изменщица! – прошипела Галина Анатольевна с интонациями, присущими скорее рассерженной гадюке, чем пожилой интеллигентной женщине. – Ребенка на стороне нагуляла, а теперь и радуешься, что никто не заметил?

Как же все дошло до такого?

Оля и Вадим поженились два года назад и были счастливы в браке. Они встречались со студенческой скамьи и были очень привязаны друг к другу. Все свободное время молодые проводили вместе: туристические походы, пикники, театр и просто тихие домашние вечера. Галина Анатольевна относилась к пассии сына сдержанно, но в целом дружелюбно. Возможно, самую малость она ревновала Вадима, но это чувство было неосознанным, поверхностным.

Все изменилось после рождения Кати.

Олина дочь родилась вскоре после свадьбы. Она была темноволосой и кареглазой, что несколько необычно смотрелось на фоне внешности родителей: Оля была русоволосой, с голубыми глазами, а муж – зеленоглазым блондином.

– Вот теперь в нашей семье настоящее ассорти! – шутил счастливый Вадим, любуясь дочерью.

Но Галине Анатольевне было не до шуток.

Она ждала рождения внучки едва ли не больше молодоженов, но после того, как увидела малышку, резко и необъяснимо к ней охладела. Нет, она, конечно, регулярно навещала внучку, покупала небольшие подарки, тетешкалась с ней, но как будто из-под палки. Брала Катю на руки она всегда с еле скрываемой неохотой.

Долгое время такое ее поведение никто не мог объяснить, все родственники были в недоумении. Причем вроде и напрямую не спросишь: неприязнь к девочке Галина Анатольевна умело скрывала и не давала ни малейшего повода для разговора напрямик, оставляя только смутные ощущения, что что-то не так. Возможно, это чувство возникало из-за контраста с прежним, еще до Олиных родов, энтузиазмом Галины Анатольевны.

Оля списывала все эти витающие в воздухе догадки и ощущения на собственную фантазию и материнскую мнительность. Ну в самом деле, не должен же весь свет носиться с ее ребенком, как с писаной торбой? Тем более Галина Анатольевна много времени проводила с Катей. Свекровь частенько подолгу рассматривала девочку, а потом, как казалось Оле, выглядела разочарованной.

Для свекрови было что-то иррациональное в этих бдениях. Это было похоже на наивную детскую магию: если съесть

ровно столько-то ложек каши или пройти по кафельному полу, ни разу не наступив на стыки между плитками, то произойдет что-то хорошее. Но Катя оставалась темноволосой и кареглазой.

С каждым днем подозрения Галины Анатольевны только росли и крепили. О них она не рассказывала даже своему мужу. Ревность к сыну переросла в чувство острой несправедливости сложившейся ситуации. Она ночами не могла уснуть, перебирая в уме мнимые обиды, которые невестка нанесла ее доверчивому сыну, и самая главная обида, которая приходила на ум, — неверность, измена, ребенок от другого мужчины.

– Изменщица, – тихо, но зло прошептала она в темноте.

– Что? Ты что-то сказала? – сквозь сон пробурчал ее муж.

– Ничего. Спи давай.

Оля и не догадывалась о подозрениях свекрови. Истина открылась неожиданным и самым скандальным образом.

Незаметно, в семейных хлопотах, новых заботах и радостной усталости от них, пролетел Олин год, и наступил первый день рождения Катеньки. Отмечать решили в ближайшем кругу в квартире. Позвали бабушек и дедушек именинницы, сестер Оли с мужьями, близких друзей – всего четырнадцать человек.

– Тебя позвали для ровного счета, чтобы не тринадцать было! А то не к добру! – пошутил Вадим, встречая своего друга детства, пока еще холостяка. Тот расхохотался в ответ

и обнял счастливого отца медвежьей хваткой.

Такая прорва народа не без труда разместилась в гостиной, где был накрыт стол. Как и полагается, первый день рождения проходил без деятельного участия в нем именинницы, которая довольно быстро устала от новых впечатлений и заснула. Праздник был большей частью для взрослых, с шампанским и вином, скромными, но вкусными закусками и большим тортом с многозначительной цифрой «1».

Атрибутика детства, конечно, тоже присутствовала: в подарках, в разноцветных надувных шарах и гирляндах, в разговорах. А еще Вадим развесил на стене, в виде коллажа, кучу фотографий дочери, которые сделал за год.

Праздник шел своим чередом: взрослые разговаривали, много смеялись. Царила самая дружелюбная атмосфера, но Галина Анатольевна, казалось, ее не разделяла. Большую часть праздника она провела у коллажа из фотографий внучки, внимательно рассматривая каждую из них, словно что-то искала.

На середине стола поставили огромную коробку, раскрашенную в самые яркие цвета и с прорезью сверху. В нее полагалось опускать записки с желаниями для Кати. Все очень радовались, писали записки (к Вадиму даже приставал друг – просил написать, как в школе).

Свекровь не стала ничего в нее опускать.

Когда со стола убрали, Галина Анатольевна неожиданно оживилась и предложила посмотреть семейный фотоальбом

с детскими фотографиями Вадима. Всем идея понравилась.

– Мам, ну не надо, вот ты специально, чтобы в краску меня вогнать! – деланно возмутился Вадим.

– А мы свой альбом забыли взять, а ведь какая хорошая идея! – сокрушалась мать Оли.

Странно, но родители Оли показались Галине Анатольевне сообщниками дочери. «Хорошая идея», ну надо же! Ее стратегический план состоял как раз в том, чтобы изобличить невестку, чтобы ни у кого не осталось и тени сомнения.

Гости собрались вокруг Галины Анатольевны. Оля про себя радовалась, что свекровь наконец-то нашла себе развлечение по вкусу. Та раскрыла семейный альбом. С первых страниц начинались фото, заботливо убранные в полиэтилен, с картонными уголками, фото есына. Галина Анатольевна даже расчувствовалась, смотря на них.

– А ведь как Катя похожа! – сказал кто-то, неважно кто. Мимолетное дрожащее, еле уловимое чувство Галины Анатольевны испарилось, как и не было его.

– Да? Похожа? Вот здесь похожа? Или здесь? Похожа? – свекровь трясло. Ей хотелось ткнуть невестку носом в каждое фото своего сына, чтоб она разрыдалась, стоя на коленях перед семейным альбомом и каясь в неверности.

Оля с недоумением смотрела на свекровь. Может быть, ей плохо?

Она взяла ее за руку и отвела на кухню. Налила стакан воды. Когда Галина Анатольевна выпила, Оля осторожно взяла

стакан из ее рук и спросила:

– Все в порядке?

Галина Анатольевна не сказала, а, скорее, рыкнула:

– В каком еще порядке! Ты, я смотрю, сильно рада, что всех провела?

– Что? – Оля недоуменно посмотрела на свекровь.

– Но со мной твои штучки не пройдут! Я-то все знаю, меня не обманешь!

– Да о чем вы вообще? Ничего не понимаю.

– Изменщица! – прошипела Галина Анатольевна. – На стороне ребенка нагуляла, а теперь и радуешься, что никто не заметил?

– О чем вы говорите? Как... – Оля путалась в словах. Она никогда не думала, что будет стоять как на допросе в собственной квартире, что ее будут пытаться такими словами, когда через стенку лежит и спит ее дочь.

Галина Анатольевна оправилась от вспышки гнева и холодно сказала:

– Ты, Олечка, не думай, что так дальше и пойдет. Я всем расскажу, что твой ребенок, – она никогда не называла малышку по имени, – не от моего сына.

– С чего вы это взяли?

– Ты тут не строй из себя святую! Не на такую напала! Да посмотри ты на волосы, на глаза! От кого в подоле принесла, признавайся?!

– Прекратите! Да вы с ума сошли!

– Да, сошла! Когда позволила Вадиму жениться на такой, как ты!

Дверь кухни отворилась.

На пороге стояли Вадим и все гости. У друга Вадима, этого огромного человека, на голове нелепо торчал праздничный колпак. Оля, ощутив контраст между блестящей мишурой праздника и темной гнилостной яростью свекрови, что клокотала на фоне, разрыдалась и выбежала прочь.

Оля заперлась в детской. Сердце ныло от ужасного, несправедливого обвинения. В попытке успокоиться, прийти в себя, Оля подошла к кроватке дочери. Катя спала безмятежным сном, не подозревая, что стала причиной скандала. Ее бабушка бушевала за стеной, но звуки ссоры не достигали детской.

Оля почувствовала острую, щемящую нежность. Она смахнула слезы и осторожно, чтобы не разбудить, поцеловала дочку.

Позднее она узнала, что все гости были возмущены и потрясены обвинениями Галины Анатольевны. Они одним сплоченным фронтом встали на защиту Оли. Во-первых, Оля никогда бы так не поступила, во-вторых, темные волосы и карие глаза Кати – всего лишь шутки генетики. В конце концов, Катя очень похожа на отца, нос и подбородок ведь чистой воды копия!

Но Галину Анатольевну было невозможно переубедить. Она обладала тем железным осознанием собственной право-

ты, которое формируется благодаря крайне выборочной слепоте: все факты, противоречащие сложившейся в уме картине, просто игнорируются.

Праздник было уже не спасти. Гости, смущенные отвратительной сценой, зрителями которой они стали, потихоньку расходились. Атмосфера дня рождения сошла на нет, уступив место гнетущему чувству скандала.

– Хоть раз я снова это услышу... Хоть раз... – обычно шуточный Вадим посерьезнел и отшел мать подальше от всей компании, в прихожую. – Больше ты сюда не придешь, пока не извинишься перед Олей. Поняла?

– Извиниться? Перед ней? – Галина Анатольевна всем своим видом изображала оскорбленную праведность.

Вадим протянул матери ее сумочку.

– И больше к дочке моей не притронешься, пока не извинишься. Мы договорились?

– Вадим, ты ошибаешься. Открой глаза!

– Мои глаза как раз открыты, мама, в отличие от твоих.

Отец Вадима вышел в коридор, немного увял под взглядом Галины Анатольевны и начал скорее надевать ботинки.

– Мы это, сын... Пойдем уже... Ну, автобусы скоро перестанут...

Оля слышала это осторожное бурчание в прихожей, и ей казалось смешным, что дождь может перестать, что автобусы могут перестать, а злоба человеческая, вроде бы и не может.

Краем уха Оля услышала, как закрывается дверь за по-

следним гостем. А что, если Вадим поверил в выдумки матери? «Это стало бы прекрасным завершением дня», – с горькой иронией подумала Оля.

Муж тихо постучался в дверь детской. Оля вытерла слезы и впустила его.

– Вадим...

– Тсс, – муж кивнул на спящую малютку, потом улыбнулся и прижал Олю к себе. – Все будет хорошо. Не расстраивайся из-за глупых подозрений. Вы с Катенькой – самое дорогое, что у меня есть.

Оля почувствовала невыразимое облегчение. Она крепко обняла мужа, прижав лицо к его груди. Ее эмоциональное состояние, которое проделало за один день путь от радостного возбуждения до возмущения и чувства полной безнадежности, приблизилось к остановке «Норма».

Все-таки этот тяжелый день закончился на умиротворенной ноте.

Вадим, как и обещал, не общался с матерью, пока та не извинилась перед Олей. Это произошло не скоро, и прошли месяцы, прежде чем Галина Анатольевна сменила гнев на милость. За все это время не было и дня, чтобы свекровь не обдумывала свое обвинение.

Железная уверенность в собственной правоте понемногу таяла, сменяясь сомнениями и угрызениями совести. В конце концов, после скрупулезного изучения фотографий Кати, Галина Анатольевна полностью разочаровалась в своей тео-

рии. Ну в самом деле, как она могла не разглядеть в этой девочке такие знакомые и родные черты своего сына?

Галина Анатольевна из гордости не делилась ни с кем моральными муками и переживаниями. Окончательно убедилась в своей неправоте она только тогда, когда получила в мессенджере многозначительную фотографию от сына. Только фото, без какого-либо сопроводительного сообщения, но в нем и не было необходимости. Это была фотография экспертного заключения о биологическом отцовстве, в котором черным по белому было написано, что вероятность отцовства Вадима составляет 99,9999%.

– Прости меня за все... За все, что я тогда тебе наговорила, – сказала свекровь Оле в тот же день по телефону. – Не знаю, что на меня нашло. Знаю, это трудно, но прости, если сможешь.

Оля не могла долго держать в сердце обиду, да и конфликт уже исчерпал себя, поэтому она с облегчением простила свекровь. После этого у Галины Анатольевны словно гора с плеч свалилась.

Второй день рождения Кати прошел просто замечательно.

Неблагодарная

— Живешь здесь практически бесплатно, еще и нос от моего сына воротишь! Кто бы тебе за бесценок комнату сдал? — возмущалась хозяйка квартиры

Аня ночью практически не спала. Все тело болело, голова гудела после сильного удара. Молодая женщина подумала, что на работу снова идти не придется: лицо украшал огромный синяк. Замазать кровоподтек тональным кремом, как обычно, не получится. В восемь утра Анна позвонила начальнице и соврала, что заболела. У руководства уже давно были претензии к сотруднице. Работала Аня кассиром в магазине.

Напарнице приходилось часто выходить на смену вместо девушки. У Юли тоже была своя семья, с каждым разом она все неохотнее соглашалась выручить подругу. За этот месяц у Ани был уже пятый вынужденный прогул.

Валентин в очередной раз ударил жену. Просить защиты Ане было не у кого: девушка была выпускницей детского дома.

С Валентином Аня познакомилась в шестнадцать лет. Он был сыном поварахи тети Дины. Часто приходил к матери на работу и был старше девушки на три года. Со стороны казалось, что парень будет идеальным мужем: работающий, непьющий Валентин мог починить практически любой элек-

троприбор, своими руками сделать табуретку, стол или полку.

Тетя Дина была не против отношений сына с Аней. Девочка, несмотря на то что рано осталась без родителей, росла стеснительной. В связях с мальчиками замечена не была, не сбегала (в отличие от других воспитанников), прилежно училась. Сошлись молодые люди быстро; первое время проживали у родителей Вали. Отец, Геннадий Григорьевич, работал машинистом, поэтому дома практически не бывал. Семья держала большое хозяйство.

Аня быстро научилась доить коров и коз. Пока свекровь была на работе, девушка легко справлялась с домашними делами. Оттачивала кулинарные навыки: варила сыр, творог, делала домашнюю колбасу, закатывала банки.

Через полгода Валентин предложил любимой съехать от родителей и попробовать жить самостоятельно. Тетя Дина сначала не хотела отпускать молодых, но Аня сумела мягко уговорить свекровь, пообещав, что каждые выходные они будут их навещать.

После выпуска из детского дома Аня получила «подъемные». Сумма оказалось внушительной – именно на эти деньги молодые люди сняли небольшую, но уютную однокомнатную квартиру в тихом зеленом районе сразу на шесть месяцев.

Валентин стал чаще ездить в командировки, так как за них больше платили. Замужняя жизнь Аню полностью

устанавливала. Первое время она боялась ночевать одна, поэтому приглашала свекровь. Валя, находившийся в командировке, вечерами звонил девушке по видео и, как бы в шутку, просил показать квартиру. Аня, конечно же, просьбу любимого выполняла.

Первый тревожный звонок раздался, когда Валентин приехал из очередной рабочей поездки и отсыпался дома. Аня, чтобы порадовать мужа, рано утром побежала в мясной магазин: хотела запечь рульку с картошкой – любимое блюдо Валентина.

По дороге домой ее окликнул знакомый голос:

– Анютка, это ты?

– Боря, здравствуй! Сто лет не виделись! Как ты?

– Хорошо, вот на работу иду. Ты как? Слышал, замуж вышла, с мамой Диной породнилась?

– Да, только пока неофициально. Живем с Валечкой вместе, собираем на квартиру. Как приобретем собственный угол – можно уже думать и о свадьбе.

– А как у тебя дела продвигаются с государственным жильем?

Администрация попыталась обмануть Анну с жильем, которое ей полагалось как выпускнице детского дома, и она занималась восстановлением справедливости. Волонтеры из благотворительного фонда не отказали ей в помощи, наняли хорошего адвоката, который представлял девушку в суде.

– Ой, Борь, пока глухо. Два суда уже прошло, на оба за-

седания ответчики не явились. Прислали письмо с просьбой перенести слушание. Так и футболеят они меня, ничего не решают. Адвокат, конечно, ищет доказательства обмана, но дело продвигается медленно.

– Ничего, родная, все у тебя будет хорошо. Ладно, я побужал. Ты здесь живешь? Может, номер телефона оставишь? Как-нибудь увидимся? Я тебя со своей женой и сынишкой познакомлю.

– От всей души поздравляю тебя, Боря, со свадьбой и с рождением малыша! Конечно, записывай.

Боря подошел поближе к Ане, достал телефон и под диктовку начал вбивать в книгу номер. На прощание он по привычке поцеловал подругу детства в щеку и быстро зашагал прочь.

Аня была искренне рада встрече с Борисом. В тяжелый для нее период он помог адаптироваться в новых условиях. Именно он защищал девочку от нападок сверстников в детском доме, делился с ней сладостями и успокаивал, когда малышке было страшно. Придя домой, Аня увидела в прихожей Валентина. Лицо гражданского мужа исказила гримаса злобы. Поначалу девушка даже не поняла, что случилось.

– Ты уже проснулся, милый? А я думала, что успею приготовить к твоему пробуждению небольшой сюрприз.

– С кем ты обжималась на улице?

– Ты что? Ни с кем я не обжималась! Это же Боря! Помнишь, мы с ним дружили, когда я жила в детдоме?

Вместо ответа Валя подскочил и с силой толкнул девушку. Аня упала на невысокое деревянное трюмо. Потирая ушибленную поясницу, она медленно поднялась и с ужасом уставилась на Валентина.

– Валь, ты что, с ума сошел?

– Еще раз увижу какого-нибудь мужика рядом с тобой – мало не покажется.

С этих пор характер Валентина стал открываться с неожиданной стороны. Оказывается, ее гражданский муж был очень ревнивым. Валентин устраивал допросы после каждого телефонного звонка. Он позволял Ане разговаривать только со своими родителями. Если девушке набирала подруга, Валентин подходил к жене, прислонял ухо к трубке и подслушивал разговор. Аня начинала чувствовать себя пленницей.

В жизни молодой девушки появились и побои. Валентин мог поднять на нее руку из-за пустяка. Ему казалось, что жена недостаточно прислушивается к его мнению. Теперь даже дневное меню Аня обязана была согласовывать с мужем.

Валентин перестал давать жене деньги. В магазины ездил сам, от Ани только требовалось предоставить супругу подробный список покупок.

На женские мелочи выпрашивать у мужа деньги было стыдно, поэтому втайне от него Анна иногда подрабатывала промоутером, если была такая возможность.

Чтобы скандалов было меньше, Аня даже не заикалась о

встрече с подругами. На работу выходила, когда муж уезжал в командировку. Раздавать листовки старалась в другом конце города, чтобы ее не видели друзья и знакомые Валентина.

Долго прятаться у Анны не получилось: кто-то все же увидел ее, стоявшую с пачкой листовок в руках, и доложил об этом Валентину. Муж, приехав из командировки, жестоко избил жену.

Промаявшись полночи, Аня решила бежать. Под утро, когда сон Валентина был особенно крепок, она сложила немного вещей в дорожную сумку, взяла паспорт, деньги, накопленные втайне от мужа, и телефон.

Чтобы выиграть немного времени, Анна снаружи закрыла дверь в квартиру, ключ выбросила в кусты у подъезда. Пока Валентин проснется, сообразит, что жена сбежала, вызовет слесарей, пройдет несколько часов. За это время девушка успеет доехать до соседней области. Там жила Люда – подруга, которая обещала приютить Аню. Единственная загвоздка в том, что вернется Люда только через месяц, а значит, тридцать дней нужно где-то кантоваться.

Аня поймала такси и поехала на вокзал. Зашла в аккаунты социальных сетей и все их удалила. Достала сим-карту и тоже выбросила. Анна обрубала все пути к отступлению.

На вокзале девушка купила газету: нужно было срочно искать временное жилище. Взгляд зацепился за одно объявление: «Сдам комнату чистоплотной, аккуратной девушке славянской национальности. Проживание с хозяйкой (пожи-

лая женщина). Нужно немного помогать по хозяйству и вносить свою часть за коммунальные услуги. Арендной платы нет. Условия – отсутствие вредных привычек. Нельзя приглашать гостей».

Девушка подумала, что на такие шикарные условия, наверное, много желающих и комната давно сдана. Но все же решила попытать счастья и набрала номер, указанный в объявлении. Трубку снял мужчина. Он подтвердил, что комната свободна. Жить нужно будет с ним и с его матерью. В деньгах он особо не нуждается, комнату сдает на взаимовыгодных условиях: жилищка должна будет присматривать за мамой, пока он на работе. Мужчина Анну успокоил: его мама полностью дееспособна, сама себя обслуживает, адекватна. Просто ей одной скучно. Анна с радостью согласилась. Хотя бы одна проблема решена.

В электричке девушка немного поспала. В соседний город приехала к обеду, сразу же позвонила подруге и сообщила, что нашла в себе силы уйти от этого тирана. Люда искренне порадовалась за Аню. Предложила передать ей ключи от квартиры поездом, но девушка отказалась. Аня поделилась еще одной радостной новостью: на месяц она жильем обеспечена. Пока Люда отсутствует в городе, она как раз устроится на работу.

Добираться до съемной комнаты пришлось на такси, так как Аня совсем не знала города. Дверь ей открыла пожилая женщина, представилась Екатериной Анатольевной и сразу

же пригласила к столу. Налила чаю. Остаток дня прошел за разговорами. Хозяйка квартиры провела подробную экскурсию, показала, где лежат постельные принадлежности и посуда, освободила для Анны полочку в холодильнике. К семи вечера пришел сын Екатерины Анатольевны, Андрей. Мужчине было за сорок. Он познакомился с Анной, поужинал вместе с женщинами и отправился спать.

Жилось девушке в квартире неплохо. Она оказывала сильную помощь пожилой женщине: иногда мыла посуду, развешивала белье и прибиралась в местах общего пользования. В свободное время активно искала работу. Аня сама и не заметила, как стала выполнять странные просьбы хозяйки. Например, Екатерина Анатольевна последнюю неделю стала просить каждый день вставать рано утром и готовить завтрак для нее и сына. Причем блюд требовалось несколько: пожилая женщина ела только овсянку на молоке, а мужчина – яичницу, омлет с овощами или просто вареные яйца.

Сначала Аня не возмущалась. Ей было несложно тратить тридцать-сорок минут по утрам, чтобы кормить Андрея и Екатерину Анатольевну. Затем стали поступать просьбы еще более странные: постирать вещи Андрея, погладить ему рубашку, приготовить обед на работу. Кроме того, старушка стала делать недвусмысленные намеки: она предлагала Анне повнимательней присмотреться к ее сыночку – непьющему, хозяйственному, работающему.

Ну и что, что он почти в два раза старше «невесты»? Зато

руки не распускает (Аня по неосторожности рассказала женщине о причинах своего побега от первого супруга). И детей у него нет. Да, Андрей был женат, но первую жену никогда не обижал. Это она, стерва, выгнала его из дома. Видите ли, мало зарабатывал!

Анна вышла на работу и больше не могла сидеть возле Екатерины Анатольевны. Андрею это даже понравилось: он вскользь обронил, что жена тоже должна работать. Так в семейном бюджете будет больше денег. Анне начал надоедать этот цирк. Она позвонила Люде и все-таки попросила передать ключи от квартиры поездом. Девушка как будто чувствовала, что в скором времени ей придется съехать.

Последней каплей стал безобразный скандал. Аня поздно легла спать и утром проспала. Чтобы не опоздать на работу, девушка быстро умылась, оделась и, не позавтракав, собралась уходить. Обуываясь, подумала, что нужно еще не забыть съездить на железнодорожный вокзал и забрать у проводника ключи от квартиры Люды.

Екатерина Анатольевна преградила ей путь.

– Я не поняла, ты куда? Скоро Андрюша проснется, а завтрака нет.

– Извините, Екатерина Анатольевна. У меня нет времени, я опаздываю. Дайте пройти.

– Как это ты опаздываешь? Меня не волнуют твои проблемы. Возвращайся и готовь сыночку завтрак. Я, кстати, тоже проголодалась.

– Почему я должна готовить вам завтрак? Я вам не невестка, Андрею – не жена. Ваш сын – вот и кормите его сами.

– А, хорошо устроилась! Живешь здесь практически бесплатно, еще и нос от Андрюши воротишь! Кто бы тебе за бесценок комнату сдал? Я специально разместила объявление на «Авито», чтобы поскорее женить моего мальчика. Цену поставила минимальную для привлечения внимания! Ты нам подходишь: молодая, симпатичная, детей здоровых родишь, готовить умеешь, убираешься неплохо.

– Простите, Екатерина Анатольевна. Подхожу для чего?

– На роль жены для Андрюши. А ты что, против?

Не в силах сдерживаться, Аня громко рассмеялась и выскочила из квартиры. Вещи она собрала в тот же день. Екатерина Анатольевна потребовала арендную плату за месяц в размере пяти тысяч, иначе грозились вызвать полицию. Чтобы как можно скорее отвязаться от надоедливой семейки, Аня отдала им требуемую сумму.

В тот же вечер девушка въехала в квартиру подруги и наконец-то успокоилась. Андрей звонил Ане весь вечер, но девушка не стала брать трубку и внесла номер в черный список.

Бессердечная

– Лучше б жена тогда избавилась от тебя, как я ей велел!

Бессердечная ты! – ругался отец

Последние годы отец Александры не давал дочери покоя. Владимир Якович был человеком по натуре своей жестким, всё контролировал, а со дня смерти Любви Петровны пожилой вдовец и вовсе помешался от горя.

Он начал пить. Сначала находил утешение в компании знакомых работяг, любящих пригубить после рабочего дня. Потом стал уходить в полноценные запои, в одиночку запираясь в своей старой хрущёвке.

Уход из жизни Любви Петровны стал большим ударом не только для Владимира Яковича, но и для Саши. Мама была для нее самым близким человеком. Мягкая, нежная, чувственная, она всегда была готова выслушать свою Сашеньку и в чем-нибудь да подсобить.

Но мамы вот уже десять лет не было, а женщина до сих пор чувствовала себя сиротой, и это при живом-то отце! Саше так хотелось получить поддержку от него, но сколько бы раз она ни возвращалась к отцу, сколько бы ни пыталась обнять, ласково произнеся: «Мы справимся с этим горем, справимся вместе, пап...», все напрасно.

Владимир Якович лишь равнодушно глядел в ответ. Он не был способен выкарабкаться из затянувшейся депрессии

ни сам, ни с помощью любящей дочери.

На фоне крепкого алкоголя ухудшалось здоровье, в том числе и психическое – с каждым годом Владимир Якович становился все агрессивнее. Доходило уже до того, что в пьяном угаре мужчина мог поднять руку на абсолютно чужого человека, проходящего мимо, потому что тот «косо на него посмотрел».

Александра намучилась с отцом. Женщина умоляла его бросить пить, пыталась вразумить, но тот, страдая от жуткого похмелья, только кривился и отмахивался от дочери:

– Ой, Сашка! Не бубни! И так голова раскаляется, еще ты тут со своими нравоучениями! – возмущался Владимир Якович. – И вообще, яйца курицу не учат! Слыхала такую поговорку? Вот и ты батьку не учи! Я, между прочим, подольше тебя на этом свете прожил!

Женщина была в отчаянии. Домой от отца она каждый раз возвращалась в слезах, не зная, что делать.

– Мне ведь тоже больно, так почему же я не хватаюсь за стопку?! – сокрушалась Саша, стоя у плиты.

Сережа, муж, молчал, подперев подбородок рукой, – внимательно слушал и лишь изредка кивал. Для него слезы жены были равносильны ножу, полоснувшему по сердцу. Сколько раз он предлагал ей, упрямыце, поговорить с тестем лично.

Он бы быстро поставил сварливого деда на место. А что? Сколько можно мучить его жену?! Мужуку на седьмой десяток, а ведет себя как подросток с юношеским максимализ-

мом! «Не трогайте меня! Я сам всё знаю!».

А как проблем схлопочет, так бежит плакаться: «доченька, помоги!». При мысли об этом Сережа стиснул зубы. Он чувствовал полнейшую беспомощность, ведь Саша слезно умоляла его не вмешиваться в их с отцом отношения. Женщина до последнего надеялась, что вразумит Владимира Яковича сама.

Как-то в пасмурный осенний день, когда Саша работала в офисе, на ее телефон поступил звонок с незнакомого номера. В трубке раздался вкрадчивый женский голос, оповестивший женщину о не самых приятных новостях.

Владимир Якович, по словам пожилых соседок, будучи пьяным, ввязался в очередную драку. Мужчину доставили к ним в отделение, где констатировали перелом бедренного сустава. На момент звонка Владимир с наложенным гипсом отсыпался в палате. Саша немедленно вызвала такси и направилась на окраину Москвы, чтобы забрать непутевого отца.

Следующую пару недель женщина исправно навещала больного до и после работы. Она помогала Владимиру Яковичу по хозяйству, поддерживала его дом в чистоте и кормила ласкового старого кота по имени Рыжик.

А вот с уходом за отцом дела обстояли куда сложнее. Тот продолжал капризничать, был вечно всем недоволен. То Сашка у него слишком слабая, чтобы его, борова, на костылях удержать, да до туалета довести. То Сашка кухарка никудышная, не знает, как борщ правильно варить.

Сашка это, Сашка то... Женщина чувствовала, что приходит в эту затхлую квартиру не в роли любящей, заботливой дочери, желающей помочь лишенному движения отцу, а в роли прислуги, к которой с каждым днем относятся все более пренебрежительно и по-хамски.

Однажды Александре и вовсе пришлось остаться у Владимира Яковича на целых трое суток. Женщина собрала необходимые вещи, предупредила мужа и выехала под вечер, сразу после работы. А всё дело было в том, что мужчине было строго настрого запрещено вставать с постели.

На днях Саша отвезла отца в больницу на повторный прием. Там Владимиру Яковичу сняли швы и напечатали лист с подробными рекомендациями по домашнему лечению, где черным по белому было прописано: «никакого движения». Так следующие несколько дней женщина не могла продохнуть.

Натерпелась она от отца знатно. Как он только ни обзывал бедную дочь! Саша и слов-то таких не знала. И хотя Владимир Якович был ослаблен после нескольких недель лежания в кровати, он продолжал вести себя неадекватно и агрессивно.

Один раз в Сашу даже прилетел небольшой железный будильник, за ненадобностью оставленный на тумбочке. Женщине было до боли обидно. Она носилась вокруг неблагодарного отца, пытаясь поддержать, угодить, но тот упрямо требовал одного – выпивки и сигарет.

– Сашка! Ну, где ты бегаешь, непутевая?! Принеси водки! – стоя у плиты, Саша вздрогнула, когда из соседней комнаты раздался басистый голос отца. – Водки принеси, я сказал!

Перечить отцу женщина не смела, боялась, но и идти на поводу его «хотелкам» не могла. Когда Владимир Якович был особо раздражен, Саша просто отсиживалась на кухне, готовя ужин, или же в ванной, включая душ на полный напор. Меньше всего она хотела слышать медвежий рев отца: ей становилось ужасно страшно.

Как бы абсурдно это ни звучало, но радовало одно: отец был по пояс обездвижен, а значит, никак не смог бы добратсья до нее. В такие моменты взрослая Александра невольно превращалась в маленькую напуганную Сашу и просто сползала по стенке на холодный кафель, зарываясь пальцами в спутавшиеся волосы. И всё нашептывала себе: «Это пройдет... Это скоро пройдет...»

Уже третью ночь подряд женщина тихо плакала, уткнувшись носом в стенку, пока в соседней комнате кряхтел пожилой отец. Спала она на кухне, расстелив одеяло с подушкой прямо на полу. Уснуть рядом с Владимиром Яковичем не представлялось возможным: тот донимал дочь нравоучениями, а засыпая, жутко храпел.

Утром следующего дня Саша проснулась опухшая и взлохмаченная. Голова раскалывалась, жутко хотелось пить. Она накинула тапочки и пошаркала в сторону ванной – в от-

ражении зеркала ее встретила бледная, заплаканная, совсем осунувшаяся женщина, за несколько недель постаревшая на пару лет.

Саша устало вздохнула и принялась умываться. Нужно было собраться с духом – предстоял еще один тяжелый день. А пока Владимир Якович спал, женщина решила прогуляться и подышать свежим воздухом.

Сидя на лавочке, Саша набрала номер мужа, узнать, как у того дела. В неприятные подробности их с отцом общения женщина, как обычно, не вдавалась, только сказала, что ей очень тяжело.

– Да я по голосу слышу, – недовольно хмыкнул Сережа, и вдруг поставил жену перед фактом. – Значит так, сейчас я закончу с отчетом, часика через два подъеду. Ты пока вещи собери и вынеси в коридор. Как подъеду, тебе позвоню.

– Вещи? О чем ты, Сереж? Я не могу уехать, папа один никак не справится! Ты же знаешь, он совсем как маленький ребенок!

– Я и не говорю тебе бросать его, Саш, – успокоил женщину муж. – Просто отвезу тебя домой, там тихо и спокойно. Тебе отдых нужен, ну. А к отцу я тебя сам возить буду, сколько скажешь. Только вернись домой уже.

Женщина согласилась. У нее уже не оставалось сил на споры, да и жизнь у отца стала совсем невыносимой. Следующий час она провела во дворе дома, шурясь под лучами солнышка и наслаждаясь полуденной тишиной.

В квартиру к Владимиру Яковичу вернулась неохотно – стоило хлопнуть дверью, как из комнаты отца донесся знакомый ворчливый голос, заставивший женщину некомфортно поежиться.

– Сашка, ёлки-палки, где тебя носило? Уже полчаса тебя кричу, а ты смоталась куда-то! Я уж было решил, что бросила отца на произвол судьбы! Жрачка готова, нет? Почему не на тумбе еще?!

– Сейчас, пап!

Саша ринулась на кухню, чтобы подогреть остывший за утро завтрак. Владимир Якович вновь недовольно скривился при виде отварных яиц и овощей: мужчина был против прописанной ему диеты и долго скандалил с дочерью, почему это ему нельзя колбасу, бекон или жареную картошку.

Это утро не стало исключением – Саше вновь пришлось выслушивать в свой адрес не самые приятные вещи. Когда отец закончил давиться приготовленным завтраком, он демонстративно бросил грязную тарелку на тумбу и, кряхтя, отвернулся к стенке.

– Свободна! И тарелку в этот раз получше мой, есть невозможно!

Саша промолчала и ушла собирать вещи. Когда сумка была готова, она вернулась на кухню и уселась перед окном в ожидании звонка от мужа. Вскоре во двор въехал знакомый автомобиль – женщина выбежала в коридор и спешно сбегала по лестничной клетке, чтобы встретить Сережу. Наверх

поднялись вместе.

– Ты не заходи к нему, не здоровайся. Он спать вроде собирался, – шепотом предупредила мужа Саша.

Тот послушно уселся в прихожей, сплетя пальцы в замок, и принялся ждать. Тем временем женщина уже успела написать записку отцу о том, что съезжает и вечером обязательно навестит его, и собиралась оставить ее на тумбочке, как вдруг заострила внимание на уже затхлом, съехавшем постельном белье.

Саша ахнула про себя. Во всей этой беготне она совсем забыла поменять его! Владимир Якович громко сопел, уткнувшись носом в настенный ковер и прижавшись к самой стене, а потому пространства вполне хватало, чтобы сменить наволочки и пододеяльник.

Женщина мигом принесла чистое, постиранное белье и принялась за дело, как вдруг случайно задела больную ногу отца. Тот вскрикнул, дернулся и резко перевернулся, кинув в опешившую дочь подушкой. Покрасневшее от злости лицо старика не на шутку напугало Сашу.

– Ах ты, бессердечная! Лучше б жена тогда послушалась и избавилась от тебя, как я ей велел! Вырастили тебя, бессовестную, на свою голову! Бестолковая и безрукая ты! – ругался отец

Саша застыла перед кроватью отца, не зная, что и сказать. Ее глаза мгновенно наполнились слезами. И тут вдруг в комнату ворвался разгневанный Сережа. Владимир Якович

вздрогнул, не ожидая увидеть в своем доме мужа дочери, и удивленно распахнул рот.

– С меня довольно! Знаете, Владимир Якович, я долго терпел ваше неуважение по отношению к моей супруге. Это еще большую часть Саша мне не рассказывала про вас, и теперь я понимаю, почему. Стыдно ей было! Стыдно за то, что у нее такой бездушный отец! Да если б я знал, как вы ее называете, как бросаетесь в нее вещами, я бы ни в жизнь не позволил бы ей оставаться здесь! Она же ваша дочь, Владимир! Как вы так можете?!

– Не твоего ума это дело! Не лезь в наши с дочкой дела! Пошел вон отсюда, щенок! – взъелся в ответ Владимир Якович, размахивая руками.

– А знаете, что? Раз вы такой неблагодарный, то справляйтесь-ка сами. А Сашу я забираю! Посмотрите, до чего вы ее довели! Изверг старый!

Сереза схватил за руку плачущую женщину и вывел в коридор, приказав немедленно одеваться. Затем сбегал в соседнюю комнату, за сумкой, и вернулся к жене. Та уже была одета и держала на руках Рыжика: не оставлять же кота на беспомощного старика.

– А ну стоять! Сашка! Немедленно вернись, проклятая! На кого отца оставляешь, кровь родную? Эх, вы, скоты эдакие!

– Всего вам хорошего, Владимир Якович! И не хворать, самое главное! – бросил напоследок Сереза и подтолкнул

неуверенную супругу к порогу.

Так тяжелый характер Владимира Яковича вышел ему же боком, а желание все контролировать обернулось полной беспомощностью. Следующие несколько недель к нему лишь изредка приходила соседка Инна, и то по тайной просьбе самой Саши.

Женщина кормила больного старика и помогала с чистой специально купленного для него биотуалета, после чего сразу уходила: побаивалась Яковича, дурная все-таки слава о нем шла. Теперь мужчина большую часть времени проводил в одиночестве, в непроветренном пыльном помещении, и сокрушался, что неблагодарная дочь отказалась от него, родного отца.

Но Саша не отказалась. Втайне от мужа она ежедневно звонила соседке Владимира, чтобы узнать, как себя чувствует папа. Сердце болело за беспомощного старика, оправдывало его ужасные поступки и отвратительное поведение, но разум вторил, что так будет правильно.

Да и супруг поддерживал женщину. Он и сам не планировал с концами разрывать контакты с нерадивым тестем – всего лишь хотел проучить, только и всего. И кто знает, может, потеряв не только покойную жену, но и дочь, Владимир Якович, наконец, образумится?

Лена может ночевать у нас

– Вова, милый, я ничего не слышу!!! – у Лены была настоящая истерика, и он в самом деле испугался. А когда она, цепляясь за него пальцами, стала оседать на пол, подхватил девушку и отнес на диван.

– Лена, что с тобой? – склонился он над ней и увидел ужас, который плещется в её глазах. – Лена...

Девушка в ответ только застонала, и тогда он выбежал в соседнюю комнату, чтобы позвать мать. Та разговаривала по телефону, что-то торопливо кому-то объясняя, и не заметила вошедшего сына.

– Мам! Что тут у вас случилось?

Тамара сказала в трубку ещё несколько слов, потом отключила вызов и повернулась к Владимиру:

– Ох, сынок, это я во всём виновата! Я и мой язык! Лена оглохла из-за меня.

Вова даже отшатнулся от матери:

– Погоди, этого не может быть! Да объясни же мне наконец!

– Ну ты же знаешь, как она всегда громко слушает музыку в своих наушниках. Даже я слышу эти завывания, и они меня очень раздражают. Я столько раз говорила Лене, чтобы она сделала потише, но ей же было всё равно. Сегодня случилось то же самое. У меня очень болит голова, и я попросила её

убавить звук, вот только твоя Лена совсем не отреагировала на меня. И я не сдержалась.

– Что ты сделала? – Вова с удивлением и испугом смотрел на плачущую мать. – Ударила её? Мама, ты понимаешь что ты натворила? Как ты посмела поднять на нее руку?

– Да что ты, что ты! – замахала на сына Тамара. – Ничего такого не было. Я просто рассердилась и сказала ей: "Чтоб ты оглохла!" Вот и всё! Как ты мог подумать, что я её ударила? Неужели ты совсем не знаешь меня?

– Ой, мама! – покачал головой Вовой и ушёл к своей невесте, а Тамара опустилась на диван, сложив на коленях руки.

Когда Вова только привёл свою девушку к ним домой, Тома не знала, что у них вполне серьезные отношения. Но когда они заговорили о свадьбе, сказала, что об этом им думать ещё рано.

– Вова, ты учишься на четвёртом курсе. Давай сначала ты окончишь институт, найдёшь себе работу, станешь самостоятельным. И ты, Лена, тоже пока ещё студентка. А семейная жизнь это не веселушки и покатушки, а взрослость и ответственность, которых у вас пока еще нет.

– Мам, я не хочу, чтобы Лена жила в общежитии. Там плохо, и я не чувствую себя спокойным, когда она там остаётся. Пусть она ночует у меня, ладно?

Тамара посмотрела на девушку и поджала губы:

– Если вы решили, что я разрешу вам съехаться, вы ошибаетесь. Лена может ночевать у нас, но только спать она будет

в отдельной комнате. На другое даже не рассчитывайте. Надеюсь, я понятно объясняюсь? Не хочу краснеть перед твоими родителями, Лена. Кстати, они знают, что ты собираешься жить у своего парня?

– Мне уже двадцать лет и я вполне взрослая. А родителей своих я не помню. Меня воспитывала только бабушка. Когда мы в прошлом месяце ездили ко мне домой, я там познакомилась с Вовой и он ей очень понравился.

– Мам, у Лены бабушка просто мировая. Я и не знал, что такие бывают.

– Спасибо, успокоили, – усмехнулась Тамара. – Даже легче стало. Да, и ещё. Раз уж ты собираешься оставаться у нас, тебе придется помогать мне вести хозяйство: стирать, убирать, готовить. В общем, репетировать семейную жизнь. Надеюсь, ты согласна.

Лена в ответ кивнула и улыбнулась. Она привыкла работать и совсем не боялась домашних дел.

Однако, когда уже на следующий день девушка приступила к уборке, произошло то, что очень удивило Тамару. Ей понадобилась помощь Лены и она позвала её к себе на кухню. Но девушка никак не отреагировала на её зов. Тамара позвала её снова и опять никакой реакции.

Тогда она выглянула из кухни и уставилась на свою будущую невестку:

– Лена! Эй, Лена, ты меня слышишь?

Тома не сразу заметила, что девушка в наушниках и

только когда подошла ближе, довольно-таки ясно различила ударники, рвущие маленькие динамики. Тамара коснулась плеча невестки и только после этого Лена выключила музыку:

– А? Вы что-то хотели?

Тамара кивнула:

– Да. Для начала не могла бы ты сделать музыку чуть потише? Это же очень вредно!

Лена равнодушно пожала плечами:

– Мне всё равно, я привыкла к громким звукам. Люблю, когда динамики работают на всю.

– Я тебя уже полчаса не могу дозваться, – начала сердиться Тамара на упертость девушки. – Когда ты одна, включай свою музыку, как хочешь. А когда мы все вместе дома, будь любезна, слушай её потише.

– А? – снова переспросила Лена.

И вот эта привычка раздражала Тамару больше всего. Она не один раз высказывала невестке, что та ведет себя как избалованный ребенок, и не хочет слушать умных советов взрослого человека. Но Лене и в самом деле было всё равно, она не собиралась менять свои привычки даже ради будущей све-крови.

И вот Тамара не выдержала и взорвалась:

– Да чтоб ты оглохла! – пожелала она невестке.

Лена вдруг обернулась и её глаза испуганно округлились.

– А? – привычно переспросила она Тамару, но ничего в

ответ не услышала, и только увидела, как шевелятся губы свекрови.

Лена схватилась за уши, выдернула наушники, подбежала к телевизору, сделала его погромче, но снова ничего не услышала.

– Что со мной? Что со мной? – кричала она и металась по квартире, но не слышала ни своего голоса, ни звука собственных шагов.

В это время домой вернулся Володя и, как только узнал о случившемся, набросился на мать с обвинениями:

– Разве так можно, мама? Что Лена сделала тебе плохого? Ну слушала она громко свою музыку, и пусть бы слушала! Её дело! А теперь что, она стала инвалидом? Мама, как я буду жить с ней? Я хочу нормальную девушку, мне не нужны те, у кого проблемы со здоровьем.

– Не надо, не надо! Не говори так! – Тамара умоляюще протянула к сыну руки. – Я всё исправлю. Я уже позвонила Константину Ильичу, это лучший в городе лор. Его номер мне дала моя подруга, Олеся. Он врач от Бога и обязательно поможет Лене. Кстати, он сейчас приедет.

– Ох, мама, мама! Ну зачем ты всё это придумала?

Тамара не выдержала и разрыдалась голос:

– Прости меня, сынок, я не хотела. Это всё мой язык! Я сама не знаю, что на меня нашло! Прости меня, прости, сыночек! Пойдём к Лене, я извинюсь и перед ней.

– Боюсь, что она не услышит твоих извинений, – прогово-

рил Владимир, направляясь вслед за матерью.

Лена лежала на диване и плакала. И только когда свекровь коснулась её плеча, девушка повернулась и посмотрела на неё глазами, мокрыми от слёз.

Тамара присела рядом и стала молча гладить её по голове. Она не представляла, как будет жить с мыслью о том, что из-за неё это симпатичная молодая девушка стала совсем глухой.

Лена снова уткнулась лицом в подушки и не повернулась на звук дверного звонка. А Володя вышел встретить гостя и уже через минуту в комнату вошёл пожилой доктор.

– Ну-с, что тут у вас произошло? – спросил он у Тамары.

Она начала торопливо объяснять ему, а он, слушая её рассказ, только качал головой:

– В моей практике впервые такое, – сказал он наконец. А потом повернулся к Тамаре и Владимиру: – Не могли бы вы оставить нас с Леной наедине?

Они переглянулись, кивнули и вышли. А ещё через пять минут к ним присоединился Константин Ильич.

– Забавно, забавно, – говорил он, потирая руки. – В моей практике такое в самом деле впервые.

– Что с моей невесткой? – спросила Тамара, вздрагивая от волнения.

– Ничего. В смысле, ничего страшного. Пока. Но если она и дальше будет слушать музыку на предельной громкости, барабанные перепонки могут не выдержать. На самом деле

их очень легко травмировать. Надеюсь, я сумел объяснить ей это.

– Объяснить? – удивилась Тамара. – Но как??? Она ведь ничего не слышит!

– Кто вам это сказал?

– Она са-ма... – проговорила Тома и вдруг вся краска бросилась ей в лицо: – То есть вы хотите сказать, что у неё со слухом всё в порядке?

– Вот именно! – подтвердил Константин Ильич. – Кстати, кто мне заплатит за ложный вызов?

– Давайте я! – предложил Володя, не желая оставаться в одной комнате с матерью. А она словно только сейчас заметила его:

– Ты знал?

– Мам...

– Ты знал!!! – закричала на него Тамара. – О, Господи, дай мне силы...

Она сама оплатила услуги Константина Ильича и проводила его до двери, а потом вернулась к сыну и невестке и сказала тихо:

– Вы оба! Собирайте свои вещи и выметайтесь отсюда прямо сейчас. Надеюсь, Лена, ты меня хорошо слышишь?

– Мы же пошутили, – виновато опустила глаза Лена. – Простите нас, мы больше так не будем.

– Мам, ну в самом деле. Извини. Признаю, шутка была глупой. Но мы не могли поверить, что ты всё восприняла

всерьёз.

– Да у меня чуть сердце не остановилось! – крикнула Тамара и сама стала бросать в сумку вещи сына. – Бессовестные! Я для них стараюсь, всё делаю! А они вон что выдумали!

– Ну мам!

– Вон, я сказала! Убирайтесь, чтобы духу вашего здесь не было!

Не поднимая головы, Лена быстро собрала свои вещи, Владимир подхватил обе сумки и они ушли, несколько раз обернувшись в надежде, что Тамара их сейчас пожалеет и вернёт. Но она осталась непреклонной и целый месяц не только сама не звонила сыну, но и не отвечала на его звонки.

И только однажды вечером, когда дома сидела у телевизора и смотрела какой-то сериал, щелкнул дверной замок и на пороге появились Владимир и Елена.

– Мы пришли мириться! – сказала девушка и протянула свекрови аппетитный пирог и шоколадный торт. А Володя подарил матери цветы.

– Можно мы войдем?

– Вообще-то, вы уже вошли, – усмехнулась Тамара. Она очень соскучилась за своими непутевыми детьми и была рада, что они решили первыми принести ей свои извинения.

– А это ещё не всё, – заявила Лена и, достав из кармана наушники, бросила их на пол и тут же раздавила ногой.

– Лена! – ахнула Тамара. – Они же такие дорогие.

– Не дороже вас, – улыбнулась невестка и обняла свою свекровь.

Не прячьте от меня сына

– Лиза! Лиза, немедленно открой дверь! Лиза, я не уйду!

Ты не имеешь права прятать от меня сына!

Громкий стук в дверь отвлек молодую женщину от приготовления завтрака. Лиза тяжело вздохнула и направилась в прихожую. На пороге стоял бывший муж, Аркадий

– Аркаша, чего тебе?

– Немедленно покажи мне Борю! Немедленно!

– Я его и не прячу. Проходи, он еще спит. Сегодня суббота, выходной, а ты ни свет ни заря стучишь. Только ребенка будишь.

Аркадий, не разуваясь, прошагал в детскую. Ругаться Лиза не стала – объяснять или говорить что-то бывшему мужу не имело смысла. Он все равно сделает ей назло.

Маленький Боря, услышав голос отца, мгновенно проснулся. Аркадий присел на краешек кровати, малыш моментально забрался к нему на колени и прижался к груди.

– Привет, сынок. Как у тебя дела?

– Папка, я так по тебе соскучился! Где ты был?

– Работал, Бориска. Как только освободился, сразу приехал к тебе. Давай просыпайся, умывайся, одевайся, завтракай и выбирай, куда мы с тобой пойдём сегодня.

– Папка, давай в аквапарк? Ты давно обещал меня туда сводить.

– Хорошо, сынок, аквапарк так аквапарк. Ты иди собираться, а мы с мамой пока пойдем на кухню.

Лиза, присутствовавшая при этом разговоре, не произнесла ни слова. Молча вышла из детской и пошла к плите – овсяная каша, наверное, уже подгорела.

– А у тебя, Лиз, как дела?

– Да нормально дела, Аркаша, твоими молитвами. Раз ты почтил нас своим присутствием, значит, бросила тебя эта твоя кукла Барби?

– Ничего подобного. Не бросала она меня. Это я от нее ушел! Пустая она какая-то, неинтересная. Даже поговорить не о чем. А ты нашла себе кого-нибудь?

– У меня нет на это времени, Аркадий. Я, как ты сам знаешь, все время работаю, чтобы содержать нашего – общего, между прочим – сына. Ты же, когда заводишь отношения, о ребенке забываешь. Когда последний раз ты его видел?

– Ой, не начинай. Я же сказал – Вероника тут ни при чем. Я работал, был занят, поэтому и не приезжал.

– И алименты, которые ты обязан платить по мировому соглашению, тоже по этой причине почти два месяца не поступали?

– Я сегодня же отправлю тебе эти деньги. На карту переведу, чтобы тебе удобнее было. Может, сходим вечером куда-нибудь втроем?

– Нет, это без меня. У меня на работе аврал, вечером буду делать отчет. Да и проходили мы уже эти совместные про-

гулки – ничем иным, как ссорой, они не заканчиваются.

Боря вбежал на кухню с мокрым лицом, вытер руки о мамино фартук, подскочил к отцу и сел к нему на колени.

– Пап, я готов! Пошли мам, собери мне, пожалуйста, плавательную сумку.

– Никуда вы не пойдете, Борис Аркадьевич, пока не позавтракаете.

Проводив бывшего мужа и сына в аквапарк, Лиза включила телевизор, достала коробку со спицами и пряжей, решив немного отдохнуть. Пальцы шустро двигали спицами, а голова была занята мрачными мыслями. Лиза подумала, что Аркадий ей смертельно надоел.

Еще во времена их короткого брака женщина постоянно боролась с уступчивостью мужа. Аркаша больше половины зарплаты регулярно раздавал друзьям и коллегам в долг. Получал он на тот момент отлично, им хватало.

Лиза рано вышла на работу. Воспитывать Борьку помогала ее мама. Когда ребенку исполнилось пять лет, и Лиза стала финансово независимой, она без зазрения совести выгнала Аркашу к матери.

Раньше со свекровью отношения были плохие, но после развода Лиза стала просто золотой невесткой. Полгода Пелагея Александровна обрывала ей телефон, приходила на работу и домой, требуя вернуться к ее сыну. Лиза осталось непреклонной (о чем, собственно, ни разу не пожалела), и со временем свекровь смирилась.

Единственная проблема, которая мешала жить Лизе в разводе – бывший муж. Как только у него на личном фронте случался простой, Аркадий превращался в идеального отца. Он два-три раза в неделю приходил к сыну в гости, часто оставался у них ночевать, возил Боря на аттракционы, в кафе, брал с собой на рыбалку и в походы.

Если же у него на горизонте появлялась женщина, Аркадий мгновенно забывал о ребенке. Алиментов Лиза не видела месяцами. Боря часто плакал, скучал по отцу и не понимал, почему тот к нему не приходит.

Лиза заметила, что у сына стали вырваться страшные фразы: он винил себя в разводе родителей. В такие моменты женщина старалась успокоить малыша, отвлечь его от грустных мыслей. Раз Аркадий сегодня появился у них дома – его снова бросила женщина.

Из аквапарка Боря приехал в отличном настроении. Аркадий поужинал с сыном, немного с ним поиграл и уехал к себе, пообещав через несколько дней снова приехать в гости. Уже засыпая, Борис продолжал делиться с мамой впечатлениями о сегодняшнем походе в развлекательный центр.

– Знаешь, мам, когда в аквапарке скатываешься с горки, тебе навстречу выпрыгивает большой и страшный динозавр и хочет тебя съесть. Но я не испугался, пулей мимо него пролетел!

– Молодец, сынок. Я знаю, что ты у меня смелый. А к бабушке не езжали?

– Нет. Папа сказал, что сегодня бабушка на даче. Поедем к ней в следующий раз. Мам, а папа к нам не вернется?

– Ложись спать, сынок. Завтра у нас с тобой будет сложный день. Помнишь, ты мне обещал помочь с уборкой?

– Конечно, помню, мама. Только ты обязательно меня разбуди, сама ничего не делай!

Ночью Лиза долго не могла уснуть. Ей до слез было жаль сына. Женщина видела, как он тянется к отцу. Когда Боря плакал от тоски по папе, Лиза была готова прибить бывшего мужа. Неужели его не трогают слезы сына? Неужели какие-то женщины для него дороже?

Аркадий снова приехал утром. Велел Лизе и Борису быстро собираться – они едут на один день в лес, на пикник. В программе были заявлены шашлыки, подвижные игры (Борька тут же схватил футбольный мяч и ракетки для бадминтона) и сбор ягод. Лиза хотела было отказаться, но сын так жалобно посмотрела на нее, что пришлось согласиться.

Выходной день прошел замечательно. Они много времени провели втроем. Аркадий даже перестал раздражать Лизу. Он был таким же открытым, как и в первый день их знакомства. Подъезжая к дому, Аркадий остановился у небольшого магазинчика во дворе, дал Боре мелочи и отправить его за мороженым. Сам же развернулся к Лизе и произнес:

– Ты подумай... Я ведь никогда тебе не изменял. Давай попробуем сойтись хотя бы ради сына?

– Я подумаю над этим. Аркаш, главное ты почаще приез-

жай к Боре. Он очень по тебе скучает, ты ему нужен.

– Хорошо, Лиза. Я приеду во вторник, поужинаю с вами.

В понедельник Лиза спешила на работу – Боря проспал, в школу они опоздали. День выдался суматошный: приехали проверяющие из головного офиса и затребовали отчетность за прошедший квартал. Домой Лиза вернулась поздно. Боря к этому времени сам сделал уроки, вымыл посуду и даже приготовил яичницу.

– Мам, завтра папа придет. Ты ему обещала вкусный ужин.

– Да я помню, сынок. Завтра заскочу после работы в магазин, куплю что надо, и мы вместе его приготовим, хорошо?

– Ты подумай, мам. Может быть, вернешь папку?

– Я подумаю, сынок.

Утром Лиза проснулась в отличном настроении. На работе завала не ожидалось, поэтому освободилась она раньше обычного. Весь день она ловила себя на мысли, что ждет вечера. Ей хотелось снова увидеть Аркадия – сейчас Лиза почему-то поверила в искренность бывшего мужа.

Забежав после работы в магазин, женщина отправилась домой. Борька навел порядок в квартире, отварил яйца на салат и нарезал хлеб. Вместе они запекли мясо в духовке, накрыли на стол и стали ждать Аркадия.

Но бывший муж ни в восемь, ни в девять, ни в десять не появился. Телефон у него был отключен. Лиза даже позвонила Пелагее Александровне. Свекровь еще не приехала с

дачи и ничего о местонахождении сына не знала.

Борька расстроился и расплакался. Кое-как успокоив ребенка, Лиза отправила его спать. Сама же принялась мыть посуду. Ночью ей пришло СМС-сообщение с текстом «Абонент появился в сети». Разозлившись, Лиза набрала знакомый номер. На том конце трубки ей ответил женский голос:

– Алло. Ты кто, что надо?

– Позовите, пожалуйста, Аркадия Владимировича.

– А кто его спрашивает?

– Меня зовут Лиза.

– А, это ты. Слушай, как ты нам уже надоела! Опять денег будешь просить? А нет у него денег – он мне сегодня колечко в честь примирения купил! И не звони сюда больше.

Лиза положила трубку. Никакого желания ввязываться в словесную перепалку с очередной пассией бывшего мужа у нее не возникло. Лиза закрыла глаза и постаралась уснуть.

Обида на бывшего мужа не давала Лизе спокойно работать. Зная, что сейчас он один, женщина набрала номер. Ответил Аркадий.

– Извиниться не хочешь?

– За что?

– За то, что снова пообещал сыну и не приехал!

– У меня дела возникли. Я что, должен по первому твоему требованию срываться и бежать, выполнять твои прихоти?

– Ты выполняешь прихоти своей Вероники! Тебя никто ни о чем не просил! Ты сам пообещал сыну приехать на ужин

и в очередной раз променял его на «пустышку» по твоим же словам!

– Не надо оскорблять Веронику! Я ее люблю. Она мне говорила, что ты ночью звонила. Прекрати меня беспокоить так поздно. Кстати, в этом месяце денег не жди. Лишних у меня нет.

– Аркадий, имей совесть. Три месяца ничем не помогал сыну. Июль на исходе, а последний перевод от тебя был в апреле! Ты же его отец!

– А ты его мать. Ты имеешь такие же права и обязанности, что и я. Вот и покупай ему то, что он просит. Или ты думаешь, я Борьку один буду на горбу тянуть? Нет уж! Вероничка беременна, у нас свадьба скоро. Ты хоть представляешь, какие это расходы?

Лиза положила трубку и почувствовала облегчение – наконец-то она полностью отпустила бывшего мужа. В ее душе больше ничего теплого к нему не осталось. Нужно только как-то уберечь Бориса от этой новости.

Всю последующую неделю Аркадий о себе не напоминал. Сын часто плакал, снова винил себя, отказывался от еды и запирался в комнате. Позвонила Пелагея Александровна, попросила привезти внука на выходные. Она была не в восторге от выбора Аркадия и, узнав новость о предстоящей свадьбе, была невероятно зла.

Лиза полчаса выслушивала оскорбления в адрес бывшего мужа и его новой жены. Пелагея Александровна сказала, что

ноги ее не будет на торжестве и ребенка от этой авантюристки она не примет. Чтобы доказать серьезность своих намерений, бабушка собиралась квартиру и дачу подарить Боре. Оформление бумаг она наметила на сентябрь – как раз ко дню рождения внука.

Лиза обещала привести Борю к Пелагее Александровне. Бабушка хотела сходить вместе с внуком в зоопарк. Лиза отвезла сына к бывшей свекрови в пятницу.

Суббота прошла спокойно – женщина весь день занималась домашними делами и отдыхала перед телевизором. В воскресенье утром Лизу разбудил телефон. Звонила перепуганная Пелагея Александровна – она сообщила встревоженной невестке плохую новость. Борька пропал.

Лиза накинула халат, выскочила из дома в тапочках, поймала такси и помчалась к бывшей свекрови. В квартире стоял запах «Валокордина» – недавно от Пелагеи Александровны уехала бригада скорой помощи.

Старушка плача рассказала, что вчера без приглашения и предупреждения в гости к ней заявился Аркадий со своей бессовестной Вероникой. Боря, увидев отца, обрадовался.

Аркаша, не обращая внимания на сына, стал просить у матери разрешение отметить свадьбу у нее на даче. Вероника язвительно захихикала, когда Боря спросил у папы, кто эта женщина. Аркадий ответил: «Твоя новая мама».

Борька, заревев, убежал в другую комнату. Пелагея Александровна взапой вытолкала сына и его Веронику из дома.

Внука вроде бы успокоила и уложила спать. А утром выяснилось, что он пропал.

Лиза чуть в обморок не упала. Решили вызывать полицию, что женщины и сделали. Весь день мальчишку искали по городу. Пелагея Александровна держалась из последних сил, пришлось несколько раз снова вызывать скорую.

Вечером мальчика привез сосед бабушки по даче. Он нашел ребенка на берегу реки, там, куда Аркадий обычно возил его на рыбалку. Лиза забрала сына домой.

Они долго говорили: женщина пыталась объяснить ребенку, что он не виноват в поведении отца. Мол, так бывает, что взрослые люди иногда расстаются, заново женятся и выходят замуж. Лиза пыталась донести до сына, что Аркадий навсегда останется ему родным. Борька спал в ту ночь плохо, постоянно просыпался, всхлипывал и вздрагивал во сне.

Лиза приняла непростое для себя решение – она уехала из родного города. Пелагея Александровна, как и обещала, переписала все свое имущество на внука.

Аркадий, узнав об этом, показал свое истинное лицо – пытался возбудить уголовное дело против бывшей жены по статье «Мошенничество». Он искренне полагал, что Лиза обманом заставила мать лишить его наследства. Но ничего у него не вышло.

Три складки на животе

Наташа познакомилась с будущим мужем благодаря своей рассеянности. История их семейной жизни началась с того, что Наташа в камере хранения оставила рюкзак. Не заметив, забрала пакет с покупками и ушла. И только уже дома вспомнила о рюкзаке. «А я-то иду и думаю: чего же не хватает? Хорошо, хоть кошелек сунула в карман куртки».

Наташа была оптимисткой – даже из сложной ситуации она всегда находила выход. На рюкзаке висел брелок с адресной биркой. На то, что кто-то принесет забытую вещь ей домой, Наташа не надеялась. Решила завтра зайти в этот магазин – вдруг камеру хранения еще не проверяли служащие торговой точки? От мрачных мыслей ее отвлек звонок в дверь.

– Девушка, простите, это ваш рюкзачок?

– Мой! А вы его где взяли?

– Да я видел, как вы положили рюкзак в камеру, а уходя, забыли его забрать. Хотел догнать, но не успел – вы слишком резко прыгнули в уже отъезжавший автобус. Адрес на брелке подсмотрел и вот...

– Спасибо вам большое! Вы меня просто спасли!

Наташе внезапно стало стыдно. Мало того, что она, растяпа, забыла свою вещь в магазине, так еще и заставила бедного парня тащиться к ней две остановки. Интересно, зачем

ему это надо было? Неужели понравилась? Стараясь скрыть неловкость, Наташа пригласила нового знакомого попить кофе. Вот так и началась их история любви.

Максим в свои двадцать три года был уже вполне самостоятельным. Он работал, жил отдельно от родителей в квартире, доставшейся ему от бабушки. Максим не пил, не курил, избегал сомнительных знакомств.

Наташа ему приглянулась сразу, еще в магазине. В розовой дутой куртке она напомнила ему румяную, сдобную булочку.

Странно, но до встречи с Наташей Максиму нравились исключительно стройные высокие девушки. Ухаживал он за ней по нынешним меркам довольно долго – предложение жить вместе Наташа приняла только через восемь месяцев.

В серьёзности намерений Максима девушка была уверена. Единственное, что её смущало – любимый ни разу не предложил ей познакомиться со своими родителями. Наташа, конечно, знала, что у него есть мать, Антонина Федоровна и отец, Илья Сергеевич. Про бабушку Максим тоже рассказывал: именно она его вырастила, пока родители занимались карьерой.

Семья даже для Москвы считалась зажиточной, но финансовой помощи молодой человек от близких родственников не принимал, всего добивался сам. С мамой Наташи, Мариной Григорьевной, Максим был в прекрасных отношениях.

Отец девушки, к сожалению, до бракосочетания дочери

не дожил. Когда уже назначили дату свадьбы, Наташа поставила вопрос ребром:

– Максим, твои родители вообще знают о моём существовании?

– Конечно, знают, милая. Они будут у нас на свадьбе.

– Почему же ты нас не знакомишь заранее?

– Тут есть небольшая проблема...

Наташа прижала любимого к стенке и буквально вынудила его рассказать правду.

Оказалось, Антонина Фёдоровна всю свою жизнь отдала сцене. Кроме Максима, детей в семье не было – женщина очень боялась испортить фигуру. Уже после рождения ребёнка Антонина села на жёсткую диету, чтобы как можно быстрее вернуться в театр, где она была ведущей балериной.

– Малыш, понимаешь... По опыту ее прошлого образа жизни, мама не очень любит полных людей. Я не хотел вас заранее знакомить, чтобы не портить тебе настроение. Я тебя уверяю, что сделаю все для твоего спокойствия.

– Да ладно, Максим, я выдержу любые нападки. Я тебя люблю, мне с тобой жить всю жизнь, поэтому придется смириться и с вредной свекровью.

На том и порешили.

На свадьбе Антонина Фёдорова недовольства не показывала. Она была приветлива с гостями, улыбалась невесте и охотно фотографировалась с молодоженами.

Проблемы в семье Наташи и Максима начались уже по-

сле медового месяца, когда молодые вернулись из Турции в Москву. Антонина Федоровна потребовала немедленно переехать к ней.

Даже Максим, отлично знающий маму, удивился ее упорству:

– Мама, ты до свадьбы обещала не лезть в нашу семью. Что за напор?

– Максим, мне тяжело одной справляться с хозяйством. Квартира большая, требует регулярной уборки и ухода. Папу ты знаешь, он привык на обед получать минимум два горячих блюда. Прислуге я не доверю готовить еду, а у меня самой болят ноги. Наташенька молодая, энергичная. Неужели вам сложно мне помочь?

– Мы не хотим стеснять тебя, мама. Я же знаю, что ты терпеть не можешь скопления народа. А к нам часто приходят друзья, мы играем в настолки. Предлагаешь нам каждый вечер проводить за просмотром твоих любимых «мыльных опер»?

– Ну что ты, сынок. Я не против гостей. Пусть приходят хоть каждый вечер.

В этой ситуации Наташа встала на сторону свекрови. Она знала о профессиональных заболеваниях балерин и пожалела Антонину Фёдоровну. Посоветовавшись, Максим с Наташей переехали к родителям.

Квартира действительно была огромной: три спальни, гостиная, кухня, столовая, два санузла и отдельная ванна еже-

дневно требовали тщательной уборки. Наташа работы не боялась, поэтому с бытом справлялась легко.

Споры у свекрови и невестки возникали только по поводу еды. Наташа знала о вкусовых пристрастиях мужа и практически каждый день пекла ему ватрушки, пирожки, круассаны.

Антонина Фёдоровна была категорически против нездоровой пищи. Она не употребляла ничего, кроме отварных овощей, куриной грудки и свежих фруктов. Раз или два в неделю бывшая балерина позволяла себе немного гречи. Каждое утро ела овсянку, приготовленную по особому рецепту. При виде того, как Максим за обе щёки уплетает вредную еду, матери становилось плохо.

– Сынок, ты хочешь моей смерти? Куда ты столько ешь? Ты знаешь, что ожирение может стать причиной заболеваний сердца и сосудов? А ты тащишь в рот уже пятый пирожок!

– Мама, пожалуйста, оставь меня в покое. Я с работы, голодный, весь день, как савраска, мотался по городу. Все калории, которые я наедаю за обед и ужин, сгорают в тот же день. Ты же знаешь, какая у меня работа вредная и нервная.

– Наташа, прекрати закармливать Максима! Почему ты не готовишь ему утром кашу? Какие могут быть бутерброды с маслом или майонезом? Что за безобразие?

Наташа только молча улыбалась в ответ на ворчание свекрови. Она старалась не обращать внимания, не хотела конфликтовать с пожилой своенравной женщиной.

Видя, что намеков невестка не понимает, свекровь перешла к более активным действиям.

Антонина Федоровна в присутствии Наташи стала постоянно разговаривать с подругами и обсуждать знакомых с лишним весом. Говоря гадости про очередную полную женщину, бывшая балерина искоса поглядывала на невестку, пытаясь угадать ее реакцию. Наташе, по большому счёту, было всё равно. На болтовню она не обращала внимания.

Потом в ход пошла тяжёлая артиллерия. Антонина Фёдоровна стала постоянно напоминать Максиму о его бывших девушках, которые, по ее мнению, были красивее и стройнее Наташи.

– Максим, сегодня видела Мариночку. Такая стала красавица: худенькая, высокая, фигурка точеная. Кстати, она послушалась моего совета и стала регулярно крутить хулахуп. Ее талию теперь можно двумя пальцами обхватить.

– Ага, понятно.

– Она тебе привет передавала. Очень расстроилась, когда узнала, что ты женился. Ты ведь мне так и не рассказал, почему вы тогда расстались.

– А что же ты об этом не спросила у Марины?

– Да как-то неудобно. Не хотела беречь раны бедной девочке.

– Мама, Марина пила, как лошадь, и каждую ночь таскалась по клубам. Вот скажи мне, зачем тебе нужна такая невестка?

Антонина Фёдоровна поджала губы и замолчала. Наташе впервые стало неприятно. Теперь девушка начала понимать, почему Максим так долго не хотел знакомить её со своей мамой, но и своих позиций сдавать Наташа не собиралась. Она не позволит свекрови разрушить её брак.

Через две недели после этого разговора Антонина Фёдоровна дождалась, пока Максим уйдёт на работу. Бывшая балерина попросила Наташу зайти к ней в комнату. Когда невестка вошла и прикрыла за собой дверь, свекровь грубо, приказным тоном, велела ей сесть в кресло:

– Раз, два, три... Три складки на твоём животе. Тебе самой приятно иметь такую фигуру?

– Антонина Фёдоровна, я, если можно так выразиться, сторонница бодипозитива. Я считаю, что человек волен любить себя таким, каков он есть. Худеть ради кого-то? Зачем? Максим меня любит такой, какая я есть. Этого вполне достаточно.

– Да надо мной все подружки смеются! Посмотрите со стороны, как вы рядом смотрите. Высокий красивый парень рядом с какой-то замарашкой! Да тебя соседи за глаза вообще Фионой называют!

– Пусть болтают, Антонина Фёдоровна. Ещё раз повторю: я не гонюсь за модой. Мне комфортно в моём весе. Извините, я пойду заниматься домашними делами. Спасибо за заботу.

Наташа встала и тихо вышла из комнаты свекрови.

Антонина Фёдоровна была в ярости. Ни один из «разрешенных» методов не дал результата. Ей даже поссорить Максима с Наташей не удалось, не говоря уже о разводе. Бывшая балерина прекрасно знала своего сына – он никогда не пойдёт на встречу с другой девушкой ни под каким предлогом, поэтому подстроить липовое свидание не получится.

На пыль в доме он вообще не обращает внимания, да и пыли-то нет – Наташа каждый день проводит влажную уборку. Но избавиться от этой невестки требовалось немедленно.

Антонина Фёдоровна даже любимые театральные постановки после свадьбы сына посещать перестала. Ей казалось, что богема посмеивается над ней. Как это у балерины, звезды театра, невестка похожа на поросенка? Антонина Фёдоровна решила использовать запрещённый приём.

За час до обеда бывшая балерина вышла на кухню и изобразила недомогание:

– Наташа, что-то мне плохо. Давление, наверное, поднялось...

– Антонина Фёдоровна, может быть, вам лекарство принести?

– Придётся тебе бежать в аптеку: дома моё лекарство уже закончилась. Деньги-то дать? Своих, наверное, нет? Ты же не работаешь.

– Спасибо, Антонина Фёдоровна. У меня деньги есть. Вы прилягте, расслабьтесь, я скоро вернусь.

Наташа наскоро переобулась и выскочила из квартиры.

Антонина Фёдоровна открыла холодильник, достала большой мусорный пакет и выбросила туда всё, что посчитала вредным. Колбаса, сыр, сгущённое молоко, конфеты, остатки торта – всё отправилось на помойку.

На полках остались лежать фрукты, овощи и немного обезжиренного творога. В борщ, любовно приготовленный Наташей, Антонина Фёдоровна добавила шесть столовых ложек соли. Закрыла крышкой кастрюлю, немного подумала, снова её открыла и щедро плеснула в уже испорченное блюдо уксусную эссенцию.

Шарлотку посыпала содой. Пусть Максим думает, что его криворукая жена перепутала упаковки, взяв вместо сахарной пудры соду.

Вернувшаяся из аптеки Наташа застучала свекровь с поличным. Она снова не стала выяснять отношения, просто выбросила испорченную еду и приготовила новую.

Когда Антонина Фёдоровна поняла, что провокация опять не удалась, её чуть удар не хватил. Через знакомых бывшая балерина достала сильнодействующее средство, с его помощью можно было сбросить пятнадцать-двадцать килограмм за неделю. О противопоказаниях и побочных эффектах женщина, которая продавала эти препараты, скромно умолчала.

Антонина Федоровна стала потихоньку подсыпать порошок Наташе в питье. К счастью, ей не пришлось травить мужа и сына. Каждое утро и вечер невестка пила свежесжаренную

тый яблочный сок. Максим и Илья Сергеевич его не любили.

Самочувствие Наташи быстро ухудшалось. Проснувшись однажды, девушка почувствовала легкое недомогание. Позже к нему добавилось головокружение и тошнота. В этот момент девушка подумала, что отравилась.

Через три дня Наташа уже с трудом вставала с постели. Максим всерьёз беспокоился здоровьем жены. И даже Илья Сергеевич заметно нервничал. Одна Антонина Фёдоровна сохраняла спокойствие. Про себя бывшая балерина радостно отмечала, что бока противной невестки действительно уменьшились.

Наташу мучили боли в области желудка и частое мочеиспускание. Девушка начала подозревать свекровь.

Через неделю Максиму пришлось вызывать скорую – Наташа потеряла сознание. Медики экстренно госпитализировали девушку. В крови у нее был обнаружен «коктейль» из сильнодействующих веществ, оказывающих мочегонное и жиросжигающее действие.

Поговорив с лечащим врачом, Максим сопоставил факты и все понял. Он поехал домой, по дороге позвонив отцу и попросив срочно приехать.

Перед сыном и мужем Антонина Фёдоровна отпираться не стала, сказав, что ей физически неприятно каждый день смотреть на безобразное тело невестки. Если та не похудеет добровольно, всё равно найдётся способ либо подогнать её под идеальные параметры, либо выжить из семьи.

В итоге бывшую балерину поместили в психиатрическую клинику. Антонина Фёдоровна пробыла там довольно долго, три месяца. За это время Максим с выздоровевшей Наташей переехали.

Интересно, что Илья Сергеевич тоже отказался жить с душевнобольной. Он нанял для жены сиделку, а сам съехал из квартиры.

Известная блогерша

Алина готовилась ко дню рождения мужа и хотела купить к столу его самые любимые вкусности. Взяв с собой годовалого сына и подругу Иру, которая ждала малыша, она отправилась в ближайший магазин за продуктами.

В супермаркете Алина отдала коляску Ире, сама взяла тележку и принялась ходить между полок, внимательно выбирая продукты. В отделе с печеньем стояли две тучные дамы, перегорев своиими телегами проход. Они о чем-то оживленно болтали, иногда громыхая пугающим утробным смехом.

– Разрешите? – Алина постаралась привлечь внимание женщин, но они ее словно не слышали.

Девушка не хотела обходить целый отдел вокруг, чтобы протиснуться к полке, находившейся в двух шагах от нее, но по ту сторону злосчастной тележки. Поэтому она попросила настойчивее:

– Извините, можно пройти?

Нет ответа.

– Уважаемые, могли бы вы убрать свои тележки, пожалуйста? – сказала она чуть более резким тоном, но дамочки не удостоили ее своим царским вниманием. Это было их барское место, которое они ни с кем делить не собирались.

– Давай обойдем, быстрее будет. За такой толстой броней,

наверняка, плохо слышно! – Подруга окинула массивные тела теток злобным взглядом и развернула коляску в другую сторону.

«Не стоит тратить нервы на такую ерунду», – вздохнула Алина и вдохновенно упорхнула меж полок. Она не хотела ни с кем ссориться, ее мысли были заняты лишь тем, какой впечатляющий праздник она устроит, и как будет счастлив ее муж.

Подружки обошли стеллаж с другой стороны, весело обсуждая акции в детских магазинах. Алина давала советы: какие вещи лучше купить сразу, а с чем повременить, что обязательно нужно малышу, а что может оказаться пустой тратой денег. Они уже и думать забыли о тех невоспитанных женщинах, что стояли совсем недалеко от них, как вдруг услышали шум.

– Эй, алё, там кто-нибудь есть? – крикнула девчонка-подросток помахав рукой перед самым лицом тех самых хамок.

Женщины, очевидно, игнорировали буквально всех, нагло наплевав на общественные нормы и банальное воспитание. Они не ответили даже заезженное «не трамвай – объедешь». Не добившись от них реакции, девочка оглянулась по сторонам, посмотрела на Алину, будто оценивая ситуацию и рассчитывая траекторию, и изо всех сил пнула тележку. Та покатила и с грохотом врезалась в колонну.

– Эй, малолетка! Ты что делаешь? – одна из женщин, наконец, обернулась, а ее рот, густо накрашенный бледной пер-

ламутовой помадой, сжался в тонкую нитку.

– «Оно живое»! – наиграно вскрикнула девочка. – А я думала, вы тут для украшения стоите.

– Ты совсем обнаглела? Кто тебе позволил пинать чужие тележки? Ну-ка быстро прикатила обратно!

– Я обнаглела? Может, это я в общественном месте баррикад понаставила?

– Кати ее сюда! Быстро! – гаркнула одна из теток, и лицо ее побагровело.

– А самой-то никак? Или проход в бедрах узковат?

Ира сдавленно хихикнула, но потом одернула себя, боясь привлечь внимание.

Дамочка, и без того напоминавшая бочку, казалось, от негодования раздулась еще больше, пунцовые щеки заблестели, и будто бы даже вены на висках проступили.

– Да как ты смеешь, грубиянка? Это мать тебя научила таким словам? Отлупить бы вас обеих за такое воспитание!

Она разразилась праведным гневом, ругая девочку, ее маму, а заодно всех детей и родителей планеты, систему образования и вообще весь мир. Обе тетки еще долго ругались на весь магазин, брызжа слюной. Девочка же смотрела на них, а в глазах ее все ярче сверкали ненависть и отвращение.

Алина в ужасе застыла. Ей было непонятно, откуда в людях столько злобы, тем более, когда они сами неправы. Она сложила товары в тележку и подошла ближе, чувствуя, что обязана вступить за подростка.

– Что вы себе позволяете? Вы же взрослые люди! Вы пример должны подавать детям, а не издеваться над ними. Отстаньте от девочки. Просто заберите свою тележку, и конфликт исчерпан.

Тетка зыркнула на молодую маму и ее беременную подругу и недовольно цокнула.

– Ха, еще одна. У тебя такое же убожество вырастет, как это! – Она ткнула пальцем в подростка, которого до этого поливала грязью.

Обе женщины снова разразились ругательствами, теперь еще и в адрес Алины, Иры и их детей. Малыш в коляске от разразившегося шума проснулся и отчаянно разревелся. Мама взяла его на руки и старалась успокоить. Вокруг собрались зеваки, наблюдали за происходящим и возмущенно перешептывались. Никто из них не хотел вступать в конфликт, чтобы не получить свою порцию отборных ругательств.

– Что здесь происходит? – прогремел властный мужской голос, и зеваки расступились.

Мужчина лет тридцати с бейджиком администратора подошел к полю битвы и пристально всех оглядел. Кто-то из толпы навис над его ухом и что-то прошептал.

– Это недопустимо! Как вы смеее так себя вести?

– А тебе не все равно? Иди по своим делам! – гаркнула тетка.

– Я не позволю хамкам унижать в нашем магазине людей.

Покиньте, пожалуйста, помещение.

– Еще чего! Где хочу находиться, там и буду. Ничего ты нам не сделаешь, сосунок.

– Или вы уходите добровольно, или я вызываю полицию, и мы составляем протокол. На парочку штрафов вы тут уже наговорили.

– Да как ты смеешь? Я все твоему начальству расскажу, и тебя мигом уволят. Думаешь, форму нацепил, и имеешь право командовать? Да ты хоть знаешь, кто я?!

– Слава богу, нет.

– Да я известная блогерша! Все сто тысяч моих подписчиков узнают, какой у вас отвратительный магазин. Попрошу их еще и друзьям и родственникам открыть глаза на ваше хамское отношение к покупателям! И никто в ваш сарай больше не придет! – кричала женщина.

– Если хотя бы вы сюда больше не придете, уже будет хорошо, – вставила свои пять копеек девочка, и люди бодро заплодировали.

Толпа начала ругать теток и прогонять их из магазина. Ребенок все еще плакал. Какофония стояла такая, что голова разрывалась.

– Да я такого про ваш магазин расскажу, что все ваши покупатели навсегда разбегутся! А конкурентов-то вокруг много. Так что вы со мной повежливей.– И она самодовольно повела нарисованными бровями.

– Замечательно. Тогда по закону о клевете вы нам запла-

тите пару миллионов за испорченную репутацию юридического лица. Еще раз прошу покинуть магазин. – Администратор указал на выход. – Не заставляйте меня вызывать полицию.

Женщины гневно переводили глаза с администратора на школьницу, с Алины на толпу. Казалось, они вот-вот лопнут от негодования. Одна из них, издав невнятное пыхтение, пнула вторую тележку и горделиво направилась вон. Телега въехала к стеллаж, тот чуть качнулся, и люди в страхе отступили.

С полок упало несколько коробок дорогих пряников, но больше потерь не было.

Люди возмущенно качали головами, перешептывались и начинали расходиться. Шоу закончилось. Алина успокоила сына, они с Иррой докупили оставшиеся продукты из списка и поспешили домой. Настроения прогуливаться по супермаркету больше не было. Дома они еще долго обсуждали этих самовлюбленных истеричек, попортивших нервы стольким незнакомым людям.

– Господи, как же тяжело, наверное, в таких местах. Менеджер молодец, уладил проблему как полагается. – Ира вздохнула и устало приземлилась на диван.

– И не говори. Нервы железобетонные нужны, чтобы с людьми работать. Прикинь, сколько таких ненормальных приходит. Или бомжей каких-нибудь, воров и все такое.

– Я бы не смогла так работать.

Через пару дней Алина зашла в тот самый супермаркет, купить торт к празднику. Она уже стояла на кассе, когда услышала знакомый голос, извергавший ругательства. У девушки желудок в комок сжался, словно она опять оказалась в тот злосчастный день между полок с печеньями и выслушивала в свой адрес все гадости мира.

Она поискала источник звука. Одна из тех самых женщин стояла у входа в магазин, а дорогу ей перегородил директор. Женщина ломилась внутрь, пытаясь снести его своим телом и протиснуться в магазин, но мужчина ее не пропускал, припоминая недавний инцидент.

– Да как ты смеешь? Где это сказано, что ты имеешь право не пускать меня? Я клиент и плачу тебе свои кровные деньги!

– Вы потревожили покупателей, оскорбляли проходивших мимо людей, испортили имущество магазина. Скажите спасибо, что мы заявление на вас писать не стали. Хотя следовало. Может, хоть тогда вы бы научились вести себя с людьми.

– А вы испортили мне настроение! Пустите, а то я буду жаловаться, куда следует, чтобы вас научили, что клиент всегда прав. Или клиентоориентированность – совсем не ваш конек?

– Как раз таки наш, именно поэтому мы вас и не пускаем. Слава богу, вы уже не наш клиент. Сами уйдете, или мне все же вызвать полицию?

Тетка отступила и зыркнула на него, будто желала уку-
сить, но не решалась.

– Я еще вернусь. С Роспотребнадзором вернусь!

Лицо мужчины исказилось. Он уже едва сдерживал
злость. Алина представила, как же сильно ему хочется при-
стукнуть эту ведьму. Она и сама бы с радостью это сделала
за все отвратительные слова, что извергала тетка.

– Уважаемая, если я еще хоть раз увижу вас или вашу по-
другу возле моего магазина, я повешу ваши портреты на дос-
ке позора на входе. Рядом с табличкой «с собаками вход вос-
прещен».

Продавцы на кассе откровенно засмеялись, даже не пы-
таясь сдерживаться. Смутьянка это заметила и хотела было
что-то ответить, но директор продолжил:

– И клянусь, я напишу на вас обеих заявление за порчу
имущества. У нас есть записи с камер, и тот товар, что вы
испортили, угрюмо лежит на складе и жаждет возмездия. Ну
что? Есть еще желание поперекаться?

Женщина фыркнула, задрала нос и, развернувшись на
неуклюжих каблуках, гордо зашагала прочь. Продавцы и по-
купатели аплодировали и пели дифирамбы директору-побе-
доносцу, избавившему супермаркет от двух мерзких Горгон.

Тетки больше ни разу в этом месте не появлялись. Жаль
только, что они так и не поняли, насколько неправильно по-
ступали. Зато сами себе они, видимо, казались самыми бла-
гочестивыми и справедливыми нимфами этого прогнившего

мира.

Кружевные веревочки

– Кто так вещи складывает? – возмущалась Таисия Петровна, выгребая из ящика стопки сложенного белья.

Ирина стиснула зубы и кулаки, чтобы сдержаться, проговаривая про себя: «Это ненадолго, она скоро уйдет, потерпи», но мантра помогала всё меньше. И когда драгоценная свекровь с победоносным видом расправила старую рубашку Володи, и ткнула невестке под нос со словами: «Посмотри, как ты хорошую вещь испортила!», Ирина не выдержала.

Она выдернула у свекрови из рук злополучную рубашку, с трудом сдержавшись, чтобы не хлестнуть ею старуху, и завопила:

– Подите прочь из моего дома!

Таисия Петровна застыла как испуганная мышь, сложив руки у груди в замочек, и со страхом уставилась на Ирину. Ещё бы, все эти годы, что Ирина была замужем за Володи, она старательно держалась и не перечила уважаемой матушке мужа.

Но сейчас то ли гормоны расшалились, то ли чаша терпения переполнилась, а только внутри разразился вулкан, и сдержаться не получилось.

– Ирочка, что с тобой? – залепетала свекровь. – Я же как лучше... Я же с добром...

На её глаза уже наворачивались слёзы. «Ей бы во МХАТе

выступить, такая драматическая актриса пропадает» – подумала Ирина, вслух же сказала:

– У меня сейчас отвратительное самочувствие, мама. И вам лучше уйти, – твердо добавила она, мысленно представив, какой спектакль разыграет свекровь перед Володей, и прикинув, как потом повести разговор с мужем.

Свекровь поджала губы, схватила сумочку и громко потопала к двери, на ходу намеренно задевая разные вещи и что-то неразборчиво пыхтя себе под нос.

Закрыв за матушкой дверь, Ирина обессилено упала в кресло и приложила руки ко лбу.

– За что мне это, Боже! – воскликнула она в пустоту комнаты. А потом принялась заново складывать разбросанные свекровью вещи.

Наверное, ей стоило с самого начала определить границы и не подпускать мать мужа так близко в их семейную жизнь. Вот только сама Ирина была сиротой и, когда познакомилась с Таисией Петровной, по глупости решила, что та сможет заменить ей мать. Вот и делала всё, чтобы угодить и понравиться свекрови.

Да и Володя очень любил маму. Ирина была уверена, что, в случае чего, муж будет защищать ее, но не хотела ставить его между двух огней.

Сначала Ирина старалась делать, как просит свекровь. Брала у нее рецепты «правильных» сырников и блинов, стирала «правильным» порошком, даже посуду пробовала мыть

горчицей. Но очень быстро поняла, что угодить Таисии Петровне невозможно. Казалось, с каждым разом, когда Ирина соглашалась и делала, как ей советуют, свекровь становилась всё недовольнее.

Через год после свадьбы она впервые позволила себе пройти по шкафам в квартире. Открывая дверцу за дверцей, она недовольно цокала языком и выдавала свои замечания, как ревизор или начальник пожарной безопасности.

Вот тут бы Ирине и поставить её на место, но в ней всё еще жила надежда на мир. Тем более Володя сидел рядом и никак не комментировал действия матери. После того, как она ушла, он обнял Ирину и сказал спасибо за то, что она не стала с его матерью скандалить.

– С ней бывает сложно, ты уж пойми. Одиночество на людей по-разному действует, маме вот выплеснуть эмоции куда-то надо. А куда, если у нее только мы и есть?

Ирина покивала, а сама решила попробовать направить энергию свекрови в другое русло. Весь следующий год она пыталась пристроить старушку в группы здоровья, вязания, вышивки, в клуб путешественников, водила на мастер-классы и на различные экскурсии.

Свекрови нравилось, но оставаться она нигде не захотела. Только потом выговаривала Володе, что Ирина деньгами разбрасывается на ерунду, вместо того чтобы скорее ипотеку гасить.

Тогда Ирина зарегистрировала свекровь в «Одноклассни-

ках», помогла найти подруг, и на целых две недели Таисия Петровна исчезла из их жизни, занятая перепиской и воспоминаниями со школьными подругами. Но потом пришла снова, еще недовольнее, чем была.

– Вот у Галки невестка – сокровище! – начала она, строго посмотрев на Ирину, – работает на руководящей должности, Галку за границу каждый год возит, купила ей робот-пылесос, сейчас на права ее учиться отдала! Везет же людям с родственниками! – закончила она, и с тяжелым вздохом поджала губы.

– Мама, вы хотите в отпуск? – обрадовалась Ирина. Она уже не в первый раз пыталась отправить свекровь на отдых, а заодно отдохнуть от нее самой, но та категорически отказывалась. – Я вчера как раз горящий тур видела, я сейчас...

Она сорвалась с места, чтобы найти недельную путевку в Турцию, но свекровь остановила её восклицанием:

– Ишь какая, только бы избавиться вам от меня! – Надула щеки, губы задрожали, – что же я вам так надоела?

Ирина замерла, невольно раскрыв пошире глаза.

– Но мама, вы же сами сейчас сказали про Галку и...

– Так ее не в Турцию какую отправляют! – с обидой воскликнула свекровь, – в Абхазию, рядом! И на месяц, а не на недельку... Конечно, разве ж вы матери на месяц путевку куда возьмете! И все бы подальше заткнуть, чтобы, случись чего, я совсем одна в чужой стране осталась!

Ирина поморщилась, потеряв всякую логическую связь.

Володя откровенно забавлялся, хрустя чипсами, и переводил взгляд то на жену, то на маму, как на теннисном матче.

– Так, – присев, спокойно сказала Ирина, – в Абхазию же еще проще. И дешевле, и на месяц легко, да хоть на два. У меня там и подруга живет, отель держит, я прямо сегодня с ней договарюсь...

– Я же говорю, вам лишь бы от меня избавиться! – заверещала свекровь, – на два месяца уже! И, главное, подешевле! Правильно, – в ее голосе уже слышались слезы, – я же тебе не родная, вот и жалеешь денег... Запихнуть готова в любую дыру, лишь бы не видеть!

Володя поперхнулся, а Ирина встала и вышла из комнаты. В этот момент она четко осознала, что не поладит со свекровью никогда. Всегда та найдет повод возмутиться, и не примет Ирину. Поэтому для себя решила игнорировать свекровь, больше ничего не предлагать и отвечать односложно, чтобы не давать повода для реакции.

Конечно же, и это не помогло. Теперь свекровь сетовала на то, что невестка у нее такая холодная и безразличная. У других вон, и в гости ходят, и возят – то на экскурсии, то на выставки, а у неё даже поговорить не хочет.

Попробовала воздействовать на невестку через сына, но Володя сразу заявил, что в бабские разборки влезать не собирается, и ничью сторону принимать не будет. Потому что обеих любит, и обе они ему дороги.

Так же он ответил и Ирине, когда она попробовала завести

разговор о том, что ей не нравится, что свекровь приходит к ним, как к себе домой, и вечно всему поучает.

– Ты же раньше молчала? Что теперь-то случилось? Как я маме скажу, что это не ее дом, ты себе представляешь?

Ирина махнула рукой. Ну, пусть приходит. Пусть поучает, ее бубнеж она научилась воспринимать как фоновый шум. И на какое-то время жизнь наладилась, потому что свекрови стало скучно без реакций и она стала реже появляться.

А потом у ее подруги Галины родился внук.

В этот день Таисия Петровна пришла к ним мрачнее тучи.

– У Галы уже третий внук! – с обвиняющими нотками в голосе бросила она.

На удивление, Володя в этот раз не промолчал.

– И что? – спокойно спросил он, наливая маме чаю.

– Как «и что»? – закудахтала свекровь. – А мне когда внуков ждать? Три года уже живёте, сколько можно тянуть? Я умру, и так и не подержу маленького? – на драматической ноте завершила она свою речь и откусила шоколадное печенье.

– А мы детей пока не хотим. Сначала разберемся с жильем, машину поменяем, а там подумаем, – ответил Володя.

Ирина с интересом слушала. По правде, о ребенке она и сама уже мечтала, но после слов свекрови о внуках решила не торопиться.

– Не любите вы меня совсем, – запричитала Таисия Петровна, – какое жилье? В старости рожать будете? Чтоб ребен-

нок маму бабушкой называл?

– Не такие мы еще старые, – отшутился Володя. – Ладно, вы тут пообщайтесь, а мне проект доделать надо, – оборвал он разговор и вышел.

Свекровь пожевала губу, глядя на молчаливую Ирину, доела печенье, и засобиралась домой. К удивлению, не выдав невестке ни одного замечания.

Зато на следующий день, когда Ирина вернулась домой с работы, её ждал сюрприз.

Свекровь убралась в их спальне на свой манер: выбросила кое-какие интимные принадлежности, и контрацептивы, которые принимала Ирина. Вместо таблеток в ящике лежал журнал для беременных.

Сначала Ирина хотела закатить скандал, но чувствовала себя неважно и махнула рукой. За пару лет она поняла, что говорить со свекровью все равно, что говорить со стеной.

Через неделю Таисия Петровна сидела на их кухне, чаевничала, уплетая любимые невесткины цукаты.

Когда Ирина вошла в квартиру и, чувствуя ужасный запах, прошла на кухню, свекровь мило улыбнулась и сказала:

– Я вам ужин приготовила, а то питаетесь не пойми чем. – Она ткнула в тарелку со сладостями, которые почти доела. – Потроха, Володины любимые. Он всё жалуется, что ты их ему не готовишь, а зря, Ирочка! Они полезные и вкусные.

Ирина же, зажав нос рукой, вылетела из кухни и помчалась в ванную, её тошнило. Там она просидела почти час,

пока не вернулся Володя. Свекровь уже ушла, даже не поинтересовавшись, что там с невесткой.

Ирину рвало, пока Володя не выбросил содержимое кастрюли и не перемыл всю посуду. Желание свекрови исполнилось: Ирина забеременела.

Как только Таисия Петровна узнала эту радостную весть, она чуть ли не переехала в их квартиру. Каждый день, возвращаясь с работы, Ирина видела новые следы пребывания свекрови – та передвигала мебель, выбрасывала вещи, пригнала какие-то старые пеленки и распашонки, зачем-то разложив их на комод.

Она готовила разную гадость, прекрасно зная, что Ирина такое не ест, порхала, словно бабочка, и, казалось, была теперь повсюду.

В конце концов, не выдержал даже Володя. Он сменил замки, объяснив маме, что потерял ключи и боится, что дом могут ограбить. Свекровь, конечно же, попросила для себя новый комплект, но Володя убедил её, что замок изготовлен на заказ, ключей всего два комплекта, а для того чтобы сделать новые, потребуется время.

Впервые за всю беременность Ирина вздохнула спокойно. В их присутствии свекровь стеснялась что-либо делать. Зато теперь она принялась за поучения. Раскрывала шкафы, комментируя содержимое и что с ним следует сделать, рылась в холодильнике, снова пыталась выбрасывать личные вещи, принесла Ирине бабкины панталоны под видом заботы.

– А то твои кружевные веревочки очень вредные для здоровья. Я в газете читала. А в этих все прикрыто и тепло. Да и негоже будущей матери веревочки вместо трусов носить, – поучала свекровь.

Володя посмеялся, расправив огромные панталоны на полу.

– Мам, тут четыре Ирины влезут, куда такой размер? – подмигнул жене. – Но мне очень нравится, да, Ириш? Думаю, ты в них будешь великолепна!

– Она растолстеет, вот и впору станут, – парировала свекровь, – вон уже ляжки какие наела! Беременность это потеря красоты и лишний вес. Но ничего, зато внушек у меня будет, когда детей касается, там уж не до красоты!

Ирина молчала. Ее мучил токсикоз, постоянно мутило, есть она вообще не могла, а ляжки, которые по словам свекрови она «наела», наоборот, сильно похудели, за что её ругала врач.

Легче стало только к четвертому месяцу. Тошнота отпустила, зато настроение устраивало настоящие эмоциональные горки – от слез к смеху и обратно.

В один из таких дней и попала свекровь, когда принялась вытряхивать вещи из ящиков, и Ирина, не сдержавшись, прогнала её.

– За что мне это, Боже! – воскликнула Ирина в пустоту комнаты. А потом стала заново складывать разбросанные свекровью вещи.

Вечером, когда пришел с работы Володя, Ирина высказала ему все, что думает о его матери. Ей стало все равно, разведется он с ней после этого или обидится. Она поняла, что больше не выдержит.

– Я хочу спокойно жить в своем доме! Так, как я хочу! Чтобы она не лезла в мои вещи, ничего не трогала, не готовила и не поучала! – кричала она мужу. – И если ты с ней не поговоришь, я сама уйду! Живи с мамой!

Володя успокаивающе поднял руки.

– Тише, Ириш! Я понял! У тебя гормоны, беременность, вот и срываешься, все пройдет...

– Да не в гормонах дело, а в твоей маме! Она лезет во все, везде! Смотри! – она схватила уродливую вазу с журнального столика, – зачем она ее сюда притащила? Я не хочу видеть эту гадость в своем доме!

Она швырнула вазу об стену, и та рассыпалась на осколки.

Володя сдержал слово и поговорил с матерью. Более того, он даже как-то уговорил ее съездить в санаторий на целый месяц. И этот месяц показался Ирине таким спокойным и прекрасным, что возвращения свекрови она ждала с ужасом.

Остались последние выходные до приезда Таисии Петровны, когда в голову Ирине пришла идея.

– Володь, а давай маме сюрприз устроим! – подластилась она к мужу. – Ее месяц дома не было, сейчас приедет, а там пыль, грязь, расстроится, сразу за уборку после отдыха, все лечение насмарку. Давай поедem к ней, уберемcя. Сделаем ей

приятное: ты же знаешь, как твоя мама не любит беспорядок.

Муж ничего не заподозрил и с радостью согласился. Целых два дня они драили квартиру Таисии Петровны. Ирина залезла в каждый шкафчик, вытряхнула каждую побрякушку и заставила мужа выбросить несколько мешков разного хлама. Потом наготовила еды, заботливо выбросив все продукты свекрови и забив холодильник только полезной пищей.

Даже ее любимый турецкий кофе заменила на цикорий. И, довольная, вернулась домой, с нетерпением ожидая возвращения драгоценной матушки.

Утром понедельника Володя поехал за мамой на вокзал. Ирина ждала дома, в волнении потирая руки. Муж вернулся очень быстро, хмурый и молчаливый.

– Как мама? Понравилось ей в санатории? И наш сюрприз?

Не успел Володя ответить, как у Ирины зазвонил телефон. Только она нажала кнопку, на нее полились проклятия.

– Да я вас засужу! Полицию вызову! Так нельзя! Меня будто ограбили! Оплевали! Я старая женщина, а это настоящее надругательство! – бушевала свекровь.

Еле сдержав довольную улыбку, Ирина постаралась изобразить недоумение:

– Как же так, мама? Вам не понравился наш сюрприз? Но вы же нам часто такие устраивали, я подумала, что и вам приятно будет!

Свекровь замолчала. Володя отобрал телефон и сказал в трубку:

– Мама, ты же сама говорила, как тебе трудно, помощи просила. А теперь в полицию? Разве это и не мой дом, как ты уверяла? Разве я там не могу делать что хочу, как и ты в нашем доме?

Свекровь бросила трубку.

Володя повернулся к Ирине.

– Ты специально это сделала?

По молчанию жены было всё ясно. Он еще больше нахмурился и вышел.

С мужем они помирились. А вот свекровь еще два месяца негодовала, не разговаривала с сыном, и даже съездила к Гале, чтобы пожаловаться лично на непутевых детей.

Оказалось, Галя сидит нянькой со внуками, которых ей сплавил дети, пока сами катаются по заграницам. А с собой они мать если и берут, то тоже исключительно как няньку. На права ее выучили, чтобы она детей по кружкам возила, а пылесос подарили старый, потому что себе модель поновее взяли.

В гости не приглашают, а уж чтобы ключи ей от квартиры дать, так о том и речи быть не может.

– Повезло тебе с невесткой, Таюшка, – вздыхала Галя, утирая одной рукой сопливый нос внука, пока другой мыла помидоры на закрутку. – Мне вот невестка заказала салатов на зиму наделать. Очень, говорит, любим мы ваши закрутки.

А когда мне их закрывать? Хоть бы разок помочь приехали!

И тут Таисия Петровна поняла, что ей действительно повезло.

Вернулась гораздо спокойнее. Даже перестала так часто цепляться к Ирине. И с внуком возилась, но каждый раз напоминала, что она им не нянька. А следующим летом взяла, да и уехала в круиз. Ключи от дома оставила, но попросила сюрпризов ей больше не устраивать.

Стоит уволиться

После выхода на работу Алена не сразу заметила, что ее брак стал трещать по швам. Дочка подросла, стала более самостоятельной. Молодая женщина за пять лет декрета полностью растеряла себя.

Быт, заботы о муже и маленьком ребенке отнимали все время. Алена перестала следить за собой, забросила любимое увлечение (когда-то она неплохо шила) и полностью погрузилась в рутину семейной жизни.

Близкая подруга, заметив, что интерес к жизни у Алены пропал, предложила ей место секретаря-референта в небольшой фирме. Алена задумалась: а почему бы и нет? Деньги никогда не бывают лишними, да и пора в жизни что-то менять. Посоветовавшись с мужем, молодая женщина вышла на работу.

В коллектив Алена влилась быстро. Коллеги первое время помогали новой сотруднице быстрее освоиться. За мелкие промахи не ругали, давали дельные советы, выгораживали перед руководством.

Через три месяца Алене уже стала нравиться ее работа. Спустя год генеральный директор фирмы отметил старание своего секретаря и, неожиданно для всех, предложил ей место старшего менеджера в новом филиале. Зарплата росла прямо пропорционально обязанностям.

Алене было интересно попробовать себя в роли начальни-
ка, поэтому девушка с радостью согласилась. Теперь на до-
рогу до работы она тратила в два раза больше времени. До-
мой приходила поздно и ничего не успевала. Муж терпел это
все недолго:

– Алена, мне кажется, тебе стоит уволиться.

– Как так «уволиться»? Я только-только освоилась, у ме-
ня начало получаться, а ты пытаешься снова заставить ме-
ня сутками сидеть дома? Прости, милый, но хоронить себя
у плиты я не готова!

– Ты посмотри вокруг! По углам пыль, Каринка ходит в
неглаженных платьях, ворох грязного белья лежит в корзине.
Хозяйка ты, в конце концов, или нет?

– Знаешь, мог бы и помочь! От тебя не убудет, если ты
лишний раз закинешь белье в стиральную машину, вклю-
чишь автомат и потом развесишь свои же вещи. Ты ведь не
маленький!

– Мне надоел вечный бардак! Я все сказал!

Алена обиделась, и с мужем долго не разговаривала. По-
том конфликт вроде бы утих, но холодок между супруга-
ми остался. На развод девушка подала спустя полгода, когда
узнала, что у мужа давно появилась другая.

Уход Димы из семьи особенно болезненно переживала
дочь Карина. Алена с головой окунулась в работу, ей было
некогда горевать о бывшем муже. Дочка тянулась к отцу, а
он, увлеченный новой пассией, все реже забирал малышку

на выходные. Со временем ребенок привык к отсутствию папы и перестал его ждать.

Карине как раз исполнилось восемь, когда Алена встретила нового мужчину. Сергей был старше ее на три года, работал в крупной турфирме, не имел вредных привычек и материальных проблем.

Когда Сергей предложил Алене съехаться, женщина поняла, что пришло время сообщить о нем Карине:

– Малыш, я встретила хорошего человека. Мы хотим быть вместе. Ты ведь уже взрослая... Что ты об этом думаешь?

– Мам, а как же папа?

– Папа? Никто его у тебя не отнимает. Если у папы возникнет желание, ты всегда можешь увидеться с ним.

– А жить дядя Сережа будет у нас?

– Скорее всего, да, милая. Из его квартиры нам с тобой будет неудобно добираться до школы.

Алена боялась зря: встреча Сергея и Карины прошла прекрасно. Он сумел увлечь ребенка, рассказывал много интересных историй, разбирался в астрономии, которая так нравилась Карине, и даже показал, как нужно водить машину.

Через две недели Сергей и Алена съехались, через пару месяцев – расписались. Но после свадьбы дочку как подменили.

Алена стала замечать, что Карина старается избегать Сергея. Мать попыталась вызвать ребенка на откровенный разговор:

– Доченька, вы с дядей Сережей поссорились?

– Он злой, мам! Помнишь, позавчера ты нашла осколки вазы в мусорке? Это он кинул в меня тапочкой, но не попал. Зато попал в вазу и разбил ее.

– Как это «кинул тапочкой»? За что?

– Заставлял меня мыть посуду, а я не могла сразу пойти. Хотела сказку про единорогов досмотреть. А тебе он сказал, что вазу разбила я, когда баловалась.

– Я понимаю, солнышко, ты еще не привыкла к дяде Сереже, но, пожалуйста, не надо пытаться очернить его в моих глазах. Я знаю, как он к нам относится. Пусть ты ему и не родная дочь, но он тебя любит. Карина, ты уже взрослая. Я прошу тебя, не пытайся нас поссорить, хорошо?

Девочка опустила голову. В этот момент она поняла, что теперь мама всегда будет на стороне дяди Сережи.

Карина пришла из школы, скинула ранец в коридоре и прошла в свою комнату. Мамы дома не было – теперь она редко приезжала днем: обедала на работе. Зато на кухне сидел отчим.

– Пришла из школы? Ну, как успехи?

– Сегодня получила пятерку по математике!

– Ладно, раздевайся. Иди обедать. Так, я о чем предупреждал? Ты почему бросила портфель в коридоре?

– Он тяжелый. Я хотела сначала переодеться, а потом занести ранец в комнату.

– Я не пойму, в кого ты такая неряха? Мать у тебя вроде

женщина чистоплотная, бардака не любит. Пошла и убрала!

Карина вздохнула и молча отправилась в прихожую. Чтобы не выводить из себя лишний раз дядю Сережу, она закрыла в комнату дверь и стала переодеваться.

Слух уловил легкий скрип. Карина резко обернулась, но за спиной никого не увидела. Зато дверь оказалась приоткрытой.

Пройдя на кухню, девочка села обедать. Отчим уже собирався на работу и попутно раздавал указания:

– К нашему с Аленой приходу обязательно вымой посуду. Только нормально мой, а не как в прошлый раз. Тарелки вообще-то моют не только изнутри, но и снаружи. И вытри за собой брызги, вечно после тебя вся столешница у раковины заляпанная.

– Хорошо, я помою.

– Сколько раз говорил: развесь зимние вещи в шкаф! Почему твоя куртка до сих пор висит в прихожей? Ты уже взрослая, должна учиться за собой ухаживать.

– Дядя Сережа, почему вы на меня кричите? Я же не делаю ничего плохого!

– Не хватало еще, чтобы ты мне пакостила. Учти, у меня разговор короткий – ремнем по голой попе пару раз получишь, будешь как шелковая.

Карина почему-то испугалась. Она была уверена, что отчим, в случае чего, сдержит обещание. А мама ей опять не поверит.

С каждым днем отношения между отчимом и Кариной становились все хуже. Отчим знал, как он дорог Алене, поэтому стал позволять себе лишнее. Карина периодически получала подзатыльники за неповиновение. Пару раз говорила об этом матери, но та лишь отмахивалась.

Алена считала, что Сергей таким образом воспитывает ребенка. Да, жестко. Но верно. Хотя сама никогда Карину не била.

Ребенок замкнулся в себе. Карина старалась не оставаться наедине с отчимом, приходила поздно. Пару раз Алена даже искала дочку у подруг и одноклассниц.

Разговоры не помогали, девочка на любые вопросы отвечала дежурной фразой «Все нормально». Как-то вечером Сергей вызвал жену на разговор.

– Алена, я давно хотел тебе сказать. Мне кажется, что Карина курит.

– Чего?! С чего ты это взял?

– Ни ты, ни я не курим, поэтому запах я различаю отчетливо. Пахнет от ее одежды и иногда в ванной, после того, как Карина примет душ.

– О чем ты говоришь, Сережа? Она же совсем ребенок!

– Знаешь, какие сейчас дети? Больше нас, взрослых, знают и умеют. Пусть не закрывает дверь в ванную, когда купается. Я дома бываю чаще, чем ты. Буду следить.

– Да ты что, Сереж! Разве так можно? Она же девочка, тебя стесняется. Не выдумывай!

Об этом разговоре Алена впоследствии забыла и не вспомнила бы, если бы не случилось беда. В пятницу Карина не вернулась из школы.

Алене позвонила классная руководительница, напомнить о конкурсе стихов. Учительница спросила, почему Карина стала так часто пропускать школу.

Алена удивилась: быть такого не может! Она же лично каждое утро довозит дочку до дверей школы. Пообещав разобраться, Алена повесила трубку и стала набирать номер домашнего телефона.

Ответил Сергей. Муж сказал, что Карина до сих пор не пришла, и не преминул съязвить, мол, совсем распоясалась девчонка, управы на нее нет.

Алена перепугалась, стала обзванивать всех родителей, чьи номера нашла в телефонной книге. Девочки нигде не было.

Алена отпросилась с работы, прыгнула в машину и поехала по городу. Искала дочь в парках, на бульваре, на аллее Сердец и в других людных местах. Тщетно!

Совсем обезумев от страха, мать почти в десять вечера поехала домой, чтобы оттуда вызвать полицию и позвонить в больницу. Подъезжая к подъезду, увидела знакомую фигурку, сидящую на скамейке.

Женщина выскочила из машины, забыв заглушить мотор. Подбежала к девочке, опустилась перед ней на колени и спросила:

– Карина, доченька, где ты была?

Ребенок молчал. Алена прижала Карину к себе и расплакалась:

– Скажи мне, что случилось? Почему ты так себя ведешь? Почему ты не ходишь в школу, где ты пропадаешь?

– Я не хочу идти домой, не хочу жить дома, – глухо ответила Карина. Алена насторожилась.

– Доченька, что случилось? Тебя обижает дядя Сережа?

На этот вопрос мать от дочери ответа не получила. Сергей их встретил неприветливо:

– Ну и где ты ходишь? Почему мать должна полночи кататься по городу в поисках тебя? Отвечай, живо!

– Не смей повышать голос на моего ребенка! – отчеканила Алена. Я сама разберусь с ее поведением, тебя никто не просит вмешиваться.

– Ну-ну, подожди. Принесет тебе в подоле лет в тринадцать! Потом не говори, что я тебя не предупреждал.

Алена, молча взяв Карину за руку, прошла вместе с ней в ее комнату. Пока ребенок раздевался, мать внимательно разглядывала девочку. Слава Богу, ни синяков, ни ссадин на теле у нее не было. Поужинав, Алена прилегла к Карине:

– Малыш, расскажи мне, что происходит?

– Ничего, мам. Просто...

– Просто что?

– Давай будем жить вдвоем, как раньше?

– Ладно, спи. Утро вечера мудренее...

Алена погладила Карину по голове, дождалась, пока дочка заснет, и тихонько вышла из комнаты. Всю ночь она думала. Думала, как правильно поступить. Наутро решение было найдено.

Подъехав к школе, Алена вместе с Кариной прошла к классному руководителю дочки и предупредила, что сегодня она забирает ребенка с уроков. Вернувшись в машину, Алена произнесла:

– Доченька, давай съездим в одно место? А после того, как уладим все дела, пойдем в парк или кинотеатр, поедим мороженого и вместе проведем этот день?

– Мам, а куда мы поедим?

– К одной доброй тетеньке. Она нам поможет справиться с проблемами.

До Центра психологической помощи Алена и Карина добрались быстро. В фойе их встретил администратор и провел в кабинет к психологу. Мария Дмитриевна, молодая женщина с добрым, ласковым взглядом попросила Алену выйти – дочка при матери отказывалась говорить.

Почти три часа Алена провела под дверью. Женщина не находила себе места. Если бы было все нормально, психолог уже давно бы вышла и все объяснила.

Мария Дмитриевна, выйдя из кабинета, жестом подозвала к себе администратора и попросила ее увести девочку в игровую.

– Иди, Кариша. Тетя Света нальет тебе чаю, даст конфет

и вместе с тобой порисует. А мы пока поговорим с мамой. Хорошо?

– Хорошо, Мария Дмитриевна.

Алена заметила, что Карина будто бы даже повеселела. Было ощущение, что ребенок избавился от тяжелого душевного груза. Зайдя следом за Марией Дмитриевной в кабинет, Алена опустилась на стул.

– Расскажите, пожалуйста, что происходит? Почему так разительно поменялось поведение Карины?

– Я даже не знаю, Алена, как вам это сказать... Меры нужно принимать незамедлительно, иначе все может очень плохо кончиться.

– Да что случилось-то?

– Ваш муж, Сергей.... Он домогается вашей дочери. Карина рассказала, что он постоянно подглядывал за ней, заставлял мыться при открытых дверях в ванной и в тот день, когда девочка не вернулась из школы... намекнул ей про отношения...

У Алены закружилась голова. На минуту ей показалось, что она теряет сознание. Шумно выдохнув, женщина прикрыла глаза.

– Этого быть не может... Он же так хорошо к ней относится! Да, у них возникают конфликты, но я списывала это на характер Карины. Она скучает по родному отцу, никак не может смириться с тем, что мы вместе с Димой уже никогда не будем. Да и нормально все было раньше...

– Обратитесь в полицию. Человек с такими наклонностями не справится сам, не изменится. Если вы промолчите, возможно, пострадает другой ребенок.

С разрешения Марии Дмитриевны, Алена ненадолго оставила Карину в игровой комнате, а сама поехала домой. Долго ждать Сергея не пришлось – он как раз приехал пообедать. Женщина открыла шкаф, сгрэбла в охапку его вещи и вышвырнула на лестничную клетку. Сергей опешил – следом за одеждой полетели ноутбук, чемодан, фотоаппарат, камера и другие его личные вещи.

– Алэн, ты что, белены объелась?

– Вон! Пошел вон, подонок!

Наверное, по виду жены Сергей все понял. Он развернулся к двери, вышел лестницу, стал бросать свои вещи в чемодан. Алена закрыла дверь за ним, расплакалась.

Через час стоя в фойе Центра психологической помощи, Алена благодарила Марию Дмитриевну.

Выходя из здания, Карина крепко сжала ладошку матери и произнесла:

– Ничего, мам. Все у нас с тобой будет хорошо!

Какая я тебе мама

Мы с Ванькой поженились летом. Вначале полгода встречались, потом жили вместе. И, вот, в сентябре сыграли свадьбу. Когда я встретила Ваньку, то поняла, что все мои любовные неудачи стоили одной этой встречи. И что это меня бог отвадил от всех тех ненужных людей.

Сейчас мы живем в хорошей евродвушке, которую купили еще на этапе строительства. Платим ипотеку. По субботам я обычно генералю, мама приучила. Муж по субботам работает, а я навожу чистоту. Вот и в ту роковую субботу я оттирала входную дверь и откосы, исчерканные обувью.

Вдруг в палец что-то воткнулось. Стало очень больно. Я бросила тряпку и взглянула на руку. На подушечке пальца появилась пуговка крови.

Я обработала руку перекисью и взяла наждачку, чтобы зачистить проклятую занозу. Аккуратно я провела рукой по косяку. В ладонь упала иголка. Вначале я удивилась, откуда она здесь. Но за откосом иголка была не одна. Исследовав косяки и порог, я набрала восемь штук. Я не особо верю в черную магию, а тут, как кольнуло что-то.

Оно и кольнуло. Мама вечно занятая. Занимается собой, карьерой, дачей. И «на поговорить» у нее часто не хватает времени. Мы всегда смеемся, что с папой они встречаются только в отпуске.

Позвонила бабушке, рассказала. Так, мол, и так, убираюсь в квартире, нашла иголки за дверным косяком. Бабушка тоже не особо верила во все это мракобесие. Она в свое время партийной была, человек советской закалки, но сказала: «Это плохо. Кто-то порчу навести хочет. Тот, кто в твою квартиру вхож». Но обо всем по порядку.

Мы с Ванькой тоже съехались еще до свадьбы, и жили четыре месяца без штампа в паспорте. Наверное, поэтому его мама относилась ко мне с некоторой долей недоверия и пренебрежения. Я слышала, как потенциальная свекровь жаловалась сыну, что соседки и родственницы осуждают наши незаконные отношения, ну и само собой называла меня недостойной женщиной, которая непременно облапошит его, выгонит из дома и приведет кучу любовников.

Со свекром они развелись, когда Ванька был еще маленьким.

Мы сразу сняли квартиру, и виделись редко. Но Ванькина мама не упускала возможности прикинуться смертельно больной и позвонить ему в три часа ночи, чтобы тот срочно выехал к ней, иначе он больше не увидит свою мать живой.

Мне тогда только исполнилось девятнадцать, и я была глупенькой влюбленной девочкой, ослепленной новыми отношениями, новым счастьем. И не обращала внимания на эти пустяки, как мне тогда казалось.

Перед свадьбой бабушка напутствовала меня: «Свекровь мамой зови. Ласковый теленок двух маток сосет». Когда мы

поженились, я выполнила бабушкин наказ.

«Какая я тебе мама? С ума сошла?», – сказала тогда Вера Васильевна. Помню, меня, как водой холодной окатили, а потом бросили в пекло. Вот тогда-то розовые очки с меня и упали.

Правда, после свадьбы она немного успокоилась. Как-то я возвращалась домой раньше обычного. Поднялась на лифте, обвешанная пакетами со вкусняшками. Собиралась готовить том ям для Ванюшки.

Я открыла дверь, звеня ключами, бросила пакеты на банкетку. Ничего не подозревая, наклонилась развязать шнурки на кроссовках. И вдруг услышала шорох со стороны спальни. Подумала, что показалось. Я разулась и прошла в комнату. И вдруг из спальни мне навстречу бесшумно выплыла свекровь. От неожиданности я чуть ни поседела.

– Вера Васильевна, – пролепетала я, – а вы, что тут делаете?

– Здравствуй Наташа, – процедила Вера Васильевна и поджала тонкие губы. – С каких пор я должна спрашивать твоего разрешения проведать сына?

Я смутилась.

– Ваня вечером придет.

– Ты мне предлагаешь к вам по расписанию приходить? – язвительно поинтересовалась свекровь/

– Я просто не ожидала, – виновато улыбнулась я. – Пойдемте обедать.

– Спасибо, конечно, – усмехнулась Вера Васильевна.

– Пойдемте, пойдемте, – я увлекла ее на кухню.

– Ты чем посуду моешь? – брезгливо спросила свекровь, разглядывая вилку между зубчиками.

– Посудомойкой, – пошутила я.

– Ну, оно и видно, – чуть тише проговорила свекровь.

– А чем надо? – спросила я.

– Хозяйственным мылом, Наташа, – выдохнула Вера Васильевна. – Только хозяйственным мылом! Химия портит посуду и столовые приборы, неужели не понимаешь? Это во-первых. А во-вторых, химия остается на посуде!

Я попыталась объяснить принцип работы посудомойки, но Вера Васильевна проигнорировала мои слова.

К нам Вера Васильевна приезжала редко, но всегда неожиданно: посреди рабочего дня или когда Ваня уезжал в командировку. Не знаю, зачем она это делала. Я думаю, что пыталась уличить меня в супружеской неверности. Каждый раз она выговаривала за неправильно помытые полы, недостаточно чисто вытертую пыль и так далее. Но в целом относилась она ко мне не плохо. И я не придавала особого значения этим нравоучениям.

Вера Васильевна выросла в многодетной семье. У нее было четыре сестры и четыре брата. И всех звали на букву «В»: Виктор и Виктория, Василий и Василиса, Валентин и Валентина, Владимир и Вера.

Валентина погибла еще в детстве, утонула в речке. Валентин – повесился, кажется в 98-м. Остальных родственников я знала хорошо. Мы часто собирались на праздники семьями.

В новый год мы жили у Ванькиной бабули несколько дней. Гостей Нина Ивановна любила. Ее муж, дед Андрей, умер до нашего знакомства.

Это был наш первый с Ваней новый год, который мы праздновали уже в браке. В их семье было заведено, что каждая хозяйка приносит к столу блюдо собственного приготовления. Вот и я испекла «наполеон». Ваня его очень любил.

Я слышала, как Вера Васильевна нагнулась к уху сестры: – Ну, кто на новый год торт печет? И так все шире и шире с каждым днем становится, какие уж ей торты! – сделала она это нарочно громко, чтобы я услышала. А надо заметить, что Вера Васильевна была длинной и тонкой, порода у них такая. И она очень этим гордилась.

Мы сели за стол. Хозяйки начали рассказывать бабушке о своих кулинарных секретах. Мне почему-то вспомнилась сказка о Лягушке-царевне, когда невестки принесли пироги на суд Царя-батюшки.

Родственники притащили салатов, копчений, солений всяких. Мужчины наливками домашними друг перед дружкой хвастались. А вот про сладкое как-то никто не подумал. А я по природе сладкоежка. Мясо мне безразлично, вообще могу не есть. Но если на столе нет сладостей, я останусь го-

лодной. Одним словом, мой тортик на ура пошел. «Вкусный торт», – похвалили меня родственники.

Вера Васильевна, как всегда брезгливо, разворошила «наполеон» ложкой:

– Тесто толстовато, Наташ. У «наполеона» коржи, коль уж ты взялась его печь, воздушные должны быть. А у тебя, как блины.

– Не болтай, Верка, – сказал Виктор Васильевич, брат моей свекрови. – Торт – ум отъешь! Молодец, Наташка! Повезло Ванюхе с тобой. Да ты и сама красавица!

Мне показалось, что лицо Веры Васильевны пошло красными пятнами. Она, молча, проглотила похвалу в мой адрес, но ничего не ответила. Потом, я еще не раз подвергалась публичной критике со стороны Веры Васильевны.

К вечеру подходит ко мне Ванька и загадочно говорит:

– Тебя бабуля зовет, учить вязать тебя будет.

Я удивилась, но пошла. Бабушка Нина сидела в своей спальне. Работал телевизор.

– Заходи, заходи, Наташенька, – скрипучим старческим голоском позвала бабушка Нина.

Я вошла.

– Садись, доченька. Я тебе одну историю расскажу.

Я села на диван рядом с бабушкой. От нее приятно пахло ванильной выпечкой. Нина Ивановна прибавила пультом звук на стареньком кинескопном телевизоре.

– Ты, Наташенька, прости Верку. Она свыкнется, привык-

нет к тебе. Ты пойми, любая мать ревнует своего сыночка к жене, особенно, если он единственный. Не сердись, сойдет с нее. А не сойдет, я воспитаю вдоль спины полотенцем.

– Мне Ваня сказал, вы меня вязать научите, – вкрадчиво сказала я, чтобы закончить этот неловкий разговор.

– А ты хочешь? – удивилась бабуля.

Я кивнула.

– Ну, давай, – она вынула из-под подушки вязанье, распустила набранные петли, и принялась объяснять.

– Я, вот, тебе историю одну расскажу. Из жизни, – в полголоса продолжила Нина Ивановна. – Был у меня сыночек, Валя. Погиб он трагически, – бабушка всплакнула.

Я обняла ее:

– Знаю, не надо, не бередите душу.

– Надо, Наташенька, – бабушка утерла красные глаза. – Из-за меня он погиб, из-за меня. Я тогда молодая была, такая же дура, как Верка. Валя старшенький был. И женился первый. Маринку свою, к нам привел. А что, дом большой, всем места хватало.

Мне Маринка так не нравилась. И грязнуля, и лентяйка, а бурды наварит – жрать не будешь! Только ногти красила. Наушники наденет, магнитофон включит и сидит, ногти малюет Тьфу! Я ее пилила, пилила – та и ушла. Внуков забрала и ушла. Валя запил. А потом... Потом его дед Андрей в сарае нашел... За керосином пошел, а Валя там на балке висит. Синий уже.

Бабушка Нина заплакала. Я обняла ее. Худенькие плечи вздрагивали под толстой мохеровой кофтой. Она положила теплую сухую ладонь на мою руку.

– Крепись, доченька. А Верку я пропесочу!

После тех событий свекровь успокоилась. И я стала иначе на вещи смотреть.

И вдруг среди ночи – звонок. Я сплю чутко. Хватаю трубку. Вера Васильевна кричит в трубку не своим голосом:

– Пожар! Наташа, зови Ваню! Мы горим! Оай!!!

Потом связь обрывается. Я растолкала Ваньку. Мы помчались к Вере Васильевне. Ванька гнал, как сумасшедший. Нам потом листопадом штрафы прилетали. По дороге нас обогнали несколько ревущих пожарных машин. Мы прилетели на другой конец города за пятнадцать минут. Во дворе панельной девятиэтажки стояли пожарные расчеты.

Из закопченного окна восьмого этажа валил черный дым. Свекровь жила этажом ниже, как раз под этой квартирой. Ванька, рванулся в дом. Его остановил мужчина в форме.

– У меня там мать! – заорал Ванька.

Пожарник пропустил его, а я осталась ждать у подъезда.

Через некоторое время они вышли из подъезда вдвоем. Свекровь плакала, Ваня обнимал ее. Мать была очень напугана, и мы забрали ее с собой. Домой вернулись уже под утро.

С рассветом Ваня поехал на квартиру матери оценить ущерб. По счастью огонь не зацепил квартиру снизу. Но она была залита водой из пожарных гидрантов. Проводка сгоре-

ла. Жить там было нельзя. Свекровь слегла после этого случая и потом долго болела. Я ухаживала за ней, а Ваня ездил каждый вечер после работы восстанавливать квартиру. И вот, что странно: мы совсем не ругались.

Время шло. Ваня с друзьями слили воду из подвесных потолков, восстановили проводку и даже переложили ламинит в одной из комнат. Говорить о переезде было еще рано. Свекровь тоже была слаба, да и квартира еще требовала восстановления, хотя жить в ней было уже можно.

Я работаю в школе. Отпуск у меня шикарный, как у всех педагогов – два лучших летних месяца. Заканчивался июнь. Я дежурила на экзаменах и с предвкушением ждала июля.

Ваня с ребятами закончили ремонт в одной из комнат. Я на работу ходила не каждый день. Вот, тут-то и началось. Стоило мне задержаться дома, свекровь начинала старую песню.

– Ой, Наташа! Ну, кто так вещи в шкаф кладет! Они же все мятые будут!

Она без спроса могла залезть в мой шкаф и начать наводить в нем свой порядок. А еще ей очень нравилось вынимать из посудомойки тарелки и перемывать их руками. Казалось, Вера Васильевна кайфовала от издевательств надо мной, как вампир питалась моей тихой злостью. Так продолжалось целую неделю, и я не связывалась с ней. Вообще. Просто молчала. Она ведь болела недавно, и я ее жалела.

Ваньке тоже, само собой, ничего не рассказывала.

Однажды я уехала к подруге, которая перестала бывать у нас из-за свекрови. Когда вернулась, свекровь встретила меня упреками, что я шляюсь целый день неизвестно где, а есть в доме нечего. Вот, ей больной, и пришлось спуститься в магазин (он у нас на первом этаже) и тащить сумки с продуктами.

– А про доставку продуктов вы не слышали? – раздраженно спросила я.

– То есть ты и готовить не собираешься?

– Вы покупали, вы и готовьте, – огрызнулась я. – А мы закажем роллы.

Свекровь, ворча, повязала фартук и принялась готовить. А я ушла в спальню и закрыла дверь. Ваня должен был прийти в девять – начале десятого после работы и последующего ремонта в квартире матери. К этому времени я заказала роллы.

Мать встретила сына словами:

– Сегодня будем есть мою стряпню!

– Ты сегодня решила Натуське помочь? – улыбнулся Ваня и пошел мыть руки.

Вера Васильевна пошла за ним.

– Помогают тому, кто что-то делает!

Она стояла в дверях ванной, уперев руки в боки.

– Твоя жена весь день моталась где-то! Если б я магазин не сходила, есть было бы нечего!

– Я роллы заказала, – сказала я.

– Ха! – воскликнула свекровь. – Что это за дрянь, ваши роллы?! Я вообще не знаю, сынок, как ты с ней год прожил? А ты знаешь, что твоя жена мне нагрубила сегодня?

– Я сказала, что не собираюсь готовить, а закажу роллы, – возразила я.

– Ты мне сказала: «Сама купила, сама и готовь!» – завизжала свекровь. – Ты когда пыль вытирала последний раз? Загадила всю квартиру, неряха!

– Это наш с Ваней дом, – не выдержала я. – Вы здесь в гостях! А мы будем жить так, как нам нравится!

– Ах, ты нахалка! – побагровела свекровь. – Нет, Ваня, ты слышишь...

– Сто-оп! – гаркнул муж. – Значит так, мама, это наша квартира и наша пыль, и она меня устраивает! А роллы, кстати, я люблю, если ты не знала!

Я опешила. Вытаращила глаза и не могла вымолвить ни слова.

– Если б мне было куда идти, я бы ушла, – трагичным тоном сказала свекровь.

– Одна комната готова, – ледяным голосом сообщил Ванька. – Можешь съезжать!

На следующий день мать съехала. А через несколько дней я нашла за косяком иголки.

Я была почти уверена, что это сделала Вера Васильевна, но зачем? Ведь в квартире я не одна живу. Ее кровиночка то-

же здесь проживает. Потом я стала подозревать Катюку. Может счастью моему позавидовала? У нее-то мужа нет и не предвидится.

В общем, решила я совета спросить у Ваниной бабушки. Никому ничего не сказала. Ванька после работы поехал к матери, а я взяла машину, и за город. «Наполеон» к чаю испекла. Не любила Нина Ивановна магазинные сладости.

Приехала я и выложила все, как на духу, без всяких вступлений. Бабушка Нина вздохнула, а потом улыбнулась, погладила меня по руке и сказала.

– Это Верка, это точно!

– Зачем, баб Нин? – изумилась я. – А если порча на Ваньку попадет?

Нина Ивановна хитро улыбнулась и поманила меня рукой. Я пошла за ней. Мы вышли в сени. Нина Ивановна коснулась рукой дверного косяка, там была иголка. Я пригляделась. Иголки были воткнуты по всему периметру дверной коробки.

– Когда порчу наводят, – сказала бабушка Нина, – иголки с наружной стороны втыкают. А если иголки внутри в косяк воткнуть, они дом защищать будут. Верка после пожара бояться всего начала. Вот и навтыкала!

Я выдохнула и поблагодарила бабушку. Со свекровью после всего больше почти не общаемся.

Моя милость

– Костик, сынок, ты долго? – старенький мобильный телефон «заговорил» голосом матери. – Тут твоя благоверная пришла, концерт соседям на потеху закатила. Денег требует, матом кричит, девчонок напугала.

– Я скоро буду, мам, – выдохнул Костя. – Закрой дверь и не впускай Маринку. Авось покричит да уйдет.

Лидия Алексеевна положила трубку и с тоской уставилась в окно. За последние три года их жизнь круто изменилась: сын развелся, уволился с хорошей работы, взвалил дом и воспитание детей на свои плечи.

Бабушка помогала им, как могла – забирала Виталину и Веронику из школы, кормила их обедом, делала с внучками уроки, дожидаясь Костика с работы.

Лидия Алексеевна вдруг припомнила первые полгода с момента ухода Марины – девочки просыпались в слезах, искали ночью маму. Ей тогда пришлось временно бросить свой дом и переехать к сыну.

От грустных мыслей Лидию Алексеевну отвлек резкий звук – в дверь позвонили. «Второй акт концерта начинается» – промелькнуло в голове у пожилой женщины. Идя в коридор, Лидия Алексеевна прикрыла дверь в гостиную, чтобы внучки, смотрящие по телевизору мультфильм, не стали свидетелями скандала.

– Кто там?

– Лида, это я, Вера. Открывай скорее, я с хорошими новостями!

Костя торопился домой. Он знал, чем может закончиться приход бывшей жены. К ругани он уже привык – два последних года Марина, как минимум, раз в месяц навещала его в гости под предлогом повидать дочек.

Вероника и Виталина первое время тянулись к матери, ждали ее прихода, считали дни. Потом девочки сообразили, что мама приходит не к ним, а за деньгами.

Костя шел по аллее парка и судорожно думал, где же их раздобыть. Где взять денег, чтобы уже навсегда избавиться от бывшей жены? Аппетиты регулярно росли. Марина стала приходить не одна – в качестве «группы поддержки» все чаще выступали личности маргинального вида, которых она называла «охраной».

Деньги, деньги, деньги... Будущее Кости, Виталины и Вероники – все упиралось в эти чертовы бумажки! В школе у девочек начались проблемы, отец боялся за психологическое состояние детей. Он не мог купить любимым дочкам дорогую одежду, модные гаджеты, девочек дразнили одноклассницы.

Вероника старше, реагирует на нападки острее, все чаще упрекая отца в беспомощности. Виталинка мягче, ласковее. Малышка каждый вечер забиралась перед сном к папе на колени и шепотом мечтала о волшебной палочке, которая «все-

все-все нам купит». В такие моменты вера в лучшее в душе Кости крепла.

Подходя к дому, молодой мужчина с удивлением заметил, что Маринки у подъезда нет. «Надоело, наверное, стоять под дождём, или мама опять пригрозила полицией» – подумал Костя. На лифте подниматься не стал, решил пройтись по лестнице и собраться с мыслями, чтобы не пугать дочек и мать суровым лицом.

Войдя в коридор, Костя услышал голос соседки, тети Веры, близкой подруги матери:

– Лида, даже не думай! Обязательно поговори с Костиком. Да, работа с риском, но денежная. В конце концов, у вас двое девчат растут! Их одевать, кормить, учить нужно! Пойдет в напарники к моему сыну, они же с Олежиком с детства знакомы.

– Ой, Вера, даже не знаю. Посмотри, в какое время живем! На дорогах грабят и убивают дальнобойщиков. Не дай Бог, что случится, как я одна внучек поднимать буду? Я сейчас больше половины пенсии отдаю сыну, себе оставляю крохи.

Костя нарочно громко загремел ключами в коридоре. Лидия Алексеевна поняла, что ее последнюю фразу сын услышал. Ей внезапно стало стыдно: ведь он-то не виноват в сложившейся ситуации. Это все Маринка!

Она пройдоха, каких мало! Марина и раньше не нравилась матери Кости. Лидия Алексеевна видела отношение невестки к деньгам: той всегда было мало.

– О чем болтаете? – спросил Костя, заходя на кухню.

– Костик, – начала было Лидия Алексеевна, но встретившись глазами с сыном, осеклась.

– Костя, мой сын ищет напарника, – сказала тетя Вера. – Ты же знаешь, он уже семь лет занимается грузоперевозками. Машина надежная, техосмотр проходит регулярно. В дороге практически не ломается. Может, ты устроишься к нему на фирму? Будете вместе выходить в рейс, деньги хорошие начнешь зарабатывать. Что ты там видел на своем заводе?

– Я обязательно подумаю над этим, тетя Вер. В течение недели дам Олегу ответ. А сейчас нужно решить проблему с Мариной – если я уеду в рейс, и она об этом узнает, покоя не будет ни маме, ни дочкам.

Проводив Веру, Лидия Алексеевна накрыла на стол и присела рядом с сыном.

– Костик, что будем делать с твоей непутевой женой? Она приходила с двумя мужиками, угрожала, что они встретят тебя после работы. Я боюсь за девочек – подкараулит их после школы, утащит в какой-нибудь притон, не дай Бог.

– Будем думать, мама. Дочек нельзя отпускать к Марине. Если раньше она выпивала, то теперь, по слухам, подседа на наркотики. Сразу вызывай полицию, если увидишь ее во дворе или у подъезда.

– Сынок, а что у тебя с Машей?

Костя ничего не ответил Лидии Алексеевне. При упоминании об этой удивительной девушке лицо его расслабилось,

неволью появилась улыбка.

С Машей Костя познакомился год назад. Она была младше на шесть лет. Худенькая, почти прозрачная, с огромными, просто бездонными, зелеными глазами.

Но привлекла Костю даже не внешность – Маша никогда не отворачивалась от чужой беды, все время кормила прибившихся к заводу щенков и котят, находила им дом. Костя чувствовал, что тоже небезразличен Маше, но рассказать о своих чувствах почему-то боялся.

– Сынок, ты все-таки признайся, пригласи ее к нам на чай. Познакомь с девочками. Ты еще молод, не ходить же тебе до конца жизнь бобылем.

Про себя Костя решил, что завтра обязательно пригласит Машу на свидание. Он вдруг почувствовал, что жизнь начинает налаживаться.

Лидия Алексеевна, проводив сына на работу, стала будить девочек в школу. Они вместе проверили портфели, бабушка накормила Веронику и Виталину завтраком и повела их к остановке.

Выходя из подъезда, они не заметили темную фигуру, прятавшуюся за углом дома. Мужчина набрал номер телефона и хрипло проговорил: «Маринка, выдвигайся. Хата пустая».

Подходя к подъезду сына, Лидия Алексеевна увидела полицейскую машину. Сердце почуяло неладное. Женщина, не

дожидаясь лифта, птицей взлетела на свой этаж. У закрытой двери толпились соседи и правоохранители.

Вот от них-то Лидия Алексеевны и узнала, что сразу после ее ухода Костину квартиру пытались вскрыть двое мужчин. Но, к счастью, не успели – воров спугнули другие жители дома.

Костя выслушал неприятные новости и сразу понял, кто стоит за несостоявшимся ограблением. Твердо пообещав себе сменить замок, мужчина отправился на поиски Маши. Краснея, как школьник, Костя неуклюже пригласил девушку на ужин. Как ни странно, Маша с радостью согласилась.

После памятного ужина прошел год.

Удивительно, но Марина после попытки ограбления куда-то пропала. Костя женился на Маше, сменил работу.

Вероника и Виталина быстро привыкли к новой жене папы и стали называть ее мамой. Лидия Алексеевна приободрилась, перестала жаловаться на здоровье, вернулась к своим любимым грядкам. Детей часто навещала и брала к себе на выходные.

Костя принял предложение друга детства. Пошел в напарники к Олегу, начал достойно зарабатывать. Маша подарила мужу сына, а дочкам – братика Сережу. Крепкого зеленоглазого мальчишку называли Сергеем.

Виталина и Вероника во всем старались помогать маме. Девочки часто гуляли во дворе с коляской, давая Маше возможность заняться домашними делами или хоть немного от-

дохнуть. Теперь Костя всегда спешил с рейса домой – потихоньку выбираясь из бедности, он наконец-то был счастлив.

Как-то по дороге в Москву, когда Костя был за рулем большегрузного КАМАЗа, у него зазвонил телефон. Сначала трубку поднимать он не хотел, боялся отвлечься от дороги, тем более что номер на экране высвечивался незнакомый.

Чувство тревоги (а вдруг что-то нехорошее случилось дома?) вынудило его все же ответить на звонок:

– Ну, привет, дорогой бывший. Как у тебя дела? Слышала, женился?

– Здравствуй Марина. Не могу сказать, что соскучился. Дела твои мне тоже неинтересны. Что ты хотела?

– Слушай, Костя, мне нужны деньги. Ты сейчас неплохо зарабатываешь на этих перевозках, поделись и со мной. Не забывай: дочери живут с тобой только из моей милости — жалко мне стало тебя и твою мамашу. Забери я Виталинку и Веронику, вы бы с ума сошли. Так вот, я хочу, чтобы ты мне заплатил двести тысяч. По сто тысяч за каждую девчонку. Иначе я пойду в суд и отсужу у тебя детей. Решай.

– Ты не получишь ни денег, ни девочек. Я легко докажу, что такая мать им не нужна. Только попробуй приблизиться к нам хотя бы на километр – загрызу!

– Ну что ж, Костя... Ты сам нажил себе проблем. Пока. Скоро ты обо мне услышишь.

После этого разговора Костя всю ночь не мог уснуть. Утром он рассказал о своих переживаниях Олегу. Друг по-

советовал не обращать внимания на пьяные бредни Маринки, в случае чего пообещав помощь. О ночном звонке Костя решил не рассказывать Маше и маме, чтобы не расстраивать любимых женщин.

Марина снова пропала на три месяца. Близилось лето, семью никто не беспокоил, жизнь текла своим чередом. Костя уже начал думать, что к бывшей вернулся здравый смысл, и она поняла, что ни один суд ей детей не отдаст.

Виталина закончила пятый класс, а Вероника – седьмой. Маша с Костей ходили на последний звонок и с гордостью наблюдали, как их любимым дочкам вручают грамоты.

Всей семьей по дороге домой зашли в кафе, где решали, как провести небольшой отпуск – у Кости накопилось две недели отгулов. Отец семейства предложил съездить на море – жена и дети идею поддержали.

За день до отъезда Маша отправила девочек в магазин за продуктами и другими мелочами. Вероника, взяв за руку Виталину, направилась к выходу и сказала, что на обратном пути зайдет к бабушке, чтобы передать ей ключи от квартиры.

Лидия Алексеевна не лезла в семью сына и никогда не приходила к ним без предупреждения. Через час у Маши зазвонил телефон. Девушка подняла трубку и услышала голос рыдающей Вероники:

– Мама, мама! Она Виталинку забрала!

– Кто, доченька?! Кто забрал?

– Марина забрала! Она нас в парке подкараулила. Схва-

тила за руку Виталинку и потащила в машину! А я у бабушки, мам.

Телефон, выпавший из рук побледневшей Маши, успел подхватить Костя. По выражению лица жены он понял, что случилось что-то нехорошее. На бегу вызывая полицию, они отнесли Сережу Лидия Алексеевне, велели Веронике никуда не выходить, и побежали по паркам, аллеям и скверам искать Марину.

Костя позвонил Олегу – друг обещал навести справки и в ближайшее время перезвонить. Слово свое Олег сдержал – по телефону сообщил, что Марина находится в придорожном кафе, на выезде из города.

Маша с Костей помчались туда. К месту был вызван наряд полиции. Когда Маша увидела заплаканную Виталину возле пьяной Марины, она разъяренной кошкой бросилась к женщине и со всей силы, наотмашь, ударила ее по лицу:

– Никогда. Не смей. Подходить. К моим. Детям. Удавлю собственными руками, дрянь.

Марина вздрогнула – в голосе маленькой хрупкой девушки чувствовался ледяной холод. Тут подоспела полиция. Пьяная компания отчаянно сопротивлялась, в ходе потасовки из кармана Марины выпал мешочек с «белым порошком». Обмануть полицейских не получилось – завели уголовное дело.

Женщину осудили, позднее Костя лишил её родительских прав. После того, как Марина исчезла с горизонта, дела у се-

мьи пошли в гору. Девочки выросли, выучились, устроились на работу и вышли замуж.

Костя и Маша сделали в квартире ремонт, купили дачу и машину. Сережа радуется родителей успехами в учебе и спорте. Сейчас Маша и Костя нянчат внуков, а Лидия Алексеевна – правнуков. Старушка еще вполне бодр, частенько шутит, что года женитьбе не помеха. За ней, кстати, очень активно ухаживает Владимир Семенович – полковник в отставке, вдовец.

Вероника и Виталина и слышать ничего не хотят о своей биологической матери. Они ее знать не знают, хороших воспоминаний, с ней связанных, у сестер нет.

Выйдя из тюрьмы, Марина пыталась связаться с детьми. Она позвонила Веронике и Виталине, плакалась на судьбу, хотела повидаться с внуками и, конечно же, просила денег. Не получив помощи, Марина снова вернулась к прежнему образу жизни, где есть место только алкоголю, наркотикам и разным мужикам.

Не рожала бы

Отчим появился в Даниной жизни, когда ему было десять лет. Когда ему было восемь, его мать развелась с отцом, а через два года сошлась с Виталием Ивановичем. А может быть и официально вышла за него замуж – Даню так и не посвятили в этот вопрос.

Даня отнесся к появлению в семье отчима без особого восторга, но и без обиды на мать. Все кругом разбегались, сходились, женились, разводились. У большинства ребят в классе была точно такая же ситуация. И, в конце концов, Даня даже в десять лет понимал, что мама хочет устроить личную жизнь.

Но постепенно присутствие Виталия Ивановича в доме начало напрягать Даню. Придешь на кухню чипсов погрызть или кока-колы хлебнуть, а этот там сидит и жрет. Да еще и поучает:

– Питаться надо регулярно, три раза в день, чтобы не испортить желудок, – сам-то питается, когда ему захочется, вон в три горла жрет.

Возникали и другие проблемы. Захочешь душ принять, а там этот плещется. В родительскую комнату без стука не зайти: может они там кексом занимаются, это ж полный идиотизм – стучать в дверь в собственном доме!

Отчим, похоже, испытывал по отношению к Дане такие

же чувства. Через полгода после появления в доме Виталий Иванович отвесил Дане первый подзатыльник, сказав:

– Посуду за собой мыть надо, у матери и без того работы хватает.

Между прочим, Даня периодически мыл посуду, и, между прочим, абсолютно добровольно, когда накопится. А чего с одной тарелкой возиться?

Даня сразу же рассказал матери о рукоприкладстве. Та отмахнулась:

– Подумаешь, я тебе тоже иногда подзатыльники даю.

– Так то ты, а то посторонний мужик.

– Какой он тебе посторонний мужик, – взвилась мать. –

Он твой отец.

– Никакой он не отец, а отчим, – возразил Даня. – И вообще вы женаты?

– А тебе какое дело? – закричала мать.

– Мне очень большое дело, – ответил Даниил. – Если вы женаты, то он мне отчим, а если нет, то он мне вообще никто.

Тут мать отвесила Дане еще один подзатыльник.

Даниил ушел в свою комнату, изо всех сил хлопнув дверью, и три дня не разговаривал ни с матерью, ни с Виталием Ивановичем.

Постепенно обстановка в доме накалялась. Виталий Иванович все чаще орал на Даньку, хотя руки особенно не распускал. На все попытки Дани пожаловаться матери та реагировала одинаково:

– Он твой отец, и ты обязан его слушаться.

И только один раз Лидия Николаевна заорала:

– Ты хочешь, чтобы я в тридцать лет одна осталась? Кто меня еще возьмет с тобой? Кому я нужна с ребенком?

– Ну и не рожала бы меня, если ты с ребенком никому не нужна, – буркнул Даня и получил очередной подзатыльник.

Ссора с матерью произошла в середине мая, а в конце мая в гости приехала бабушка Дани, мамина мама Елена Петровна. Бабушка жила не так уж далеко от города – всего три часа на электричке, но в гости и раньше приезжала один-два раза в год, а после появления Виталия Ивановича частота ее визитов сократилась до одного раза в два года:

– Дань, может, ко мне на пару недель приедешь? – произнесла бабушка скорее по привычке. – Последний раз внук гостил у бабушки в деревне, кажется, в семь лет.

И тут неожиданно Даня подумал: «А что, лучше в деревне, чем тут с этим в одной квартире жить, там хоть никто придирается не будет, а с ребятами все равно в основном по смартфону общаемся (шел первый год недавней известной эпидемии, все общение происходило в основном в телефоне; днем, конечно, когда Виталий Иванович был на работе, а в школу ходить было не надо, Данька оттягивался, зато потом наступал кромешный ад, хоть сиди в своей комнате безвылазно).

– Да, – сказал Даниил к огромному удивлению матери и

бабушки. – Я, пожалуй, даже месяц поживу, если ты не против.

И мать, и бабушка воззрились на Даньку с нескрываемым изумлением.

– Да, конечно, – наконец пробормотала бабушка.

В итоге в город Данька вернулся 30 августа. Нет, после первого месяца жизни в деревне он, конечно, собрался в город, не будет же он, как первоклассник, сидеть в этой глуши.

Но потом представил себе Виталия Ивановича и оглядел свою комнату в бабушкиной «трешке». Здесь у него отдельная комната, на кухню можно прийти в любой момент: бабушка не злоупотребляла заготовками, и кухня в любое время была в распоряжении внука.

В душе и сортире никто не сидит, интернет ловит без проблем. В конце концов, и вполне традиционные деревенские развлечения типа купания, загораения и рыбной ловли оказались не такими уж и скучными. Вон всякие новорусские мужики на дорогих тачках сидят возле своих домов с видом на озеро и мочат дорогуший спиннинг в воде, – и ничего, никто над ними не смеется.

У бабушки в хозяйстве нашлась вполне приличная удочка, даже не совсем отстойная. Данька стал возиться с ней от скуки, но когда ухитрился поймать на нее щуку, к своему удивлению понял, что ужасно гордится. Конечно, кому скажи в классе, – засмеют. А с другой стороны им-то слабо поймать щуку. И вообще, компании конечно в деревне особой

не было, но так и в городе Данька последние полгода общался в основном по вацапу. Какие проблемы?

В город Данька возвратился как на каторгу. Отчим, придя домой и обнаружив вернувшегося пасынка, скорчил таааааакую рожу... Между прочим, Данька здесь живет, это его с матерью квартира. И нечего рожу корчить. Вечером того же дня Виталий Иванович наорал на Даньку, Данька огрызнулся, получил очередной подзатыльни, и все началось заново.

На осенние каникулы, к счастью, класс уехал на какую-то экскурсию в Псков, так что можно было сбежать из дома (ограничения уже ослабили). Зимой намечалась очередная экскурсия, на этот раз по Золотому Кольцу и еще куда-то, и Данька уже предвкушал, как две недели не будет видеть отчима, но тут случился облом. Мать заявила, что у нее нет денег на такие экскурсионные поездки. Данька смертельно обиделся:

– Ты же сама мне все время твердила, что ребенка надо развивать, «что ты все время в смартфоне сидишь, что ты там не видел»! Вот я и хочу увидеть что-нибудь кроме смартфона. Я же у тебя не на электросамокат и не на айфон прошу.

Мать, тем не менее, заявила, что денег нет. Оскорбленный Данька брякнул, надеясь, что мать передумает:

– Тогда я уезжаю на каникулы к бабушке.

На следующий день Даниил с рюкзаком уехал на вокзал. Идиотизм высшей пробы: что в этой деревне – ну ладно, не

деревне, ПГТ, как это называла бабушка, – делать зимой?

– Едет крыша, не спеша, тихо шифером шурша, – сказал Даня, выходя из электрички и пересаживаясь в древний ПА-Зик. Затем постучал себя по лбу.

Но оказалось, что совсем смертной тоски в этом ПГТ, то бишь поселке городского типа (наконец-то Данька узнал, как оно расшифровывается) не было. Новорусского народа в деревню, то есть в поселок, понаехало еще больше, чем летом, подобралась неплохая компания. Даню несколько раз приглашали в весьма крутые гости, пару раз он смотался в город с новыми приятелями. На машине это было всего ничего – час с небольшим. Домой он не заходил.

Ближе к марту Виталий Иванович как-то спросил:

– Весной ты опять собираешься в эту Тмутаракань?

Неожиданно Даня уловил в голосе отчима чуть ли не заискивающие нотки. И вдруг ему ударила в голову шальная идея. На следующий день Даниил позвонил бабушке и спросил:

– А как ты смотришь на то, чтобы я к тебе перебрался жить? Школа ведь в вашем поселке есть? Наверное, мать отстегнет сколько-то денег на мое содержание.

Бабушка, кажется, была и удивлена, и обрадована, но неуверенно сказала:

– Ладно, завтра я поговорю с Лидочкой.

На завтра мать устроила удивленному Дане суперистери-

ку:

– Ты хочешь меня бросить! – вопила она. – У меня больше нет сына! Для тебя мать – пустой звук!

Даня оторопело слушал мать. С его точки зрения все складывалось наилучшим образом. На следующий день Даня попытался набрать бабушку, чтобы как-то обсудить с ней этот вопрос и с изумлением обнаружил, что в смартфоне не было бабушкиного телефона.

Ну вот не было, и все.

Даня пролистал адресную книжку три раза взад и вперед. Телефон он, конечно, не таскал все время с собой, как некоторые ненормальные, иногда он просто лежал у него в комнате на столе. Это что значит, мать удалила телефон? А как вообще его восстановить? Раньше вроде были какие-то справочные службы. Потыкавшись по интернету целый день, Даня убедился, что никаких справочных служб нынче в помине не существует, чуть было не впал в панику, а потом дождался субботы, пошел после школы на вокзал и отбыл к бабушке.

Бабушка пришла одновременно в восторг и отчаяние.

– Ну и что я твоей матери скажу? – вопрошала она.

– Скажешь, что я забочусь о ее личной жизни, – хладнокровно ответил внук, – и хочу, чтобы она счастливо жила с новым мужем.

– Брысь из комнаты! – скомандовала Елена Петровна, – я сама Лиде позвоню.

Даня послушно «брысьнул», неплотно затворил дверь и

замер перед ней ухом к щели. Слышал он, конечно, только реплики бабушки:

– В конце концов, он сам имеет право решать.

– Лида, ну ты же сама хотела пожить в свое удовольствие.

У вас будет отдельная спальня и гостиная.

– Никто же его силком не тянет.

– О господи, ты говоришь так, как будто это забытая деревня в три двора. На машине до города – час с небольшим. Он вполне может съездить и в клуб, и куда ему там еще надо.

– Лида, ты сама не знаешь, чего ты хочешь.

– Нет, мне не надо чужого сына, мне достаточно своей ненормальной дочери.

Бабушка раздраженно распахнула дверь, Даня едва успел отпрыгнуть, чтобы не получить по лбу:

– Подслушивал, – утвердительно сказала бабушка.

– Подслушивал, – сказал Даня.

Твоя мать – ненормальная, – сказала Елена Петровна. Хотя, конечно, непедагогично так говорить о своей дочери. В общем, если она отпустит тебя без скандала, то я только «за». Всем будет так лучше. Цепью тебя никто не приковывает. Если поживешь тут пару месяцев и передумаешь – вернешься обратно.

В воскресенье Даниил попытался еще раз поговорить с матерью и услышал все то же самое. Он отвратительный сын, он предатель, он ненавидит свою мать.

Даня ушел в свою комнату и грохнул дверь так, что в коридоре чуть не оборвалась люстра. Через минуту в комнату влетел взбешенный Виталий Иванович:

– Как ты разговариваешь с матерью, щенок! – заорал он. И тут Даня решил:

– Виталий Иванович, давайте поговорим спокойно, как мужчина с мужчиной.

Отчим от неожиданности поперхнулся и снова заорал:

– Вы поглядите на него, мужчина нашелся! Да ты картошку сам не в состоянии почистить! Тоже мне, мужик.

– Картошку я в деревне чистил, – сообщил Даня спокойно, – и варил, и жарил, и даже как-то с кабачками тушил. Вы же сами хотите от меня избавиться? Вот и уговорите мать, чтобы она меня отпустила. Нам обоим будет только лучше.

Виталий Иванович неожиданно замолчал на полуслове.

Потом сказал:

– Может ты и прав, деньги мы и так, и так на тебя тра-тим, я, пожалуй, тебе даже лишнюю пятерку на карманные расходы подкину. Но чтобы никаких возвращений через две недели с криками «Мне там скучно»!

Даня кивнул.

Три дня отчим скандалил с матерью. В начале весенних каникул Даниил написал заявление о переводе в школу №1 ПГТ Калиново и с чемоданом и рюкзаком отбыл к бабушке.

Виталий Иванович ушел от матери в начале июня. Мать

немедленно позвонила Дане и сообщила, что она с нетерпением ждет любимого сына домой. Даня вышел на берег озера, присел на камушек, посмотрел направо – на новорусские коттеджи с архитектурными изысками, налево – на унылые пятиэтажные хрущевки ПГТ – и глубоко задумался... А надо ли возвращаться?

Нагуляла

– Егор, бросай свою газету, иди ужинать! Борщ стынет!

Нина Ивановна расправила складки на скатерти и потянулась за хлебницей. Егор Матвеевич громко шаркая тапочками прошел на кухню и сел за стол. Женщина поставила перед мужем тарелку, рядом положила ложку и протяжно вздохнула.

– Что, Нинуша, опять переживаешь?

– Да, дорогой, что-то Марьяша задерживается. Уже восемь вечера!

– Нина, девочке семнадцать лет! Она учится в институте, вращается в новом для нее кругу. Наверное, у Марьяны появились друзья. Оставь девочку в покое – она взрослая, пора дать ей возможность учиться на собственных ошибках.

– Ох, Егорушка, чует мое сердце – случится беда. Я вчера сон про нее плохой видела...

Егор Матвеевич, нервно отмахнувшись от жены, продолжил есть. Нина Ивановна подошла к окну и немного отодвинула занавеску. Зрение у шестидесятипятилетней женщины было не ахти, и ей приходилось сильно щуриться, чтобы разглядеть силуэты идущих по улице людей.

– Ой, а вон и Марьяша. Егор, посмотри, кажется, рядом с ней идет высокий молодой человек?

Егор Матвеевич, молча закатив глаза, поднялся из-за сто-

ла и подошел к жене.

– Да действительно, рядом с нашей Марьянкой идет какой-то парень. Надо же, какой джентльмен – поддерживает за локоток и несет ей сумку.

Нина Ивановна засуетилась: быстро достала из холодильника торт, нарезала его, поставила лучшие фарфоровые чашки с блюдцами, сахарницу вазочки с конфетами и вареньем. Егор Матвеевич про себя только усмехнулся, глядя на старания жены. В дверь позвонили. На ходу снимая фартук, Нина Ивановна бросилась открывать.

– Здравствуйте-здоровствуйте, проходите. Марьяша, что же ты не предупредила, что к нам сегодня придут гости?

– Извини, бабуль, не сообразила. Знакомьтесь. Это Михаил, мой одногруппник.

Молодой человек протянул Нине Ивановне руку и улыбнулся.

– Ну что же мы стоим? Проходите скорее на кухню, будем пить чай. Егор Матвеевич уже заждался.

Марьяна, глядя на Мишу, щебетала как птичка. Дедушка невольно поймал себя на мысли, что молодой человек ему не нравится. Он был каким-то скользким, с недобрим взглядом.

После чаепития переместились в гостиную. Михаил бесцеремонно озирался по сторонам, разглядывая картины, технику и антикварные статуэтки.

Родители Марьяны погибли, когда она была еще малень-

кой девочкой. С тех пор заботу о внучке полностью взяли на себя ее дедушка и бабушка со стороны отца. Нина Ивановна старалась привить Марьяне правила этикета: учила девочку, как нужно вести себя в обществе.

О дискотеках, ночевках у друзей и, как сейчас модно говорить, «вписках» не было и речи. Если Марьяна заводила разговор, например, о поездке в другой город с классом, Нина Ивановна тут же хваталась за сердце и изображала глубокий обморок.

И девочка смирилась, стала потихоньку отдаляться от сверстников, не принимала участия в молодежных развлечениях, только бы не расстраивать бабушку. Нина Ивановна мечтала, как Марьяна окончит институт, устроится на престижную работу и создаст семью.

После ухода молодого человека Егор Матвеевич посадил внучку рядом с собой на диван и начал непростой разговор:

– Марьяша, скажи мне, пожалуйста, что тебя связывает с этим молодым человеком?

– Ну-у... э-э... Он мне нравится, дедуль.

– Давно вы знакомы?

– Уже три месяца Миша за мной ухаживает. Кстати, на следующей неделе мы идем знакомиться с его семьей.

– Детка, расскажи мне подробнее о его родителях. Кто они, кем работают?

– Мишин папа работает на заводе, мама – стоматолог в городской поликлинике. У них, кроме Миши, есть еще доч-

ка. Кстати, бабуль, сможешь выбрать небольшой подарочек Мишуткиной сестренке?

«Хм, уже Мишутка» – подумал про себя Егор Матвеевич, но промолчал.

Вечером, перед сном, Нина Ивановна тарыхтела как заведенная, строя планы на счастливое внучкино будущее. Егор Матвеевич молчал – он старался разобраться в себе и понять, чем ему так не понравился будущий зять.

С того дня Миша стал каждый вечер провожать Марьяну домой. Девушка выпросила у Нины Ивановны жемчужные бусы и янтарные серьги. Бабушка сводила ее к парикмахеру и прикупила несколько платьев. Особый наряд выбрали для похода на «смотрины» к родителям жениха.

Егор Матвеевич никак не мог отвязаться от неприязни, которая с каждым днем росла и крепла в его душе.

К походу к родителям Миши Нина Ивановна и Марьяна начали готовиться загодя. Осталось прикупить сумочку и туфли в тон к красивому брючному костюму.

В день Икс, проводив внучку за дверь, Нина Ивановна практически не отходила от окна, чем вызывала здоровое недовольство Егора Матвеевича:

– Нина, сколько можно ждать? Ты покормишь меня сегодня или нет?

– Сейчас-сейчас, Егорушка. Только посмотрю, возвращается ли Марьяна.

Молодые люди приближались к обычной многоэтажке.

Миша, как бы стесняясь, объяснял, что квартира его родителям досталась от бабушек и дедушек. Но есть планы расширяться: продать это жилье и съехать в более удобное и презентабельное место. Родители Миши Марьяну встретили радушно: мама сразу же пригласила к столу, долго расспрашивала девушку о родственниках.

– Родителей у меня нет. Маму и папу мне заменили бабушка с дедушкой. Егор Матвеевич, мой дед – академик. Бабушка в свое время преподавала на кафедре Искусства.

Евгения Федоровна удовлетворенно кивала, слушая рассказ Марьяны, и потихоньку под столом пинала мужа, видя, как он налегает на коньяк. Разговор плавно перетек к свадьбе: родители Миши дали понять, что они довольны выбором сына.

Молодые люди вскоре и родственников познакомили друг с другом. Миша и Марьяна перестали скрывать в институте свои отношения, везде ходили за ручку, сидели рядом друг с другом на лекциях и много гуляли.

Марьяна беспокоилась, что Миша не торопится делать ей предложение. Девушка поделилась своими переживаниями с Ниной Ивановной. Бабушка успокоила внучку:

– Дорогая, современные мужчины не такие смелые. Твой дедушка, например, позвал меня замуж на третий день знакомства. Как видишь, сорок пять лет мы живем душа в душу. Дай Мише немного времени, пусть свыкнется с мыслью и попросается с холостяцкой жизнью.

Марьяна послушалась бабушку и перестала думать о плохом. Миша же начал настойчиво приглашать Марьяну к себе на ночь под предлогом помочь с высшей математикой, посмотреть фильм или показать его новую компьютерную игру.

Марьяна, хоть и была домашней, но совсем не глупой – она понимала, чего от нее хочет молодой человек. Миша, устав выслушивать отказы, объяснил девушке, как важны для него полноценные взрослые отношения.

Если Марьяна не хочет его как мужчину, то он найдет себе более сговорчивую пассию. Девушка долго сопротивлялась, но все-таки сдалась.

Нина Ивановна стала замечать, что Марьяна ведет себя как-то странно. Девушка практически полностью перестала дома есть, ссылаясь то на занятость, то на отсутствие аппетита. Перед завтраком она подолгу запиралась в ванной. Бабушка, заподозрив неладное, вызвала внучку на откровенный разговор:

– Дорогая, ты ничего не хочешь мне сказать?

– Бабуль, я, кажется, беременна.

От ответа внучки Нина Ивановна так опешила, что забыла по привычке изобразить обморок и схватиться за сердце. Тут же вызвала Егора Матвеевича, и семья за круглым столом стала обсуждать дальнейшее развитие событий.

– Ты Мише сказала?

– Да, бабуль, сказала...

– И что он решил?

– Велел мне отправляться на аборт. Ребенку он не рад, воспитывать его не хочет. Я не знаю, что делать...

Дед, выслушав внучку, молча встал и вышел из квартиры. Поймав такси, Егор Матвеевич отправился к родителям Михаила. Те встретили его враждебно.

Отец, явно под каблуком у жены, молчал, изредка кивая головой в знак одобрения. Евгения Федоровна кричала так, что в серванте дребезжала посуда:

– Что вы себе позволяете? Да как вы смее обвинять моего мальчика в таких вещах? Как вы воспитали свою вертихвостку? Вы разве не объяснили ей, как должны себя вести порядочные девушки?

У Егора Матвеевича никогда в жизни не возникало мысли поднять руку на женщину. В этой ситуации он еле сдержался. Вернувшись домой, он произнес:

– Значит так. Про Михаила забудь, в твоей жизни его никогда не существовало. Ребенка вырастим сами. Ты будешь учиться, а мы, насколько нас с Нинушей хватит, будем воспитывать твоего малыша.

Михаил после скандалов надолго исчез из жизни Марьяны. Чтобы она не нервничала, Егор Матвеевич похлопотал и перевел внучку в другой институт. Когда девушка была на седьмом месяце, в учебное заведение приехала Евгения Федоровна. Она прижала девушку в коридоре к стенке и зашипела:

– Что, прохвостка, хочешь моего сына обманом на себе

женить? Нагуляла ребенка неизвестно от кого, а на моего Мишеньку вешаешь? Чтобы духу твоего не было в его жизни! Узнаю, что ты приблизилась к моему сыну хотя бы на сто метров – пожалеешь! Не родится твой ребенок на свет!–шипела несостоявшаяся свекровь.

После того, как Марьяна в слезах прибежала домой и рассказала бабушке с дедушкой о визите несостоявшийся свекрови, Егор Матвеевич чуть было снова не поехал к Михаилу домой. Нина Ивановна и Марьяна отговорили.

В институте и преподаватели, и однокурсники стали перешептываться. Марьяна, стыдясь саму себя, перестала ходить на учебу.

В декабре, в ночь с пятого на шестое число, на свет появился чудесный мальчик, которого назвали Даниилом. Было видно, что Марьяна особой любви к ребенку не испытывает: малыш напоминал ей о предательстве и о самой большой боли в жизни.

Новорожденным занималась бабушка Марьяны. Нина Ивановна вставала к малышу ночью, кормила его из бутылочки (молоко у Марьяны от переживаний пропало) и укачивала. Когда Дане исполнилось три месяца, девушка решила выйти на работу. Получив первую зарплату, Марьяна поставила бабушку с дедушкой перед фактом:

– Я хочу жить одна. Наверное, Миша был прав – ребенок мне сейчас только в тягость. У меня нет ни желания, ни возможности его воспитывать. Если хотите, оставьте его себе

или сдайте в детский дом.

У Нины Ивановны впервые за много лет на самом деле заболело сердце от слов внучки. Егор Матвеевич велел Марьяне собирать вещи и уходить, раз она так решила. Девушку не нужно было просить дважды – в тот же день она съехала на съемную квартиру.

К удивлению Нины Ивановны, воспитывать новорожденного малыша оказалось делом несложным. В помощь супруге Егор Матвеевич нанял соседку – шуструю, моложавую женщину. Она выполняла вместо Нины Ивановны всю домашнюю работу, прабабушка же круглосуточно находилась с Даниилом.

Со временем жизнь вошла в колею – Марьяна периодически приходила домой, минут пять играла с сыном, просила у Нины Ивановны денег и снова уходила. Втайне женщина надеялась, что внучка образумится и рано или поздно забереет сына к себе.

С работы Марьяна торопилась домой, к бабушке и дедушке. Она наконец-то стала испытывать к малышу материнские чувства. Данька рос забавным и любознательным. Марьяна все чаще старалась проводить с ним время.

Уже почти подойдя к подъезду, девушка поскользнулась на льду и упала, подвернув ногу. Боль была настолько резкой, что Марьяна непроизвольно закрыла глаза. «Торт, торт раздавила!» – промелькнула в ее голове.

Вдруг чьи-то сильные руки подняли ее в воздух, аккурат-

но поставили на землю и принялись отряхивать плащ. Так она и познакомилась с Юрием.

Отношения молодых людей развивались стремительно. Вскоре девушка переехала со съемной квартиры к любимому мужчине. Три месяца Марьяна боялась признаться Юрию и рассказать про Даньку.

Всякий раз она прокручивала в голове сложный разговор и приходила к мысли, что не хочет расставаться с единственным понимающим ее человеком.

Но скрывать дальше было нельзя – набравшись смелости, Марьяна как-то за ужином рассказала Юре все о Михаиле, беременности и скандалах с родителями несостоявшегося мужа.

Юрий выслушал все молча, встал из-за стола и вышел из квартиры. Девушка испугалась и стала на всякий случай собирать вещи. Юрий вернулся быстро с большим букетом. Он крепко обнял любимую женщину и сказал:

– Дурочка, неужели ты думала, что твой сын – помеха нашим отношениям? Сейчас же поехали, заберем его к себе!

Егор Матвеевич и Нина Ивановна сначала не хотели отдавать Даньку. Но Юрий клятвенно пообещал, что малыша они будут привозить прабабушке и прадедусшке каждые выходные. Через месяц сыграли свадьбу, и у Даньки в графе «Отец» появилась фамилия Юрия.

Ешь чужой хлеб

Юля вышла в декрет три года назад, когда была беременна Сашей, и до сих пор не вернулась к работе. На недавнем семейном совете было решено, что муж, Сергей, будет зарабатывать, а Юля – заниматься домашними делами.

Такой вариант устраивал обоих.

У Сергея была хорошая, высокооплачиваемая работа, так что у него была возможность обеспечивать троих человек и не волноваться за то, что из дома понемногу выветривается так любимый им домашний уют. Юля была рада проводить больше времени с малышом и обустраивать потихоньку их новую квартиру. Так и жили. Денег хватало, в доме был мир и благодать, обоих супругов все устраивало.

Но это не устраивало свекровь

Тамара Анатольевна, мать Сергея, была женщиной волевой и с принципами, как она сама о себе говорила. Хотя, Юле иногда казалось, что принцип у нее был только один: постоянно тыкать невестку носом в то, что та еще не вышла на работу.

В воспоминаниях Тамары Анатольевны о своем славном прошлом такого безобразия, конечно же, не было. Она всю жизнь проработала старшим инженером на химико-механическом заводе и по ее словам выходило, что Сергея в младенчестве она нянчила чуть ли не отходя от чертежного сто-

ла. За ухом карандаш, в одной руке – штангенциркуль, во второй – ребёнок, в глазах – рабочий пыл и азарт.

По крайней мере, такая картина рисовалась в воображении Юли, когда она слушала свекровь.

Вот и в этот раз, едва переступив порог, едва взглянув на внука, Тамара Анатольевна задала свой сакраментальный вопрос:

– Все еще в декрете? Никак не выйдешь?

Юлю покорило от тона, каким это было сказано. У Тамары Анатольевны были интонации генерала, распекающего подчиненных.

– Как видите, да, в декрете.

– Не надоело еще бездельничать? – взгляд свекрови стал еще колючее.

Юля еле сдержалась от страдальческого вздоха.

– Я не бездельничаю, Тамара Анатольевна, что вы такое говорите? Столько дел по дому надо переделать, я уже с утра в мыле.

Свекровь прошла по квартире. Судя по неодобрительно поджатым губам, успехами Юли в плане работы по хозяйству она осталось не впечатлена.

– Я Серёжины любимые пирожки принесла, – сказала наконец свекровь, протягивая невестке контейнер. – Ты-то их готовить не умеешь, – добавила она со скрытым триумфом.

– Спасибо большое, – Юля ушла на кухню и убрала контейнер в холодильник. Сергей как-то признался ей, что дав-

но уже не питает пылкой любви к маминым пирожкам с творогом и изюмом, и уплетает их в гостях у матери только чтобы не обижать ее. Поэтому Юля и не удосужилась выучить рецепт. Представив, какие глаза были бы у мужа, если бы она начала пичкать его дома этими пирожками, она едва не рассмеялась.

– Что смешного? – холодно спросила свекровь, появившись в дверях кухни. Руки были скрещены на груди, взгляд бегал по помещению, искал примеры Юлиной лени и неумелости.

– Ничего. Я так, о своем. Чаю хотите? – примирительно спросила Юля.

– Нет, обойдусь, – сказала Тамара Анатольевна таким тоном, как будто намекала, что от чая-то она бы не отказалась, но сомневается в способности невестки заварить его как надо, не облив при этом свекровь кипятком и не расколов вдребезги подаренный на свадьбу сервиз.

– Ну а я, пожалуй, попью, – скорее даже из капельки вредности, чем по действительному желанию, Юля поставила чайник на огонь.

– Как хочешь, твой дом – твои правила, – язвительно сказала Тамара Анатольевна.

Юля промолчала и занялась своими делами. Спиной она чувствовала взгляд свекрови.

– Сашка-то уже большой. Могли бы в ясли его отдать, не зря же они существуют. Или я бы могла с ним посидеть, пока

ты на работе, – с благородной жертвенностью в голосе предложила Тамара Анатольевна.

– Мы с Сергеем давно уже это обсуждали, – терпеливо ответила Юля. – И решили, что так будет лучше.

– Это почему же лучше? Для тебя – да, лучше! А для Серёжи? – не унималась свекровь.

У Юли начала болеть голова. Очередное переливание из пустого в порожнее в исполнении Тамары Анатольевны. Надо было как-то утихомирить не в меру разбушевавшуюся свекровь.

– Поймите, для Сергея это тоже лучший вариант. Я ведь сижу дома не в последнюю очередь по его просьбе. Ему хочется, чтоб у него был чистый тёплый дом, горячий ужин и любящая семья, когда он возвращается с работы. И я рада ему это предоставить. Но если я пойду на работу, я чисто физически не буду успевать и работать и заниматься домом.

Неизвестно что послужило катализатором, но тут Тамару Анатольевну прорвало. Уже с момента своего прихода она потихоньку закипала, как чайник, стоящий на медленном огне, и сейчас, когда вода достигла пиковой температуры, забурлила паром негодования, и чайник яростно засвистел на всю кухню, голос свекрови присоединился к этому воплю, заглушая его:

– Да ты просто привыкла уже жить на всем готовеньком! Сидишь дома, пока Серёжа на тебя горбатится! Содержанка!

– Тамара Анатольевна, что вы такое говорите? – ахнула в

ужасе Юля.

– Да правду я говорю в твои глаза бесстыжие! Ешь чужой хлеб, не работаешь! А ребенком только прикрываешься, оправдывая свою лень! – сердито зыркнула свекровь в сторону Юли

– Нет, это ни в какие ворота... – Юля почти онемела от возмущения.

– Ни в какие ворота твое поведение не лезет! – свекровь ходила кругами по кухне, как пантера в клетке, и метала громы и молнии – Кто тебя приучил только жить на всем готовеньком? Мы в свое время своим потом и кровью на хлеб зарабатывали! Трудились не покладая рук! А ты? Разленилась совсем, барыня какая!

– Да вы хоть знаете, сколько сил ребенок и работа по дому отнимают? – возмутилась Юля.

– Преувеличиваешь, – отмахнулась свекровь. – я не Серёжа, меня вокруг пальца не обведешь! Думаешь, я не догадываюсь, что ты задумала? Живешь тут тихой сапой, а потом, дай только момент, квартиру на себя перепишешь?

– Да что вы несете? Как вы... – у Юли перехватило дыхание от обиды. – ... можете такое говорить?

Чайник на плите надрывался. Свекровь, не обращая на него никакого внимания, с удовольствием продолжала чествовать невестку:

– Могу, потому что насквозь тебя вижу! Содержанка ты, Юлечка! Нахлебница!

– Прекратите! – Юля чуть не плакала от незаслуженной обиды.

– Что, правда глаза колет? – торжествовала свекровь.

– Уйдите, пожалуйста, – попросила Юля, отворачиваясь, чтобы Тамара Анатольевна не увидела выступившие на ее глазах слезы.

– Что я говорила? Меня уже гонишь, а потом также Серёжу выгонишь, когда квартиру перепишешь! – свекровь в гордом осознании, что поставила наглуую невестку на место, вышла из квартиры, на прощание громко хлопнув дверью. В душе она была убеждена, что хоть она и покинула квартиру сына, но поле битвы осталось за ней.

Юля наконец обратила внимание на заходившийся истеричным свистом чайник и выключила под ним огонь. Наступила тишина.

Юля была очень расстроена. Никогда еще визиты свекрови не проходили с такими разрушительными последствиями для ее душевного спокойствия. Она и раньше, конечно, в выражениях особо не сдерживалась, но до открытых обвинений дело никогда не доходило. Хоть валерьянку пей, что Юля и сделала.

Весь день у нее все валилось из рук: Юля была совершенно выбита из колеи. Надо было заниматься домашними делами, а в голове крутились страшные мысли: а что если и Сергей так же думает? Ну не всерьез, а так, иногда, невзначай, на подсознательном уровне? От этих мыслей становилось еще

хуже, и Юля, чтобы отвлечься, погрузилась с головой в каждодневную рутину.

Время близилось к обеду, поэтому она отправилась на прогулку с сыном. Прогулявшись час по ближайшему к дому парку, они вернулись домой. Юля накормила сына и уложила его спать. Саша долго не засыпал, поэтому сама пообедать она не успела. Близился вечер, а значит пора было готовить ужин, а еще загрузить вещи в стиралку, перемыть посуду, оставшуюся с завтрака и сыновьего обеда (кашка уже застыла и с трудом отдиралась с тарелки).

Во время готовки Саша проснулся и расплакался, поэтому пришлось бежать баюкать его, стараясь не забыть про макароны и фарш, чтобы первые не разварились, а второй не пригорел.

При этом у Юли в голове постоянно крутились слова свекрови: «Разленилась совсем, барыня какая! Содержанка ты, Юлечка! Нахлебница!». Слезы обиды упрямо подступали к глазам.

Вечером пришел с работы муж. Как всегда, у него было отличное настроение. Он поцеловал жену, осторожно чмокнул, чтобы не разбудить, посапывавшего сына, потом прошел на кухню, где возилась Юля.

– Итак, что сегодня на ужин? – спросил он, комично потирая руки. Он был в восторге от кулинарных способностей жены. Как и от того, в какой чистоте она содержала дом и какой уют в нем поддерживала, что он, после работы, летел

домой как на крыльях.

– Паста с фаршем и помидорами, болоньезе. Не перехватывай, а то аппетит растеряешь, – рассеяно бросила Юля через плечо, увидев, что Сергей полез в холодильник. – Скоро будет готово, имей терпение.

– Хорошо, сдаюсь! – рассмеялся Сергей и увидел контейнер с пирожками. – А что, сегодня мама приходила?

– Да, приходила, – что-то в голосе жены заставило Сергея напрячься.

– Что случилось? – серьезно спросил он, закрывая дверцу холодильника.

Юля не выдержала, и рассказала о некрасивой сцене, происшедшей сегодня на этой самой кухне. У нее было неприятное чувство, эхо из детства, что она ябедничает, но больше держать это в себе она не могла.

Сергей внимательно выслушал ее, а потом притянул к себе всхлипывающую жену и обнял.

– Ты – мое сокровище, – сказал он ей. – Не обращай на ее слова внимания, слышишь? Больше такого не будет, честное слово. Ну, все хорошо, родная.

Когда Юля успокоилась, Сергей с решительным видом достал свой телефон и набрал номер матери.

Та сняла трубку после пары гудков.

– Алло, сынок?

После такого бодрящего дневного скандала Тамара Анатольевна успокоилась и теперь чувствовала себя не в своей

тарелке, смутно ощущая собственную вину.

– Здравствуй. Надеюсь, все хорошо у тебя? – голос Сергея был ледяным.

– Да, все нормально. А что у тебя с голосом? – забеспокоилась Тамара Анатольевна. – Ничего не случилось?

– Случилось, что ты сегодня пришла в мой дом и ни с того ни с сего нахамила моей жене. Это как понимать?

– Так разве ж я хамила! – возмутилась от такой вопиющей несправедливости мать. – Просто высказала свое мнение. Ну, попеняла немного, что она на работу не выходит, дак это ж только ей на пользу!

– Слушай, мама, это вовсе не шутки. Нельзя так поступать, понимаешь? Ты же взрослый человек, умудренный жизнью, в чем, кстати, после сегодняшнего я уже начинаю сомневаться. Нельзя прийти в мой дом, оскорбить мою жену, а потом, насвистывая, уйти в закат, или как там это называется. Пойми ты, Юля вкалывает до седьмого пота здесь, и только благодаря ей у нас в семье все хорошо. И я ей очень благодарен за это.

И да, это я ее попросил не выходить пока на работу, по крайней мере, пока Сашка не подрастет. Еще вопросы? Подозрения, обиды?

Трубка немного помолчала.

– Серёжа, ты прости, – наконец донеслось из нее. – Пере-нервничала я чего-то, вот и сорвалось. Давление, наверное...

– Когда давление, надо таблетки пить, а не на невестку

орать, – резонно заметил Сергей. – А теперь, будь добра, извинись перед Юлей. Я передаю телефон.

Юля сделала страшную гримасу и замахала руками, но Сергей настойчиво тянул ей трубку. Девушка сдалась и поднесла ее к уху.

– Еще раз здравствуйте, Тамара Анатольевна.

– Здравствуй, Юля, – свекровь замялась. Потом, видимо переборов себя, сказала. – Вот что, прости меня за сегодняшнее. Я была несправедлива к тебе. Я ведь, если честно, пожалуй позабыла, как все это было, когда Серёжа был маленьким. Еще раз прости, не держи зла на старую дуру.

– Все в порядке, Тамара Анатольевна. Спасибо за извинения, принимаю. До свидания, – сказала Юля и повесила трубку.

– Ну, а теперь – паста болоньез! – донесся с кухни довольный голос Сергея.

С тех пор Тамара Анатольевна подумерила свой боевой пыл и стала относиться к невестке заметно уважительней. Кажется, затянувшейся с ее стороны процесс признания Юли частью семьи, наконец-то завершился, хоть и не без борьбы. Иногда свекровь приходила в гости, теперь не выходя на тропу войны, как раньше, а чтобы посидеть с Сашей, или помочь по дому.

У Юли и Тамары Анатольевны начали налаживаться более-менее мирные отношения, чему Юля была безмерно рада.

Правда, свекровь продолжала приносить свои коронные пирожки с творогом и изюмом, но на это вполне можно было закрыть глаза.

Не буду прислуживать

– Ты посмотри, сынок, на нее! Она же клюнула на тебя только потому, что квартира собственная у тебя имеется! Ребенок не твой, ни грамма не похож. Нагуляла, наверное, на какой-нибудь вечеринке, пока ты ночами на работе задерживался. Не нужна тебе такая жена, гони ее прочь, пока не поздно!

Лера влюбилась в Илью с первого взгляда. Молодой человек пришел в кафе, где девушка после учебы подрабатывала официанткой. Илье Лера тоже понравилась. Парень никогда не был стеснительным, поэтому, дождавшись, когда она подойдет к столику, предложил познакомиться и попросил номер телефона. Лера не отказала. Роман длился год. За двенадцать месяцев Илья понял, что скромная Лера – его судьба, и сделал ей предложение.

Свадьбу сыграли скромную, отметили в кругу друзей и родственников. На торжестве не было только Дарьи Васильевны – свекрови Леры и матери Ильи.

Пожилой женщине избранница сына не понравилась сразу. Дарья Васильевна высказала свое категоричное «нет», за-

претила Илье с ней встречаться. Но сын впервые послушался мать и сделал по-своему. В качестве протеста Дарья Васильевна на свадьбу не пошла. Пожилая женщина очень жалела, что муж не дожил до этого «радостного» события: отец Ильи, Алексей Степанович, был для сына непререкаемым авторитетом.

Дарья Васильевна часто ходила к нему на могилу и жаловалась.

Молодые люди после свадьбы не бросили ни работу, ни учебу. Практически сразу, через три месяца после торжества, девушка забеременела. Новорожденного мальчика называли Арсением. Дарья Васильевна снова не пришла даже на выписку. По телефону она сообщила сыну: никаких внуков у нее нет, детей от нее она принимать не собирается.

Лера прекрасно знала, как ней относится свекровь, но терпела. Илью она по-настоящему любила. Молодой муж и отец был на все готов ради семьи. Илья много работал, не отказывался от командировок, только чтобы получить премию, равную окладу.

Лера неплохо справлялась с домашним хозяйством. Иногда ей на помощь из деревни приезжала мама или младшая сестренка. Они занимались с Сеней, и у Леры появлялась

возможность немного отдохнуть. Когда малышу исполнился год, заболела мама Леры. Она временно перестала приезжать к дочери, девушка лишилась помощи. Незадолго до этого молодые люди продали квартиру в городе и купили большой дом в пригороде.

Машина у семьи была, Илья на ней добирался до работы.

Лере нужно было готовиться к защите диплома, минимум месяц девушка должна была утром ездить в город и возвращаться вечером. Маленького Сеню оставить было не с кем.

Лера решила попросить помощи у свекрови через ее сына.

– Илюш, пожалуйста, поговори с мамой. Ты же знаешь, у меня сейчас очень тяжелый период: осталось совсем чуть-чуть до окончания института. Может быть, она согласится посидеть с Арсюшей три-четыре недели? Пусть не волнуется, ничего по дому ей делать не нужно. Я буду каждый вечер готовить, стирать и прибираться.

– Милая, я даже не знаю... Мне кажется, что она не согласится. Ты же знаешь, какой у нее характер.

– Я понимаю, Илюш, но у меня нет больше выхода. Няня сильно ударит по бюджету, да и не каждая согласится

пять дней в неделю ездить из города к нам, особенно если у нее нет собственного автомобиля. Дарья Васильевна нас бы очень выручила. Мама болеет, сестренка тоже учится. Они пока не могут приехать.

– Да я знаю, Лер. Хорошо, дорогая, я позвоню маме. Хотя нет. Будет лучше, если я к ней заеду.

На следующий день Илья позвонил жене и предупредил, что задержится после работы. Он собирался заехать к матери и обсудить важный вопрос.

– Ой, сыночек, привет! – открыв двери, воскликнула Дарья Васильевна. – Проходи скорее, я как раз только ужин приготовила.

– Мам, я ненадолго заехал повидать тебя и кое о чем попросить.

– Потом, все потом. Сначала садись ужинать. Небось моя криворукая невестушка тебя толком не кормит. До сих пор лапшой быстрого приготовления питаетесь?

– Мама, прекрати. Лапшу мы ели только первый месяц после свадьбы, потому что работали много, уставали. Не хотелось тратить силы на готовку. Ты же об этом прекрасно

знаешь.

– Ну да, ну да... Конечно. Садись, сынок. Я, как чувствовала, твой любимый гороховый суп с копчеными ребрышками сварила. Есть пирожки с яблоками и рогалики с творогом.

Когда Илья поел, Дарья Васильевна спросила о причинах визита.

– Ты, кажется, хотел со мной о чем-то поговорить? Я слушаю.

– Видишь ли, тут такое дело, мам. Лере нужно в течение месяца каждый день, кроме выходных, ездить в город на учебу. Диплом скоро защищать будет. Не могла бы ты к нам переехать на месяц, чтобы за Сеней присматривать? Больше ничего тебе делать не нужно: готовить, стирать, убирать Лера будет сама.

– Еще чего! Даже не проси, не буду я чужого ребенка нянчить!

– Как это – чужого? Это мой сын.

– Я тебе давно уже говорила, что не твой это сын. Совсем

на тебя не похож, вообще! Нагуляла его, наверное, Лерка, а на тебя повесила. А ты и рад стараться нагулыша воспитывать.

Илья даже не нашел что сказать. Молодой человек молча вышел из квартиры матери. Уж лучше он потратится на няню, чем еще раз обратится к ней с просьбой такого характера.

Лера оставляла Арсения на няню и уезжала в город. Диплом она успешно защитила. Практически сразу устроилась в небольшую компанию сначала на испытательный срок, а потом уже на полную ставку. За два года девушка получила несколько повышений и доросла до начальника отдела. Арсения отдали в частный детский сад. Илья тоже стал отлично зарабатывать, молодая семья теперь могла себе позволить путешествовать, но лишние деньги решили откладывать на квартиру Арсюше.

Дарья Васильевна своего мнения не изменила, в гости в дом сына ни разу не приехала. Вероятнее всего, она и адреса точного не знала. Илья мать тоже навещал нечасто, обиделся на ее грубые слова.

Илья был на работе, когда на мобильный телефон позвонили с неизвестного номера.

– Здравствуйте. Это Илья Алексеевич?

– Здравствуйте. Да, я слушаю. Кто это?

– Вас беспокоит медсестра шестнадцатой больницы. Скажите, пожалуйста, Дарья Васильевна – ваша мама?

– Да, моя мать. Что-то случилось?

– Она к нам сегодня с инсультом в кардиологическое отделение поступила. Сейчас перевели в неврологию. Состояние тяжелое, полностью парализована правая сторона, речь частично сохранена.

– Подскажите, пожалуйста, адрес. Я сейчас приеду.

Илья, бросив дела, помчался в больницу. Лечащий врач сказал молодому человеку правду:

– Понимаете, Илья, организм у вашей матери в силу возраста не способен самостоятельно и быстро восстанавливаться. Прогнозы, к сожалению, неутешительные. За Дарьей Васильевной нужен грамотный уход. Показывайте ей, как она вам нужна, говорите с ней почаще. После инсульта часто наблюдаются проблемы с памятью, поэтому показывайте

фотографии, проговаривайте, кто на них изображен.

Шансы восстановиться всегда есть. Поместите ее в хороший реабилитационный центр. Возможно, специалисты ускорят процесс выздоровления.

– Спасибо, доктор, я все понял.

После больницы Илья отвез мать в центр реабилитации. Там она провела месяц. Дома же мужчину каждый день ждал скандал. Лера была категорически против переезда Дарьи Васильевны к ним.

– Послушай, почему я должна за ней ухаживать? Почему Арсений должен видеть ее? Ты представляешь, что она ему про меня наговорит? Речь-то у нее постепенно восстанавливается.

– Лер, как тебе не стыдно? Это же все-таки моя мама! Мы для нее самые близкие люди, и поэтому обязаны ей помочь в сложной ситуации.

– Ты ей близкий человек, ты ей и помогай. Меня она всю жизнь ненавидела, обзывала, оскорбляла. Сына, нашего общего, кстати, называла не иначе как нагульшем. Не буду я за ней ухаживать.

– У меня нет возможности, я работаю. А у тебя зарплата меньше, да и времени свободного больше. И вообще, ради такого случая можно и уволиться. Я себе никогда не прощу, если маме не помогу.

– Илья, вопрос решается на самом деле очень легко: найми сиделку. Хорошо, я согласна – перевози ее сюда, пусть она занимает самую дальнюю комнату. Но ухаживать я за ней не буду.

Илья нанимать сиделку не собирался.

Мужчина искренне считал, что за парализованной женщиной должна ухаживать его жена. Он сам не мог менять ей памперсы: он же мужчина, его дело – деньги зарабатывать.

Лера тоже была не намерена отступать: только-только у нее стала складываться карьера, и лишаться отличной должности ради свекрови, которая всю жизнь ее гнобила, Лера не собиралась.

Илья перевез мать в свой дом. Лера, как и обещала, в первый день ни утром, ни вечером ни разу не подошла к свекрови. Илье пришлось самому ее кормить и переодевать. Вечером супруги сильно поругались.

– Да что ты за человек такой! У тебя что, совсем сердца нет? Ты посмотри на мать, в каком она сейчас состоянии! В конце концов, это грех большой – злиться на больного человека. Давно пора ее простить.

– Илья, пожалуйста, давай прекратим этот бесполезный разговор. Я тебе все сказала. – Я не буду прислуживать твоей матери, я согласна помочь тебе оплачивать сиделку, но не больше. Я же тоже устаю, – чуть не плакала жена. После работы, я убираю, стираю, готовлю, собираю вещи в садик Арсению, делаю с ним домашние задания и поделки. Илья, я так не могу!

– Правильно. Я и говорю: увольняйся. У тебя на все будет хватать времени.

– Почему я должна увольняться? Увольняйся ты и сам ухаживай за своей матерью.

– Лера, я не могу! Ты пойми меня правильно, я не могу видеть свою мать голой! Ну не могу я – и все.

– Ну, не мои это проблемы, дорогой. Я предложила тебе выход из ситуации: нанимай сиделку или увольняйся. Все, разговор закончен.

На этом скандалы не кончились. Когда на следующий день Лера вернулась с работы домой, Илья буквально накинулся на нее с кулаками:

– Я же просил остаться дома! Мать весь день голодная, в комнату зайти невозможно – такой запах стоит, что глаза слезятся. Думал, в тебе проснется хоть капля сострадания!

– Руки свои от меня убери. Я последний раз говорю: не будет ноги моей в комнате твоей матери! Я не буду, Илья, за ней ухаживать. И вообще, я думаю, что сегодня наша с тобой совместная жизнь закончилась. Я тебе никогда не прощу рукоприкладства.

– Да куда ты не денешься, еще как будешь ухаживать за мамой! Правильно она мне говорила: никчемная ты, бессердечная змея. Вот уж повезло – пригрел на груди гадюку.

Арсений, испугавшись крика отца, убежал в свою комнату. Лера прошла в детскую, взяла малыша на руки и направилась в спальню. В небольшую дорожную сумку покидала немного вещей, положила документы, зарядное устройство для телефона, ноутбук, планшет сына. Банковская карта, на которой девушка хранила свои сбережения, всегда была при ней.

В коридоре Ильи уже не было – он ушел к матери. Лера обулась, вышла из дома и тихо прикрыла за собой дверь.

То, что жены и сына нет дома, Илья понял не сразу. Он накормил мать и пошел в детскую, думая, что Лера сидит там. Мужчина хотел заставить жену сменить матери памперс. Не найдя ни ее, ни Арсения, Илья сразу не забеспокоился. «Ничего, поспихует и вернется, – подумал мужчина. – Никуда не денется».

Вечер пролетел в заботах. Дарья Васильевна ежеминутно требовала внимания. Илья уже второй день подряд ближе к ночи валился с ног. Когда мать уснула, мужчина направился в спальню. Он увидел, что личных вещей Леры нет. «Интересно, куда она делась? – пронеслось в голове у Ильи. – Наверное, у своей закадычной подружки, Файки, сидит».

Лера действительно была у Фаины. Девушка рассказывала подруге события последних дней. Монолог прервал телефонный звонок.

– Алло. Да, я. Привет. Нет, у меня их нет. Нет, не звонила и не приходила. А вы что, поругались?

Положив трубку, Фаина сказала, что звонил Илья. Лера

только грустно улыбнулась.

На развод мужчина подал сам.

Он не смог простить безразличного отношения жены к его матери. Лера и не сильно переживала. Когда отношения были официально расторгнуты, она наконец-то вздохнула спокойно. Теперь она сама себе хозяйка. Никто не будет помыкать, требовать, угрожать, оскорблять и поднимать на нее руку. Зарплату Лера получает достойную, хватит на съемную квартиру и на воспитание сына.

Лера подала на алименты.

Препятствовать общению отца с сыном не стала. Илья все же нанял сиделку, но та долго рядом со сварливой старухой не продержалась. Почти каждый месяц Илье приходится подавать объявления о поиске женщины, готовой ухаживать за лежачим человеком с инвалидностью.

Дом

– Ты дом на меня переформишь и переедешь в пансионат, здесь ты нам жить мешаешь! Мама, давай решим все без скандала, – выдал сын

– Вова, очнись! Твоя мать не успокоится, пока не сведет меня в могилу. Я боюсь ее! Вова, сделай что-нибудь. Не вынуждай меня прибегать к крайним мерам, я не хочу вмешивать в семейные разборки полицию. Я даю тебе три дня...

Марии Константиновне недавно исполнилось семьдесят два года. Несмотря на преклонный возраст, старушка бойко управлялась с небольшим хозяйством и выращивала овощи в огороде. Спокойная жизнь женщины закончилась семь лет назад, когда сын, Вова, привел в родительский дом свою жену, Лидию. Как известно, на одной кухне не может быть двух хозяек.

Невестка же резко и нагло вторглась в привычный для Марии Константиновны жизненный уклад и стала устанавливать свои порядки. Первым делом Лида, действуя через мужа, заставила свекровь переехать в самую маленькую комнату, а просторную спальню превратила в детскую. Старики не жаловались, им много места и не требовалось.

Вова по природе своей был неконфликтным и ведомым. Лида крутила им, как хотела. Мужчина по требованию жены взял в банке большой кредит – деньги срочно понадобились на машину: с деревни далеко возить ребенка в город на кружки. Внук, названный в честь деда, занимался плаванием, подавал большие надежды. Дедушка и бабушка мальчишку любили, ничего не жалели. С пенсии часто покупали ребенку приятные мелочи для его хобби: очки, яркие резиновые шапочки, пушистые полотенца.

Свекра, Геннадия Григорьевича, Лида побаивалась. Мужчина был бывшим военным, имел громкий «командирский» голос и сложный характер. При нем невестка с Марией Константиновной не конфликтовала – в семье последнее слово всегда оставалось за Геннадием Григорьевичем.

Ситуация изменилась после его смерти: Лидия в доме почувствовала себя хозяйкой и стала планомерно изводить свекровь.

Мария Константиновна поняла: за право жить в собственном доме придется побороться. Цель Лидии – завладеть недвижимостью. Оно и понятно, своего-то угла у нее нет. Лида со своими родственниками давно разругалась, они о ней слышать даже не хотели. Даже на выписку из роддома не

приехали. Свекровь однажды услышала, как невестка уговаривала ее сына оформить дом на себя:

– Вова, ты думаешь дом на себя переоформлять? Мать твоя ведь не вечная, восьмой десяток разменяла. Помрет внезапно – проблем не оберемся с этими бумажками!

– Лидочка, солнышко, как ты себе это представляешь? Я же не могу маму силой к нотариусу отвезти и потребовать, чтобы она на меня дом переписала!

– Зачем силой, Вова? Аккуратно нужно действовать. Ты объясни Марии Константиновне, что это для ее же блага. Что она доброе дело сделает, если при жизни дом свой тебе подарит. Представь, вдруг после ее смерти всплывет завещание, в котором она недвижимость своей племяннице, Зойке, оставляет? Не зря же она возле матери твоей все время вьется?

Зоя, племянница Геннадия Григорьевича, была для Марии Константиновны как дочь. Рано осиротевшая девочка всегда тянулась к родственникам. После выпуска из детского дома жила у них почти четыре года, пока не выучилась и не вышла замуж. Зоя и сейчас часто приезжала в деревню к тете, привозила подарки. Недавно помогла с ремонтом, подарила Марии Константиновне новую кровать с удобным матрасом.

Лиду Зоя не любила. Женщина насквозь видела гнилое нутро невестки Марии Константиновны. Именно в ней Лида видела главную конкурентку, поэтому ее и требовалось устранить в первую очередь. А потом потихоньку можно отвадить и «местных» подружек старушки.

Звонила Зоя Марии Константиновне на сотовый. Несмотря на преклонный возраст, женщина умела пользоваться кнопочным аппаратом, знала, как набрать номер и куда надо нажать, чтобы пошел вызов. Лида, когда прибиралась в комнате свекрови, потихоньку положила сотовый в карман. Когда Мария Константиновна хватилась телефона, Лида мастерски сыграла удивление и постаралась внушить свекрови, что та сотовый потеряла.

– Лида, ты мою звонилку не видела? Вроде на тумбочку у кровати клала...

– Вы про мобильник спрашиваете, что ли? Нет, Мария Константиновна, не видела. Вы, небось, в огороде его обронили, когда малину подрезали.

– Да не могла я его потерять... Я же помню, как на тумбочку его клала...

– Мария Константиновна, телефон-то маленький. Нагнулись, наверное, и не заметили, как он из кармана выпал. Подождите, сейчас Генка со школы вернется, я его заставлю в огороде, в траве поискать.

Сотовый свекрови Лидия перевела в режим «Без звука» и спрятала у себя в комнате. Дождавшись звонка Зои, подняла трубку.

– Алло, я слушаю.

– Лид, ты, что ли?

– Я. Чего хотела?

– Марию Константиновну услышать хотела. Ты чего ее телефон хватаешь?

– Она мне велела трубку поднять и сказать тебе, чтобы ты больше сюда не трезвонила! Надоела смертельно просто, прилипала!

– Не ври, Лидка! Не могла так Мария Константиновна сказать!

– Приезжай да лично у нее спроси.

– Я приеду через три-четыре недели. И за козни свои, Лидка, ты в этот раз точно выхватишь!

Лида бросила трубку и отключила телефон. У нее был максимум месяц, чтобы заставить свекровь подарить ей или Вова дом. Пора было переходить к решительным действиям.

Лида, под предлогом заботы о здоровье свекрови, перестала выпускать ее на улицу. На прогулки стала ходить с Марией Константиновной – еще не хватало, чтобы она соседям на нее жаловалась. Если кто-то из друзей свекрови подходил к калитке, Лида вежливо выпроваживала гостей. Вова о намерениях жены знал. Нельзя сказать, что он их поддерживал, но и против тоже не был.

Мария Константиновна скучала по живому общению. Она неоднократно просила сына купить ей самый дешевый телефон, чтобы хотя бы с Зоей созваниваться. Вова все время отмахивался: то забыл, то салон сотовой связи по дороге не попадался, то денег не хватило. Лида уже напрямую просила переписать дом хотя бы на Генку, любимого внука. Но старушка держалась стойко.

Генка как-то притащил домой котенка. Мальчишка рос жалостливым и добрым. Мария Константиновна сидела на

скамейке возле крыльца и видела, как внук занес малыша в сарай. Бабушка подозвала ребенка и строго спросила:

– Гена, ты кого принес?

– Бабуль, ты только маме не говори... Я котенка у школы нашел...

– И что мы с ним делать будем? У матери твоей ведь аллергия на кошачью шерсть.

– Пусть в сарайке пока поживет... А потом я ему дом найду. Ты же меня не выдашь?

– Не выдам, мой золотой. Только ты с поиском дома для котенка не затягивай, хорошо?

– Хорошо, бабуль.

На следующий день Мария Константиновна обнаружила в своем огороде крошечного щенка. Детеныш тихо поскуливал под кустом смородины, с опаской глядя на женщину влажными круглыми глазенками. «Ну что с тобой делать... Пошли со мной. Назову тебя Дружком», – проговорила Мария Константиновна и аккуратно взяла щенка поперек теплого брюшка. Скандала с Лидой она не опасалась, на напад-

ки невестки женщина давно перестала обращать внимание.

Щенка Мария Константиновна поселила в своей комнате. Оборудовала ему лежанку, выделила две миски под воду и корм. Лида, услышав тихое повизгивание, моментально прибежала и закричала:

– Немедленно уберите эту гадость из моего дома! Немедленно!

– С каких пор мой дом стал твоим? И сама ты гадость, Лида. Теперь это мой друг, он будет жить со мной.

– Не будет он здесь жить. Я сейчас же вышвырну эту псину за порог! Еще не хватало, чтобы он здесь гадил!

Мария Константиновна медленно поднялась с кровати и подошла к невестке. Глядя Лиде прямо в глаза, женщина произнесла:

– Только попробуй тронуть щенка. В ту же секунду вылетит из этого дома. Ты меня поняла?

Лида осеклась. Взглянув в глаза свекрови, невестка поняла: не шутит.

Генка, когда началась возня со щенком, быстренько сбежал в сарай за котенком и пронес его под футболкой в комнату к бабушке. Когда он аккуратно опустил малыша на кровать, Мария Константиновна всплеснула руками:

– Генка, паршивец ты эдакий! Ты зачем его сюда принес?

– Бабуль, ну чего он там один, еще и ночью? Мама теперь к тебе в комнату никогда не зайдет, она ж животных ненавидит. А Барсик с Дружком вместе спать будут. И играть. И тебе, бабуль, теперь скучно не будет!

– Да уж... С собакой и котом в одной комнате точно не заскучаешь...

Генка, как и обещал, искал дом для Барсика. Пока желающих взять котенка не было, но мальчишка не отчаивался. Лида в тот же вечер пожаловалась мужу. Тот вошел к матери в комнату и попытался убедить ее избавиться от щенка. Мария Константиновна даже слушать не стала, выставила сына в коридор и закрыла за ним дверь на ключ.

Гром грянул через два дня. Вечером, перед ужином, Мария Константиновна вышла подышать воздухом на крыльцо и забыла плотно закрыть дверь. Любопытный котенок выбрался в коридор. Лида, накрывая на стол в кухне, громко

чихнула. В носу засвербило, из глаз полились слезы.

– Вова, в доме кошка! Немедленно найди ее и выброси, – не переставая чихать, проговорила женщина.

Котенок был обнаружен под калошницей. Вова уже нес его к выходу, как с улицы зашла Мария Константиновна. Быстро оценив ситуацию, мать выхватила животное из рук сына и прижала к себе.

– Не смей уносить Барсика!

– Мам, какого Барсика? Ты и кота притащила что ли? Мало тебе собаки в доме?

– Мой дом, что хочу – то и ворочу! Если надо будет, крокодила у себя поселю, и вас не спрошу!

Чихающая Лида вышла в сени. Услышав последнюю фразу, она картинно упала в обморок.

– Тьфу, актриса погорелого театра, – пробормотала Мария Константиновна. Не выпуская котенка из рук, женщина прошла в свою комнату.

Лида полночи рыдала.

Она кричала, что свекровь намеренно сводит ее в могилу. Что Мария Константиновна, прекрасно зная об аллергии, нарочно принесла домой этого блохастого кота, чтобы спровоцировать у нее анафилактический шок. Лида поставила мужу условие: если за три дня он не решит вопрос с домом и матерью, она подаст на развод, а после расторжения брака лишит его родительских прав на Генку.

Вова, как всегда, подчинился жене. Он рассказал, что родной брат его коллеги работает в психиатрической клинике. Дмитрий мог сделать любую справку за деньги. Правда, заплатить придется много. Лида была готова залезть в долги, лишь бы избавиться от ненавистной свекрови. Животных она собралась ликвидировать завтра же.

Барсика и Дружка спасло чудо.

Когда Мария Константиновна ушла на почту, Лидия взяла крысиный яд, вошла в комнату свекрови и стала высыпать в миску с молоком порошок. Именно за этим занятием и застала ее Мария Константиновна, вернувшаяся за очками. Женщина с несвойственной ей силой оттолкнула невестку:

– Ты что делаешь ? Отраву подмешиваешь?

– Отраву! Как ты мне надоела, старая ведьма! Почему ты вслед за муженьком на тот свет не убралась?!

– Не дожدهшься, я еще поживу!

– Недолго тебе тут жить осталось! Вовка признает тебя недееспособной и отправишься ты в психушку! А я наконец-то поживу по-человечески!

– Без суда не признает, рано радуешься, Лида.

– Чтобы определить тебя в психушку, суд не нужен. На днях уже справка готова будет. А пока наслаждайся последними деньками. И с живностью попрощаться не забудь!

Мария Константиновна дождалась сына с работы. Ей нужно было с ним поговорить. Женщина надеялась, что Лида со зла соврала про психиатрическую больницу, но Вова отнекиваться не стал.

– Прости, мама. Лида права, ты нам жить мешаешь.

– Сынок... Как ты можешь... Я же ведь мать твоя...

– Мама, давай решим все без скандала. Ты дом на меня переформишь и переедешь в пансионат. Знаешь, как там хо-

рошо? Много других старичков, кормят отлично, досуг интересный. Обойдемся без справок, а?

– Как ты, сынок, красиво жизнь в доме престарелых описал...

Мария Константиновна разрыдалась. Вова, увидев слезы матери, поморщился и ушел в спальню. Гена бросился к бабушке на шею:

– Бабуль, я тебя не пущу никуда! С тобой поеду!

– Золотце, беги к бабе Варе. Попроси ее, пусть Зое срочно позвонит и скажет, что меня в дом престарелых забирают. Смотри, чтобы мать с отцом тебя не видели.

Зоя, после звонка Варвары Никитичны, моментально выехала в деревню.

С собой девушка взяла мужа и двух его братьев. Лиду и ее мужа-подкаблучника в тот же день выкинули из дома. Невестка грозилась, что никогда не позволит свекрови видеться с внуком, но Зоя успокоила Марию Константиновну: можно подать в суд на определение порядка общения с ребенком.

Гене уже двенадцать лет, его мнение обязательно будет учитываться. Дружок и Барсик остались жить со старушкой. Решили, что дом Мария Константиновна перепишет на Зою, а та потом – на Генку, как только ему исполнится восемнадцать.

Поклеп

– Твоя жена – наглая изменщица! На работу всегда наряжается, для кого еще ей это делать, если не для любовника? – нахмурилась свекровь

Катя проснулась от резкого толчка и растерянно заморгала, не понимая, где находится. Вокруг стоял полумрак, в котором иногда вспыхивали неясные, размытые огни. Катя почувствовала жесткое сиденье. Когда ее взгляд сфокусировался, она увидела ряд спинок, убегающий вперед, желтые поручни, стекло со струйками дождя. Точно: она уснула в автобусе!

И, судя по сумеркам снаружи, умудрилась проехать свою остановку.

Катя обеспокоенно посмотрела на наручные часы. Как поздно! Она ощутила укол паники: дети остались в саду, она не успела забрать их вовремя!

Девушка торопливо достала телефон, чтобы позвонить в детский сад или мужу. К еще большему ее огорчению, смартфон, как назло, оказался разряжен. На безуспешную попытку включить его он отозвался жалобным писком и изобра-

жением пустой батарейки на экране.

Катя чертыхнулась и спрятала бесполезный телефон обратно в сумку. Встала, подошла к дверям, нажала кнопку экстренной остановки.

Когда автобус притормозил и двери открылись, Катя выбежала в дождливую темноту. Район был незнакомый. Девушка несвоевременно упрекнула себя в поспешности: надо было доехать до следующей остановки, и там уже сесть на автобус в обратную сторону. Что за день? Все наперекосяк!

Но делать было нечего, и Катя торопливым шагом пошла по незнакомой улице в поисках остановки.

В ее голове стремительно, как безразличные машины на этой темной улице с редкими фонарями, пронеслись мысли: все ли в порядке с детьми? Испугались ли они того, что мама не пришла за ними? Все еще ждут? Нет, невозможно: у воспитательницы есть телефон мужа, Саши, и она его знает в лицо, а значит, позвонит ему, и тот заберет детей. Никаких проблем.

Но Катя все равно беспокоилась.

Она нервничала, потому что всегда вовремя забирала де-

тей из садика, никогда не опаздывала, и этот случай был у нее впервые. Все из-за трудной смены: так устала, что и не заметила, как уснула.

Катя вообще всегда все успевала, хотя у нее с Сашей было двое маленьких детей, вдобавок она работала администратором в салоне красоты полный рабочий день. Саша практически весь домашний быт и уход за детьми возлагал на плечи жены, ведь она ни разу не подводила.

Семья у них была довольно дружная. Иногда, конечно, ссорились, но как-то несерьезно, все больше по мелочам: забытые, не убранные в стирку грязные носки, неуместная шутка, не купленные в магазине продукты. Ничего критичного. И никаких ревнивых разборок: Саша полностью доверял жене, да и поводов она не давала.

Но у Марины Егоровны, матери Саши, на этот счет было другое мнение.

Дело в том, что Катя, несмотря на двоих детей, потрясающе выглядела. Она не забрасывала себя (а, возможно, еще строже относилась к своей внешности, чем до материнства): по выходным выкраивала время для фитнеса, одевалась хорошо, с тонким вкусом, у нее были ухоженные ногти и недешевая прическа. Косметика тоже была дорогой и качествен-

ной. Как администратор салона красоты Катя просто обязана была выглядеть на все сто.

Можно сказать, это был ее профессиональный долг.

Конечно, такие мелочи, как поддержание репутации салона на должном уровне, никогда Марину Егоровну не заботили. Она всегда считала Катю недостойной своего сына, несмотря на то, что та умудрялась заниматься домашним хозяйством, работать и при этом выглядеть сногшибательно. Последнее-то и вызывало самые темные подозрения у свекрови.

Марина Егоровна с неодобрением смотрела на туфли с высокими каблуками, стоящие в прихожей. Хмурилась, когда приходила в гости утром и видела, как невестка, покормив детей, торопливо накладывает макияж перед большим зеркалом в ванной. Качала головой, когда улавливала запах хорошего парфюма.

– Ветреная жена у тебя какая-то, – говорила Марина Егоровна сыну, когда Кати не было дома. – Все прихорашивается. Не просто так это все. Наверняка для кого-то все эти тряпки, духи, помада. Тьфу!

Саша только улыбался и шутливо отмахивался от матери:

он-то прекрасно знал, что работа в салоне красоты обязывает Катю так выглядеть.

– Присмотрел бы ты за ней, – многозначительно добавляла Марина Егоровна.

Мужчины и в самом деле часто обращали внимание на Катю, но она никаких авансов им никогда не давала. Вот и сейчас, на темной неизвестной улице, большая дорогая иномарка подъехала к обочине и начала сбавлять ход, мазнула светом фар по Катиной фигуре.

Катя ускорила шаг. Ей вдруг стало страшно: глубокий вечер, дождь, на улице никого...

Окно машины опустилось, и из салона донесся нагловатый голос:

– Красавица, тебя куда подкинуть?

– Спасибо, никуда не надо! – кинула Катя через плечо и почти что побежала.

Машина еще немного проехала вперед, потом насмешливо просигналила ей вслед, но преследовать не стала. Катя вздохнула с облегчением. Что-то чересчур много нервоотреп-

ки для одного дня.

Когда она наконец добралась до садика, был поздний вечер. В здании горели только несколько окон на первом этаже. Стояла тишина.

Припозднившаяся на работе воспитательница успокоила ее и сказала, что детей забрал Саша, они позвонили ему, когда не смогли дозвониться до Кати. У девушки отлегло от сердца. Усталая, разбитая, промокшая, она пошла домой.

Дома ее встретил мрачный, напряженный Саша.

– Ты где пропадала? – с ходу набросился на нее он, не дал даже туфли снять. – Ты время видела?

– Саша...

– Ты два часа назад должна была быть дома! И телефон отключила! Это как понимать? Мне звонят из садика, говорят, что ты так и не пришла, детей надо забрать...

– С детьми все хорошо?

– Да, но не твоими усилиями, – Саша определенно был очень зол. Он мерил широкими шагами прихожую, метался

туда-сюда, как зверь в клетке, и произвольно ерошил ру-
кой волосы, что делал только в минуты сильного волнения.

Катя устало прикрыла глаза.

– Саш, ты не поверишь...

Она рассказала ему, как уснула в автобусе и уехала неве-
домо куда, показала разрядившийся телефон, объяснила, что
еще заходила в садик на обратном пути. Саша понемногу
успокоился. У него все-таки не было причин не верить жене.

– Ты хоть понимаешь, как я волновался? – выслушав же-
ну, тихо буркнул он.

– Понимаю, извини меня.

– Давай договоримся, чтобы такого больше не было, хо-
рошо? Может, пауэрбанк тебе купить...

Ссора отгремела, рассеялась, не успев перерасти ни во что
серьезное. В семье снова воцарился мир, но неприятный оса-
док на душе обоих супругов остался. Натерпевшись за вечер,
Катя была удивлена такой отчужденной реакции мужа, а в
Саше потихоньку начало давить всходы семя ревности, по-
сеянное когда-то Мариной Егоровной.

На следующий день был выходной, и к ним в гости пришла Катина свекровь.

Саша сначала ничего не хотел ей рассказывать про вчерашнюю ситуацию, но как-то само собой получилось, и он выложил матери все. Он рассказывал историю скорее в шутовском тоне (хотя, по мнению Кати, она походила больше на фильм ужасов), но Марина Егоровна восприняла ее как полное и безоговорочное доказательство неверности Кати.

– Какое-то чересчур странное совпадение, не находите? – холодно сказала она. – И остановку проспала, и телефон разрядился...

– Мам, что ты хочешь сказать? – нахмурился Саша.

– А-а, да что говорить, и так все понятно, – махнула рукой свекровь.

– Нет, мне вот совсем не понятно! – сказала Катя; ее лицо покраснело от ужасной догадки, что сейчас начнется, а руки под столом сжались в кулаки.

– Ах, не понятно? Тогда скажу для самых непонятливых: ты, Катенька, наглая изменница!

– Что? – ахнула Катя.

– Что слышала! Думаешь, я не замечаю, как ты на работу каждый раз наряжаешься да прихорашиваешься? Для любовничка, да? А детей побоку?

– Да что вы такое говорите? – не верила своим ушам Катя.

– Да, мам, постой, послушай... – попробовал встрять смущенный Саша.

– Подожди, сын, я еще не все сказала! Да ты подумай, как она тебя легко дурит, мол, салон, а может, в этом же салоне она свидания и назначает, а потом про детей забывает, или умышленно оставляет. Саша ведь добренький, Саша все делает. Скажи, не так?

– Не так! – слезы подступили к Катиным глазам, руки комкали скатерть в бессильном возмущении.

– Мама, да прекрати ты уже!

– Таких, как ты, надо родительских прав лишать! – не унилась свекровь. – Остановку она, видите ли, пропустила!

Катя не выдержала и расплакалась от этих болезненных, обидных слов. Дети в это время испуганно, как мышки, спрятались в своей комнате.

– Все не так было, Саш! Не так! – сквозь слезы говорила Катя. – Да что у вас за мысли такие? Грязные... злые... Да вы хоть в садике спросите, как я к ним заходила... Если не верите...

Марина Егоровна с жаром принялась доказывать, что это еще ничего не означает, что проспать и заблудиться в чужом районе – это отговорка курам на смех, а телефон Катя заранее посадила, на работе. Невестка как могла отбивалась от нападков свекрови, пока совсем не разрыдалась и не убежала в другую комнату.

Саша свирепо взглянул на мать.

– Ну что, довольна? Тебе лучше уйти, немедленно.

– Смотри в оба! – посоветовала напоследок Марина Егоровна и ретировалась с чувством выполненного долга.

С этого дня семейная жизнь Кати и Саши медленно пошла на разлад. Саша, конечно, верил жене, но и доводы матери не мог забыть. Бессонными ночами он раз за разом про-

кручивал их в голове и отвергал как смехотворные, чтобы через некоторое время вернуться к ним снова. Сомнения и ревность разрастались в нем, как щедро удобренные словами матери уродливые цветы.

Саша начал с того, что начал чуть ли не поминутно засесть время, когда Катя возвращалась с работы, и если она хотя бы ненадолго задерживалась, засыпал ее вопросами. Потом он начал проверять ее телефон, брал его без спроса, просматривал журнал звонков и тексты сообщений. Когда ей кто-то звонил, он стоял под дверью и подслушивал, не особо маскируясь. О том, чтобы сходить с коллегами на корпоратив, естественно, не могло быть и речи.

– Пойми, мне так спокойнее. Я беспокоюсь за тебя, – твердил Саша постоянно.

Катю расстраивало и оскорбляло подобное поведение мужа. Чем она такое заслужила? Их доверительные отношения исчезли, как дым. Саша стал угрюмым, подозрительным, молчаливым, помешанным на контроле. Яд ревности делал свое дело.

Сашу стала раздражать великолепная, как с обложки журнала, внешность Кати, ее платья, макияж, прическа. Теперь ему стало казаться неправильным, несправедливым, что это

все для кого-то, для безымянных клиентов салона красоты, а не для него.

Он потребовал у Кати уволиться с работы.

Не без споров, но она пошла на уступку мужу. Ей не хотелось давать ему поводов для ревности больше тех, которых выдумал он сам. Она полностью посвятила себя детям и домашним хлопотам.

Марина Егоровна только приветствовала такое решение невестки. По ее мнению, Катя наконец-то стала более-менее нормальной женой: сидела дома, смотрела за детьми, следила за хозяйством. Правда, поделиться своим мнением с невесткой она так и не смогла: Катя перестала общаться со свекровью с того самого злополучного дня, не отвечала на звонки и не пускала ее в квартиру. Саша навещал мать по выходным один, иногда брал с собой детей.

Вопреки надеждам Кати, Саша не стал менее подозрительным после ее увольнения. Его ревность росла в геометрической прогрессии, не сдерживаемая никаким здравым смыслом. Катя с горечью ждала, когда муж дойдет до того, что поставит в квартире камеры, а ей на запястье прицепит смарт-часы, как у детей, которые раз в несколько минут отправляют сигнал на его смартфон с геометкой. Или браслет

на ногу, как в фильмах с осужденными на домашний арест. Она чувствовала себя на постоянной, невидимой, постыдной привязи.

Дальше так продолжаться не могло. Катя подала на развод.

Она прекрасно понимала, что Саша окончательно попал под тлетворное влияние матери и слушает только ее, а не разум или сердце. А свекровь не остановится на достигнутом, она и дальше продолжит взращивать подозрительность сына. В дальнейшем ничего бы не изменилось, разве что в худшую сторону.

Они развелись. Катя с детьми осталась жить в их квартире, а Саша переехал к матери. Наверняка она победоносно сказала ему что-то вроде: «А я ведь говорила!»

Катя и Саша теперь мало общаются, только по поводу детей, и иногда проводят совместные встречи в парке или аквацентре, несколько натянутые, без следа бывшей теплоты.

А пауэрбанк, который Саша купил ей после того случая с автобусом, Катя выбросила.

Ваш муж

– Алло? – женский голос в трубке был усталым и раздраженным.

Ира замешкалась. Ситуация была крайне деликатная, и разговор предстоял неприятный. Все фразы, которые она продумала и проговорила заранее, внезапно бесследно улетучились из ее головы.

– Алло? Алло? Кто вы? – в голосе зазвучали нотки нетерпения. – Если так и будете молчать, я положу трубку.

– Да, алло... Здравствуйте. Меня зовут Ира... – девушка вышла из ступора. – Вы меня, правда, не знаете...

– И почему же вы звоните, если я вас не знаю? – любопытствовали в трубке.

– Дело в том... Что я знаю вашего мужа.

– И что из этого? – в трубке насторожились.

– Дело в том... – Ира окончательно растерялась. – Мы с вашим мужем... Понимаете... Встречаемся. Нет, точнее,

встречались.

Трубка надолго замолчала. Ира тоже не знала, как продолжать, словно в детской игре, когда передала кому-то мячик, а обратно ей его не кидают.

– Любовница, значит? И зачем ты мне это говоришь? – вдруг пробудилась трубка. Тон холодный, нет, даже ледяной, от которого Ира покрылась мурашками. – Решила шантажировать Олега, а он не повелся?

– Нет, нет, какой шантаж! – испугалась Ира. Ей, совсем запуганной, вдруг показалось, что Олег, который служил в правоохранительных органах, вполне мог бы посадить ее за попытку шантажа.

– Тогда зачем ты мне звонишь? – раздраженно спросила женщина. Ира почувствовала себя приставучей дворовой собачонкой, которую брезгливо отпихивают ногой. – Счастьем своим девичьим поделиться хочешь? Похвастаться?

– Да какое счастье! – Ира не уловила издевательского сарказма в голосе собеседницы. – Понимаете... Мы с ним расстались давно. Я сказала, что не буду больше с ним видеться. А он не понимает! Он давит на меня, он запугивает! Прошу, сделайте что-нибудь, ведь нельзя же так! Я понимаю, я

очень-очень перед вами виновата! Но повлияйте на мужа, пусть отстанет от меня, пожалуйста! – Ира задыхалась и готова была расплакаться от унижения. – Я не могу больше так!

Голос в трубке снова надолго исчез. Ира даже, сквозь слезы, взглянула, не прервался ли звонок. Потом медленно, почти по слогам, жена Олега заговорила:

– Значит так. Не звони мне больше. Никогда. Поняла?

– Но...

– Молчи. Что там у вас за шашни с Олегом, мне безразлично. Сама впуталась – сама и разбирайся, а я тебе тут не помощница.

– Пожалуйста...

– Хватит. Мне, скажу честно, безразлично, с кем там Олег встречается. Вообще по барабану. Пока он приходит домой по вечерам, пока содержит меня и наших детей, вообще наплевать. Пусть хоть гарем себе заводит. Но если ты попытаешься выманить его из семьи...

– Да нет же, я наоборот...

– Повторяю. Если ты попытаешься его увести, если он хоть заикнется о разводе, я тебе голову откручу. Поняла?

Ира не знала, что сказать. Не на такой сценарий разговора она рассчитывала.

– Вот и славно, – сказали в трубке, полагая, что молчание – знак согласия. – Разбирайся с моим муженьком как хочешь. Сама напросилась.

Напоследок жена Олега не преминула поиздеваться над Ирой, вытереть об нее ноги:

– Не думала, что такое может случиться, когда хвостом своим вертела у мужика под носом? Вот и выкарабкивайся. Наслаждайся.

В трубке раздались короткие гудки – отбой. Ира в отчаянии чуть не швырнула телефон о стену, но вместо этого села на пол и разрыдалась.

Теперь ей уже неоткуда ждать помощи в этой жуткой ситуации. Самый последний, самый стыдный вариант обернулся пшиком.

Ира познакомилась с Олегом в интернете, по переписке. Он разместил свою анкету на сайте знакомств, на котором была зарегистрирована девушка, и он сразу ей понравился: приятный, импозантный мужчина, смутно похожий на актеров из старых фильмов – Жана Маре или Вячеслава Тихонова. Даже что-то от Алена Делона в нем было.

Ира всегда испытывала слабость к классическим черно-белым фильмам и к мужественным актерам, которые в них снимались. Да и ухаживал Олег красиво, не то что сверстники Ирины, дарил цветы, дорогие подарки, водил в фешенебельные рестораны.

В итоге они стали встречаться. Не часто, так как он говорил, что у него ответственная работа. Ира знала, что он работал в органах, и это добавляло ему героический флер в ее глазах. Ну вылитый Тихонов в роли Штирлица! Романтический ореол вокруг фигуры Олега только усиливался благодаря его загадочности, сдержанности, да в конце концов, благодаря тому, что он пропал на несколько дней, в течение которых Ира наивно переживала, что он находится на опасном задании.

Он не знакомил ее со своими родителями в целях конспирации, думала Ира, улыбаясь.

Все открылось спустя два месяца после начала их отношений. Олег, немного пьяный после выпитого вина, признался, что женат. Что у него есть дети. Ира безумно расстроилась, проплакала в ванной два часа, но отношений не прекратила. Слишком она привязалась к этому образу черно-белого героя из фильмов. Думала, что любит его всем сердцем. Тем более, он говорил, что любит не жену, а только ее.

Возвышенная, классическая любовь, как в старых фильмах. Такой любви какие-то жены, конечно, не помеха.

Несмотря на редкие встречи в городе (раз в неделю, иногда два), они несколько раз ездили отдыхать: Турция, Египет, Таиланд. Ненадолго, но с размахом, с шиком, как и мечтала Ира. Ей особенно нравилось, когда Олег картинно потягивал коктейль, как у Джеймса Бонда: «Водка, мартини, элегантный шарик оливки – взболтать, но не смешивать». Как же он был похож в эти моменты на молодого Шона Коннери!

Отрезвление пришло к Ире со временем.

Когда прошло уже два года с начала их сумбурных, «шпионских» по сути отношений, Ира поняла, что невыносимо устала от них. Устала от своего непредсказуемого эгоистичного любовника, устала от его долговременных пропаж. Ей хотелось настоящей любви и семьи, и она только сейчас по-

няля, что отношения с Олегом – это всего лишь суррогат этого возвышенного чувства, о котором она всегда мечтала.

Пылкие девичьи чувства остыли, и она поняла, кто он такой: развязный, пошловатый бонвиван, заботящийся только о своем удовольствии. Она больше не испытывала к нему любви и удивлялась, что когда-то могла.

Ира попыталась расстаться с Олегом по-хорошему. Она сказала, что больше не испытывает к нему никаких чувств, что надо прекратить отношения. Что она благодарна ему за то, что было, но хватит.

Для большой шишки в правоохранительных органах, замначальника отдела, конечно же, это был невозможный вариант. Он унижал его, попирал его гордость.

Олег категорически отверг предложение Иры прекратить отношения. Он уже привык относиться к ней как к вещи, как к развлечению на выходные. Игрушка взбунтовалась? Нет, он это не потерпит.

Сначала он применял свои обычные приемы: цветы, конфеты, подарки. Играл роль отвергнутого любовника, скорее, по привычке, чем по умыслу. Когда Ира решительно развернула Олега с этими ухаживаниями и снова попыталась объ-

яснить, что между ними все кончено, в нем проснулась холодная ярость, и он повел себя по-другому.

Из загадочного романтического шпиона с таинственной полуулыбкой он превратился в жестокого особиста, который следил за ней, давил на нее и угрожал. Ира в ужасе слушала его холодные, тяжелые, как могильная плита, слова по телефону: «Я посажу кого угодно из твоих близких, стоит только пошевелить пальцем».

– Хватит! Перестань! – кричала Ира и бросала трубку, но через секунду звонок раздавался вновь. Иногда раздавался звонок в дверь, но она не открывала и слушала в оцепенении угрозы Олега вперемешку с мольбами через дверь.

Олег знал, где она живет, поэтому Ира поменяла квартиру, сняла другую. Это не помогло. Бывший любовник, видимо, благодаря связям в полиции, всегда знал, где она живет, и выслеживал ее, как гончий пес. Спустя несколько дней после переезда она снова слышала девятикратный звонок в дверь, тот самый, каким он игриво оповещал ее о своем приходе, когда они еще встречались. Он тогда смеялся над ее фантазиями, что он шпион, и предложил вызванивать сигнал «SOS», когда приходит, так, в шутку.

Теперь это было особенно жутко.

Конечно же, Олег на этом не остановился. Он начал названивать Ириным друзьям, подругам и угрожать им, если они не заставят ее одуматься. Понемногу все они отвернулись от Иры, запуганные перспективой попасть в тюрьму из-за одного щелчка пальцев этого человека. Ире, сироте, не к кому было больше обратиться. Всю ее жизнь связал бледной клейкой паутиной лжи и ненависти этот паук.

Тогда Ире и решилась позвонить его жене, благо номер телефона она однажды скопировала из телефона Олега, когда он спал. Ире тогда еще хотелось написать жене, что Олег больше ее не любит, что надо понять и простить. И отпустить. Эх, наивные времена!

Звонок обернулся нечеловеческим унижением. Ира прорыдала весь вечер, пока не заснула, обессилив.

Темные тоскливые дни потянулись безысходной чередой. Иногда Ира, возвращаясь с работы, видела Олега, дежурящего около ее подъезда, и тогда уходила и бродила по дворам дотемна. Иногда он караулил ее прямо около работы, и она засиживалась там, пока он не уходил.

Однажды она нашла на пороге своей квартиры странный букет – толстый, перевязанный алой лентой пучок роз, но со

срезанными бутонами, только многозначительный веник из колючих шипов.

Это было уже слишком.

Ира решила пойти на отчаянный шаг – обратиться по месту работы Олега, к его прямому начальнику.

Она давно знала, в каком отделении работает Олег, тот сам ей разболтал, и даже знала имя его начальника. Ее бывшему любовнику всегда нравилось хвастаться, как высоко он забрался по служебной лестнице.

После общения с Олегом у Иры появился невыносимый страх подобных учреждений и людей, работающих в них. Они все казались ей бесчувственными голодными монстрами, готовыми кинуть за решетку первого попавшегося в их стальные зубы. Но девушка переборола себя, потому что другого выбора у нее просто не было.

К ее удивлению, Владимир – непосредственный руководитель Олега и его отдела – оказался дружелюбным мужчиной, который вовсе не собирался орать на нее, стучать кулаком по столу и отдавать под незамедлительный суд и расстрел. Ему было лет сорок пять, подтянутый, опрятный, не блистательный красавец, но с мудрыми глазами и спокой-

ным, добрым лицом.

Он внимательно выслушал Ирин сбивчивый рассказ, иногда кивая и задавая дополнительные вопросы. У Иры горели щеки от стыда, что она рассказывает эту историю незнакомцу, и в конце рассказа она чуть не расплакалась.

– Ну вам, будет, – сказал Владимир. – Не расстраивайтесь так, все поправимо. Обещаю, больше Олег вас беспокоить не будет.

– Да? – Ира недоверчиво посмотрела на него, не веря до конца этим словам.

– Слово офицера. А теперь, вот, возьмите воду. Все будет хорошо. Больше вы от него ни слова не услышите. Вы знаете, что такое превышение служебных полномочий?

– Примерно, да.

– Так вот, ваш Олег прямехонько под это определение и попадает. Только давайте не будем заявление писать, мы по-свойски с ним разберемся, хорошо?

– Хорошо.

– Вас проводить?

Ира согласилась на это предложение, потому что нашла-то кабинет Владимира с трудом, и теперь боялась заплутать в бесконечных коридорах с одинаковыми дверьми.

После ее визита к Владимиру звонки и караулы Олега прекратились, как отрезало. Ира сначала не верила своему счастью, но через неделю наконец-то позволила себе вздохнуть с облегчением.

Еще через неделю Владимир написал ей в ватсап. Он сказал: так как заявления не было, он не может передать ей официальные результаты работы над ее просьбой, поэтому хочет встретиться с ней лично. Ира согласилась. Договорились увидеться в кафе после полудня.

К удивлению Иры, Владимир не стал хвастаться своими подвигами по защите ее спокойного сна, как наверняка стал бы Олег. Он поблагодарил ее за то, что она согласилась прийти, и непринужденно завел беседу о других вещах, только мимоходом упомянув, что Олега ей опасаться больше не стоит.

– А что... Что вы с ним сделали? – робко спросила Ира.

Владимир сначала непонимающе взглянул на нее, а когда до него дошло – расхохотался.

– Ира, да ничего! Я просто пригрозил ему увольнением, он и хвост поджал! Вы что, нас за маньяков принимаете, за какую-то «Коза ностру» в погонах? Вы фильмов насмотрелись! Кстати, какие любите?

Ира рассказала. Они разговорились и не заметили, как пролетело полдня. Оказывается, Владимир был вдовцом, служил уже много лет, любил старые фильмы, как и Ира (правда, ему больше нравилась американская классика, с Хамфри Богартом и Кирком Дугласом), прогулки на лыжах и фисташковое мороженое.

После этого вечера в кафе у них начался головокружительный роман.

А Олега Ира видела только один раз, в кафе, он был с женой и детьми. Он делал вид, что не узнает ее, но так неуклюже, так краснел, что его жена внимательно рассматривала Иру и пыталась понять, как может эта красивая счастливая девушка соотноситься с тем плачущим голосом, который она услышала однажды в телефоне.

Сапоги

– Вот за что я тебя уважаю, Василий, – Константин Эдуардович Сомов хлопнул стопку и подцепил вилкой хрустящий корнишон, – так это за то, что одному тебе от меня ничего не надо. Ну, кроме колбасы, разумеется.

Рыжий собутыльник посмотрел со значением: мол, ты сам про колбасу сказал, и громко замурчал.

– Жене купи, начальству вынь да положи, жильцам этим вынь да подай. А у меня один сантехник, он же электрик, он же неделю от злоупотреблений капается в больничке! Матери родной и то... ик... отчёт должен держать. Где был, что делал, сколько стоит. А мне, между прочим, сорок девять. Солидный, уважаемый мужчина.

Почесав в раздумьях раскрасневшуюся плешь и погладив по кругу сальцо на пузце восьмимесячного калибра, Сомов принял стратегическое решение: вылил морс из стакана обратно в кувшин, а в стакан накатил стописят её, родимой.

– Пойми, Вась, я ж человек в сущности безвредный. Ну вот чо им всем от меня надо, а?

Выдох. Выпить. Залить морсом из кувшина.

– А я, между прочим, надежды подавал. Три раза подавал, ни разу не поступил. А и ладно! Я ж от этого что, хуже других? Вон, всё как у людей. Жена какая, а? Аглая!

Аглая Макаровна Сомова, урождённая Жилина, вплыла в крашеную голубой эмалью ПФ-115 кухоньку с самым скромным выражением лица из ассортимента её небогатых актёрских талантов. Ибо если стопку сменил стакан и самый разгар задушевной беседы с котом, в этой ситуации себе спокойней воздержаться от ярких проявлений индивидуальности. Природной красоты не спрячешь, но хоть глазки-то потушить можно.

– Жена моя законная, посиди со мной! – Константин Эдуардович похлопал по воздуху возле кухонного уголка. – Я перед тобой виноват. Прости меня, Христа ради!

– Разве ты в чём-то виноват, Косенька?

– Я. Мало. О тебе. Забочусь. Что ты хочешь?

– Ты у меня самый заботливый, не выдумывай. А надо мне сапожки, милый. Прошлогодние уже стыдно надеть, а осень уже...

Глава семьи выгнулся совершенно невероятным для его комплекции способом, извлёк из внутреннего кармана пиджака, валяющегося у него за спиной, изрядно засаленный лопатник, отслонявил с десятков пятидесятых.

– Вот, душа моя. Хватит?

– Конечно, Косенька!

Счастливый от исполнения супружеского долга Сомов хлопнул ещё стоисят и покинул мероприятие.

Константин не просто так означает «стойкий»: наутро Сомову хватило железной воли не расчехлить богатый словарный запас, когда в семь утра ему позвонили и напомнили, что у него есть некие договорённости по излишкам рубероида. Константин Эдуардович строго методично произвёл релаксационные процедуры с капустным рассолом и контрастным душем и, сверкая всё ещё масляными глазёнками, выдвинулся на службу.

Аглая же Макаровна, чмокнув благоверного, предалась стилистическому порыву. Нельзя мерить сапоги в чём ни попадя. Длина и разрез юбки, чулки – всё должно было на примерке сильно намекать, но не подпускать. На этот счёт у Со-

мовой был нюх, как у росомахи на кровь.

Подобрав идеальный комплект «Я почтенная матрона, но за серой ширмой полыхает пожар», Аглая вызвала такси и поехала по местам, как песок впитывающим золотой ручеек из карманов супругов скучающих домохозяек.

В десятом примерно алтаре гордыни и сребролюбия она увидела Их. Вот так, да, с большой буквы. Два сапога, словно созданные короновать её ноги. Ничего вызывающего, всё скромно и достойно, но. На них можно было не вешать ценник. Они выглядели так, что было видно, сколько они стоят. Когда они и по размеру подошли, Аглая окончательно уверовала в судьбу. Коробка с Их Величествами Сапогами воцарилась на заднем сиденье такси, и Аглая Макаровна поехала домой праздновать удачную покупку.

Мальчики (Косенька и Васенька) пировали вчера, сегодня пируют девочки. Счастливая хозяйка прекрасной пары съела три эклера и стала танцевать по линолеуму паркетной раскраски под дискотеку восьмидесятых в новых сапогах.

За этим занятием её застала свекровь, Жанна Павловна, у которой был свой ключ от их квартиры. Этот вопрос, разумеется, обсуждался, но сыновняя преданность и авторитет Ж. П. пересилили робкие Аглаины попытки отвоевать хоть

какую-то приватность.

– Алиса, стоп! Здрасьте, Жанпална!

Жанна Павловна в данный момент могла бы послужить какому-нибудь гению скульптуры натурщицей для шедевра «Центнер недоумения и негодования».

– Сколько?

– Что сколько?

– ЭТО!!! – и свекровь указала на обновку обвиняющим перстом.

– Это Косенька подарил.

– Сколько?!!

– Не знаю.

– Не ври.

– Ну тысяч пять, может...

– НЕ ВРИ!!!

И тут, как назло, отступая под натиском свекрови, невестка, пятясь, споткнулась об коробку от сапог.

Жанна Павловна с нечеловеческой скоростью оказалась рядом и выхватила чек из коробки.

– Ах ты... Да ты ох... Ты понимаешь, что это полторы его ставки?!

– Жанпална, вы не хуже меня знаете, что мы на эту ставку не живём. Он сегодня с излишков рубероида больше привезёт.

– И что, значит, всё теперь надо спустить на тряпки?

– Это не всё и это не тряпки, а очень качественная хорошая вещь.

– В которой ты будешь щеголять перед хахалями, пока Костик на работе гробится?

– Да как вам не стыдно! Я Косеньку люблю, ценю и уважаю.

– Так. С тобой, я вижу, разговаривать бесполезно. Вече-

ром приду, с главой семьи поговорим, куда он так сорит деньгами.

Остаток дня Аглая работала над образом бедняжки-замарашки, у которой, кроме черевичек, ничего нет.

Константин Эдуардович вернулся со службы неожиданно весёлый, даже какой-то шальной. Будто он только что галенон, грузённый пиастрами, брал на абордаж, а не рубероидом барыжил.

Что, разумеется, не ускользнуло от любящего взора супруги.

– Косенька, я чувствую, тебе не терпится мне что-то рассказать.

– Накрой на стол и стопочку мне организуй.

Сказано – сделано.

Навернув с устатку борща и подбодрясь стопариком, супруг поведаль:

– Глаш, я его послал! Ты представляешь? Того упыря, который сегодня рубероид взять хотел. Что-то поговорили, и

так он меня выбесил своей надменностью, что я просто его послал. И знаешь что?

– Что, милый?

– В ту же ровно минуту звонит мне Начкот (*начальник Котов Вячеслав Андреевич) и говорит: «Костик, шли этого жлоба лесом, есть клиент за вдвое больше!» Ну и натурально за полчаса всё оформили в лучшем виде. И знаешь что? Я наконец-то впервые, может быть, за всю жизнь почувал настоящую свободу. Сделал что хочу – а оно и правильно. Во мне сейчас так бушует свобода, как не бушевала, когда я сбежал из дома пожрать двести грамм пломбира с двойным сиропом. А ты что тут в сиротку рядишься?

– Было нашествие Ж. П. Узнала, сколько стоят сапоги, которые ты мне вчера подарил. На вечер назначена показательная порка, готовься морально. Кстати, глянь хоть, что ты мне подарил.

– Это... Ух! Если б я тебе корону подарил, ты б меньше королевой выглядела. Ангел мой, они созданы для тебя!

– Вот и я про что. А Ж. П. говорит: полтора твоих оклада.

– Полтора чего? – у Сомова аж слёзы брызнули. – Нет,

дорогая, я сегодня такую волю почуял, что, может, даже матушке любимой возражать посмею. Ещё налей.

С наступлением темноты пришла любимая матушка. Она тоже была не чужда костюмированным образам, так что выглядела максимально потёрто.

– Так, молодёжь. Вы уж простите старуху, буду нудить. Я много думала и вот что поняла: виноваты мы, ваши родители. Нам так хотелось, чтоб вам жилось лучше, чем нам, что вы в результате перестали понимать цену деньгам и труду. Чуть не модная тряпка – взяли выбросили. А мы, если носочек протёрся, натянем его на лампочку и штопаем. Подошва отошла – взял шило, дратву да подшил. Ели всё подряд. Мама рассказывала, как они из картофельных очисток кавардашки готовили во время войны. А вам теперь не угодишь, чисто принцессы на горошине. Хотите – назовите меня старой дурой, но я считаю, не надо деньги просто так на ветер спускать. Невестушка, снесла бы ты сапоги эти драгоценные обратно в магазин, ты себе десяток хороших на эти деньги купишь.

– Но...

– Сама не хочешь – давай я снесу. Где они? А, вижу.

Жанна Павловна потянулась за коробкой, но невестка попыталась её оттеснить.

– Да не беспокойтесь, я сама потом отвезу.

– Нет на тебя надежды. Дай я сама.

– Ну что вы, не стоит.

– Константин!

– Константин!

Сомов, будто не замечая битвы при сапогах, протянул:

– Мам, а ты помнишь, что у меня через неделю юбилей?

– Конечно, Костик!

– Мне тут Начкот в честь такого дела организовал ресторан «У Жана», так что готовься.

Пока жена удивлённо глядела на мужа, поражённая его безразличием, свекровь подхватила коробку и скрылась.

Когда дверь за гласом совести закрылась, Аглая полюбо-

пытствовала:

– И что ты там хотел маме возразить?

– Ангел, поверь мне, всё идёт как надо. Подай телефончик. Алё, Жан? На юбилей в меню надо добавить особое блюдо. Слушай...

Наутро Жанна Павловна, приодевшись посOLIDнее, поехала сдавать сапоги.

Походкой, достойной как минимум Екатерины Великой, прошествовала она к стойке и водрузила на неё коробку.

– Я хочу сдать обратно.

– Что-то не устроило?

– Не подошли.

– Хотите обменять или оформим возврат?

– Возврат.

– Чек сохранили?

– В коробке.

Жрица храма высокой моды на высокие ценники благоговейно открыла коробку с сапогами. И тут же и она, и Ж. П. скривились, как от пощёчины.

– Вася! Пришибу!!! – взревела Жанна Павловна, схватила коробку и торпедой вылетела из магазина.

Такси довезло эту грозовую тучу до дома невестки. Туча с грохотом ворвалась в квартиру.

– Где он?! Кастрировать! Немедленно!

– На работе. Ой, что сделать? Жанна Пална, вы что?

– На! Понюхай, что сотворил ваш кот! – и распахнула коробку.

Вася, будучи достаточно смышлёным животным, забился подальше под диван и не отвечивал.

– Да уж, вот это сюрприз... Я знаю неплохую химчистку, завтра отвезу, может, они справятся. Но сдать уже не получится, это точно, – на полном скорби лице Аглаи глаза всё-таки не могли скрыть озорную смешинку.

В субботу наступил великий день. Центурион жилкомхоза Константин отмечал юбилей. В честь круглой даты он даже, кажется, и сам ещё больше покруглел. Надел лучший костюм, галстук в мелкую полоску, наодеколонился. Даже бережно зализанные на плешь три волосины сегодня выглядели как корона. Любуясь в зеркало, Константин изрёк свежеродившийся афоризм, которым он вечером ещё замучает всех в ресторане:

– Я не червонец, чтоб всем нравиться. Я полтинник!

И, сияя, проследовал на кухню, где его уже ждали нарядная супруга, запотевший графинчик холодненькой, разнообразные деликатесы и кот.

– С днём рождения, Косенька! – Аглая обняла и поцеловала мужа и пододвинула к нему по столу коробочку с новыми часами: совсем чуть дешевле, чем у Начкота, чтоб и субординацию не нарушать, и свой статус не принизить.

– Ангел мой, так что в результате с сапогами-то?

– Отвезла к Машке, она за пару дней их отхимичила в лучшем виде. Но Ж. П. я убедила, что сдать их теперь не представляется возможным.

– Товарищ Вася, от лица командования объявляю вам благодарность за операцию по спасению сапог и награждаю вас вот этой форелькой!

Рыбка переключалась к коту в миску, и герой, довольно урча, приступил к торжественной трапезе. Сомов ещё раз поцеловал жену, та плеснула ему в стопку из графинчика, и юбиляр последовал примеру кота.

Вечером ресторан «У Жана» сиял великолепием и гудел небольшой, но солидной компанией гостей. Когда прибыла чета Сомовых, от цепких глаз свекрови не укрылось, что невестка щеголяет в Тех Самых Сапогах, но кусать локти было поздно.

Пир удался по высшему разряду. Юбиляр сиял, как масленый блин, тосты поливали его сладкой патокой, напитки едва поспедали за тостами, закуски за напитками.

В разгар мероприятия в зале появился сам мсье Жан с подносом. Все притихли. Это была редкая честь – получить блюдо непосредственно из рук шефа.

Он подошёл к матери юбиляра и с почтительным поклоном поставил перед ней блюдо с какими-то лепёшечками до-

вольно сомнительного вида.

– Что это?

– Специальный заказ, мадам. Кавардашки по-военному из картофельных мундиров.

Жанна Павловна тяжело посмотрела на сына, на невестку, а затем с каменным лицом принялась за сомнительный комплимент от шефа. Отступить было некуда.

Начкот, заранее посвящённый в суть проказы, хитро шурился рядом с верным Константином.

А дома хитро шурился кот Василий.

Жирные бока

– Моей жены дома нет. Она же теперь по утрам бегает, пытается от жирных боков избавиться, думает, полюблю ее, – усмехался муж по телефону

«Я всё знаю, слышишь?! Как ты мог, Никита?! Как ты мог вот так легко разрушить наш брак? Да ещё так подло сообщить о расставании. Я же знаю, что это именно ты подбросил фотографии под дверь. Решил избежать скандала? Передай своей избраннице, что на чужом несчастье она счастья не построит!»

В последнее время Аня чувствовала, что Никита к ней охладел. Молодая женщина не понимала, что происходит. Муж недавно во время ссоры назвал её некрасивой, хотя раньше его всё устраивало. Аня и до свадьбы была полновата – Никита ведь видел, кого он ведёт под венец. Мужчина потребовал от жены, чтобы она немедленно похудела, в пример он ставил свою коллегу, Юлию. Как позже выяснилось, именно эта женщина разрушила их брак.

Аня, вопреки воле родителей, подала документы в строительный институт. Учёба девушке нравилась, поступила она на архитектора. На курс выше учился Никита. Парню сра-

зу понравилась весёлая хохотушка, он начал активно ухаживать за Аней. С женитьбой молодой мужчина не торопился, сначала он хотел встать на ноги, чтобы жена, а потом и дети, ни в чём не нуждались.

Получив диплом инженера, Никита, не без помощи родителей, устроился в престижную фирму. Он быстро добился карьерного роста благодаря своему упорству и трудолюбию.

Когда была уже назначена дата свадьбы, в жизни Анны случилась трагедия: в автокатастрофе погибли её родители. Торжество пришлось отложить. Чтобы как-то отвлечься от грустных мыслей, Аня вышла на работу. Никита предлагал ей место в фирме, где сам трудоустроен, но она отказалась. Устроилась Аня в детский садик нянечкой. Детей женщина любила, грезила о своих, умела развлечь и успокоить малышей. Никита собственной жилплощади не имел.

Ане же после смерти родителей досталась трёхкомнатная квартира, дача и кое-какие сбережения. Свадьбу сыграли через год после трагедии.

Аня готовила ужин и параллельно пыталась дозвониться мужу, но телефон у Никиты был отключён. «Не случилось бы чего, – переживала женщина – он же гоняет, как сумасшедший». Аня Никиту искренне любила и безгранично ему

доверяла. О том, что муж может задержаться у любовницы, женщина раньше даже и не подумала бы. Но, чувствуя холод со стороны любимого, Аня начала сомневаться. В первую очередь в себе.

«А может быть, и правда завёл он себе кого, а? Вон, Юлю при каждой ссоре мне в пример ставит... Да нет, быть не может такого. Как бы мы ни ругались, он меня любит. А может, и правда стоит похудеть? Надо обязательно заняться этим вопросом и подобрать диету».

Когда Никита приехал домой, на часах пробило ровно полночь. Ужин давно уже остыл. Мужчина есть отказался. Аня попыталась узнать причину задержки, чем вызвала у мужа приступ агрессии.

– Никит, а где ты так долго был? Хоть бы позвонил, что задерживаешься. Я же переживаю.

– Я не пятилетний мальчик, а ты мне не мама, чтобы я перед тобой отчитывался. На работе я был, Аня, на работе!

– У тебя нет настроения? Почему ты на меня кричишь?

– Надоели твои глупые вопросы, каждый день одно и то

же! Лучше бы собой занялась, я ведь просил.

– Никит, я обязательно постараюсь похудеть, раз ты просишь. Просто, пожалуйста, дай мне немного времени. Я не хочу сразу садиться на жёсткую диету, боюсь здоровье попортить. Я хочу ещё ребёночка родить.

– Не нужны нам сейчас дети. Только лишняя трата денег и времени. О детях будем думать лет через пять.

– Никита, как это – через пять лет?

– Ну, вот так. Для себя ещё нужно пожить.

Так и не притронувшись к ужину, Никита отправился спать.

Аня развешивала рабочий костюм, когда учуяла тонкий аромат чужих духов. У Ани такого парфюма не было, она предпочитала лёгкие цитрусовые оттенки, а от рубашки пахло чем-то тяжёлым и «восточным». Женщина расплакалась, но постаралась сама себя успокоить. Может быть, кто-то из коллег переборщил с парфюмом?

Например, Юля по дороге на работу или с работы побрызгалась духами в машине Никиты. Он же часто её подвозит.

Ночью Аня почти не спала. Она в известной соцсети набрела на сообщество диетолога и несколько часов подряд читала посты о похудении, правильном питании и занятиях спортом. Аня твёрдо решила меняться.

Никита проснулся субботним утром раньше обычного. Ани дома не было. «Опять, наверное, бегать ушла. Думает, если от жира избавится, я её снова полюблю. Как бы поделикатнее сказать ей, что она мне надоела», – думал мужчина.

Ещё раз убедившись, что дома один, Никита набрал номер, который знал наизусть:

– Привет, любимая. Ты уже проснулась? Может быть, встретимся? Один я, моей женушки дома нет. Она же теперь по утрам бегает, пытается от жирных боков избавиться. Третий день уже. Ха-ха, вот и я говорю, что зря старается. Давай в часик на нашем месте? Буду ждать. Люблю, целую.

После пробежки Аня заглянула в магазин. Наверное, Никита уже проснулся, нужно торопиться домой и готовить ему завтрак. Аня купила свежих фруктов, обезжиренную молочку, упаковку куриной грудки и три вида круп. С сегодняшнего дня женщина начинала правильно питаться.

Когда Аня вернулась домой, Никита принимал душ. Женщина тихонько постучала в дверь и спросила:

– Милый, завтракать будешь?

Никита промолчал, хотя Аня была уверена, что он её слышал. Сразу стало грустно: между ними вообще не осталось теплоты. Никита вышел из ванной и направился в спальню, на жену он даже не взглянул. Аня, переборов обиду, пошла следом.

– Никита... Никит...

– Что?

– Мне собираться уже?

– Куда?

– Ну как... Ты же обещал меня на кладбище отвезти, к маме с папой. Сегодня у мамы день рождения.

– Ой, вызови такси или на автобусе съезди. Я уезжаю, нет времени.

– Ну как... Мы же договаривались...

– Вот так, Аня. Я же объяснил: встреча у меня важная по работе, буду поздно. И не готовь сегодня ничего, я в ресторане поужинаю. В последнее время еда у тебя совсем невкусная.

Анна ушла на кухню и просидела там до тех пор, пока за Никитой не захлопнулась дверь. Женщина выглянула в окно: муж вышел из подъезда, разговаривая с кем-то по телефону. Никита улыбался. На душе у Ани стало совсем горько.

Никита ждал Юлю в ресторане. Девушка немного опоздала. Выглядела она, как всегда, эффектно. Юля чмокнула Никиту в щёку и села напротив.

– Привет, дорогой. Как дела? Соскучился? Позавчера ведь виделись.

– Конечно, соскучился. Для меня теперь каждая минута без тебя – мука. У меня сегодня весь день свободен. Чем занимаешься?

– Поехали ко мне? Я найду, чем тебя развлечь.

Аня пробыла на могиле родителей несколько часов. Женщина разговаривала с матерью и отцом, как с живыми, пла-

кала и жаловалась на судьбу. Анна, выходя с кладбища, почувствовала облегчение: в душе появилась надежда, что всё будет хорошо.

Никита и Юля разговаривали, лёжа в кровати:

– Дорогой, когда ты, наконец, уйдёшь от Ани?

– Скоро, любимая, скоро. Есть небольшие трудности, стараюсь их решить.

– Какие?

– Я, малышка, думаю о нашем будущем. У меня нет своей квартиры. Если я разведусь с Анькой, мне придётся переезжать к тебе. А у тебя тоже жильё съёмное. Знаешь, что я подумал?

– Что, дорогой?

– Нужно бы заставить Аньку продать дачу и обналичить банковский счёт. Этих денег вполне хватит на двухкомнатную. Только я не знаю, как лучше это проверить. Я, если с ней разведусь, на поддержку родителей могу не рассчиты-

вать. Они Аньку почти боготворят, меня долго не простят.

– А ты скажи ей, что хочешь бизнес собственный открыть. Надави на больное, скажи, что созрел для рождения ребёнка и хочешь обеспечить ему будущее.

– Точно! Какая ты у меня умница!

Юля заметно расстроилась. Кажется, сегодня она поторопилась: с минуты на минуту к двери Ани должен подойти курьер и оставить конверт с их с Никитой интимными фотографиями. Если бы она раньше знала про план любимого, то не совершила бы такой ошибки.

Конверт Аня нашла.

Женщина, разглядывая фотографии, рыдала в голос. Сразу же стала звонить Никите, но у него, как обычно, был отключён телефон. Аня открыла Телеграмм и отправила голосовое сообщение: «Я всё знаю, слышишь?! Как ты мог, Никита?! Как ты мог вот так легко разрушить наш брак? Да ещё так подло сообщить о расставании. Я же знаю, что это именно ты подбросил фотографии под дверь. Решил избежать скандала? Передай своей избраннице, что на чужом несчастье она счастья не построит!»

Внезапно Анна вытерла слёзы и быстро удалила сообщение.

До мужа оно не дошло. Душу пронзила мрачная решительность: всё, больше она никому и никогда не позволит издеваться над собой. Хочет развода – он его получит. Она решила подождать, пока Никита скажет ей о расставании лично, глядя прямо в глаза.

Никита вернулся поздно. Аня постаралась вести себя как ни в чём не бывало.

– Привет, Никита. Как прошла встреча?

– Отлично, любимая. Всё хорошо. Ты как? Съездила к маме? Как себя чувствуешь? Что-то ты бледненькая.

Аня чуть не подавилась бутербродом и удивлённо уставилась на мужа.

– Да вроде бы всё хорошо. С каких пор тебе интересно моё самочувствие?

– Ну что ты, дорогая! Ты всегда мне была интересна. Чем ты меня сегодня будешь кормить?

– Тефтели готовила. Будешь?

– Конечно, буду. Обожаю твои фирменные тефтельки. Сейчас я переоденусь, и будем ужинать. Как раз хотел с тобой кое-что обсудить.

«Ну вот... Вот и дождалась, – с горечью подумала Аня. – Сейчас вся правда и выяснится».

Но Никита ни словом не обмолвился о Юлии. Он начал разговор о продаже дачи, расписывал жене, как они откроют собственный бизнес, как быстро разбогатеют, купят себе ещё одну квартиру под сдачу и начнут готовиться к зачатию ребёнка. Аня изо всех сил старалась держать лицо, чтобы не расплакаться и не прокричать Никите, что она всё знает.

– Хорошая идея, – немного дрожащим голосом проговорила женщина. – Надо подумать об этом.

Ночью Ане не спалось. Она думала, как бы побольнее отомстить мужу за предательство. К утру решение нашлось.

Аня за завтраком сказала мужу, что согласна с его предложением. Никита поручил ей самой заниматься этим вопросом. Он до позднего вечера на работе, не сможет мотаться за город, показывать клиентам дачу и оформлять документы.

Днём Аня сходила в банк и сняла деньги со счёта.

Наличные женщина поместила в ячейку, доступ был только у неё. Немного позже она разместила объявление о продаже дачи и... квартиры. Недвижимость она отдавала вместе с мебелью, посудой и техникой. Суммы, вырученной с продажи, хватит с лихвой на квартиру в Москве.

Именно туда Аня и планировала уехать.

Благо, Никита остался прописан у родителей. Как-то руки не дошли у Ани зарегистрировать его в своей квартире. Как только сделки по купле-продаже проведут, нужно будет куда-нибудь отправить мужа на несколько дней. Чтобы по возвращению его ждал грандиозный сюрприз.

Дача ушла быстро, её без торга купил хороший знакомый отца.

Деньги Аня отнесла в ячейку. Никите ничего не сказала. Клиенты на квартиру нашлись быстро. Хорошо, что работал Никита с девяти до семи: Аня успевала и показать объект продажи потенциальным владельцам, и документы нужные сделать, и в банк съездить. Когда сделка была совершена, Аня попросила одну неделю отсрочки для съезда с квар-

тиры, в банке открыла вклад и поместила туда все деньги.

Новые хозяева должны были въехать в квартиру ровно через семь дней. Аня не нашла благовидного предлога, под которым можно было бы избавиться от мужа хотя бы на пару дней. Женщина решила, что просто отдаст запасные ключи от квартиры утром в понедельник, когда Никита уже будет на работе. Вечером к себе «домой» он уже не попадёт.

Всё вышло так, как и задумала Аня. Женщина из своей квартиры забрала только фотографии. Новых владельцев попросила выбросить её и бывшего мужа личные вещи. Никите же сказала, что в понедельник вечером она передаст ему деньги с родительского вклада.

Никита в предвкушении торопился домой. Странно, но ключ не подошёл. Неужели она замки сменила? Но зачем?

Никита постучал. Открыли ему незнакомые люди. Мужчина начал кричать, что это его квартира, что он в ней хозяин. Ему объяснили, что неделю назад приобрели эту квартиру у Анны, от чужих вещей уже избавились. И пригрозили: если ещё раз Никита сюда явится, они вызовут полицию.

Мужчина бросился звонить жене. Анна взяла трубку не сразу:

– Ну что, дорогой... Как тебе мой сюрприз? Понравился? Вот примерно те же чувства я испытала, когда увидела фотографии, на которых ты вместе с Юлей в позах запечатлён. И, кстати, я их отправила твоим родителям. Не ищи меня, подавай на развод. Счастья тебе с Юлечкой.

Аня достала из телефона сим-карту и выкинула её в ближайшую урну. Когда Юля узнала, что Никита остался ни с чем, тут же его бросила. Родители так и не смогли простить сыну его выходку, невесту они любили искренне.

Отчим

Иришка торопилась со школы домой. Сегодня было шесть уроков, девочка устала. Вечером еще тренировка по футболу. До нее надо успеть прибраться дома, вымыть посуду и выкинуть мусор. Мама с папой, наверное, снова пьяные... Иришке шел девятый год. Девочка еще семь месяцев назад была абсолютно счастливым ребенком, мама и папа окружали ее заботой и любовью. Но однажды пятничным вечером отец принес несколько бутылок пива.

– Юль, составишь мне компанию? Такая тяжелая неделя была, вымотался. А одному пить не хочется.

– Подожди, Дим, мне нужно заказ доделать. Клиентка очень требовательная попалась, шесть раз уже приходила на примерку. Все нервы мне вымотала.

– Ну вот, расслабишься наконец-то. Да мы совсем по чуть-чуть, чтобы с утра голова не болела.

Ира и не заметила, как мама вместе с отцом скатилась в алкогольную яму.

Сначала они выпивали только по праздникам и выход-

ным, дозу свою знали, утром никогда не похмелялись. Затем на столе все чаще стали появляться бутылки с портвейном, крепленным вином, водкой или коньяком. Отец с матерью напивались до беспамятства, утром страдали от похмелья и принимались «лечиться». К вечеру снова едва стояли на ногах. И так по кругу, каждый день.

За полгода известная в городе швея превратилась в безработного изгоя с вечно грязными волосами и стойким запахом перегара. Папу тоже с работы уволили, на заводе не стали терпеть запои. Семейная пара на жизнь зарабатывала сбором стекла, металла.

Отец иногда работал грузчиком на овощном рынке. В общем, пили на честно заработанные, из дома ничего не пропивали. Но и не покупали ничего, кроме дешевой водки. Редко когда брали макароны, горох или картошку. Продуктами снабжала бабушка Нина, мать Юли. Она жила в деревне, передавала Ире сумками овощи, крупы, а иногда и мясо через соседа два-три раза в месяц. Этого с трудом, но хватало на тридцать дней.

Малышка давно научилась экономить.

Иришка мамы не стыдилась, хоть той внешний вид и образ жизни изменились. Отца девочка начинала побаиваться:

если раньше он был ласковым и заботливым с ними, то теперь частенько бил мать и кричал на дочь. Вернее, был не ее настоящим отцом, а отчимом.

Как мама познакомилась с отчимом, Иришка помнила плохо. Девочке тогда было три года. Мужчина быстро смог завоевать доверие ребенка, девочка стала называть его папой. Самое яркое счастливое воспоминание – празднование ее пятилетия. Папа с мамой забрали ее из садика, отвезли в зоопарк и подарили большую говорящую куклу. Как хорошо они раньше жили!

Придя домой, Иришка снова увидела вусмерть пьяных родителей. Мама уснула за столом, отец спал на диване под громко работающий телевизор. Малышка тяжело вздохнула и принялась за уборку. Она попыталась разбудить мать. Женщина, уронив голову в тарелку с окурками, громко храпела. Иришка тихонько погладила мать по голове и прошептала:

– Мамочка, пожалуйста, перестань пить. Вспомни, как мы хорошо жили. Я прошу тебя, мамочка.

По лицу девочки градом покатались слезы. Нужно срочно умыться, чтобы отец не заметил. Снова будет кричать и обзывать. До тренировки, которая начиналась в шесть ве-

вчера, Иришка успела переделать все домашние дела, выполнить задания по русскому языку, математике. Мать проснулась где-то через час после ее прихода со школы и сразу же ушла на поиски денег. Когда девочка уходила, отец еще спал.

Вернулась Ира с тренировки поздно, почти в девять вечера. Из квартиры доносились громкие крики. Девочка, немного постояв у двери, нажала на звонок. Дверь ей открыла тетя Люся, новая мамина подружка, нетрезвая, как всегда.

– О, Ирка. Привет. Где ты шляешься так поздно?

– Здравствуйте, тетя Люся. Да я с тренировки, сегодня же пятница.

– Ты тренируешься? Где?

– Уже два года на футбол хожу.

– Ишь ты, на футбол. Юлька мне полгода двести рублей отдать не может, а тебе занятия оплачивает? Ну, сейчас я с нее стребую долг!

– Теть Люсь, мы занимаемся бесплатно, денег не сдаем.

Иришка разделась, аккуратно повесила сумку со спортив-

ной формой на вешалку. Нужно не забыть потом, когда гости родителей разойдутся, достать ее и постирать.

На кухне то пели песни, то громко ругались матом. Иришка закрыла дверь в комнату на щеколду и легла спать. Стирку девочка решила перенести на следующий день.

Утром ребенок проснулся от криков матери. Выбежав на кухню, девочка увидела маму, лежащую на полу, и склонившего над ней отца.

– Я тебе покажу, как по моим карманам лазить. Я тебе руки переломаю!

– Дима, пожалуйста, не при ребенке. Ира, выйди! Выйди, уйди в свою комнату!

Вместо того, чтобы послушаться мать, девочка с разбегу повисла на шее отчима, пытаюсь отвлечь отчима, и закричала:

– Не трогай маму! Уходи, это ты, ты во всем виноват! Это из-за тебя она такая!

– Ах ты малявка! А ну-ка брысь отсюда, пока и тебе не досталось. Или это ты сто рублей из моего кармана стащила?

В брюках деньги лежали, вчера металл сдал! Я их вчера в спальне на стуле оставил.

– Не брала я ничего. И мама не брала. Это Борька вчера в вашей комнате крутился.

Борькой был сын тети Люси.

– Откуда знаешь? Не смей мне врать!

– Видела я его, когда в туалет выходила. Он на кровати у вас сидел, возле стула с одеждой.

– И правда, Юлька. Ты же не выходила из кухни. Ирка, ты точно деньги не брала?

– Точно не брала.

– А почему сразу не сказала? Почему Борьку не выгнала?

– Ага, его выгонишь. Он потом, если на него жалуешься, щипается больно и грозитя «стукачам темную» устроить.

– Вот поганец! Я ему уши надеру.

Отчим собрался и куда-то ушел. Юля, пока еще трезвая,

направилась в ванную, где долго плакала, думая, что дочь ее не слышит. Иришка встала возле двери и позвала:

– Мам... Открой, пожалуйста.

– Иди, дочка, – раздался глухой голос Юли. – Я сейчас выйду.

Пока мама умывалась, Иришка разогрела чайник.

– Мам, мне тут бабушка денег немного дала. Я продуктов после школы куплю?

– Ты к бабушке ездила?! Одна?!

– Нет, мам. Дядя Петя в школу заезжал.

– Доченька дай мне, пожалуйста, сто рублей. Умираю, похмельиться срочно нужно.

– Мама, пожалуйста, давай снова жить вдвоем? Бабушка сказала, если ты выгонишь папу, она тебя вылечит и устроит на работу. Квартиру продадим, переедем к ней в дом. Мама, пожалуйста, я тебя очень прошу! Давай жить вдвоем.

– Не могу я, Иришка, его выгнать. Люблю я его. Да ты, на-

верное, и не знаешь, что это такое... Сто рублей мне оставь и иди. Погуляй немного после школы, приходи часа в четыре. Отец в это время всегда спит.

Девочка достала из кармана несколько сложенных сторублевков, вытащила одну купюру и положила перед матерью. Юля схватила деньги и, даже не взглянув на дочь, направилась к двери.

Ира вернулась домой, как и просила мать, в пятом часу вечера. Дверь открыла своим ключом и тихо вошла в прихожую. Поставив пакет с продуктами на пол, стала снимать обувь и куртку. Голосов родителей слышно не было, только телевизор работал в зале: показывали какую-то криминальную передачу. Неужели никого дома нет? А где мама? Иришка обрадовалась: она успеет спокойно разложить продукты и приготовить ужин, пока матери с отцом нет.

Войдя на кухню, девочка остолбенела: мама лежала на полу. Под ней растекалась лужа крови. Отчима не было. Девочка подбежала к матери и стала аккуратно трясти ее за плечо:

– Мамочка! Открой глаза. Мама... Мам!

– Ира, – прохрипела женщина, – звони бабушке... Уходи... Отсюда уходи... Не оставайся с ним... Он и тебя...

убьет...

Юля, вздрогнув, замолчала. Ире показалось, что мама потеряла сознание. Девочка бросилась к соседям и стала стучать в дверь напротив. Открыла пожилая старушка.

– Баба Зина, пожалуйста, вызовите скорую! Там мама на кухне лежит, кровь у нее с головы бежит...

– Ой, золотце. Да что ты? Ну-ка, проходи домой, сейчас я схожу, посмотрю. Сейчас, не волнуйся. Миша, напои Иришку чаем, у нас, кажется, ЧП произошло.

Скорая увезла Юлю в больницу. Приезжала полиция, опросила всех соседей и девочку. Удивительно, но никто ничего не слышал. Ни звуков борьбы, ни криков. Отчим вернулся ближе к вечеру. Услышав неприятную новость, как будто не удивился. Деловито прошел в квартиру, осмотрел все, велел Ирине набрать в ведро воды и помочь ему с уборкой. Баба Зина, стоявшая рядом с девочкой, возмутилась:

– Дима, ты что, с ума сошел? Ты хочешь заставить ребенка это убирать? Это же травма на всю жизнь!

– Ничего страшного, зато крови бояться не будет. И вообще, баб Зин, не вмешивайся. Мы сами разберемся.

– Ну уж нет! Ребенка я к себе заберу, у меня сегодня ночевать будет. Завтра пойду в опеку, буду писать заявление, чтобы Иру у тебя забрали.

– А это никак не получится. Я ее отец, я ее официально удочерил. Поэтому не лезь, баб Зин, не в свое дело.

Старушка взяла девочку за плечи и увела к себе. Дмитрий пришел к ним часа через два, спросил, пойдет ли дочка домой. Иришка, вспомнив слова матери, отрицательно замотала головой. Диме отказ не понравился, он попытался увести девочку силой. Баба Зина крикнула Мишу, своего сына.

Когда алкоголик увидел в дверном проеме рослого, плечистого мужчину, он молча выскочил, забежал к себе в квартиру и закрыл дверь на ключ.

На следующий день баба Зина, как и обещала, отправилась в опеку. В отделе уже знали о произошедшем, наверное, сообщила полиция. Собрали комиссию и отправились по адресу проживания ребенка. Дверь открыл Дмитрий, абсолютно трезвый. В квартире (баба Зина очень удивилась) было чисто. Мужчина продемонстрировал холодильник.

– Вот, все у нас есть. Я понимаю, ребенок стресс испытал.

Я дочке разрешил у бабы Зины переночевать. К ее приходу специально свеженький куриный супчик сварил.

– Соседи жалуются, Дмитрий, что вы часто выпиваете.

– Да нет, ну что вы? Иногда да, выпиваем, тихо, спокойно и немного. Драк не устраиваем, не ссоримся.

– Да что ты врешь, Димка! – подала голос баба Зина. – Ты же Юльку бедную почти каждый день колотил!

– Неправда ваша, Зинаида. А доказательства где? Полицию не вызывали, побоев никто не снимал, заявлений нет. Вы меня, наверное, просто недолюбливаете, раз при комиссии на меня клеветеете.

Иришка вернулась в свою квартиру. Представитель опеки Зинаиде объяснил, что Дмитрий по документам – ее отец. Конечно, они будут наблюдать за семьей. Попросили связаться с бабушкой. Зина всплеснула руками: Нина Федоровна небось и не знает, что Юля находится в больнице. Кстати, состояние женщины ухудшилось: она впала в кому.

Дмитрий, сообразив, что от него на время отстали, в тот же день напился. В полицию его вызывали по поводу избития Юлии, но мужчина сказал, что к этому делу не имеет

никакого отношения. Его дома не было, может быть, женщина сама упала и ударилась об угол стола или табуретки. А может, и в гостях кто был.

Вечером к нему в гости пришел Виталик. Мужчине было двадцать восемь лет, он недавно освободился из мест лишения свободы в третий раз. Срок отбывал за совращение. Мужчины, выпив на двоих три бутылки водки, стали играть в карты. Чтобы не маячить у них перед глазами, девочка закрылась в комнате и села за уроки.

В дверь постучали.

– Кто там?

– Ира, зайди в зал. Разговор к тебе есть.

Девочка прошла в другую комнату. Отец практически не стоял на ногах, был очень пьян.

– Это Виталик, знакомься.

– Здравствуйте, дядя Виталик.

– Ира, я проиграл Виталику в карты. Будь умницей.

Дмитрий взял у Виталия деньги и ушел за добавкой. Пьяный Виталий широко расставив руки и улыбаясь, медленно шел к девочке. Ира, несмотря на юный возраст, все поняла. Девочка лихорадочно искала способ выбраться из этой комнаты.

К двери не пробиться, остается окно. Ира быстро вскочила на подоконник, дернула ручку и, зажмурив глаза, сиганула вниз.

Малышка, выпрыгнув со второго этажа, сломала ногу. Кто-то из соседей незамедлительно вызвал полицию и скорую. Через две недели в больнице от полученных травм мать Иры скончалась. Девочка, рассказывая правоохранителям об эпизоде с Виталиком, передала следователю слова матери.

Дмитрия задержали, в преступлениях он сознался. Девочка теперь живет с бабушкой и до сих пор видит кошмары по ночам.

Вторая жена

– Все вопросы, касающиеся Сережиной зарплаты, да и денег в общем, теперь будешь решать со мной. Сразу предупреждаю: никаких лишних трат, кроме алиментов, не будет. Тебе нужно, чтобы твои дети посещали кружки? Работай и плати за это удовольствие сама. У Сережи новая семья, ему есть куда тратить деньги.

Лиза только-только начала вставать на ноги после развода. Прошло уже два года с момента разрыва отношений, но только сейчас женщина с двумя детьми стала жить достойно. Лиза не любила вспоминать, как ей приходилось перебиваться случайными заработками, чтобы прокормить Дашу и Соню, но ради любимых девочек мать была готова на все.

Она ночами пекла пирожки и булочки, а утром их сдавала в ближайший магазин, подрабатывала техничкой в стоматологической клинике. Потом Лиза решила отучиться на мастера педикюра и маникюра. Сейчас у женщины была наработанная клиентская база и она, в принципе, ни в чем не нуждалась. Единственное, что грызло женщину ночами, – то, что в жизни детей отсутствовал родной отец.

С Сергеем она развелась по собственной инициативе.

Муж первое время даже не хотел расходиться и один раз сорвал судебное заседание, но потом все же согласился. Тогда он Настю и встретил. Причиной развода послужила патологическая жадность мужчины. Жить с ним было просто невозможно. Сергей полностью контролировал траты Лизы, требовал отчета за каждую покупку, не разрешал ей баловать детей игрушками, фруктами.

Даже на гигиенические средства он ввел запрет. Апогеем стало то, что мужчина предложил в туалет класть не бумагу, а газету, нарезанную на небольшие квадратики.

Лиза вот уже два года не могла заставить бывшего мужа помогать детям. Нет, он платил алименты по соглашению, но небольшую сумму. На алименты официально Лиза не подавала. Сергей грозился, что сразу попросит зарплату в конверте, а официально будет получать гроши.

Даше и Соне доставались копейки, которых едва хватало на оплату кружков для танцев для старшей и занятий по лепке для младшей. Все остальное Лиза тянула на себе.

Ситуация осложнилась, когда бывший муж женился во второй раз.

Его избранницей стала Настя – несостоявшаяся модель,

мечтающая о шоу-бизнесе и славе. Лизе всегда было интересно, почему от нее Сергей не требует никаких отчетов и с охотой тратит на новую жену деньги, при этом обделяя родных детей.

Мужчину не понимала даже его мать, София Андреевна. Она несколько раз пыталась поговорить с сыном, но всякий раз натыкалась на глухую стену:

– Мама, не лезь не в свое дело. Лиза – такой же родитель, как и я. Пусть она тоже принимает участие в содержании детей, или я один должен за все платить?

– Сережа, опомнись! Ты детям в месяц по семь с половиной тысяч даешь. На двух девочек! Неужели у тебя сердце не екает?

– Не екает, мама. Они не на улице живут, а в отдельной квартире, в тепле и уюте, сытые и одетые. Кружки, танцы, кинотеатры, катки – это лишняя трата денег. Можно обойтись и без развлечений.

– Сергей, не доводи меня до греха! Настя твоя разве не может обойтись без новых шмоток? Зачем ей третий телефон за год?

– Я, мама, ее люблю! И отказать ей не могу. Мне в удовольствии ее баловать.

София Андреевна как могла помогала бывшей невестке.

Денег от нее Лиза не брала, женщине было стыдно. Но девчонок с удовольствием на выходные отвозила бабушке, чтобы принять как можно больше клиентов, так как в выходные запись всегда была плотной.

Когда Сонечке понадобился новый костюм на выступление, Лиза позвонила бывшему мужу. Сергей трубку взял не сразу:

– Да. Лиза, что тебе опять надо?

– Ты хамить прекрати. У Сони скоро выступление, нужен новый костюм. Предлагаю скинуться. Дешевле будет купить готовый, чем шить на заказ.

– У меня денег нет, я ничем тебе помочь не могу.

– Сергей, имей совесть! Как это нет? Недели не прошло, как зарплату ты получил!

– А ты откуда знаешь?

– Не глупи, ты и в браке со мной работал менеджером по продажам. Я прекрасно знаю, когда и сколько ты получаешь.

– Лиз, денег нет. Извини.

Со зла женщина сломала одноразовую пилку. Она вертела ее в руках, пока разговаривала с мужем. Сколько можно терпеть? Как долго будут продолжаться эти унижения? Почему она должна выпрашивать у отца деньги на собственных детей? Что-то нужно было с этим делать.

Наверное, пора официально подать на алименты.

Выручила София Андреевна. Когда она узнала, что старшей внучке нужен костюм, она забрала девочку со школы, поехала с ней в магазин и купила блестящий, яркий костюм. Лиза была очень благодарна бывшей свекрови.

Еще одна проблема состояла в том, что Сергей после развода категорически отказывался видеться с детьми. Соня училась в пятом, была больше привязана к матери. А вот Даше – первоклашке – очень не хватало папы. Ребенок постоянно рисовал счастливую семью из воспоминаний. На столе, где дети делали уроки, стояло несколько фигурок мужчин из пластилина, символизирующих отца. Даша их слепи-

ла совсем недавно.

Лиза несколько раз звонила и просила Сергея приехать к ним хотя бы на час. Ребенок часто плачет и очень скучает. Однажды разговор услышала новая жена, выхватила трубку и закричала:

– Да оставьте нас уже в покое! Сколько можно! Что ты, что ненормальная свекровь – обе жизни нам не даете. Не хочет муж тебя видеть! Ни тебя, ни твоих детей. Должна же быть хоть капля гордости. Что ты нам навязываешься, как рыба-прилипала?

Лиза бросила трубку. Уж с кем, а с этой Настей она не хотела иметь никаких дел.

Настя развернулась к мужу и разоралась:

– У тебя что, языка нет? Ты что, не можешь ее далеко и надолго послать? Твоя бывшая жена и твоя мамаша долго будут мотать мне нервы?

– Солнышко, только не волнуйся. Ну что я могу сделать? Я им объясняю, но они не слушают. Ну не злись, зайчик. Хочешь, в ресторанчик сходим?

– Да, хочу. У меня же как раз новое платье до сих пор не выгулянное висит. Только ты, Сережа, обязательно сделай так, чтобы они больше нас не беспокоили, хорошо?

– Хорошо, дорогая. Все будет так, как ты хочешь.

– Кстати, Сереж, я требую, чтобы ты позвонил бывшей жене и сообщил, что уменьшаешь размер алиментов, мне нужна новая шуба! – приказала супруга.

– Подожди, Настя. Как это уменьшаю? Я чуть больше семи тысяч на каждую дочь плачу. Куда еще меньше?

– Не хотела тебе так рано говорить. Думала, сюрприз устрою. Дело не только в шубе. У нас с тобой скоро появится малыш. Я беременна!

Сергей и сам не заметил, как оказался под каблуком молодой жены. Над ним, кстати, начали посмеиваться не только друзья, но и коллеги. Как только в трубке раздавался командирский голос жены, Сергей менялся в лице и убегал подальше от коллектива.

София Андреевна новости о том, что снова станет бабушкой, не обрадовалась. У нее не было никакого желания общаться с новой женой сына. София Андреевна решила по-

дождать и посмотреть, что будет. В любом случае, внучки от Лизы останутся для нее самыми любимыми.

Узнав радостную новость, Сергей занял у друга крупную сумму. Он хотел отвести любимую жену в Таиланд на две недели. Настя сказала, что ей необходим отдых и смена обстановки. Лиза ей все нервы вымотала. Посмотреть за квартирой попросил свою мать.

Та в просьбе не отказала и отругала сына:

– Сережа, совсем у тебя нет совести! Ты Сонечке даже костюм не купил, не говоря уже о том, чтобы сходить на само выступление. Дашка мучается, ни разу у ребенка в школе не был. Я бы и не подумала, что ты таким поганцем вырастешь!

– У меня, мама, другие цели. У меня ребенок скоро родится. Причем, мама, сын! Наследник! Знаешь, сколько на малыша надо? Тем более Настя сказала, что для него нужно самое лучшее. Вот настоящая женщина, мальчика родит. Не то что эта Лизка-бракоделка!

София Андреевна не стала объяснять сыну, что пол ребенка закладывается отцом, а не матерью. Женщине было неприятно разговаривать с сыном, она решила минимизировать контакты с ним.

«Даже на выписку не пойду», – зло подумала она.

Лиза, конечно же, узнала о предстоящей поездке и позволила мужу:

– В общем так, Сергей. Мне надоело перед тобой унижаться, постоянно выпрашивать у тебя деньги на твоих же детей. С сегодняшнего дня алименты в пятнадцать тысяч на двух девочек меня не устраивают. У тебя зарплата больше восьмидесяти, и теперь я подаю в суд. Будешь платить детям официально.

– Лиза, не устраивай мне лишних проблем. Войди в мое положение. У меня скоро ребенок родится, Настенька же беременна. Помнишь, сколько мы на Дашку с Сонькой тратили, когда они родились?

– Прекрасно помню. Если бы не София Андреевна, то даже пеленки с распашонками у детей были бы ношенные! Коляски, кроватку, ходунки мы покупали с рук. Ты жалел детям деньги на новые вещи, а этот ребенок, получается, чем-то лучше?

– К твоему сведению, это сын, а не какая-то девчонка. И Настю я люблю очень, намного больше, чем тебя. Конечно,

этот ребенок желанный!

– У меня слов просто нет... Жди повестки в суд.

– Да иди хоть куда! Я на работе справку в бухгалтерии попрошу, они мне напишут, что у меня оклад пятнадцать тысяч. С этой справкой в суд и пойду, тебе еще меньше алиментов назначат. Поэтому не рыпайся, и скажи спасибо за то, что дают.

Лиза была вне себя от ярости. Если бы Сергей прямо сейчас возник перед ней, мужчине бы не поздоровилось. Безнаказанно бывшего мужа Лиза оставлять не собиралась. Перед тем как идти в суд, ей нужно встретиться с одним человеком.

Вылет Сергея и Насти послезавтра. Через два дня Лиза решит проблему.

Женщина должна была доказать реальный доход бывшего мужа. За помощью она обратилась к его начальнику, Владимиру Петровичу, к Вове. Раньше, когда Лиза и Сергей были в браке, они дружили семьями. Хорошие отношения с Надей, женой Вовы, Лиза сохранила до сих пор. Женщина вечером позвонила подруге на домашний и попросила пригласить к телефону Владимира.

– Вова, привет. Это Лиза. Как дела?

– Привет, Лиз. Все хорошо. Ты как? Совсем тебя не слышно, в гости к Надюхе не заходишь.

– Ой, Вов. У меня столько сейчас проблем. Помощь твоя очень нужна.

– Говори, сколько?

– Да нет, я не про деньги. Вов, скажи мне, пожалуйста, честно, сколько Сергей получает?

– Ну, сейчас чуть больше, чем раньше: девяносто выходит.

– Вот оно что... А мне, представляешь, на двух девчонок пятнадцать дает.

– Вот негодяй... Слушай, Лиз. Раньше ведь он таким не был?

– Да всегда был жадным скупердям. Просто на новую passion ничего не жалеет, а нам крохи достаются. Я планирую в суд на него подать. Хотела тебя попросить, чтобы ты проследил за этим гадом. Он собирается в бухгалтерии справку брать, что у него доход в пять раз ниже. подтвердил

реальный размер его заработка.

– Конечно, без проблем, я помогу. Нужно щелкнуть Сергею по носу, совсем обнаглел.

О том, что Лиза подала в суд, Настя узнала еще в Таиланде. Она закатила мужу грандиозный скандал, пообещав по приезду разгромить его бывшую жену в пух и прах. Сразу же, как только вернулась, Настя поехала к Лизе домой. Несколько раз позвонила в дверь, но ей никто не открыл. Позвонила Лизе и потребовала ее впустить. Женщина ответила, что сейчас принимает клиентку и попросила немного подождать. Разговор Настя начала прямо в коридоре:

– Оставь моего мужа в покое! Сколько ты будешь лезть в нашу жизнь? Не смогла удержать хорошего мужика, что теперь жить мешаешь?

– Кому нужен твой «хороший мужик»? Ничего, кроме денег, мне от него не нужно.

– Не будет тебе никаких денег! Все финансовые вопросы ты теперь через меня решать будешь! Семейным бюджетом распоряжаюсь я.

– Нет, дорогая, так не пойдет. Мне просто будут отчислять

положенный процент в момент начисления зарплаты. Хотя нет, он сам будет мне приносить половину заработка, если не хочет, чтобы все счета арестовали приставы. Или машину вашу.

– Ты не посмеешь... Ты не лишишь меня денег...

– Мне твои деньги не нужны. Я требую только то, что мне положено по закону.

Лиза разумеется дело выиграла, липовую справку бывшему мужу никто не дал. Ее свекровь до сих пор помогает ей и девочкам.

А новая жена ее бывшего мужа родила ребенка и сбежала от него с богатеньким мужичком. Теперь бывший муж ищет ее, чтобы подать на нее на алименты.

Соседка

– Снова все повторяется. Господи, за что? Чем я заслужила такие издевательства? Ну почему Настя приехала именно в этот город? Почему сняла квартиру именно в нашем доме? Что теперь делать? Как прекратить травлю?

Сегодня Тане снова приснился кошмарный сон. В нем молодая женщина видела себя маленькой девочкой, над которой склонилась толпа одноклассников. Во сне она не слышала их голосов, но видела, что над ней смеялись. Почему-то все было черно-белым, как в старом советском кино. Проснувшись Таня в холодном поту. Сегодня опять повторится вчерашний день: она снова встретит на детской площадке Настю и Лену – женщин, которые последние несколько месяцев не давали ей спокойно жить.

Таня пыталась поделиться своими тревогами с мужем, но Стас только отмахивался:

– Тань, ты серьезно хочешь, чтобы я пошел разбираться с двумя разведенками? Ты что, смеешься? Я не буду влезать в бабские разборки. Что ты им ответить не можешь?

– Не могу... Ты бы слышал, какие гадости они про меня

говорят. А главное, еще сына нашего задевают!

– Меньше внимания обращай на них. Пусть болтают, коли языками чесать охота. Ты думаешь, у нас во дворе не знают, что из себя представляет Настя? Да за год она отлично себя показала, все всё прекрасно знают. Мне, например, вообще наплевать на сплетни.

– Это тебе, Стас, наплевать. А я к таким вещам очень болезненно отношусь.

– Тань, может быть, ты к психологу сходишь? Как говорится, проработай детские травмы. Эта Настя ведь одноклассница твоя? Со школы с ней воюете?

– Ну да... Стыдно как-то по такой мелочи беспокоить специалиста.

– Таня, ты неисправима! Этот специалист за такие мелочи деньги получает, это его работа. Впрочем, решай сама. Мое дело – предложить.

Отправив мужа на работу, Таня стала собирать Кирюшу в садик. К ее большому сожалению, Настина дочь ходила с ее сыном в одну группу. Таня мысленно готовилась к нападкам бывшей одноклассницы.

Женщина вспоминала свое детство и не понимала, за что ее так не любили одноклассники. Она от сверстников ничем не отличалась, единственное, была немного высоковата и худощава. Училась посредственно, звезд с неба не хватала, но одноклассникам не нравилась. Первое время Таня пыталась сблизиться со сверстниками: приглашала их в гости, дарила небольшие подарки на день рождения.

Но все равно была изгоем. Родители внимания на проблемы девочки не обращали, для них понятия «травля» вообще не существовало.

Из-за проблем в школе Таня замкнулась в себе.

Только в институте девушка стала потихоньку раскрываться. Именно там она и познакомилась со Стасом – капитаном футбольной команды и первым красавцем факультета. Молодому человеку девушка полюбилась за характер, хотя и некрасивой Таню назвать было нельзя. Они сразу же после института поженились. По распределению молодой человек уехал в небольшой городок Свердловской области. Таня поехала с мужем. За шесть лет они обзавелись собственным жильем в новой пятиэтажке.

Стас дослужился до начальника. Еще год назад в жизни

молодой семьи все было хорошо.

У Тани сложились близкие отношения с соседкой Леной. Они вместе отмечали праздники, гуляли с детьми вечерами на площадке. Все изменилось, когда в дом въехала Настя. Лена почему-то переметнулась к ней и стала за спиной говорить гадости про Таню. В лицо же продолжала улыбаться. Таня и не узнала бы об этой метаморфозе, если бы как-то не встретила у подъезда бабу Дусю.

– Здравствуйте, Евдокия Семеновна. Как у вас дела? Отдыхаете?

– Привет, Танюша. Да как дела... Старость не радость. А ты откуда?

– Кирюшу отвозила в садик.

– Тань, а вы с Ленкой-то разругались, что ли?

– Нет. С чего вы взяли?

– А я вчера ее с новой жилищкой видела, которая квартиру у Смирновых снимает. Они шли и тебя громко обсуждали.

– Да вы что?

– Да, говорили, что ты грязнуля и что ребенка ты никогда не купаешь.

– Неправда это, баба Дуся!

– Да знаю я, что неправда. Людям лишь бы языками почесать.

Таня набралась смелости и прямо спросила у Лены, в чем дело. Она сделала удивленные глаза и ответила, что, наверное, баба Дуся перепутала ее с кем-то. Настя ей не подруга, они просто здороваются, когда пересекаются на детской площадке. И вообще, баба Дуся слепая и глухая, мало ли что ей могло почудиться.

Таня сделала вид, что Лене поверила, но на всякий случай с того дня перестала делиться с соседкой секретами и важными новостями.

Скоро Таня лично убедилась, что баба Дуся сказала правду. Женщина вышла с сыном на прогулку. Конструкция у детской площадки была необычная. Она напоминала стадион: по центру двора располагалось огороженное металлической сеткой футбольное поле. Рядом – несколько горок, песочницы, грибки и тренажеры для подростков. Была и бего-

вая асфальтированная дорожка, по обочинам которой размещались и скамейки.

Таня увидела, что Настя с Леной сидят вместе, присела на скамейку аккуратно позади них. Женщин разделяло буквально десять метров, поэтому все было прекрасно слышно.

– Ой, Настюш, была я же вчера у Таньки в гостях. Еле в квартиру пробилась, за солью пошла.

– Да ты что? И что нового у нее?

– Посудомойку навороченную купили, представляешь? Вообще руками ничего делать не надо: загрузил грязные тарелки – вынул уже сухие и чистые. Везет же всяким! А мы до сих пор кастрюли руками начищаем.

– И не говори, Лен. За что этой мартышке такой золотой муж достался! Ты бы видела ее в школе. У меня где-то даже фотографии сохранились: здоровенная дылда с торчащими коленками и ужасными хвостиками. Мамаша еще ей вечно банты больше головы цепляла.

– Замухрышка, а так повезло... Эх, мне бы такого мужа, как Стас.

Таня поспешила отойти, пока сплетницы ее не заметили. Женщина не понимала, почему она не может дать отпор Насте и Лене. Вроде ничего криминального в детстве она не совершала, поэтому ей и стыдиться нечего. Наверное, Стас прав. Стоит походить к психологу.

Вместо того чтобы прилюдно уличить Елену во лжи и высказать ей все, что она о ней думает, Таня предпочла минимизировать контакт. Она не брала трубку, если звонила соседка, ссылаясь на срочную занятость, если она приходила. В квартиру больше не пускала. Лена, видя, что отношение Тани к ней изменилось, сначала пыталась узнать, почему так произошло. Дружба была ей выгодна: Таня отдавала много хороших вещей после Кирюши младшему сыну Лены.

Иногда попадались абсолютно новые костюмчики с бирками. Да и в финансовой помощи она никогда не отказывала.

После того как Лена поняла, что больше поиметь с Татьяны нечего, она стала открыто над ней издеваться. Теперь Таня вообще боялась выходить на улицу. Две горгоны как будто специально караулили ее у подъезда. Стоило только Татьяне выйти, как начинался концерт:

– Ой, Настя, смотри, кто пошел! Мартышка!

– Ага, натуральная обезьяна. Эй, грязнуля, постирай паль-
то! Непонятно, какого оно цвета.

– Что ты, Настя. Она же не умеет. Слишком бестолковая,
чтобы запомнить, как включать стиральную машину.

Таня, слыша голос Лены и Насти, машинально опускала
голову и ускоряла шаг. Если поначалу заклятые подружки
оскорбляли только ее, то теперь грязь полилась и в сторону
Стаса.

– Танька, а ты знаешь, что муженек тебе изменяет? Я сво-
ими глазами видела, как он бабу какую-то в ресторан заво-
дил.

– Я его тоже видела, Лен, возле магазина с дорогой одеж-
дой. Ну все, Танька, вылетишь ты скоро из квартирki вместе
с Кирюхой, у Стаса новая жена появится.

Таня ночами часто плакала от обиды. Казалось, что она
медленно проваливается в депрессию. Даже муж заметил из-
менения.

– Тань, ты совсем осунулась. Такое ощущение, как будто
совсем не высыпаешься. Что происходит?

– Да ничего не происходит, сплю я по семь часов, как все люди. Мы, вообще-то, с тобой в одно время встаем.

– И все равно что-то не так! Быстро говори мне правду. Опять Настя гадостей наговорила?

Таня молча кивнула. Стас громко выругался и пообещал, что вечером, если встретит Настю во дворе, обязательно выскажет ей все. Таня попросила мужа не связываться. Она не хотела, чтобы потом бывшая одноклассница растрезвонила по двору, что со школьных времен ничего особо и не изменилось: Таня, как в детстве, продолжает жаловаться на нее.

Только теперь не маме с папой, а уже мужу.

Осенним пятничным вечером Таня возвращалась домой из магазина. Кирюшка захотел мармеладных мишек, а дома, как назло, лакомство закончилось. На улице было уже достаточно темно, хорошо, что хоть двор освещался фонарями со всех сторон. Лену и Настю Татьяна заприметила еще издалека. Заклятые подруги сидели на скамейке у подъезда. Тане было некуда деваться: чтобы попасть домой, придется пройти мимо. Настя вдруг резко вскочила, подбежала к бывшей однокласснице и толкнула ее в грудь.

Таня пошатнулась, но на ногах устояла. Женщина стара-

лась с ней держаться холодно, не показывать, что испугалась.

– Что, дылда, боишься? Вижу, что боишься. До конца жизни теперь бояться будешь. Я теперь всю жизнь за тобой тенью ходить буду. Это только начало, я тебе ад устрою. У тебя только один выход останется – бежать. Как тогда, после института. Надо же, как удачно нас судьба столкнула в этом городишке.

– Что ты от меня хочешь? Чем я тебе мешаю?

– А я тебя еще с седьмого класса ненавижу. С момента, когда в тебя Колька Пряхин влюбился. Помнишь такого? Все портфельчики за тобой носил, до дома провожал. На меня вообще внимания не обращал. А я старалась, записочки ему подбрасывала, у подъезда его часами стояла, чтобы лишний раз его увидеть.

– Насть, нам тогда было по тринадцать лет. Сейчас – за тридцать. Ты действительно считаешь, что это повод надо мной издеваться?

– Да, считаю. Тебе вообще по жизни везет. Жила в полной семье, с мамой и папой. Муж у тебя красивый да богатый, дом – полная чаша. А я одна с дочкой на мизерных алиментах. Твой сын, как король, по двору ходит. Каждый день в

руках новая игрушка. Я своей Маринке вещи с рук беру, и только те, что бесплатно отдают. Учти, Танька, не будет тебе спокойной жизни.

– Кстати, Настюш, напомнила ты мне, – влезла в разговор Лена. – Помнишь, Танька, ты мне зимний комбинезон отдать обещала? Давай, неси его сюда. У меня на него клиентка уже есть. Что тарачишься? Я половину вещей, что ты мне давала, на барахолке продала! Жить мне на что-то же надо.

С бешено колотящимся сердцем Татьяна буквально вбежала в подъезд. Она быстро поднялась на второй этаж и только в квартире перевела дух. Мужу о произошедшем рассказывать не стала. На следующее утро она увидела измазанную краской входную дверь. Полдня у женщины ушло на уборку этого безобразия. Нужно было что-то срочно решать, так не могло больше продолжаться.

Развязка многолетнего конфликта наступила неожиданно, Тане не пришлось даже обращаться к психологу. Не зря говорят, что нет ничего страшнее женщины, ребенка которой обидели.

Тане очень не хотелось выводить сына на прогулку, но Кирюша очень просился. Последние дни октября выдались теплыми. Скоро зима, не нагуляешься. Таня переборола свой

страх и стала одевать ребенка.

На скамейке опять сидели Лена и Настя. Таня, крепко сжав в руке ладошку Кирюши, быстрым шагом прошла мимо. Удивительно, но они ничего вслед кричать не стали. Через час Кирюшка запросился домой. Таня с сыном направились к подъезду, мальчик шел чуть впереди матери.

Когда ребенок проходил мимо скамейки, Настя резко выбросила ногу вперед. Кирюшка споткнулся об нее, приложился подбородком об асфальт и громко заплакал от испуга и боли.

У Тани в голове что-то щелкнуло, глаза заволокла пелена. Женщина подскочила к обидчице и рывком, взяв за грудки, дернула со скамейки. Потом последовал удар в нос. Красные струйки потекли из носа Насти.

– Еще раз ты скажешь что-то в адрес меня или моей семьи, я тебе жало вырву. Поняла меня? – Таню трясло от ненависти. – Кончилась твоя власть надо мной. Теперь я буду бить первой! Поняла?

Настя от забитой одноклассницы такой реакции не ожидала. У нее затрясся подбородок, женщина начала лепетать, что не хотела, чтобы ребенок упал. Что споткнулся Кирилл

случайно.

– Это и тебя касается, «подружка», – Таня развернулась к Лене. – Я найду на вас управу, поверьте мне на слово!

Взяв на руки сына, Таня вошла в подъезд. Теперь она была уверена, что больше никогда не услышит в свой адрес ни единого грубого слова. Наконец-то ей удалось собственными силами справиться с грузом, который давил на ее плечи почти двадцать лет.

Бред

Сразу после свадьбы мы с Николаем поселились у его родителей, просто потому что другой возможности в то время у нас не было. Не скажу, что жили мы душа в душу, скорее просто мирно сосуществовали друг с другом. Спасибо, хоть квартира трёхкомнатная, места всё-таки хватало всем.

Тамара Аркадьевна, моя свекровь, всю жизнь просидела дома и не работала вообще ни одного дня. Свёкор, Павел Валентинович, сам тянул на себе всю семью, вкалывал на заводе, подрабатывал грузчиком и сторожем. В общем, ни о каком серьёзном достатке речи быть не могло. Мои папа и мама живут в одной из станиц Краснодарского края, они уже пенсионеры и тоже совсем небогатые. Мой муж, Николай, работает в автосервисе, а я в офисе за компьютером. Детей у нас нет.

Разумеется, свёкры то и дело поднимали вопрос о внуках, но я даже слушать ничего не хотела. Перспектива обзавестись детьми и жить вместе со всеми «большой и дружной семьёй» меня нисколько не прельщала хотя бы потому, что ни о какой дружбе между нами не было и речи.

Я уже поняла: чем старше становятся люди, тем больше

маразма появляется в их головах. Надеюсь, что со мной этого никогда не произойдёт. Во всяком случае, если я почувствую что-то такое, обязательно изолируюсь от людей, чтобы не мешать им жить.

Но моя свекровь не такая.

Поначалу, она воспринимала наше сожителство с ними вполне нормально, мы ведь сразу договорились, что будем оплачивать половину расходов на питание, коммунальные услуги, бытовые мелочи и даже ремонт. Вполне адекватное решение, думала я. Муж со мной был согласен. Свёкор тоже не возражал. Вот только Тамары Аркадьевны хватило ненадолго. Как-то очень быстро она начала упрекать меня в том, что я совсем не помогаю ей по хозяйству. На самом деле это было не так.

В своей комнате порядок наводила я сама, себя и мужа тоже обслуживала самостоятельно, посуду после ужина тоже мыла я. А вот готовить, действительно, приходилось ей. А как по-другому? Я просыпаюсь в шесть, в восемь утра уже на работе, домой возвращаюсь после восьми часов вечера, а то и позже, так как дорога отнимает очень много времени. К тому же эти вечерние пробки. Коля возвращается тоже примерно в это время, а вот уходит позже меня.

Их сервис открывается в девять. Но свекровь всё это мало волновало, и она то и дело принималась пилить меня за лень и нерасторопность. Я терпела, сколько могла, но нервы стали сдавать, и я стала наседать на мужа, требуя подыскать нам подходящее съёмное жильё.

В конце концов, мне удалось этого добиться: квартира нашлась, правда, рядом с промышленным районом города, но зато в десяти минутах ходьбы от автосервиса Николая и всего в часе езды безо всяких пересадок до моего офиса. Это была просто фантастика, и я не успокоилась, пока мы туда не переехали.

Свёкры восприняли эти перемены не очень благожелательно, пытались нас отговорить, но мы с мужем показали характер и нисколько об этом не пожалели. По крайней мере, тогда.

В честь переезда пригласили друзей, чего раньше не могли делать, и устроили весёлую вечеринку. Всё прошло классно! А потом наступила та самая эпидея. Слава богу, болезнь обошла нас стороной, но оказалось, что это не самое страшное. Поначалу, не понимая всего масштаба трагедии, мы с Колей даже обрадовались возможности остаться дома и пожить спокойно. Вдвоём, как в медовый месяц. И никаких тебе свёкров рядом.

Пропускали за ужином бокальчик вина, расслаблялись, наслаждались друг другом. Потом одного бокальчика нам показалось мало, и мы стали выпивать чаще и больше. Всё это очень примиряло с действительностью, и нам было хорошо.

Интересно, что ни я, ни Коля не считали это какой-то там проблемой. Мы же взрослые люди и всегда сможем остановиться. Оказалось, что я да, а Коля нет.

Какое-то время была на удалёнке, но потом вернулась в офис. Появилась работа и у Коли, но теперь он каждый раз возвращался домой выпившим и не один. Квартира наша находилась рядом с его автосервисом, и его друзья повадились оставаться у нас на ужин, а то и с ночёвкой.

– Коля, не пора ли нам всё это прекратить? – однажды не выдержала я. – Меня достали твои вечно пьяные друзья и ты тоже. Я уже забыла, когда в последний раз видела тебя трезвым.

– Давно ли ты стала такой правильной? – дыхнул перегаром муж мне в лицо. – Сама закладываешь за воротник не хуже любого мужика, а меня решила жизни поучить?

– Да как ты можешь сравнивать меня со своими друзьями-алкоголиками? – возмутилась я. – То, что между нами было, никого не волнует, потому что мы муж и жена. Да, я тоже позволяла себе расслабиться, но я же потом взяла себя в руки. А ты опустился на самое дно. Посмотри, на кого ты стал похож. Я совсем не узнаю тебя. Вечно пьяный, вечно помятый, от тебя отвратительно несёт за целый километр. Неужели ты сам этого не понимаешь и тебе всё это нравится?

– Мне нравится, – усмехнулся Николай. – А если тебе что-то не так, вали отсюда. Тоже мне, монашка выискалась.

С этого дня у нас начались скандалы.

Я не хотела терпеть выходки пьяных друзей мужа, половину из которых даже не знала. Без зазрения совести вышвыривала их из своего дома. Ругалась с мужем, выбрасывала спиртное, настаивала на том, чтобы он закодировался. Николай ничего не хотел слушать и делать.

Ему нравилась такая жизнь, друзья называли его «настоящим мужиком», внезапно требовали, чтобы он поставил меня на место, портили наши вещи, съедали всё, что я приготовила на несколько дней. Это был настоящий кошмар, но я пыталась как-то бороться, надеялась, что Коля возьмётся за голову и снова станет нормальным человеком.

У меня не получилось, и я сдалась. В конце концов, я не обязана тратить на него свою жизнь, она у меня одна и другой уже не будет. В общем, я набрала номер свекрови и сказала ей, что устала нянчиться с её сыном.

– А что такое? – удивилась она. – Чем это Коля перестал тебя устраивать? У него что, зарплата стала меньше? Или загулял? А может, просит, чтобы ты есть готовила? Я-то помню, что на кухню тебя не загонишь.

– Правильно, не загонишь, – вспылила я. – Потому что там постоянно находятся алкоголики во главе с вашим сыночком. Они превратили квартиру в настоящий свинарник. Вы считаете это нормальным?

– А нормально было то, что ты сама его спаивала? – закричала на меня Тамара Аркадьевна. – Напомнить, сколько раз я звонила вам и каждый раз попадала на пьяное веселье? Или ты всё уже забыла?

Тут я совсем разозлилась: наговорила ей кучу дерзостей, а потом бросила трубку, пока она пыталась сообразить, что мне ответить.

Вечером родители Николая пожаловали к нам и увидели

всё своими глазами. Когда я пришла с работы, Николай вяло отбивался от нападков родителей. Я обрадовалась: наконец-то у меня появилась подмога, может быть, вместе мы сможем что-то сделать с пристрастием мужа?

Но не тут-то было.

Тамара Аркадьевна и Павел Валентинович набросились на меня с обвинениями в том, что я сама довела их сыночка до такой жизни, а теперь из-за этого собираюсь его бросить.

– Загуляла, да? Загуляла? – чуть ли не с кулаками бросилась на меня свекровь. – Сыну подливаешь, чтобы он ничего не соображал, а сама хвостом по мужикам виляешь?

– Никак я от тебя такого не ожидал, – покачал головой свёкор. – Вроде нормальная была, а теперь превратилась не пойми во что. Бессовестная!

Муж на всё это только подленько улыбался: что, мол, допрыгалась?

Я разревелась от обиды и ушла из дома. Попросилась переночевать у подруги, она пустила и долго утешала меня, советуя бросить Николая и никого не слушать. Ну как бросить-то? Мы ведь прожили с ним не один год и даже не пять.

Всё ведь когда-то у нас было хорошо. Даже детей хотели. Кто же знал, что так получится?

Прожила я у подруги несколько дней и всё это время надеялась, что Николай возьмётся за ум и хоть как-то попытается вернуть меня. Наивная! На что я вообще рассчитывала? Вернуть совесть алкоголику? Так ему и без неё живётся вполне неплохо.

В общем, когда я вечером после работы пришла домой, увидела мужа, спящего прямо в прихожей. Храп стоял такой, что даже стены тряслись, а отвратительные запахи впитались во всё, что только можно. Видимо, не вставал он уже давно, и всё, что обычно люди делают в специально отведённых местах, делал под себя.

До сих пор, как я начинаю вспоминать об этом, на меня накатывают приступы тошноты.

Что я сделала?

С Николаем ничего. Я просто собрала свои вещи и ушла, чтобы никогда к нему не возвращаться. Снова переночевала у подруги, от неё позвонила Тамаре Аркадьевне и сказала, в каком состоянии обнаружила её сыночка. А ещё добавила, что он так и лежит там, в прихожей, и если она хочет ему

помочь, пусть едет и помогает. А я умываю руки. Ни сиделкой, ни нянькой я к нему не нанималась.

И если он захочет вернуть наши отношения, он всегда знает, где меня найти.

Уже на следующий день я обратилась к шефу, рассказала о сложной жизненной ситуации, в которую попала, и попросила помочь с деньгами. Он человек понимающий и добрый, распоряжение в бухгалтерию отдал тут же, и я сняла себе однокомнатную квартиру в нормальном районе с хорошей инфраструктурой. Правда, до работы опять приходится добираться с пересадками, но зато дома у меня всё хорошо.

Никто не треплет мне нервы, никто не издевается, не оскорбляет и не дышит перегаром в лицо.

И мне очень нравится такая жизнь. Искренне жалею я только об одном: напрасно я сказала, что помирюсь с Николаем, если он одумается. Во-первых, я больше никогда не смогу ему верить, во-вторых, не сумею забыть, каким я его видела. Разве после этого можно лечь с человеком в постель? Целовать его? Фу, ни за что! А в-третьих, я только сейчас почувствовала, что значит быть свободной.

Недавно я сходила с коллегами в театр, была с подружка-

ми в кафе, просто гуляла по городу, наслаждаясь покоем и свободой.

Я больше не хочу замуж. По крайней мере, за Николая. И детей от него тоже не хочу. Слава богу, хватило ума не забеременеть раньше. Иначе всё было бы гораздо хуже. Теперь я просто свободная женщина, а была бы разведёнка с прицепом. Да, вопрос с разводом – дело решённое, я уже подала документы и выслушала немало оскорблений от Тамары Аркадьевны, которая узнала об этом.

А мне всё равно. Я заслуживаю нормального женского счастья и обязательно дождусь его. В этом я уверена.

Вранье

Татьяна считала свой брак вполне счастливым. Андрей был вполне положительным мужчиной. Он не курил, не терпел спиртное, предпочитал вести здоровый образ жизни, даже мясо ел нечасто и постоянно говорил, что собирается стать вегетарианцем, ведь это намного полезнее для организма, тем более когда тебе уже под сорок.

Татьяна поддерживала его во всём, ей нравилось хвастаться мужем перед подругами, она охотно рассказывала, как они ходили в театр или на какой-нибудь концерт, как ездили отдыхать и просто выходили на прогулку в парк.

Особенно Андрей пристрастился к скандинавской ходьбе: ему очень нравилось по выходным гулять с Татьяной по окрестностям, дышать свежим воздухом, а потом в каком-нибудь небольшом кафе пить зелёный чай и болтать ни о чём.

И только Вера Сергеевна, мать Андрея, была этим всем почему-то очень недовольна.

– Это ты везде таскаешь моего сына, – упрекала она невестку. – Нет бы дома посидеть, сделать что-то полезное,

просто на диване поваляться, или к нам в гости приехать, с огородом помочь, в конце концов. Но ведь вас не допро-
сишься, вы шляется целыми днями не пойми где. Дочка вас
совсем не видит.

Татьяна, всегда спокойная и покладистая, только улыба-
лась в ответ.

– Олесе уже двенадцать лет, она вполне самостоятельный
ребёнок. И когда нас нет дома, с моего разрешения пригла-
шает к себе подруг. Разве плохо, что она проводит время
с друзьями? А мы с Андреем находим время для общения
только на выходных, потому что всё остальное время, как и
все, работаем.

– Ну смотри, как бы чего не вышло, – усмехалась в ответ
Вера Сергеевна.

Несмотря на её прогнозы, ещё какое-то время в семье
Татьяны и Андрея всё было хорошо, а потом что-то стало
неуловимо меняться. И прежде всего сам Андрей.

– Ты почему всё время хмуришься? – спросила его одна-
жды Татьяна.

– С чего ты взяла? – пожал он плечами. – Просто устаю на

работе. Ты же знаешь, у нас сменился директор, и новый теперь перекраивает всю работу заново. Кстати, на выходных мы никуда с тобой не поедem, у меня появилась непредвиденная командировка, от которой я никак не мог отказаться. Сейчас каждый из нас держится за своё место и боится вылететь с работы. Я не исключение. Только на твою зарплату мы не проживём.

– Тебя только это тревожит? – спросила Татьяна, с тревогой вглядываясь в лицо мужа.

– А что, тебе этого мало? – усмехнулся Андрей в ответ. – В конце концов, я глава семьи и все проблемы должен решать сам.

– Ничего, – обняла его Татьяна. – Ты так много работаешь, не могут уволить. Последнее время я тебя совсем не вижу. Алисы нет дома, может быть, пойдём в немного расслабимся? Это не помешает ни мне, ни тебе. Хочешь, я сделаю тебе массаж?

– Нет, не хочу, – Андрей снял её руки со своей шеи. – Прости, но у меня совсем нет настроения. Мне надо ещё поработать за компьютером, отчёт не готов, а завтра утром у меня его потребуют.

Татьяна поджала губы. Всё это ей было очень неприятно, но она сдержалась и только кивнула.

– Хорошо, я сейчас пойду и сделаю тебе твой любимый зелёный чай.

Прошло ещё несколько дней, но улучшения в отношениях между супругами не наступало. Напротив, Андрей всё дальше и дальше отдалялся от Татьяны, и тогда она снова вызвала его на разговор:

– Ты можешь объяснить мне, что происходит? Я же вижу, как ты изменился. У тебя какие-то проблемы на работе?

– Нет, не на работе, – Андрей взял Татьяну за руку и усадил рядом с собой на диван. – Я попал на деньги, на большие деньги. И теперь не знаю, что мне делать.

– Но как? Откуда? Почему? – засыпала его вопросами Татьяна. – Ты же не пьёшь, не играешь. Кому ты должен?

Андрей вздохнул и стал рассказывать об ошибках молодости, о том, как остался должен одному человеку, которого потом посадили в тюрьму на долгие годы.

– Теперь он вышел и вспомнил обо мне, – вздохнул Ан-

дрей. – Когда я его на днях увидел, очень сильно испугался. Но не за себя, а за вас. Понимаешь, он способен на всё. И ни перед чем не остановится. Это настоящий отморозок, такие были в девяностых, помнишь, мы смотрели фильм об этом?

Татьяну трясло от страха.

– Какой фильм, Андрей? – воскликнула она. – При чём тут какой-то фильм? Надо идти в полицию. Пусть они сами разбираются с этим уголовником.

– Таня, ты не понимаешь. Никто не знает, что он мне угрожал. У меня нет никаких доказательств. А если он узнает, что я написал на него заявление, мне просто не жить.

Татьяна схватилась за голову:

– Но ведь нельзя так всё оставлять, Андрюша! Мы должны что-то придумать. Ты у меня такой умный, посоветуй, что нужно сделать.

– Искать деньги, – ответил Андрей. – И ещё, зарплату не жди, я её уже отдал ему.

Татьяна только всплеснула руками.

Она не спала всю ночь, ворочалась с боку на бок, представляя огромного и почему-то бородатого человека с жестоким лицом и страшным оскалом. Утром, измученная и уставшая, она проводила мужа на работу, а дочь в школу, и стала собираться сама, размышляя, как помочь Андрею. Решение пришло внезапно, и оно было таким простым и лёгким, что Татьяна рассмеялась.

Теперь они могут не бояться ужасного уголовника и будут жить как прежде.

Через несколько дней, когда Андрей вернулся домой, Татьяна встретила его сияющей улыбкой.

– Вот, держи! – сказала она и протянула ему деньги.

– Таня, – ахнул он, – но откуда?

– Взяла кредит в банке. Ничего, как-нибудь расплатимся. Главное, чтобы ты снова стал прежним Андреем. Ведь я очень сильно тебя люблю.

Он выглядел растерянным и даже толком не поблагодарил жену, а потом сказал:

– Я завтра же всё отдам ему. И спасибо тебе за всё.

На следующий день Татьяна пришла с работы раньше обычного. Она решила приготовить вкусный ужин и устроить маленький семейный праздник, чтобы ещё больше порадовать мужа. Всё было готово, но Андрей почему-то задерживался. Татьяна набрала его номер и услышала равнодушный голос, который сообщил ей, что абонент временно недоступен. Татьяна нахмурилась и прижала трубку к губам. Обычно Андрей всегда был на связи, неужели что-то случилось?

– Мама, а где папа? – спросила Алиса, появляясь из своей комнаты. – Я есть хочу.

– Давай ещё немножко подождём, – попросила её Татьяна. – Я просто хотела, чтобы мы собрались за столом всей семьёй. Съешь пока бутерброд, хорошо?

– Хорошо, – кивнула девочка.

Но спустя какое-то время снова вышла к матери:

– Мам, давай поедим сами. Папа, наверное, задерживается. Может, он уже поужинал где-нибудь?

– Не говори глупости, – отмахнулась от неё Татьяна, но

всё-таки усадила её за стол и накормила, а потом отправила спать, не желая, чтобы Алиса видела её такой расстроенной.

Сама она так и не легла, потому что Андрей ночевать домой не явился. Заплаканная Татьяна несколько раз выбежала из дома, выходила на улицу, бесконечно набирала номер мужа, но он по-прежнему оставался недоступен. Она хотела позвонить его родителям, но побоялась растревожить пожилых людей, тем более что мать Андрея то и дело жаловалась на сердце.

Теперь же сердце болело у самой Татьяны. Она сходила с ума от волнения, за одну ночь осунулась и постарела на несколько лет. Это были самые мучительные часы в её жизни.

Утром она не выдержала и пошла в полицию, но там на неё посмотрели как на сумасшедшую.

– Когда пропал ваш муж? Вчера? Мы не можем принять у вас заявление, пока не пройдёт трое суток.

– Нельзя ждать, я чувствую, что с ним случилась беда, – плакала Татьяна. – Ему угрожали, он сам мне об этом говорил.

– Кто ему угрожал? Вы видели этого человека? Хотя бы его имя или фамилию вы знаете? Нет? Он недавно освобо-
дился? А где сидел и за что?

Татьяна не могла ответить на эти вопросы, и тогда дежур-
ный рассердился:

– Вот что, женщина, идите домой и не морочьте мне голо-
ву! У нас без вас работы хватает. Ждите вашего мужа дома,
видать, он просто загулял и всё. Так бывает. Не вы первая,
не вы последняя.

Ничего не добившись, Татьяна ушла. Объяснять этому по-
лицейскому, что Андрей не такой, у неё просто не было си-
лы. Но когда она вернулась домой, изумлённо вскрикнула
и остановилась на пороге, увидев сумки с вещами мужа. В
спальне он сворачивал и укладывал в чемодан рубашки.

– Я искала тебя! Звонила тысячу раз! Извелась вся! – за-
кричала она. – Почему ты не отвечал на телефон? Андрей,
что вообще происходит?

– Я встретил другую женщину и ухожу к ней, – спокойно
ответил он.

– Подожди, а как же тот уголовник? – Татьяна просто не

верила своим ушам.

– Я тебе соврал. Всё это время я был с другой женщиной, – Андрей подхватил сумки и направился к выходу.

– А деньги? – Татьяна бросилась за ним, хватая его за рукав.

– За твой счет я снял хорошую квартиру для меня и нее. А ещё купил ей подарок. Она просто обожает золото. Ещё мы хорошо поужинали в ресторане. Кстати, сим-карту я сменил, новый номер тебе знать не обязательно. На развод подам сам.

– Я сейчас же позвоню твоим родителями и всё расскажу! – крикнула Татьяна.

– Да мама сама познакомила нас с Олей, – рассмеялся Андрей. – Она очень долго добивалась нашей встречи, и я очень ей за это благодарен. Оля чудесная девушка, молодая, красивая и богатая. В отличие от тебя. Правда она думает, что и я богат, но это неважно. Да, я уверен, что она влюблена в меня по-настоящему. Это мой шанс жить нормально, понимаешь?

Он открыл дверь, вышел и захлопнул за собой, а Татьяна упала и громко разрыдалась, даже не пытаясь справиться с

обидой и болью, которые обрушились на неё.

Прошёл месяц. Всё это время свекровь осаждала Татьяну звонками и требованиями уехать из города, чтобы не мешать Андрюше спокойно жить.

– Вы что, издеваетесь надо мной? – не выдержав, крикнула Татьяна. – Старая гадюка! Никогда я вас за это не прощу. И уезжать никуда не буду. А ещё я отомщу и Андрею, и вам. Отольются кошке мышьи слёзки!

Она бросила трубку, потому что чувствовала, что её сейчас просто разорвёт от злости. Своё обещание Татьяна сдержала. Найти новый адрес мужа труда не составило, как и выйти на разговор с его новой девушкой.

– Кажется, вас зовут Оля? – спросила Татьяна. – А я жена Андрея. Мне всё равно, что он ушёл от меня к вам. Это даже хорошо, потому что я очень устала от его вранья.

– Мне он не врёт, – вспыхнула Ольга.

– Да неужели? – рассмеялась Татьяна. – А вы думаете, что он и в самом деле богатый человек? Так вот, хочу вас разочаровать. Подарки, рестораны и всё остальное – за счёт кредита, который я взяла для него. Разумеется, во время развода,

выплаты разделят на нас двоих, и вам придётся отстёгивать приличную сумму каждый месяц просто в никуда. Более того, нищеброд Андриюшенька сядет вам на шею, и вы будете обеспечивать его, пока вам это не надоест.

На алименты я обязательно подам, в этом тоже не сомневайтесь. Ну а теперь прощайте. Передавайте привет нашему с вами общему мужу. Надеюсь, вы сумеете сделать его несчастливым!

Уже через несколько часов мать Андрея звонила Татьяне и кричала на неё, обвиняя в подлости. Оказалось, что Ольга выгнала Андрея, и ему пришлось возвращаться к родителям.

– Замечательно, – рассмеялась Татьяна. – Очень рада за него. И больше не звоните сюда никогда!

В ту ночь она впервые за долгое время спала спокойно и видела яркие сны о счастливом будущем, в котором не было места ни Андрею, ни его матери.

Пенсия

Своего взрослого внука Вера Аркадьевна, имевшая большое чуткое сердце, любила безмерно. Правда, подшучивала все над ним, оболтусом называла, но свое прозвище парень оправдывал из раза в раз. В детстве задирой был жутким, в школе сплошные тройки получал, в колледж не поступил, от работы до двадцати трех лет уваливал, у мамки на шее висел.

Женой на двадцать пятый год обзавелся, и на том спасибо. Да и ту недолюбливала ни сама Вера, ни мать Леши: нелюдимою невестку считали, немного глуповатой.

За четыре года брака у Леши родилось двое детей, Света и Боря. Прабабушка души в них не чаяла. По выходным она с удовольствием брала деток в свой уютный домик в Подмосковье, где собирала с сорванцами пазлы и учила их алфавиту. А еще кормила вкусным домашним печеньем, которое особенно обожала Света. Родители деток тем временем работали без конца.

Леша сутками пропадал на заводе, а супруга, Лена, была вынуждена подниматься в шесть утра, чтобы отвезти детей в сад, и забирать их поздними вечерами самыми последними в группе.

Такая рабочая занятость всерьез сказалась на психическом состоянии малышей: тихая скромная Света начала закрываться в себе, а вот Борис, в попытках привлечь желанное внимание взрослых, все чаще стал проявлять себя как непослушный и задиристый хулиган.

Супруги подняли вопрос о том, кто станет сидеть с их детьми, пока сами они будут отсутствовать на работе. Первая логичная мысль пала на мать Леши, Жанну: та уже вышла на пенсию, нигде не работала и имела кучу свободного времени. Однако Жанна, к удивлению молодоженов, отказалась. По натуре своевольная, а в душе молодая женщина прямым текстом сказала, что не собирается растрачивать себя на сидение с внуками.

– Я еще дама молодая, амбициозная! – гордо заявляла Жанна, любуясь своим отражением и поправляя рыжую укладку. – В моем возрасте только на свидания ходить, а время свободное на салоны красоты тратить. «Бабушка»! Назвали тоже! Ох, уж любите вы матери на возраст указать! – Шутливо ругалась она, покачивая головой и цокая.

Взгляд супругов вскоре упал на Веру Аркадьевну. А что? Родная прабабушка, на здоровье не жалуется, внуков любит – чем не отличный выход? Да и старушка она безотказная:

детям и внукам последнее отдать готова, а тут такая просьба серьезная.

На том и порешили. Пару недель Вера Аркадьевна активно забирала Свету и Бореньку из садика и привозила их домой, чтобы переодеть и накормить. Когда же в квартиру возвращалась Лена, что было ближе к девяти вечера, пожилая женщина прощалась с внучатами и уходила на остановку, чтобы еще полчаса провести в ожидании вечернего автобуса.

Но вскоре случилось страшное: у детей заложило нос и появился кашель, и их пришлось везти в поликлинику. Выяснилось, что по детскому садiku «прогулялся» очередной вирус. Теперь, по строгому указу врача, Света и Боря должны были соблюдать карантин как минимум две недели, а это значило, что нянчить их имела возможность лишь свободная пенсионерка и любящая бабушка Вера Аркадьевна. Так, Леша перевез старушку в их съемную квартиру.

– Это всего-то на пару недель, ба! – божился внук, сложив ладони у груди. – Потерпи ты немного, будь другом! А там и гляди, малые выздоровеют и в садик пойдут, а ты отдохнешь наконец-то. Как же мы без тебя, бабули-то нашей, управимся, ну?

Леша знал, на какие чувственные струны души своей ба-

бушки он мог надавить. Для Веры Аркадьевны, наивной доброй старушки, такие теплые слова от младшего внука были настолько непривычными, что женщина цеплялась за эту ласку, как за последнюю соломинку. Да и отказать в сложившейся ситуации она не могла: правнуки родные, еще и хворающие. Нет, неудобно все-таки...

Как и планировали, весь двухнедельный карантин Вера Аркадьевна прожила в квартире Лешиной семьи. Привыкшая к раннему подъему, пожилая женщина вставала ни свет ни заря, чтобы приготовить детям завтрак и почитать книжку в тишине и спокойствии. Правнуки же просыпались чуть позже, ближе к девяти, и Вера нянчилась с ними весь оставшийся день, вплоть до восьми-девяти вечера, когда возвращались родители. Первые дни давались женщине легко.

Большую часть времени простудившиеся дети проводили лежа в кроватях и смотря мультики, и все, что требовалось от Веры Аркадьевны, – это кормить деток, следить за их состоянием и давать прописанные доктором лекарства.

А спустя всего несколько суток малышня стала активно идти на поправку, и Вера Аркадьевна неизбежно познала все «прелести» детского озорства. Недаром Света и Боря обожали бабушку и всячески старались завлечь ее в свои активные игры.

– Бабушка! Когда мы уже на площадку пойдем?! Пойдем гулять, пойдем гулять! – кричал озорной Боря.

– Да, гулять! Ну, пожалуйста! – хлопала в ладоши Света, поддерживая идею братика. – В догонялки будем играть, ура!

А Вера Аркадьевна, тяжело вздыхая, соглашалась.

– Ну, пойдете, пойдете! Бегите ботиночки надевать! Вы у меня уже детки здоровые, окрепшие, а свежий воздух вам на пользу пойдет... Только вы бабушку не загоняйте уж очень! – просила женщина, доставая из шкафа два детских осенних комбинезона. – Бабушка ведь не такая молодая, как вы: у нее ноженьки болят.

– Ты не будешь играть с нами в догонялки?! – расстроено воскликнула Света и надула пухлые губки.

– Да, деточка, – вздохнула Вера и повязала девочке шерстяной шарфик. – Вот вы с ребяташками на площадке играть будете, а я на скамеечке посижу, погляжу за вами. А вы мне потом куличики свои покажете да станцуете. Станцуете бабушке, ну? – лукаво спросила женщина, на что Света с Борькой заливисто рассмеялись.

Так завершился карантин.

Вера Аркадьевна пребывала в приятной усталости от проведенного времени с внуками. С чувством выполненного долга она уж было собралась уехать в родной дом, даже приготовила небольшой пакетик с вещами и оставила тот в прихожей, однако в тот томный вечер родители Светы и Бореньки не спешили возвращаться. Трубки они не брали, а как набирать эсэмэски, пожилая женщина и знать не знала.

Вера Аркадьевна всерьез распереживалась за детей и даже набрала номер Жанны в надежде, что та сумеет дозвониться до сына. Так и произошло: вскоре Леша перезвонил бабушке, и женщина с удивлением услышала нетрезвый голос внука и звуки кутежа на заднем фоне.

– Что у вас там происходит, Лешенька? – взволнованно поинтересовалась бабушка.

– Не волнуйся, ба! У нас все зашибись! – радостно пропел Алексей и, судя по звуку, чокнулся с кем-то стаканами. – Нас с Ленкой друзья с работы к себе на дачу позвали, так мы отдохнуть поехали. Завтра будем, бабуль, не переживай! Как там Светик? Как Борька? Не шкродничают?

– Нет, Лешенька, что ты! Детки озорные, конечно, но ведут себя послушно. Я справляюсь, – поспешила оправдаться Вера Аркадьевна.

– Точно? Ты им скажи: если прабабку обижать будут, так отцовского леща сразу получают! – заплетающимся голосом пригрозил Леша в трубку.

Старушка испуганно ахнула.

– Что ты такое говоришь, Леша! Светочка с Борей прекрасно себя ведут! Они же еще совсем дети, ангелочки невинные!

– Ты сама как? Нормально все? Не ушталась?

– Подустала немножечко, Леш! По дому соскучилась, по стенам родным, по кухоньке. Сам понимаешь, не молодая, тишины иногда хочется. Девятый десяток разменяю скоро. И ноги отказывают, и спина... – жаловалась Вера Аркадьевна.

Вот только внук, казалось, поинтересовался состоянием бабушки только ради приличия. Явно не настроенный выслушивать про ее болячки, он в спешке попрощался и положил трубку. Женщина устало вздохнула. Тут же на кухню к

ней забежали разыгравшиеся правнуки, с ног до головы разрисованные фломастерами. Света заливисто смеялась, отмахиваясь от брата, но при виде расстроенной бабушки тут же переменялась в лице.

– Бабушка, а ты чего грустишь?

– Ничего, крошечка, – улыбнулась Вера, притянув правнучку в свои объятия. – Не грустит бабушка, просто спать хочет. Да и вам пора. Пойдемте, я вас умою...

– А мама и папа когда придут? – спросил Боря.

– Завтра, родненький, завтра родители приедут. А сегодня они работать будут, денежку зарабатывать на игрушки вам, – соврала женщина в надежде подбодрить расстроенных деток.

Вера Аркадьевна понадеялась вернуться домой на следующий день, однако на том «похождении» внука и его жenuшки, к удивлению женщины, не закончились. Вопреки своим словам, вернулись они только через два дня, полностью сбросив всю ответственность за детей на ослабшую старушку.

Заявились под утро пьяные. Десять минут пытались по-

пасть ключом в замочную скважину, а затем с грохотом распахнули входную дверь, чудом не разбудив Свету и Борю. Зато этот грохот разбудил Веру Аркадьевну, уснувшую на диване в детской комнате. Она так и не вышла к молодым, чтобы отчитать их, а просто молча продолжила прислушиваться к шорохам, молясь, чтобы непутевые родители как можно скорее ушли в свою спальню.

Придя в себя после тяжелого похмелья, Леша долго извинялся перед бабушкой за их с Леной выходку. Парень умолял Веру Аркадьевну пожить у них до окончания месяца, мол, «с деньгами напряг, а садик это сразу болезни». И вновь добрая старушка пошла внуку на уступки – осталась-таки присматривать за правнуками. Правда, уже в скором времени она сильно пожалела о своем решении. Обнаглевшие родители, не стесняясь, «сели ей на шею».

Так, Ленка, «хозяйюшка», маленькими подступами переложила все свои бытовые обязанности на сторбленные плечи немощной старушки. Теперь на Вере Аркадьевне висела готовка, стирка и поддержание квартиры в какой-никакой чистоте. Изморенная женщина и так еле-еле перемещалась по квартире за резвыми детьми, а тут и вовсе была на грани того, чтобы слечь. Однако пойти наперекор молодым почему-то не решалась: ругаться, мол, не хотела, отношения портить.

Все, что оставалось бедной женщине, – это жаловаться родной дочери, надеясь получить моральную поддержку. С Жанной она созванивалась каждые два дня, и каждый раз Вера Аркадьевна собиралась с духом, чтобы высказать наболевшее, однако по итогу продолжала лишь прибедняться.

– Подустала, доченька! Подустала, правда! – кивала старушка, стоя у плиты с зажатым между плечом и ухом телефоном. – Но что поделать, родная? Лешка с Ленкой молодые: им то погулять хочется, то денег подзаработать. Помогать им надо, Жанночка...

– Мам, я тебя умоляю! Лешка, оболтус, уже взрослый лоб – пускай сам со своими проблемами разбирается! А Ленка эта, жучка, тебе на шею просто села и ножки свесила! Гони ты их в шею! Вещи собрала да домой поехала, никуда правнуки твои не денутся! Неужели ты думаешь, что они детей на произвол судьбы бросят? Эта парочка, конечно, с головой не особо дружит, я согласна, но не настолько же, мам!

– Не могу я, Жанночка, отказать! Не могу, понимаешь? Сердце болит! И за детей, и за правнуков! Взять да уехать, оставить Светочку с Борей на попечение таких безответственных родителей... Нет, не могу я так, доченька! Буду помогать. Буду помогать молодым, пока ноги ходят! На что

им бабушка тогда, если не подсобить делом да мудрым словом? – сокрушалась Вера Аркадьевна.

Незаметно пролетела еще пара недель. В будние дни Леша и Лена допоздна отсутствовали на работе, а в вечер пятницы уезжали на «гулянки» к сомнительным знакомым. Так они проводили все выходные, даже не соизволив набрать номер уставшей Веры Аркадьевны, чтобы поинтересоваться ее самочувствием и состоянием детей.

Женщина продолжала терпеть такое равнодушное к себе отношение, пока однажды между ней и Леной не произошел вопиющий инцидент.

В тот день Вера Аркадьевна сняла с карточки пенсию, а придя домой, столкнулась у порога с Лешкиной женой. Та без зазрения совести выхватила из рук ослабшей старушки сумку и выудила оттуда кошелек. Затем пересчитала деньги, не обращая внимания на неуверенные возмущения скромной женщины, и всунула их в карман своего халата.

– Детям на садик, – язвительно улыбнулась она. – Чтобы вам, Вера Аркадьевна, в следующем месяце с ними не сидеть.

Когда к вечеру домой вернулся Алексей, бабушка поспе-

шила пожаловаться тому на Лену, отобравшую у нее всю пенсию. Вопрос денег стоял для женщины не так остро, как банальное желание получить поддержку от единственного внука, однако тот, к ее неприятному удивлению, не то что не заступился за бабушку, но еще и взъелся в ответ.

– Ну, забрала она твою пенсию, ба! Чего вопить? Я поражаюсь! Мы же тебя и поим, и кормим пока за внуками присматриваешь, чем ты недовольна?! Во, какие дела! Жена ж тебе русским языком сказала: на садик это, правнукам твоим. А то ты ж мне все мозги проела: «Я устала! Я устала! Ой, все тело ломит! Все отказывает!» Вот и вернешься в халупу свою старость в одиночестве доживать!

Жестокие слова внука больно резанули по сердцу любящей бабушки, и та наконец не выдержала: позвонила дочери и все ей рассказала, зайдясь горькими рыданиями. Услышав подробности о том, что сын наговорил ее матери, Жанна пришла в бешенство. Она бросила трубку, предупредив маму, что скоро будет, и вызвала такси.

Уже через полчаса Жанна ломилась в квартиру сына, настойчиво стуча по железной двери так, чтобы весь подъезд слышал. Когда Леша, щелкнув щеколдой, вышел на порог, он тут же получил мощный подзатыльник от разгневанной матери. Жанна влетела в коридор и тут же по всей квартире

раздались ее скандальные крики, а сама женщина кинулась с кулаками на сына и его испуганную жену.

– Ты как посмел со своей бабкой так разговаривать, а?! Щенок! У самого ни гроша своего за душой нет, одна квартира съемная, и та ободранная вся, так еще и на деньги пенсионерки позариться решил! А ты, Ленка? Халявы захотелось, а?! Да я тебе такую халяву сейчас устрою, что ты еще месяц на пятую точку сесть не сможешь! Еще раз узнаю, что мать мою обидела, я тебя, бесстыжую, за патлы твои по всему подъезду протащу! Ты меня поняла?!

С этими словами Жанна оттолкнула попытавшегося остановить ее сына и что есть силы зарядила невестке смачную пощечину – Лена тут же осела на пол, из глаз ее выступили слезы. Она возмущенно взглянула на безучастного Лешу, ведь тот не спешил заступиться за нее. Вместо этого парень боязливо покосился на мать, которая уже через секунду скрылась в соседней комнате. Там, приобняв правнуков, ждала Вера Аркадьевна. Взволнованная старушка пыталась успокоить плачущих деток.

– Бабушка! Не уезжай от нас, пожалуйста! – в унисон умоляли Света и Боря. Они очень любили Веру Аркадьевну, а за все то время, что она прожила с ними под одной крышей, привязались к доброй старушке еще сильнее.

Жанна тем временем распахнула шкаф и принялась в спешке собирать вещи Веры Аркадьевны. Ее руки тряслись от гнева, а сама женщина то и дело бормотала ругательства себе под нос, матеря нерадивого сына и нахальную невестку.

– Мама, на выход! Жди меня в коридоре, – скомандовала Жанна.

Вера Аркадьевна послушно поплелась в прихожую с повиснувшими на ее поясе правнуками, а ее дочь твердым шагом направилась на кухню, где в страхе продолжали «отсиживаться» Леша и Лена. Старушка продолжала успокаивать деток, поглаживая тех по волосам, чтобы до их ушей не доносилась та брань, что происходила между свекровью и невесткой. В коридор Жанна вернулась по-прежнему взвинченная, но довольная: в руке ее были деньги, которые она сразу же всучила матери.

– Пенсия твоя, мама, вся до копейки. Я три раза пересчитала, – сказала она, помогая накинуть старушке пальто. – А то этой мадам доверять нельзя – она та еще плутовка. Ты, мамуль, не переживай, образуется все. Лешка тебя больше не обидит, он с Ленкой своей у меня по струнке теперь ходить будет, прости господи...

После скандала Жанна забрала мать пожить к себе, чтобы та могла как следует отдохнуть и телом, и душой. Домой Вера Аркадьевна вернулась только через несколько дней, когда дочь окончательно убедилась, что пережитый стресс незаметно сказался на здоровье старушки.

Через какое-то время Леша все-таки позвонил бабушке, чтобы извиниться, однако сделал это сухо и неохотно: мать заставила, боялся он ее.

А после непродолжительного разговора парень и вовсе прекратил общение с бедной старушкой. Он так бы и забыл о существовании любящей его бабушки, если бы не дети. Света с Борей часто плакали и постоянно задавали вопросы о Вере Аркадьевне, упрашивая родителей отвезти их к прабабушке, и те были вынуждены пойти на уступки.

Так, добрая старушка вновь обрела душевное спокойствие, вернувшись домой, и продолжила нянчить любимых деток по выходным.

Соревнование

– Ты что, меня по мастерству обскакать решила? Задумала опозорить меня перед гостями? Да ты только продукты переводишь! Есть твоё месиво невозможно. Это же надо – в салат с ветчиной дыню добавить! А хвалят тебя просто из вежливости. Готовишь ты по книжкам, а я могу с закрытыми глазами за час обед из трех блюд приготовить. Гляньте-ка на нее, кулинар великий, повар недоделанный.

Ксения на курсе была лучшей. Ей удавались любые сложные блюда. Сокурсники всегда советовались с девушкой. Она идеально чувствовала баланс ингредиентов. К оформлению выпечки, салатов и даже супов Ксюша подходила творчески. Педагоги всегда хвалили старательную ученицу и пророчили ей блестящее будущее. Ксюша же упорно шла к мечте: она хотела стать известным поваром и устроиться на работу в какой-нибудь мишленовский ресторан.

У нее была еще одна цель на ближайшее будущее – посетить школу в Бордо. Кулинарные навыки Ксения постоянно совершенствовала.

Муж Ксюши, Влад, стремление жены совершенствоваться всегда поощрял. Мужчина имел стабильный доход, по-

этому жене ни в чем не отказывал. Ксюша часто баловала супруга китайской, японской, вьетнамской и европейской кухней. Поженились они почти сразу после школы, к успеху шли вместе. Влад два года назад получил предложение стать управляющим одного известного московского ресторана. Супруги купили собственную квартиру и автомобиль.

До недавнего времени у Ксюши со свекровью, Софией Сергеевной, отношения были ровные и даже теплые. Их объединяла страсть к кулинарии. Только София Сергеевна была самоучкой. Никаких институтов она не оканчивала, но своими навыками гордилась и по-матерински поучала невестку.

– Ксюша, вот неправильно ты варишь бульон со свиной! Если хочешь, чтобы он получился прозрачным, брось в кипящую воду очищенную луковицу. А если, наоборот, золотистым – репчатый лук кидай вместе с кожицей. Помыть только овощ не забудь.

– Спасибо, София Сергеевна, что бы я без вас делала! Мне действительно очень помогают ваши советы. Кстати, рулька, запеченная в фольге, у вас получилась просто божественной. Мясо во рту таяло.

– А как ты хочешь? Я уже больше двадцати лет у плиты стою, много чего умею. Раньше же у нас таких продуктов,

как сейчас, не было. Вон, в «эпоху дефицита» в магазинах практически ничего, кроме консервов, и найти было нельзя. А я умудрялась семью из пяти человек сытно и разнообразно кормить. Пока мы с Витей отдельную квартиру не купили, жили же с его родителями.

– София Сергеевна, а почему вы только русские блюда готовите? Ведь столько интересного всего в мире.

– Ты тараканов, гусениц или вот этих скользких морских гадов имеешь в виду? Б-р-р... Нет, нет ничего лучше наваристого борща да малосольной селедки.

Ксюша со свекровью никогда не спорила. Она уважала и даже любила Софию Сергеевну. Отношения разладились совсем недавно: невестка решила не общаться со свекровью после ее злой выходки.

Ксюша любила принимать гостей. Каждые выходные она накрывала праздничный стол и приглашала близких друзей. Раньше София Сергеевна такие мероприятия игнорировала. Женщина считала, что ей среди молодежи нечего делать. Когда Виктор Иванович, отец Влада, уехал в санаторий, София Сергеевна откровенно заскучала. Ксюша, желая развлечь свекровь, пригласила ее в субботу вечером в гости. Женщина предложение невестки с радостью приняла.

Если бы только Ксения знала, чем закончится это мероприятие.

Стол накрывали в гостиной. Фишкой таких вечеров были традиции. В этот раз, например, намечалась вечеринка в немецком стиле. Ксюша два дня готовилась к приходу гостей. Чего только не было на столе: лабскаус, маульташен, традиционные баварские колбаски, клопсы, печеная рулька и даже квашенная по особому рецепту капуста. В качестве напитка гостям предлагался настоящий темный карамельный лагер и пшеничное слабоалкогольное пиво.

София Сергеевна, увидев размах застолья, нахмурилась. «Надо же, деньги им некуда тратить! На все это, небось, бешеные тысячи ушли. А внука или внучку мне рожать не собираются, все резину тянут», – подумала женщина. При гостях своего недовольства София Сергеевна показывать не стала. Женщина решила устроить разнос сыну с невесткой после ухода гостей.

Свекровь и не ожидала, что стряпня невестки так понравится гостям.

Все наперебой хвалили блюда, просили добавку и откровенно напрашивались на ужин еще раз. Софии Сергеевне по-

чему-то стало неприятно: ее никогда не хвалили так само-забвенно и искренне. В душе свекрови стала закипать злоба. Сжав кулаки под столом, София Сергеевна закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов. Сейчас не время ругаться, нужно потерпеть.

А Ксюша, казалось, упивалась вниманием и похвалой гостей. Она охотно болтала с женщинами, рассказывала секреты приготовления белых телячьих немецких колбасок. Даже мужчины спрашивали у нее, в чем лучше мариновать свинину на шашлык. Было видно, что Влад гордится женой. Он на каждую похвалу в адрес Ксении широко улыбался и кивал головой.

София Сергеевна еле дождалась, пока уйдут гости. Вызвавшись помочь убрать посуду, она вместе с Ксюшей отправилась на кухню.

– Знаешь, дорогая, я считаю, что эти посиделки – лишнее. Я даже представить боюсь, сколько на один вечер вы тратите денег.

– Ой, София Сергеевна, пожалуйста, не волнуйтесь. На самом деле, не много. Вы не думайте, я умею экономить. Я же тоже работаю: у меня свой кулинарный блог на известном видеохостинге. От рекламодателей отбоя нет.

– Видела я, что ты рекламируешь. Второсортные магазинчики, где обычный хлеб продают втридорога. Еще и покупателей обманывают.

– Ну, зачем вы так, София Сергеевна? Я никогда не рекламирую что-то плохое. В этих магазинах мы с Владом сами закупаемся. У нас и карты скидочные есть. Вот вам, например, если понадобится что-то, позвоните нам. Мы за вами приедем и вместе за покупками съездим.

– Не нужны мне ваши эти широкие жесты. Что-то устала я... Сама посуду домоешь. Я домой хочу.

– Конечно, София Сергеевна. Обязательно в следующую субботу приходите. Я в судочки еду разложила, с собой, пожалуйста, возьмите. Не волнуйтесь, не со стола собирала. К еде никто не притрагивался. Сейчас Владику скажу, он с собой возьмет.

София Сергеевна с некой брезгливостью взяла пакеты с едой из рук сына.

Влад заметил перемену настроения у матери, но жене ничего не сказал. Ксюша выглядела такой счастливой, мужчине не хотелось расстраивать ее. Машина Влада остановилась

у подъезда. София Сергеевна сказала, что хочет зайти в магазин за стиральным порошком. Женщина чмокнула сына и стала ждать, когда его машина выедет со двора. Как только Влад скрылся из виду, София Сергеевна пошагала к мусорным бакам.

В контейнер отправились лотки с немецкими колбасками, капустой и клопсами.

София Сергеевна не понимала, за что она злится на Ксюшу. Ей не хотелось признаваться, что невестке она завидует. Ни муж, ни сын ни разу искренне не похвалили ее. Из-за стола всегда вставали с дежурной фразой: «Спасибо, все было вкусно». На Ксюшу Влад вчера смотрел восхищенными глазами, за обе щеки уплетая стряпню жены.

«Подкаблучник, – зло прошептала София Сергеевна. – В рот жене заглядывает, на поводу у нее идет».

Никакого желания вновь идти в дом к сыну в следующую субботу у Софии Сергеевны не было. Но все же посетить мероприятие она решила. Свекровь подготовила для невестки маленький сюрприз.

На этот раз София Сергеевна приехала к сыну на час раньше положенного.

Ксюша заканчивала с приготовлениями. Стол накрывался в лучших традициях Франции, Ксения планировала угостить гостей петухом, томленным в вине, жульеном, клафутти, картофельным gratin. Гвоздем программы были пышные круассаны и апельсиновое суфле. София Сергеевна в очередной раз удивилась, как невестка все успевает.

Пока Ксюша в гостиной расстилала скатерть и расставляла столовые приборы, София Сергеевна аккуратно расковыряла нисуаз, высыпала в салат большую щепоть соли и прикрыла ее ломтиками тунца и яйца.

Жульен свекровь щедро полила яблочным уксусом. Хотела бросить в форму, где томился петух, жгучий перец, но не успела – в кухню внезапно вошел сын.

– Мама, а ты что делаешь?

– Хотела немного поперчить птицу. От мяса обязательно должен исходить пряный аромат.

– Не надо, мам. Ксюша по своим же рецептам готовит. Французская кухня не должна быть острой. Пойдем, уже гости начинают собираться.

София Сергеевна сидела за столом с видом оскорбленной королевы. Женщина широко улыбнулась, когда у одного из гостей на зубах закрипела соль в салате.

– Ксюш, ты влюбилась, что ли?

– В каком смысле, Вадим?

– Салат очень пересолен. Или размешала, может, плохо? На, попробуй сама.

Ксюша, положив ложку в рот, тут же выплюнула салат в салфетку. Извинившись перед гостями, женщина схватила тарелку и выбежала на кухню. Влад недобро посмотрел на мать, София Сергеевна сделала вид, что не поняла его взгляда. Наличие яблочного уксуса в жульене тоже обнаружилось быстро. Гости не высказывали недовольства – наоборот, восхищались другими блюдами Ксении, но вечер для хозяйки был безнадежно испорчен.

София Сергеевна торжествовала: она смогла-таки спустить невестку с небес на землю.

После того, как ушли гости, Влад взял мать за руку и увел в спальню. Ксюша в это время рыдала в ванной.

– Мама, ты зачем это сделала? Зачем ты моей жене напакостила?

– О чем ты, не пойму? О каких пакостях речь?

– Мама, не делай из меня идиота. Я тебя с поличным поймал! Ты просто не успела испортить петуха!

Влад разговаривал громко. Ксюша услышала голос мужа и заторопилась в спальню.

– София Сергеевна, за что? Что я плохого вам сделала? Вы же всегда ко мне хорошо относились, помогали, поддерживали. Сейчас что изменилось?

– Транжира! Ты что, мне нос утереть решила? Соревноваться со мной на кухне вздумала? Да ты неумеха, и никогда не сможешь готовить лучше, чем я, даже не пытайся.

– Да вы о чем, София Сергеевна? Никто с вами не соревновался! Я просто пригласила вас в гости, вы же знаете, что я мечтаю стать поваром, поэтому учусь готовить разные блюда!

– Учится она! Похвалу ты у чужих людей выпрашиваешь да деньги моего сына на всякую дрянь тратишь! Вот я и ре-

шила тебя проучить, чтобы выше головы не прыгала. И еще: никогда больше не сочетай ветчину с дыней. Людей тошнит от таких композиций.

Ксения снова расплакалась и выбежала из комнаты. Влад не стал терпеть хамства матери. Мужчина холодно произнес:

– Я вызову тебе такси. Езжай домой. Больше без приглашения не приходи, теперь тебе здесь не рады. Я еще и отцу позвоню, обязательно расскажу про твою выходку.

– Я так и знала, что ты на ее стороне. Мать твою прилюдно унизили, ткнули носом в то, что она плохая хозяйка, а от тебя никакой поддержки! Да знать я тебя больше не хочу! Можешь и отцу пожаловаться, ты с детства рохлей был.

София Сергеевна не стала дожидаться такси. Громко хлопнув дверью, пожилая женщина вышла из квартиры. С сыном она решила не общаться. По крайней мере до тех пор, пока он вместе со своей женой перед ней не извинится.

Влад свое слово сдержал. Он в тот же вечер позвонил отцу и в подробностях рассказал о выходке матери. Виктор Иванович успокоил сына и обещал разобраться.

София Сергеевна прокручивала в памяти вчерашний ве-

чер. Вспоминая выражение лица Ксюши, женщина счастливо улыбалась. Раздался телефонный звонок, София Сергеевна подняла трубку и услышала голос мужа:

– Я буду дома через полчаса. Тебя, Соня, ждет серьезный разговор.

София Сергеевна испугалась. Виктора Ивановича женщина побаивалась. Нет, он никогда не поднимал руку на жену, даже голос не повышал. У него были иные рычаги воздействия на супругу.

В этот раз ожидания Софии Сергеевны не оправдались. Муж орал на нее так, что стены тряслись. Женщина пыталась оправдаться, но супруг ее лепетаний не слушал.

Из-за своей мстительности и эгоистичности лишилась летнего отдыха на море. Виктор Иванович сказал, что деньги, которые он планировал потратить на путешествие, еще вчера были переведены Владу. Сын с невесткой поедут во Францию, исполняя мечту Ксюши. А по их возвращении София Сергеевна лично принесет извинения сыну и невестке

Устами младенца

– Бабушка сказала, ты плохая, и пообещала, если папа уйдет от тебя, то она заберет нас с ним к себе и выделит нам комнату, – выдала мне дочь

Первый раз я вышла замуж в восемнадцать лет. Наивная девочка, посмотревшаяся сериалов и мечтавшая о такой же необыкновенной и красивой любви. Мне казалось, что мой избранник самый лучший на свете, что мы проживем вместе долгую счастливую жизнь и, конечно же, умрем в один день. Вот только любви нашей хватило ненадолго: уже через несколько лет мы, окончательно рассорившись, расстались. И не последнюю роль в этом сыграла его мама, моя драгоценная первая свекровь.

Что только я не вытерпела от нее: и упреки в том, что я ничего не умею, а на уме у меня только гулянья, и обвинения в том, что ее сынок похудел, стал нервным и издерганным. И, разумеется, ее коронное: «Села на шею моему сыну и ножки свесила. Куда так малюешься? Я вообще не пойму, ты в магазин собралась или на панель?»

Жили мы в отдельной квартире, снимали ее и оплачивали сами, но мама была у нас частым гостем и позволяла се-

бе все: выплескивала в унитаз еду, которую я наготовила на два дня, перебирала в корзине грязное белье и, оставляя там мое, стирала вещи сына. А еще она вытряхивала из шкафа прямо на пол неправильно, на ее взгляд, сложенное белье.

Надолго меня не хватило. Нет, сначала я терпела, пыталась найти с ней общий язык, помириться, но все было без толку. Я оставалась для нее неумехой, которая может только красить губы и хлопать ресницами.

Все мои попытки поговорить с мужем тоже ни к чему не приводили: он неизменно становился на сторону своей матери, а к тому же оказался невероятно жадным человеком и большим эгоистом. Не понимаю, как я раньше не заметила этого.

Зато после развода я ощутила себя по-настоящему счастливой, все-таки все познается в сравнении. Благодарна я этим людям только за одно: они ни в коем случае не хотели, чтобы у нас появлялись дети. Слава богу, мы ими не обзавелись, иначе все было бы намного печальнее.

Как бы там ни было, после моего первого брака прошло пять лет, и я решила, что пора сделать попытку номер два. В то время я работала на складе кладовщиком, а рядом с нами, фактически на одной территории, разместился автосер-

вис. Разумеется, мы с Сережей были знакомы друг с другом, часто встречались, здоровались, иногда перекидывались ничего не значащими фразами. Но потом как-то сразу оба поняли, что нам мало такого общения и хочется чего-то большего.

Сергей к тому времени был уже разведен. Он часто рассказывал мне о маленьком сыне, которого просто обожал.

– Почему же тогда вы развелись? – не удержалась я однажды от вопроса.

– Да понимаешь, как-то все быстро произошло. Всего через несколько свиданий Лена забеременела, испугалась, хотела даже избавиться от ребенка, вот мне и пришлось ускориться. А когда стали жить вместе, поняли, что совсем не притерлись друг к другу. Денег не хватало, хотя я работал днями и ночами, брался за все, даже таксовал. Но Лена хотела жить не по средствам. Она и сейчас требует от меня содержать Алешу, несмотря на то, что я исправно плачу алименты. Но мне не жалко, все-таки деньги идут на ребенка. Знаешь, Леша тебе очень понравится. Он хороший малыш и такой непоседа.

Так и оказалось. Правда, особо долгого знакомства у меня с Алешей не получилось: увиделись мельком, и все. Но, если

честно, меня это вполне устроило. Я хотела своих детей, а имея за плечами неудачный брак, теперь я твердо знала, что больше никому не позволю вмешиваться в мои отношения с мужем.

Виктория Анатольевна, мать Сергея, приняла новость о том, что он снова собирается жениться, вполне спокойно. И вообще, мне показалось, что она адекватная женщина, с которой я смогу найти общий язык.

Я очень волновалась, когда шла с Сережей к ней в гости, но все прошло более-менее нормально. Будущая свекровь выглядела доброжелательной, но несколько раз подчеркнула, что переживает за сына и очень хочет, чтобы он был счастлив.

– Для вас это будет первый брак? – спросила она меня.

– Нет, второй, – улыбнулась я.

– И дети есть? – Виктория Анатольевна выглядела растерянной.

– Нет, детей у меня нет.

Она заметно выдохнула:

– А у Сережи есть. Если честно, я очень надеялась на то, что Алешенька сумеет объединить своих родителей, но они оказались упрямые и глупые. Вот в наше время очень многие сохраняли брак ради ребенка. Все-таки он должен расти с отцом...

– Мам, ну не начинай, – попросил Сергей, оборвав ее на полуслове. – Что уже об этом говорить? От Алеси я не отказываюсь и всегда буду помогать ему. Но люблю я Алену и буду самым счастливым мужем на свете.

– Очень хочется в это верить, – кивнула Виктория Анатольевна и перевела тему разговора в другое русло: – А где вы собираетесь жить? Надеюсь, не у меня? Конечно, здесь нашлось бы вам место, все-таки квартира трехкомнатная. Но я бы не хотела этого. Я привыкла быть сама себе хозяйкой.

– Я тоже хочу быть хозяйкой в собственном доме, – успокоила я ее. – Сначала будем снимать жилье, а потом оформим ипотеку.

– Во всяком случае, на твои метры, мама, мы претендовать не собираемся, – добавил Сергей.

Вскоре мы с ним стали мужем и женой, а еще через год у

нас родилась Сонечка, маленькое солнышко, наша обожаемая доченька. Я видела, что Сергей очень боится, что с рождением малышки повторится история его первого брака, но я была не такой, как его прежняя жена. Я умело вела хозяйство, научилась разумно экономить, с удовольствием занималась с ребенком и чувствовала себя просто счастливой и любимой женщиной.

Постепенно некоторое напряжение, которое возникло между нами с мужем после родов, сошло на нет. Я не заставляла его работать на трех работах, не выматывала своими претензиями, и каждый раз он спешил домой, чтобы просто побыть с нами.

Иногда к нам приходила и свекровь, причем каждый раз внезапно. Мне казалось, что она хочет застать нас в самый неподходящий момент, например, во время ссоры или когда у меня беспорядок в квартире.

Но я не позволяла ей этого. Сонечка росла не таким уж и капризным ребенком, и я успевала делать по дому все. Перед приходом мужа с работы делала для него горячую ванну, а пока он расслаблялся и отдыхал, накрывала на стол. Потом мы вместе ужинали, играли с малышкой и укладывали ее спать. Это был наш нормальный, естественный ритм жизни. Выходные мы тоже проводили вместе: гуляли в парке,

устраивали небольшие пикники на природе.

Свекровь на это только качала головой и как будто не верила в то, что все это правда. Кстати, с Сонечкой она почти не занималась. Заглянет в детскую, десять минут поворкует с ней и идет пить чай. Зато какой замечательный у нее внучок Алешенька, я выучила просто наизусть.

Прошло еще несколько лет. Сонечка подросла и превратилась в маленькую лапочку, добрую и очень нежную. Сережа просто млеет и таял, когда она обнимала его своими руками и говорила о том, как сильно его любит.

Любознательная и общительная, она с удовольствием пошла в детский сад и прекрасно себя там чувствовала, я же вышла на работу, и теперь Сереже было легче содержать семью. Вероника Анатольевна по-прежнему навещала нас, теперь она чаще брала к себе внуку, могла даже оставить ее у себя на выходные, и поначалу меня это очень радовало. Во-первых, у нас с Сережей появлялась возможность побыть наедине, а во-вторых, мне очень не хотелось, чтобы Соня чувствовала себя обделенной бабушкиной любовью, тем более по сравнению с Алешей.

Вот только наша девочка стала очень сильно меняться и из милой маленькой принцессы превращаться в настоящую

фурию, капризную и злоую.

Я ничего не могла понять: вроде бы у нас все как прежде, вот я наклоняюсь поцеловать ее и пожелать спокойной ночи, но она отталкивает меня и кричит, чтобы я к ней не прикасалась.

– Соня, что с тобой, у тебя что-то болит? – не один раз спрашивала я у дочки.

– Нет, просто ты плохая. И заставляешь меня ходить в этот дурацкий садик. Ты меня не любишь!

Я пыталась поговорить с ней, объяснить, что в садик ходить нужно, что у нас с папой есть работа, а если мы будем постоянно сидеть дома, у нас совсем не будет денег.

– Ты же хочешь, чтобы мы покупали тебе конфеты, игрушки и красивые платьица?

– Хочу, – кивала дочка. – Но ты все равно плохая.

Меня это так расстраивало, что однажды я просто не смогла сдержать слез. Глаза Сони тут же округлились, и она сказала мне:

– Не плачь, мамочка. Хоть ты и плохая, я все равно тебя люблю.

– Соня, ну кто тебе сказал, что я плохая? – вырвалась у меня.

– Бабушка, – ответила мне дочка. – Она всегда так говорит. А еще она пообещала, что если папа уйдет от тебя, то она заберет нас с ним к себе и выделит мне отдельную комнату.

Я поцеловала дочь, почитала ей сказку, а когда она уснула, вышла к мужу и все рассказала.

– А ты уверена, что Соня ничего этого не выдумывает? – нахмурился Сергей.

– Знаешь, я только сейчас поняла, что Соня каждый раз становится невыносимой после общения с твоей матерью, – вздохнула я. – Я завтра же поговорю с Викторией Анатольевной.

– Не надо, – обнял меня муж. – Я сам поговорю и с ней, и с дочкой.

Не знаю, о чем он разговаривал со своей матерью, но с тех

пор она вообще перестала появляться у нас и даже звонить. Соня очень быстро успокоилась и уже не вспоминала бабушку, а еще снова стала милым, добрым ребенком, обожающим папу и маму.

Меня все это, конечно же, очень устраивает, и я не хочу ничего менять. И даже когда мы снова помиримся с Викторией Анатольевной, я больше никогда не позволю остаться ей наедине с моими детьми. Да-да, детьми, ведь у нас с Сережей скоро появится сынок, маленькая копия моего любимого мужа. Что ж, может быть, хоть это событие изменит характер свекрови, хотя я и не понимаю, что ее не устраивает. Или все свекрови такие? Не знаю. Я точно такой никогда не буду.

Меркантильная особа

Лена с Антоном активно готовились к свадьбе. Молодые люди встречались два года, прошли через многое: зависть, безденежье, болезни. Познакомились они еще в институте. После получения диплома стали жить вместе. Полгода скитались по съемным комнатам, не имея возможности снять даже однокомнатную квартиру в отдаленном районе.

Подруги и старшая сестра Лены убеждали девушку, что Антон ей не пара. По отношению к ним он был высокомерным, любил, когда на него обращают внимание, хвалят и ловят каждое его слово. Лена к ним не прислушивалась. Девушка искренне любила молодого человека. Он никогда ее не обижал, ни разу не повысил голос и не обозвал.

Лена встретила Антона почти сразу после расставания с мужчиной-тираном. Наверное, этот факт и сыграл ключевую роль: с Антоном девушке была спокойно.

С Ларисой Евгеньевной, матерью жениха, у невесты тоже сложились хорошие отношения. Женщина была обеспеченной, работала в крупной компании главным бухгалтером. Отлично зарабатывала, умела копить и приумножать капитал. С мужем она развелась много лет назад, воспитывала

сына одна, баловала и ни в чем не отказывала. Антон поэтому и вырос нарциссом, привыкшим к вниманию и заботе.

Лена, еще будучи в отношениях с абьюзером, твердо решила: какой бы сильной ни была любовь, важно иметь финансовую подушку и «тихую гавань», в которой всегда можно спрятаться от проблем. Она отказывалась выходить за Антона, пока не заработала на первоначальный взнос. Эти деньги были неприкосновенными; Лена еще полтора года назад открыла вклад в банке и вносила туда каждую свободную копейку.

Девушка в турагентстве тоже неплохо зарабатывала, не гнушалась брать подработки на фрилансе, лишь бы только быстрее осуществить свою мечту.

Свадьбу наметили на сентябрь, а уже в октябре Лена планировала покупать себе квартиру. Выходка свекрови чуть было не лишила ее мечты.

В августе Лена внесла на счет последнюю сумму, недостающую до ипотечного взноса. Теперь можно было приступить к организации свадьбы. Пышного торжества не хотели ни Антон, ни Лена. Молодые люди считали, что дорогой ресторан, карета, запряженная белыми лошадьми, и шоу фейерверков – лишняя трата денег. Планировали отметить рос-

пись в узком кругу, в небольшом, но уютном кафе.

За два года отношений Антон и Лена крупно поссорились всего один раз, и то быстро помирились. Девушка ценила молодого человека именно за отходчивость и умение ее успокоить. Жили они прекрасно, ссор на почве денег и быта не возникало никогда. Сразу же после того, как молодые люди съехались, они распределили обязанности: Антон моет пол и выносит мусор, а Лена готовит, отвечает за стирку, посуду и глажку.

Молодой человек не имел ничего против того, что его избранница копит.

все рассказы цикла можно прочитать в книге "Возмутительные истории" на Литрес

Он сам какую-то часть зарплаты откладывал. Лариса Евгеньевна тоже старалась не вмешиваться в жизнь сына и невестки.

Недопонимание между свекровью и невесткой возникло только один раз, когда Лена рассказала Ларисе Евгеньевне, что хочет сразу же после свадьбы брать квартиру в ипотеку и оформлять ее только на себя.

– Леночка, а почему ты так решила? Чувствую, что ты за-

ранее пророчишь развод и стараешься уберечь себя от раздела имущества.

– Ну что вы, Лариса Евгеньевна. С Антоном я всю жизнь прожить хочу. Просто считаю, что у каждой женщины должен быть свой угол. Мало ли что в жизни случиться может. Квартиру эту мы будем сдавать, а с арендной платы гасить ипотеку. Потом эта жилплощадь детям отойдет.

– Ну вот, видишь. Раз ты платить за нее сама не будешь, то пусть в квартире у вас с Антошей будут равные доли. Моя квартира тоже вам отойдет после моей смерти. Я обязательно напишу завешание, где укажу, что оставляю ее вам двоим.

– Лариса Евгеньевна, мне бы хотелось, чтобы квартира, на которую я сама собрала первоначальный взнос, была оформлена только на меня. И будет брачный договор, где я буду указана владельцем. Выплачу эту ипотеку, с Антоном возьмем еще одну и уже на него оформим. Вам не кажется, что так будет честно? Я полтора года по четыре-пять часов в сутки спала, работала без отдыха, чтобы взнос этот накопить. Антон ведь не вкладывался.

– Нет, не кажется. Ладно, вернемся к этому разговору уже после свадьбы. Там будем решать, как лучше поступить.

Лену разговор с будущей свекровью немного расстроил. Антон не предъявлял никаких прав на будущую квартиру. Лена спросила у него сразу, как он отнесется к тому, что ежемесячно она будет откладывать деньги со своей зарплаты на ипотеку. Квартира, на которую уйдет взнос, будет принадлежать только ей. Антон пожал плечами и сказал, что ничего против не имеет, и против брачного договора тоже.

Лариса Евгеньевна на невестку обиделась. В браке все должно быть общее, это ведь и в Конституции прописано. Антоша, получается, метрами будет обделен. Хитрая все-таки у нее невестка: платить за квартиру будут арендаторы, а принадлежать недвижимость только Лене?

Лариса Евгеньевна долго думала, что подарить молодоже-нам. Постельное белье, технику и другие бытовые принадлежности она отмела сразу. Сын и невестка имели стабильный доход, поэтому в случае чего легко могли себе позволить, например, новый холодильник вместо сломавшегося. Женщина знала, что Антоша давно мечтает о машине.

Женщина решила подготовить молодым к свадьбе особенный сюрприз. Она сняла со счета большую часть накоплен-ний и отправилась в банк. Кредитная история у Ларисы Ев-геньевны была идеальная, поэтому ей быстро одобрили ипо-теку под выгодный процент. Теперь ее Антоша не останется

без собственного угла. Кто позаботится о сыне, как не мать?

После росписи в загсе молодые поехали в кафе. Там их уже ждали гости. Подарков было много. Родители Лены преподнесли сертификат на покупку двух мебельных гарнитуров: спального и кухонного. Сестра подарила стиральную машину. Лариса Евгеньевна смотрела на всех торжествующим взглядом: уж ее-то по щедрости никто не переплюнет. Когда пришло время поздравить молодых, женщина вышла в центр зала, взяла в руки микрофон и произнесла:

– Дорогие Антоша и Леночка. От всей души поздравляю вас с бракосочетанием. Пусть этот день станет для вас самым светлым. Сегодня начинается новый этап в вашей жизни. Я искренне желаю вам счастья и хочу подарить особенный подарок. Пусть именно он станет для вас стимулом как можно быстрее обзавестись наследником. Ребенка ведь лучше принести из роддома в собственную квартиру, правда?

Лариса Евгеньевна открыла небольшую коробочку и достала из нее ключи с большим брелоком в виде домика. Протянула она их ошарашенному Антону. Лена тоже лишилась дара речи. Она и подумать не могла, что свекровь подарит им квартиру.

– Еще хочу спросить: как вы из квартиры будете добирать-

ся до работы? Негоже вставать на час раньше и толкаться в метро. Молодой семье я хочу подарить деньги на покупку автомобиля!

Все гости, собравшиеся на торжество, зааплодировали. Родителям Лены стало немного некомфортно: у них не было возможности сделать дочери такой подарок, а сватья расстаралась.

Свадьба прошла замечательно. Гости веселились, наперебой поздравляли молодых, активно участвовали в конкурсах. После танца молодых проводили и праздновали почти до утра.

Лариса Евгеньевна хотела сказать сыну, что квартира, которую она им подарила, была куплена в ипотеку. Но не нашла подходящего момента. Свекровь была уверена, что невестка откажется единолично выплачивать деньги банку. Ей нужно было обязательно посоветоваться с сыном. Два дня после свадьбы Лариса Евгеньевна молодых не беспокоила, пусть как следует наслаждаются обществом друг друга. На третий день утром женщина позвонила невестке и пригласила их вечером в гости. Сказала, что у нее есть важные новости. Лена ответила, что они с Антоном с удовольствием придут.

– Лен, а Антоша далеко?

– Вот он, рядом.

– Дай ему, пожалуйста, трубку. Сынок, привет. Мне нужно срочно с тобой встретиться наедине. Приезжай через час на набережную. Только Лене не говори, что я тебя на встречу позвала. Хорошо?

– Понял, мам. Хорошо.

Положив трубку, Антон «вспомнил», что обещал коллеге посмотреть ноутбук: тот во время работы стал сильно нагреваться и шуметь. Жене сказал, что вернется через час, мол, живет коллега в соседнем доме. Антон быстро собрался. Лена как раз закрылась в ванной, собиралась тонировать волосы. Антон вызвал такси и поехал на набережную.

– Мам, о чем ты хотела со мной поговорить?

– Сынок, тут такое дело... В общем, квартира, которую я подарила вам на свадьбу, в залоге у банка.

– Как это – в залоге у банка? Что это значит?

– Куплена она в ипотеку. Когда Лена сказала, что будет в октябре покупать квартиру и оформлять ее на себя, мне

стало обидно. Получается, живете вы вместе, ты деньги тратишь на нее, а она с тобой метрами делиться не хочет. Вот я и взяла квартиру для тебя. Можете в нее переехать из съемной, ежемесячно платить взнос банку. А как погасите ипотеку, я сразу же на тебя квартиру и переоформлю.

– Ты что, мам. Лена же не согласится. Она мне все уши прожужжала, что теперь и напрягаться не придется, что у нас на двоих аж две квартиры есть.

– Правильно, они есть. Как выплатите деньги, банк залог уберет и недвижимость в вашу собственность перейдет. У каждого будет по квартире.

– Не знаю, мам. Как-то это неправильно.

– Не спорь со мной. Я лучше знаю.

Лена торопилась к свекрови. Ей было интересно, что за важный разговор ждет их. Вдруг у Ларисы Евгеньевны припасен еще один приятный сюрприз в виде путевок за границу?

Разговор об ипотечной квартире Лариса Евгеньевна начала, когда они с Леной убрали посуду после ужина.

– Ну что, Леночка? Ты определилась уже, будешь в октябре квартиру брать?

– Да, Лариса Евгеньевна. Мы с Антоном уже смотрели несколько вариантов.

– И как? Что-нибудь понравилось?

– Да, приглянулся один вариант. Просторная «двушка» в хорошем районе. Рядом есть школа, детский сад, много магазинов, кафе, кинотеатры. Все почти в пешей доступности. Опять же, до работы нашей недалеко. Но там сумма чуть выше, чем я рассчитывала. Не знаю, одобрит ее банк или нет.

– Вы в свою квартиру когда переезжать собираетесь?

– У нас еще месяц проплачен. Наверное, дней двадцать еще проживем.

– Вот и отлично. Переедете, обживетесь, а когда погасите долг перед банком, можете и ремонт там по своему вкусу сделать.

– Где – там?

– В квартире, которую я вам подарила.

– А о каком долге вы говорите?

– Так это же тоже ипотечная квартира. Я ее специально для Антоши взяла. А то нечестно как-то получается: у тебя есть собственное жилье, а у моего сына нет. С твоей квартирой все понятно, выкупать ее у банка будут арендаторы. А за Антошину будете платить вместе. Закончится ипотека, я ее на сына перепишу.

У Лены от неожиданности из рук выпала кружка и разбилась.

– Лариса Евгеньевна, вы серьезно? Вы хотите на меня повесить еще одну ипотеку? Я не потяну, Антон тем более не потянет! Он зарабатывает почти в два раза меньше меня. На мне и так в основном все расходы, он только продукты покупает. Я же и за квартиру эти полтора года плачу, и за коммунальные. Ни разу у него денег не просила, он ведь тоже что-то откладывал.

– Я вам триста тысяч подарила. Если совсем хватать не будет, оттуда возьмете. Не жалуйся, Лена, я хочу как лучше.

Невестка категорически отвергла предложение свекрови. Антон, к сожалению Лены, встал на сторону матери. Он

впервые обмолвился, что тоже хочет собственную квартиру. Раз они семья, то пусть Лена поможет ему приобрести жилье. Молодые люди сильно поругались. Лена обиделась и собралась уходить.

Обуваясь, она услышала шипение:

– Я так и знала, что ты меркантильная, жадная до чужих денег особа! Ты и сына небось моего охмурила, чтобы к богатству, к деньгам моим поближе подобраться. Не выйдет! Вовремя мы тебя раскусили. Говорила же Антоше, что ты ему не пара. Ты почему меня не послушал?!

Слова, сказанные свекровью, глубоко засели в душу девушке. Антон домой вечером не явился. Проведя ночь без сна, Лена решила развестись. Пусть теперь уже бывший муж сам себе зарабатывает на квартиру. А с нее хватит.

Заботливая жена

– Я тебе женщину подберу на досуге в твоём вкусе, один не останешься! – заботливо ворковала бывшая жена. Мужчине покраснел

– Игорек, давай разведемся, – сказала жена, впорхнув в спальню.

Игорь опешил:

– Почему разведемся?

– Ты же сам все уже понял, – капризно протянула жена. – Мы совершенно разные люди. У нас нет никаких общих интересов, тебе со мной скучно, мне с тобой скучно. Квартира куплена на тебя, детей у нас нет. Разведут нас в пять минут. Подумай до завтра, зайка.

И жена ускакала.

Игорь подумал. В чем-то Вика была права. Женились они три года назад. Познакомились, как это водится, в социальных сетях. Вика окончила филологический факультет, работала журналисткой, постоянно пропадала на брифингах,

презентациях, показах мод. Игорь быстренько отучился в монтажном техникуме и начал работать.

Зарабатывал он очень неплохо. Как известно, в наше время рабочие, у которых руки растут из нужного места, зарабатывают лучше, чем кандидаты наук. Во всяком случае, двухкомнатную квартиру на окраине Москвы Игорь купил без проблем. Но он прекрасно понимал разницу между собой и женой.

Вика сама покупала ему костюмы, объясняла, как завязывать галстук, водила в модные театры и на концерты, объясняла, как следует воспринимать современные режиссерские идеи. Игорь кивал, иногда даже воспринимал, но все чаще отказывался. Дело было даже не в современных режиссерских идеях. Когда на улице зимой поработаешь восемь часов, тут уж не до театров. В ресторан сходить – еще куда ни шло.

Вика томно вздыхала и соглашалась:

– Давай хоть в ресторан сходим. Нет, этот костюм не подойдет. Это место модное, пафосное, нужно что-то пооригинальнее. И побриться надо. И ботинки не забудь почистить...

В общем, не отдых, а сплошная морока. Нет, иногда Игорь был не против и по-модному одеться, и галстук пафосный нацепить, и в баре зависнуть под настроение. Но не слишком часто: раза два в месяц. В отпуске, конечно, можно хоть каждый день.

Вика в итоге все чаще возвращалась домой поздно, когда Игорь уже давно спал крепким сном.

И вот теперь жена решила развестись. Игорь задумался. Вику он любил, но не удерживать же ее насильно. Детей у них нет, так что травмой их развод ни для кого не будет. Родители Игоря жили в Ярославской области, с Викторией они виделись только один раз – на свадьбе сына. И особо приятного впечатления невестка на них не произвела.

Трагедией их развод ни для кого не будет. На квартиру жена не претендует. Грустно, конечно, но не они первые, не они последние. Сейчас, как пишут в интернете, в течение года после свадьбы две трети браков распадается, а они три года продержались.

Развод был оформлен без проблем. Игорь остался в своей квартире, а вот где стала жить Вика – у родителей, коренных москвичей, или купила себе квартиру – Игорь не уточнял. В конце концов, не его это дело.

Вика позвонила через месяц:

– Игорек, ты, наверное, совсем там закис в своей холостяцкой берлоге. Питаешься небось одними макаронами.

– Нет, – пробормотал Игорь. Жена за это время приучила его к изысканной кухне, и он даже иногда готовил всякие борщи, пловы и уху из трех сортов рыб.

– Давай я тебя хоть в ресторан свожу, – сказала Вика, – нормально покормлю, в люди выведу.

Игорь ничего не понимал. Вика передумала? Решила помириться? Снова вернуться к нему?

Тем не менее он тщательно выбрал костюм в соответствии с рекомендациями жены и отправился в ресторан. Вика похвалила его наряд, была мила, очаровательна, спросила у бывшего мужа, не нашел ли он кого себе, критически оглядела зал и осторожно указала подбородком в сторону:

– Видишь, там сидит блондинка? Вон та, в голубом джемпере. Вот этот тип тебе подойдет.

– Она вообще-то с мужчиной, – заметил Игорь.

– Я же тебе не говорю, что тебе именно на ней надо жениться, – нетерпеливо возразила Вика. – Я говорю, что этот тип тебе подойдет.

В целом вечер прошел вполне мило. Вика сделала блиц-обзор последних театральных и книжных премьер, поцеловала мужа в носик и упорхнула, оставив его расплачиваться.

Через пару недель Вика объявилась снова, по телефону:

– Я работаю над проблемой, – сообщила она, – обязательно тебе что-нибудь подберу на досуге, в твоем вкусе, без женщины не останешься! – заботливо ворковала бывшая жена.

Мужчина покраснел и выключил телефон.

Однако бывшая как ни в чем не бывало перезвонила и продолжила:

– У меня приятельница есть. Как раз тот тип, что тебе подходит. Блондинка, не худая. Надо вам как-нибудь невзначай встретиться в каком-нибудь ресторанчике. Мы туда с ней подойдем, а ты с каким-нибудь приятелем приходи. Ну, напри-

мер, со Стасом. Посидим, выпьем, поговорим. Заодно и познакомитесь. Я вас представлю просто как общих знакомых.

Поведение бывшей жены все больше удивляло Игоря. Но, подумав, он все же решил отправиться в ресторан. Что ж костюму без дела пылиться. Поест в приятном обществе, на блондинку посмотрит.

К своему удивлению, Игорь обнаружил, что к бывшей жене он не питает абсолютно никаких чувств. Ни боли, ни ревности, ни сожалений. Поэтому почему бы не оттянуться.

Блондинка Наденька оказалась совершенно не в духе Игоря

Она весь вечер пыталась обсуждать роман «Зулейха открывает глаза». Игорь, конечно, благодаря бывшей жене, поднаторел в культуре, но «Зулейха» в ресторане – это уж слишком. Положение спасли Вика и Стас, которые весь день непринужденно болтали на какие-то легкие темы. На этот раз Игорь, правда, настаивал, чтобы каждый платил за себя. Но этот номер не прошел. За Вику заплатил Стас, а Наденька так надула губки, что пришлось заплатить. Не устраивать же скандал из-за трех тысяч.

Вика позвонила на следующий день.

– Да, я была не права, – самокритично признала она. – Надя тебе не подходит. Слишком заумная. Но ничего, я тебе что-нибудь подберу.

– Да не надо мне ничего подбирать! – взорвался Игорь. – Вика, тебе заняться нечем? Ты всегда говорила, что у тебя работы невпроворот. Займись своей личной жизнью.

– С моей личной жизнью у меня все хорошо, – сказала Вика. – Должна же я позаботиться о бывшем любимом мужчине.

По счастью, Игорь на следующей неделе уехал в Ханты-Мансийск монтировать оборудование для нового спа-комплекса и вернулся только через три месяца. Вика была тут как тут.

– Где ты пропадал? – спросила она. – Я как ни позвоню – абонент вне зоны доступа сети.

Это была чистая правда. Как выяснилось, заказчик строил свой спа-комплекс не в самом Ханты-Мансийске, а в каком-то санатории в глухой тайге, и связь там постоянно барахлила. К тому же Игорь был так замотан, что периодически просто отключал телефон, особенно после того, как он

зазвонил, когда тот стоял на лесах на высоте пятого этажа.

За время командировки Игорь изрядно одичал, соскучился по нормальным людям, поэтому с юмором описал Вике стройку и свои перипетии с телефоном.

– Боже, – ужаснулась Вика, – да ты теперь совсем мужик из таежного тупика. Надо тебя проветрить. Давай сходим в бар.

– Только никаких подруг! – поставил условие Игорь. – И никаких знакомств. Пообедать с тобой я не против, расскажешь мне, что в Москве происходило, только без матримониальных развлечений.

Но Вика, разумеется, оказалась с подругой, с которой, как понял Игорь, ему предстояло познакомиться. Это снова была блондинка, правда, на этот раз совсем «от сохи». Непонятно даже, как Вика нашла такую в своих интеллектуальных кругах. Игорь в конце концов взбунтовался.

– Вот что, девушки, – сказал он. – Я рад с вами посидеть, по коктейльчику выпить, но особо не увлекайтесь. Каждый платит сам за себя. Я только что из командировки, устал, часик посижу и пойду домой отсыпаться.

В итоге обе дамы, выпив раф, обиженно удалились. Раздраженный Игорь заказал себе водки и позвонил Стасу.

Со Стасом они дружили еще с профтехучилища. Стас, правда, после этого поступил в институт и сейчас уже оканчивал бакалавриат, утверждая, что без высшего образования даже на стройке тебе платить нормальных денег никогда не будут. Игорь, исходя из личного опыта, прекрасно знал, что это не так, но с другом не спорил. Хочется человеку иметь «вышку», средства позволяют – его дело. Стас оказался свободен и подъехал через полчаса.

– Тебе меня догонять надо, – приветствовал Игорь приятеля. – Пока тебя не было, я уже три по пятьдесят выпил. Не сидеть же мне просто так. Официантка уже коситься начала.

Стас быстренько опрокинул сто грамм и спросил:

– Чего ты меня так стремительно вызвал? Случилось что-то?

– Да нет, ничего, – ответил Игорь. – Зло меня взяло, бывшая достала. Ты ведь Вику помнишь?

– Ты что, с дуба рухнул? – удивился Стас. – Помню, я на вашей свадьбе был, мы несколько раз вместе в ресторан

ходили, да буквально три месяца назад вместе сидели. Вы, правда, к тому времени уже развелись. А что случилось?

– Да я никак понять ее не могу, – пожаловался Игорь. – Развелись, все по-человечески. Я ее не удерживал. А теперь она мне постоянно названивает. Нет, я иногда не против сходить с ней куда-нибудь в ресторан, в театр, на концерт. Она женщина красивая, эффектная, с ней не скучно. Но она вбила себе в голову, что должна меня снова женить. Вроде и хамить не хочется, но как ее в чувство привести, я не знаю. И не понимаю, зачем я ей нужен.

К тому времени друзья опрокинули еще два раза по сто. Горячее запаздывало. Приходилось закусывать всякими салатиками.

– Да я ей нужен, – ответил Стас. Его к тому времени изрядно развезло. – Она мне постоянно глазки строила, еще когда вы не развелись. Да и не только глазки. Ну и когда с тобой развелась, стала мне сразу намекать, что готова выйти за меня замуж. Зачем она мне? На ней жениться – разоришься. Вот, как ты говоришь, иногда переспать, в театр сходить, в ресторан – это можно. А тебя она, видно, на всякий случай на крючке держит. Ты же у нас безотказный: и в пир, и в мир, и зарабатываешь неплохо.

– Это несмотря на то, что человек без высшего образования не может зарабатывать нормальные деньги даже на стройке? – напомнил другу Игорь его же слова.

– В общем, мне твоя Вика не нужна, – продолжал Стас. – Фу, наконец-то горячее несут, а то я совсем окосел. Если хочешь, забирай ее обратно. Давай, что ли, еще по одной.

Игорь молча встал, бросил на стол несколько тысячных купюр и поспешно вышел. Еще не хватало вульгарный мордобой устроить с битьем посуды. Ноги у Игоря изрядно заплетались, тем не менее такси он как-то вызвал, до дома добрался, не влипнув ни в какую историю, и – как был в одежде – плюхнулся спать.

Неизбежная головная боль утром не помешала Игорю занести номера бывшей жены и бывшего друга в черный список. Через неделю он подписал договор на работу по монтажу бассейна в Новом Уренгое, а из Нового Уренгоя, не выезжая в Москву, сразу уехал в Крым. Заработанные деньги позволяли без проблем провести там все лето, да еще и бархатный сезон. Благо цены на отдых в Крыму упали.

Домой Игорь вернулся только в начале октября и начал приводить в порядок изрядно запущенную за это время квартиру. Все-таки почти восемь месяцев отсутствия хозяи-

на – это не шутка. Неожиданно зазвонил стационарный телефон. Когда-то Игорь его поставил исключительно ради родителей, которые упорно отказывались пользоваться ватсапом. В полной уверенности, что это звонит мама, Игорь поднял трубку. В телефоне раздался веселый голос Вики:

– Ну куда ты опять пропал! Домашний не отвечает, сотовый не отвечает. Представляю, во что ты за эти полгода превратился. Давай хоть я свожу тебя в приличную парикмахерскую.

– Спасибо, не надо, – отказался Игорь. – Я могу тебя поздравить со счастливым браком?

– С каким еще браком? – удивилась Вика. – За кого я, по-твоему, должна выйти замуж?

– За Стаса, конечно, – спокойно ответил бывший муж.

– Ой, ты все знаешь? – обрадовалась Вика. – Представляешь, он отказывается на мне жениться. Давай встретимся и все обсудим.

Игорь выдернул телефон из розетки.

Соседи

Андрюша, что мы теперь будем делать? Ты видел, кто у нас в соседях поселился? Надо же, я никогда бы не подумала, что Люсиная дочь – такая хабалка! И муж ей под стать – матерится как сапожник. Наверное, придётся в суд идти и принудительно заставлять их сносить ограждение. Как жаль, что Люся умерла и не видит, что творит её дочь-безобразница.

– Саш, ну чего ты, в самом деле, каждый день из-за этой клумбы слёзы льёшь? Да, я знаю, что цветы у тебя там росли дорогие, редкие, но это ведь не повод так убиваться! Давай я тебе в другом месте клумбу разобью, хочешь? Новые саженцы купим и весной заново их высадим.*** Александра Григорьевна не находила себе покоя: её любимое дело, хобби и заработок, в конце концов, было уничтожено новыми соседями. На дачу теперь совсем не хотелось ездить, чтобышний раз не сталкиваться с этими неприятными людьми. Андрей Игоревич свою супругу поддерживал, как мог: мужчина успокаивал рыдающую жену.

– Ну, идея на самом деле у меня всего одна: суд. Только там мы сможем доказать свою правоту. Ничто, кроме закона, на Нинку не повлияет, она же совсем на голову отбитая, ничего не боится.– Да как ты, Андрюша, не понимаешь: это же война между нами теперь, настоящая война! Где бы ты ни разбил клумбу, Нинка найдёт способ, как её испортить. Она

знает, насколько мне дороги мои растения, и не упустит возможности мне нагадить. Вопрос нужно решать радикально. У тебя есть какие-нибудь идеи по этому поводу?

Александра Григорьевна и Андрей Игоревич в браке жили уже сорок лет. Детей у супругов не было – Андрей Игоревич в детстве перенёс серьёзное заболевания и был полностью стерилен. Когда мужчина познакомился со своей избранницей, скрывать от неё правду не стал: он признался, что детей иметь никогда не сможет. Александра Григорьевна тоже особо чадолюбием не отличалась.

– Ну что вы, Александра Григорьевна. Справа у нас – дом ветеринарного врача, очень приличного человека. Его супруга – учительница, дети, мальчик и девочка – воспитанные, вежливые, живут они в посёлке постоянно. У нас настоящих дачников-то раз-два и обчелся, большинство жителей, так сказать, коренные, на зиму из своих домов никуда не уезжают. Женщина подумала и решила дать Андрею шанс и не прогадала: замужем она была как за каменной стеной. За сорок лет брака супруги смогли скопить приличную сумму и после выхода на пенсию деньги потратили на покупку собственной дачи. Домик выбирали долго: ездили по близлежащим посёлкам, каждый вариант тщательно осматривали. Александре Григорьевне приглянулся небольшой домик с чудесным фруктовым садом. Хозяйка недвижимости с продажей торопилась, поэтому реальному покупа-

телю была готова немного уступить. Александра Григорьевна, помня горький опыт, связанный с покупкой квартиры, напрямую у неё спросила: – Светлана Евгеньевна, скажите, пожалуйста, честно, какие у вас отношения с соседями? Понимаете, мы несколько лет назад с мужем покупали однокомнатную квартиру для сдачи и нарвались на абсолютно неадекватных соседей – через стенку жила семья алкоголиков, как я потом узнала, потомственных, пили все четверо. Мне очень важен этот момент, я не куплю роскошный дом, если по соседству живут ненадёжные люди.

Светлана Евгеньевна Александрю Григорьевну не обманула – соседи оказались действительно приличными людьми. Слева проживает Людмила Анатольевна, очень душевная женщина, отзывчивая, всегда придёт на помощь. Что примечательно, соседи у нас тихие, в пьянстве не замечены, дебошей не устраивают. Да пойдёмте, я вас познакомлю, сами посмотрите.

Сделку оформили быстро, хозяйка дома, получив деньги в полном объёме, уехала к дочери

В первую очередь супруги занялись благоустройством территории: Андрей Игоревич заказал два камаза земли и с помощью двух друзей разбил для любимой супруги несколько клумб, построил беседку. Александра Григорьевна приводила в порядок дом: у женщины часто возникала мысль переехать сюда насовсем. Андрей Игоревич тоже был не против: Александра Григорьевна и Андрей Игоревич стали по-

тихоньку обживаться на новом месте.

– Саша, ты же помнишь, что она устраивает? Два раза после потопа нам приходилось делать капитальный ремонт. Представляешь, если нас не будет дома, и она снова забудет вечером закрыть в ванной кран и уляжется спать? За несколько часов испортится всё, от потолка до пола и мебели. Те четыре раза мы как-то успевали сразу заметить протечку, я бежал к ней на этаж, громко стучал в дверь, бабка просыпалась и закрывала кран.– Саш, мы можем, конечно же, здесь жить, мне тут нравится. Только что делать будем с квартирами в городе? Ладно, однокомнатная, в ней квартиранты живут, за неё я не переживаю, ребята попались хорошие, ответственные, с ними проблем не будет. А вот с нашим жильём-то что будем делать? – Подожди, Андрюша, я не пойму, в чём проблема? Закроем квартиру, будем периодически ездить, её проверять. – Так-то оно так, только ты, наверное, забыла про Зою Борисовну? – Точно, – хлопнула себя по лбу Александра Григорьевна, – про неё-то я совсем и забыла! Главная проблема заключалась в соседке сверху: над супругами жила одинокая старуха девяноста лет с крайне сварливым характером. За последние три года выжившая из ума женщина топила квартиру Александры Григорьевны и Андрея Игоревича шесть раз!

А ты потом всю воду у неё с пола собирала. Как вспомню, так вздрогну! Саш, если мы хотим поселиться здесь навсегда, нашу квартиру нужно продавать.

– Ладно, давай тогда пока подождём с окончательным переездом, а через годик будет видно.

– Ты знаешь, Люся, когда я была молодая, то не особо переживала по этому поводу. Мой Андрюша, скажу тебе по секрету, детей иметь не может из-за проблем со здоровьем. Он от меня правду скрывать не стал, сразу всё честно сказал, предоставил мне право выбора. А я же ведь в него с первого взгляда влюбилась, я и не думала тогда о детях, мне было важно, чтобы он рядом был. Сорок лет мы с ним почти прожили. Счастливо, надо сказать, прожили, с ним я мир посмотрела.*** Александра Григорьевна особенно сдружилась с Людмилой Анатольевной – соседка была в разводе и жила одна. Женщины вечерами часто ходили друг к другу в гости и за кружкой горячего чая разговаривали о самом сокровенном. Как-то Александра Григорьевна затронула тему деторождения:

– Да, поссорились, да и не виделись, наверное, лет двенадцать. Нина вообще сложным ребёнком была, её бабка с дедом, родители мужа, избаловали. Свекровка меня терпеть не могла и дочке моей внушала, что я никчёмная, плохая. Что я дочери могла дать, работая здесь, в селе, за небольшую зарплату? Всё у нас есть: и здоровье вроде бы, и деньги, и жильё. А последнее время я, Люсь, все чаще думаю: кому всё это добро достанется? Сейчас, когда старость на хвост наступает, иногда нет-нет да и промелькнёт мысль: а кто нам с Андрюшей перед смертью стакан воды подаст? Детей-то ведь

нет. – Может быть, Саш, это и к лучшему, – задумчиво произнесла Людмила Анатольевна. – У меня есть дочь, и хочу тебе признаться, ничего в этом хорошего нет. Я, как мать, абсолютно не состоялась. – У тебя есть дочь? – удивилась Александра Григорьевна. – Надо же, а я и не знала, ты никогда о ней ничего не рассказывала. День рождения твой мы отмечали в узком кругу. Вы что, с ней поссорились?

Свекры в городе жили, уважаемыми людьми были, Нину баловали – у неё у первой в классе появился сотовый телефон, большая редкость по тем временам. А поссорились мы из-за того, что я её выбор не одобрила.

– Какой выбор?

– Да мужа, Гришку, не приняла. Моей всего восемнадцать лет было, когда она с ним познакомилась по переписке. Зятек мой будущий на тот момент наказание в тюрьме за убийство отбывал, жену свою молодую по пьяной лавочке зарезал. Нинка мне когда рассказала, за кого замуж собирается, я чуть от инфаркта не умерла. Естественно, запретила ей вообще к этому фрукту приближаться, но она меня не послушала, поехала к нему в колонию и там с ним расписалась.

– Да пьют они вместе, Саш, поэтому её всё и устраивает. Ладно, давай не будем о грустном. Три года к нему моталась, передачи возила, а потом этот красавец вышел и ко мне заявился: я, говорит, маманя, в вашей квартире жить с вашей дочкой буду. Ну, и выгнала я их. Александра Григорьевна ошарашенно молчала. Чувствуя, что пауза затянулась, жен-

щина произнесла: – Да ладно тебе, Люся, чего ты нос повесила? Если твоя дочка живёт с ним уже двенадцать лет, значит, ее всё устраивает. Может быть, Гришка этот – неплохой мужик, может быть, он исправился.

Зимой Александра Григорьевна лишилась близкой подруги – Людмила Анатольевна скончалась от сердечного приступа

Александра Григорьевна вернуться в посёлок смогла только ближе к лету. Хоронили женщину всем селом, Александра Григорьевна рыдала так, что у Андрея Игоревича защемило сердце. Мужчина решил две-три недели не привозить жену на дачу – пусть немного отдохнёт, успокоится, переживёт утрату. Присматривать за домом Андрей Игоревич попросил супругу ветеринара, Ксению.

Каково же было удивление женщины, когда она приехала на дачу в выходные и увидела четырёх ребятишек, играющих на участке покойной Люси.

Этой же ночью Александра Григорьевна и Андрей Игоревич проснулись от громкого шума. Александра Григорьевна тогда подумала: «Неужели в дом квартирантов пустили? Кто же распорядился имуществом Люсеньки?». От соседки, Ксюши, Александра Григорьевна узнала, что в дом заселилась Нина – её недвижимость отошла по наследству. В душе у пенсионерки заскребли кошки – хороша дочь, к матери на похороны не явилась, а от наследства отказываться не стала! Вспомнив рассказ подруги, Александра Григорьевна

расстроилась: если Нина с супругом пьют, то жизнь их теперь ожидает развесёлая.

Выскочив на улицу, супруги быстро нашли источник грохота: на крыльце соседского дома стояли две больших колонки, из которых на всю улицу раздавалось «Аттестат в крови, по бокам конвой». Немного поодаль стоял мангал, возле которого сидели мужчины и выпивали.

Две пьяные женщины выясняли отношения. Александру Григорьеву неприятно поразил тот факт, что в три часа ночи дети новых хозяев не спали: девочка и три мальчика принимали самое активное участие в этой вакханалии. Супруги решили не вмешиваться: они просто побоялись связываться с компании пьяных людей.

Нина во двор на следующий день вышла только к обеду: всё семейство, видимо, после вчерашней вечеринки дружно отсыпалось. Александра Григорьевна, увидев соседку, подошла и сказала:

– Здрасьте. Боюсь даже представить, что она могла вам про меня рассказать. Что надо?– Здравствуйте! Вы, видимо, дочь Люси, Нина? Она много мне о вас рассказывала. Меня зовут Александра Григорьевна, очень приятно с вами познакомиться.

Тон Нины Александре Григорьевне не понравился, она почувствовала в нём агрессию

– Да, Саш, наверное, ты права, огородиться от таких соседей обязательно нужно. Я за неделю поищу бригаду, кото-

рая сможет возвести ограждение, за несколько дней нужно ещё определиться с материалами.— Я хотела бы попросить вас ночами вести себя потише. Понимаете, мы с мужем встаём очень рано, возимся с садом и клумбами. Если можно, не включайте больше музыку так громко. — Почему я должна под вас подстраиваться? Захотелось мне послушать музыку — я её включила. И, кстати, почему здесь нет забора? Вы, между прочим, по моей территории ходите, я вам на это разрешение не давала. Забор надо ставить, чтобы некоторые любопытные личности свой нос в чужой двор не совали! Александра Григорьевна обиделась: вот хамка, грубит человеку, который ей в матери годится! Забор, наверное, действительно придётся ставить. Нужно этот вопрос обсудить с мужем. В воскресенье вечером супруги отправились в город. Андрей Игоревич, пока ехали домой, внимательно слушал жену. Мужчина согласился:

Александра Григорьевна действительно подала на соседку в суд, но дело проиграла: эксперт, проводивший межевание, подтвердил правоту Нины документально. Александре Григорьевне ничего не оставалось, как выкопать оставшиеся в живых цветы и перенести их в другое место. Возвести забор Александра Григорьевна с Андреем Игоревичем не успели. На следующей неделе, в среду, пожилой женщине позвонила соседка Ксюша и сказала, что Нина с мужем уничтожили её клумбу — ограждение поставили прямо посередине. В четверг рано утром Александра Григорьевна уже была на даче.

Увидев, что её любимые цветы помяты и растоптаны, женщина пришла в ужас. Не выдержав, пенсионерка бросилась к соседке – скандал вышел знатный. Нина кричала: – Ты кто вообще такая, чтобы мне указания раздавать? Забор я поставила чётко по плану, половина твоей клумбы находилась на моей территории! Я у себя во дворе никаких цветов видеть не хочу, поэтому я их ликвидировала. Забор мы поставили временный, ближе к осени возведём капитальный, кирпичный, и главное, высокий. – Немедленно убери эту грудку палок с моей клумбы, иначе я за себя не ручаюсь! – Не буду я ничего убирать. Ты клумбу разбила незаконно! Всё, разговор окончен, уходи! – Я в суд на тебя подам и заставлю в принудительном порядке снести этот забор! – Подавай, куда хочешь, я знаю, что права. К счастью женщины, Нина решила, что дом в посёлке ей не нужен, и быстро его продала. Новые соседи оказались приятными людьми, между участками поставили невысокое деревянное ограждение, которое устроило всех.

Мошенницы

– Вы же пенсионер с московской пропиской, у вас еще должна быть одна доплата. Давайте проверим по базе, покажите СНИЛС, – предложила сотрудница фонда.

– Сынок, у меня только что украли деньги, триста тысяч. И в полицию я не могу дозвониться. Может, ты позвонишь? – Андрей Петрович дрожащими руками нажал нужную кнопочку в ватсапе.

– Как я из Канады могу позвонить в вашу полицию? – раздраженно отозвался сын. – Что там у тебя случилось, говори толком. Я же специально тебе камеру над дверью поставил. И домофон у вас в подъезде есть. Дверь, что ли, взломали?

– Нет, из пенсионного фонда пришли и как-то ухитрились вытащить.

– Из какого пенсионного фонда? Кто живет в этой стране, ты или я? Зачем ты их вообще в квартиру пустил?

– Они сказали, что им надо какие-то данные уточнить, – жалобно промямлил Андрей Петрович. – А по ноль два я звоню, никто не отвечает.

– Конечно, не отвечает, – сказал сын. – Ладно, сиди, никуда не уходи, ничего не трогай, хотя вряд ли они, конечно, отпечатки пальцев будут снимать. Сейчас я позвоню знакомым, а они по обычному городскому в твое отделение мили-

ции позвонят. Может быть, кто-то и придет.

Полицейские действительно пришли. Через два часа.

– Рассказывайте, – сказал один из них.

Андрей Петрович стал рассказывать. Утром к нему позвонили в домофон. Женский голос сказал, что это из социального фонда, а может, пенсионного. Он не очень запомнил. Ему сказали, что в связи с очередным перерасчетом пенсий надо уточнить кое-какие данные.

Андрей Петрович отпер дверь подъезда, а затем и квартиры. Перед ней стояли две молодые женщины, которые представились сотрудницами пенсионного (или социального) фонда.

– И что же, вы у них даже удостоверений не попросили? – сурово спросил один из полицейских.

– Конечно, спросил! – возмутился Андрей Петрович. – Они мне их и показали.

Обе девушки действительно предъявили корочки, где были проставлены имена, стояла печать.

– Да, вот сейчас я вспомнил, – добавил Андрей Петрович. – Там было прямо написано, «Социальный фонд Российской Федерации». Там же стояли имена, фамилии, должности сотрудниц. Одну, вроде, Елена Леонидовна зовут, вторую Анна Петровна, но я точно не уверен. Я запомнил, что Лена и Аня, – рассказывал Андрей Петрович.

– Фамилии вы, конечно, не запомнили? – спросил полицейский.

Андрей Петрович покачал головой.

– Ладно, неважно, – махнул рукой страж порядка, – все равно удостоверения поддельные и фамилии ненастоящие. Они же не первый день мошенничают, чтобы настоящие фамилии писать. Дальше что было?

Дальше девушки надели бахилы, и одна из них прошла на кухню со словами «зачем мы у вас топтаться будем». Вторая встала в прихожей между комнатой и кухней. Два человека в кухню Андрея Петровича решительно не входили, да и табуреток на кухне было только две.

– Эта первая девушка, кажется, как раз Лена, достала бланки, – рассказывал Андрей Петрович, – ну, и стала все заполнять. Фамилия, имя, отчество, адрес, паспортные данные. Паспортные данные я наизусть не помню, пошел в комнату, достал паспорт.

– Откуда? – спросил полицейский.

– Из кармана пиджака, из шкафа.

– А деньги вы где держите? – спросил другой.

– Там же, в шкафу, в кармане этого же пиджака.

– Ну кто же так делает? – вздохнул полицейский. – Ладно, рассказывайте дальше.

Андрей Петрович принес паспорт, и мнимая сотрудница социального фонда внесла все данные.

– Она меня спросила, на сколько мне пенсию повысили, – рассказывал Андрей Петрович. – Я говорю, на шестьсот рублей. А она мне: «Да вас обманули с надбавкой, пенсию долж-

ны были на девятьсот пятьдесят повысить. Вы же московский пенсионер, у вас еще должна быть одна доплата. Давайте, мол, проверим по базе, где ваш СНИЛС?»

Ну я за ним и пошел.

– А СНИЛС вы, конечно, держали там же, где и паспорт, и документы на квартиру, и деньги? – иронично заметил полицейский.

– Нет, – горячо возразил Андрей Петрович. – Я СНИЛС в банке из-под леденцов держу, и там деньги на черный день.

Полицейский только махнул рукой.

– Ну вот, принес я СНИЛС, – продолжал Андрей Петрович, – они уточнили, сколько я плачу за квартиру, я сказал. Обе девушки хором воскликнули «А почему так много? У вас же должен быть возврат за капремонт. Где ваши квитанции?». Я за квитанциями пошел.

Полицейские слушали молча, и на их лицах застыло выражение покорности судьбе.

– Девушки очень возмутились, – рассказывал Андрей Петрович, – что я так много плачу. Говорят, не может такого быть: вы и пенсионер, и инвалид, у вас и скидка должна быть, и возврат средств. Наверное, у вас счетчики учета воды и электроэнергии не поставлены. Я говорю, нет, конечно, поставлены, давно уже, и электросчетчик двухтарифный, и в ванной водомеры стоят, и на кухне.

– И вы пошли на лестничную площадку смотреть на двух-

тарифный счетчик? – продолжил один из полицейских.

– Да, а как вы догадались? – удивился Андрей Петрович.

– А вторая мошенница, оставшись одна в квартире, спокойно открыла все ваши шкафы и достала записки, – продолжил второй. – Вы бы еще вместе с ней в пенсионный фонд съездили, а вторую оставили в квартире и ключи ей вручили. Учишь вас, учишь, рассказываешь, плакаты развешиваешь, по телевидению все время говорят, что не надо впускать мошенников, а вы им сами деньги на блюдечке с голубой каемочкой подносите.

Увидев, что Андрей Петрович уже готов расплакаться, полицейский прекратил читать нотации и спросил:

– Денег-то сколько было?

– Сто тысяч в пиджаке и двести тысяч в банке.

– Триста тысяч, – подытожил полицейский. – Остальное на месте? Паспорт, ключи, кошелек, банковская карта?

Андрей Петрович побежал по квартире проверять все.

– Паспорт вот, на столе лежит, ключи в тумбочке, а банковской карты у меня нет.

– А пенсию вы как получаете? – удивленно спросил полицейский.

– Ко мне приходит сотрудница пенсионного, ой, нет, социального фонда, приносит в начале месяца.

– Ну так заведите карточку, – сказал один из полицейских. – В следующий раз к вам придет такая же, якобы пенсию приносить, и вообще все вещи из квартиры вынесет. В

наши дни никому дверь открывать не надо. Только родным детям.

– У меня ребенок в Канаде работает и живет, – грустно сказал Андрей Петрович.

– Ну так и ехали бы к ребенку в Канаду, – мрачно проворчал полицейский, но тут же спохватился и сказал:

– Ладно, давайте брать отпечатки пальцев. Банку она явно открывала, на дверной ручке, может быть, что-нибудь тоже есть. Если это не первый случай, может, повезет, и задержим.

– У меня видеочамера стоит, – с готовностью подхватил Андрей Петрович, – сын установил.

– Видеочамера – это хорошо, – оживился страж порядка. – Какая фирма устанавливала?

Этого Андрей Петрович, конечно, не помнил: пришлось снова звонить по ватсапу в Канаду, узнавать телефон.

Оживившиеся полицейские позвонили в охранную фирму. В итоге один из них уехал выяснять, что записалось на камеру и записалось ли вообще, второй сел писать с Андреем Петровичем заявление о краже.

Потом приехала следственная бригада в полном составе, все засыпали порошком для снятия отпечатков пальцев мошенниц. Сняли отпечатки пальцев у Андрея Петровича.

– А это зачем? – слабо протестовал Андрей Петрович. – Я ведь точно себя не грабил.

– Вот для этого и снимаем, – объяснил криминалист, – чтобы ваши отпечатки исключить.

Это длилось почти четыре часа. Было подписано огромное количество бумаг, в которых нужно было указывать все данные: фамилию, имя, отчество, адрес, паспортные данные, и далее, далее, далее. На исходе четвертого часа у одного из полицейских зазвонил телефон.

– Похоже,дохлое дело, – сказал тот, обращаясь к Андрею Петровичу, – ничего ваша камера не зафиксировала. Похоже, она у вас давным-давно не работает. Можно, конечно, иск к тем, кто ее у вас устанавливал, предъявить, но это уже не к нам, а в суд.

– Мы, конечно, еще посмотрим видеокamеры на улице, но особо не надейтесь. Завтра подойдете в отделение, будем фоторобот ваших мошенниц составлять, – добавил второй.

На следующий день в полиции составили фоторобот, хотя Андрей Петрович мало что мог сказать. Оперативник только покачал головой:

– С таким фотороботом мы можем на улице всех девиц с пятнадцати до тридцати лет арестовывать. Мы, конечно, попытаемся, но вы особо не надейтесь.

Прошло три месяца. Видеокamеры возле подъезда зафиксировали две женские фигурки в темных очках и надвинутых на лоб шапочках, но это ничего не дало. По горячим следам мошенниц задержать не удалось. Андрей Петрович, следуя советам полиции и сына, завел банковскую карту и получает пенсию на нее.

Домофон Андрей Петрович отключил. На звонки в дверь

не отвечает. На звонки по телефону отвечает только если звонит сын или немногочисленные друзья. Последний раз, когда звонил сын, Андрей Петрович сказал:

– Знаешь, я иногда жалею, что это были мошенницы, а не грабители. Треснули бы меня по голове, и я отмучился. А какой смысл жить, если ты знаешь, что к тебе никто никогда не придет, дверь ты открыть не можешь, на телефонные звонки ты отвечать боишься? Какой тогда смысл жить?